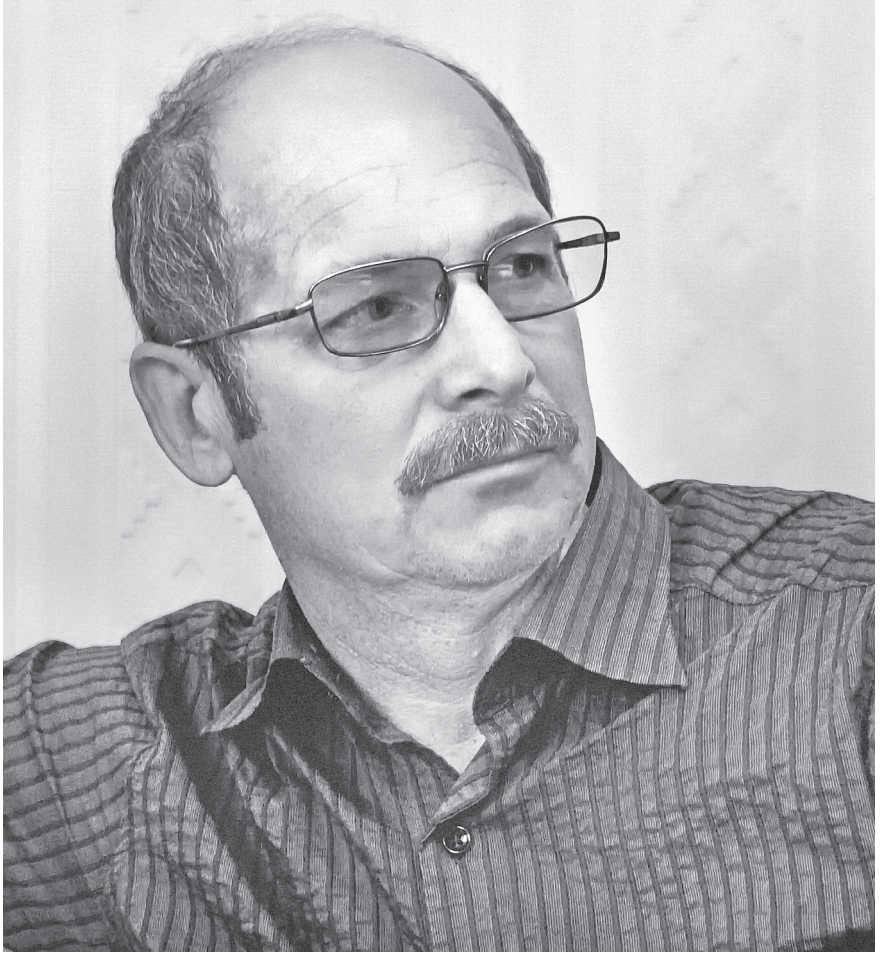

БИБЛИОТЕКА «ПИСАТЕЛИ-ЗЕМЛЯКИ»

Николай Александров

Я встретил себя

Болотное
2022

ББК 84(2=411.2)6
А46

**Проект Администрации
Болотнинского района**

Александров Н.А.

А46 Библиотека «Писатели-земляки»: Книга серии Болотнинских авторов «Я встретил себя». – Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2022. – 480 с.

Книга писателя-публициста, лауреата всероссийских и международных премий Николая Александровича Александрова знакомит нас с прозаическими и публицистическими произведениями, в которых рассказывается о прошлом, настоящем и о будущем. Читатель с удовольствием узнает много нового о нашем районе и о людях, живших и живущих на этой удивительно красивой и теплой земле.

ISBN 5–8402–0100–6

© Администрация Болотнинского района
Новосибирской области, 2022
© Александров Н.А., 2022

О, край родной! Чарующая даль,
Резных узоров скромная печаль,
Цветенье, аромат полей, прозрачность вод,
Березовая бледность и бездонный свод.
То Родина моя! Я здесь живу!
Здесь дом мой, мама и отец,
Холмы печального причала,
Здесь светлых дел моих венец
И доброму труду начало!
Здесь Родина моя! Я здесь живу!

Николай Александров

ПСАЛОМ

Поезд мчится – мчится – торопится, внимая моим нетерпеливым желанием, но вот хриплый динамик женским красивым голосом говорит:

«Следующая станция – Болотная!»

Эти слова в душном и натопленном вагоне звучат как псалом, оберег, торжественный и победный гимн, как увертюра к жизни вечной!

Болотная! – это мамины глаза, увиденные впервые в жизни и на всю жизнь, это сладкое молоко на подбородке, это тьякканье суетливой дворняжки и успокаивающее мычание коровы на заре, и мирный выстрел бича, и ласковая ругань пастуха, и скребущая по стеклу веточка черемухи, и папины шаги в коридоре...

Бо-лот-на-я – это перебор струн, мудрых и вечных, божественных и жизненных, как смех и слёзы, это песня сердца, которая, будто клавиши, перебирает листочки тополей и тает дорожной пылью вдалеке.

Болотная – это клуб Октябрьской революции, израненный бестолковыми пристройками, с утоптанной спортплощадкой, которая помнит щелчки метких городошников – знакомые всё лица, незнакомых людей – это из жизни детской, торопливой, но дотошно памятливей.

Болотная – это, в первую очередь, родная улица Линейная, единственная и гордая, с отсыпанным щебнем тротуаром, а прочие – все деревянные, с расхлябанными стыками. Это – мой дом, бревенчатый и двухэтажный, с двором, пахнущим сосной, креозотом и навозом. Это – соседка с первого этажа – тётя Катя – высокая, стройная и очень добрая, она не ругает, как мама, а только гладит мои упрямые вихры. Это – другая соседка – Ирка – ровесница, которая спит за

стеною, в такой же, как у нас, детской комнатке; мы любили играть с нею в «доктора» и в «магазин».

Болотная – это водонапорная красная башня на самом верху горы, с фундаментом из каменных глыб, которая, как мифический Атлант, держит небо над головой.

Болотная – это улицы, прямые, как девичьи косы, спадающие с холма вниз, к речке Болотной, таинственной и хитрой. Мало кто видел её, но знают все.

Болотная – это водокачка с прудовой дамбой, лежащей гранью между «до» и «после», ведущая в глубину задумчивого Бора – древнего, угрюмого и доброго. Он знает всё: обо мне, о тебе и о вечности.

«Станция Болотная! Конечная», – сообщает динамик.

Поезд сбросил ход, качнулся, скрипнул на входной стрелке, притормозил, подплыл к причалу перрона, и замелькали снежинки – снежинки – снежинки в огнях родной станции. И вдруг на мониторе вагонного окна, как ожидаемое, но всегда неожиданное чудо, появился железнодорожный вокзал, на фронтоне которого, под самой крышей, большими и ровными буквами написано: «Болотная».

Это значит – я вернулся! Это значит – я дома!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я родился ранним утром 2 октября 1955 года в родильном отделении Болотнинской райбольницы на улице Комитетской. И ничего бы в этом событии не было примечательного, кроме личной заинтересованности, если бы, спустя лет пятнадцать, я легкомысленно не признался маме, что помню, как я рождался. Мама поперхнулась холодным чаем, внимательно глянула на меня:

– Ты знаешь, сынок, раньше я думала, что ты отменный лгун, и тебе не редко за это попадало, пока я не поняла, что это не ложь, а твои фантазии. Но, Коленька, меру и в фантазиях надо знать.

И тогда я начал рисовать на листке внутренние пределы и коридоры родильного отделения, потом палату где со мной лежала мама, расположение кроватей и окон. Мама сидела с широко распахнутыми глазами и отказывалась верить очевидному и беспощадному сходству своей памяти.

– Ты там был! – догадалась мама. – И теперь морочишь мне голову!

– Да был, мама, рожал вместе с тобой! Ты о чём? Кто бы пустил меня в родильное отделение? А знаешь, почему я заплакал, когда родился? Мне было душно, я задыхался, от обиды и от страха я заплакал. Наверное, именно поэтому всю жизнь боюсь нехватки воздуха. А потом акушерка взяла меня за ручку и ножку и показала тебе.

Мама сидела в полуобморочном состоянии и сухими губами произнесла:

– Врач приподняла тебя, держа за ручку и ножку, и сказала: «Смотри, какой пионерчик родился».

Вот такая история.

В Болотном мы жили на улице Линеинной 3 в квартире под номером 4, на втором этаже. Это была чудесная постройка для железнодорожного персонала, и поныне хорошо сохранившаяся. У нас на втором этаже была большая русская печь с полатами, под нами на первом этаже – такая же: одна печь стояла на другой, представляете эту машину кирпича! Одна духовка выходила в коридор, и из неё по всей зиме торчали чьи-нибудь валенки. А в зале – круглая финская печь, покрытая чёрным металлом и одним боком выпирающая сквозь стену в детскую комнату. В просторном дворе – люк выгребной ямы и детская площадка, сооруженная нашими родителями, ведь в нашем четырёхквартирном доме жило семь детей.

А самая большая «тайна» скрывалась на тёмном и пыльном чердаке с двумя окнами на фронтонах, там хранились коробки с бумагами, трухлявая и сломанная мебель, всякие старые вещи, с которыми мы охотно и затейливо играли. Мне жаль, что нынешние дети лишены той свободы передвижения по улицам, чердакам, а главное, у них нет тёплой печи, на которой вкусно пахло овчинным тулупом, жареной картошкой с чесночком.

В первый класс я пошёл с восьми лет, потому что «октябрьских» в школу уже не принимали. Законы в те времена были умными и исполнялись строго. Наверное, папа мог бы договориться со школой, он работал следователем в милиции, но мама его остановила, а позже призналась мне, сказав, что я был совершенно бестолков и не годен для учебы. За последующий год, по словам мамы, я сильно изменился, посерьёзnel и пошёл в школу уже осознанно.

Но и в школу я попал не сразу, а с приключением. Мама была на смене, она работала дежурным по вокзалу станции Болотная, папа тоже на работе, а потому, отпросившись на часок, мама прибежала со станции домой, благо совсем рядом – двести метров, нарвала в своём пышно цветущем садике гладиолусов, сунула мне этот букет, и мы помчались на линейку. Ранец за спиной беспощадно про-

сил о бережном передвижении, тревожно брякая карандашами в деревянном пенале. Букет казался мне противным, и я ненароком опустил его вниз головой, за что тут же получил увесистую затрещину от скорой на расправу мамы.

Во дворе железнодорожной школы № 23 было очень многолюдно и даже тесно, но мама нашла плотную стайку моих одноклассников, я неловко вручил букет, кому было приказано, и после слов: «Вот, Коля, это твоя учительница, держись за ней, а я побежала на работу», – мама растворилась в сторону железнодорожного вокзала. Скоро залиvisto заголосил колокольчик, призывающий всех на урок. И все дружной и плотной массой ринулись в школу. Я же благополучно потерялся. Когда все расселись по классам, я остался стоять один с просторным фойе огромной школы, вертелся по сторонам, побрякивая назойливым пеналом в ранце за спиной. В классах началась переключка, это слышалось из-за всех дверей. Потом меня кто-то долго водил по классам, наконец-то, нашли мою учительницу, и всё наладилось.

В школе мне очень понравилось, особенно – одна девочка, звали её Рая Дворовенко. Я влюбился. Мало кто помнит, а я помню совершенно точно, не менее точно и в подробностях, не только как я родился, но и то, как я и когда я первый раз влюбился – 1 сентября 1963 года!

Потом была жизнь, как у всех, – трудная и весёлая, радостная и трагическая. Умер дед мой и покоится на болотнинском кладбище, на том, что у Западного переезда, там и сестра моя старшая, двенадцатилетняя, умерла от порока сердца. И будто что-то проросло через моё сердце, зацепилось за родную землю, уже – навсегда, до самого последнего срока.

Учился я хорошо, но когда после третьего класса моего отца перевели на работу в Новосибирск, то всё изменилось в худшую сторону. Я закончил с тройками школу № 22, сейчас Лицей 22 «Надежда Сибири» – школу, которая, на моё счастье, давала очень качественное образование даже тро-

Ул. Линейная, 3

ечникам! Так что, троечники, не теряйте надежду на счастливое будущее!

В Болотное я вернулся в 1975 году молодым специалистом и возглавил Районный комитет по физической культуре и спорту при Болотнинском райисполкоме. А дальше, уже в 1982 году, за строптивость и неуправляемый характер партийная власть изгнала меня из района и, казалось, уже навсегда.

Но ошиблись они, через тридцать пять лет я вновь в Болотном – теперь уже для того, чтобы создать книги по истории родного края и писателей-земляков. Одна из них моя книга – «Я встретил себя». Эта книга об интересных событиях и удивительных людях нашего района, крутых, сильных и своенравных – таких, какими и должны быть самостоятельные и независимые люди. И о себе, потому что недавно я понял, что никогда не уезжал из родного края... Сам-то уезжал, а душа теплилась здесь, на русской печке, пахнувшей теплым белёным кирпичом и парным хлебом.

Николай Александров

**Николай и сестра Неля
заглянули к отцу в кабинет. 1965 год**

Николай. 1966 год

С сестрой Нелей

**Николай.
1972 год**

Ул. Линейная, дома №1 и №2

С сестрой Нелей. 1972 год

Любимая Ирина

Любимый дом, любимая жена

**Министр культуры Новосибирской области В.И. Кузин
и директор НГОНБ С.А. Тарасова**

**Дворец съездов. В первом ряду Ольга Кривушева, Марина Ганичева,
Сергей Котьяло, Валерий Лазуткин.
Второй ряд – Александр Варющенко, Андрей Лукан,
справа – председатель СП России В. Ганичев**

**ВРНС Дворец съездов В. Лазуткин, Н. Александров,
В. Распутин, С. Распутина**

**Встреча с читателями.
Автограф**

**После встречи
дети выстроились
в очередь обнять
любимого писателя**

На фестивале в Красноярске с М. Тарковским

**Вручение Государственной премии Новосибирской области.
А. Шимкив, А. Травников**

**Пресс-конференция с министром образования
Новосибирской области С.В. Федорчуком**

Было

МАМА И МЕДВЕДЬ

А случилась эта история очень давно. Для участия в новогоднем маскараде мама сшила мне костюмчик зайчика. Костюмчик замечательный, из белой простыни, а на голове белая шапочка и два длинных уха. Дольше всего возились с ушами, даже папа что-то маракровал, но в итоге ушки научились крепко стоять на голове. Потом я тренировался прыгать по-заячьи, скрючив перед собой руки, и рассказывать стишок про зайчика-попрыгайчика.

На празднике в детском саду я всё сделал, как меня учили дома: и прыгал, и стишок рассказывал, всем очень понравилось, дети громко аплодировали, а Дедушка Мороз подарил мне конфетку.

Каждый год я надевал костюмчик зайчика и рассказывал стишок. Но прошло два года, и мой костюмчик стал мне мал. Я так подрос, что штанишки подтянулись до самых колен, уши надломились и висели перед глазами, а хвостик вообще куда-то пропал. Я и не жалел костюмчик, потому что очень хотел быть медведем. И ещё с осени приставал к маме, чтобы она сшила мне костюм медведя. Мама молчала, а потому я был уверен, что на Новый год буду медведем, и научился по-медвежьи рычать и ходить вразвалочку. Получалось очень правдоподобно даже без костюма медведя.

Наступили предпраздничные дни, мама достала костюмчик зайчика и приказала примерить.

– Мама! – возмутился я, – я хочу быть медведем!

– Потом, в следующем году, – ответила мама и подала мне заячий костюм.

Я его надел так лихо, что он затрещал по всем швам и мама огрела меня подзатыльником:

– Не рви! Надевай аккуратно!

– Ма-ма, – загнусавил я, – я медведем хочу быть...

Мама молча сняла новую мерку и начала подшивать штанишки из старой простыни. А я не унимался и выл, пока не получил ещё одного тумака. К вечеру костюм зайчика был готов, и мама приказала примерить. Я примерил. Костюмчик был ужасным: подшитые на ногах штанины выделялись белизной, одно ухо отремонтировали, но второе вставлять не хотело и падало мне на лоб, пуговицы стягивали грудь, выворачивались наружу, и было видно, что они все разного цвета.

На утренник я шёл без всякого праздничного настроения. В детском саду мама быстро передела меня в костюмчик зайчика и куда-то спешно ушла. Я спрятался в углу, а дети водили хоровод и рассказывали стишки. Дедом Моро-

Родной детский сад №15

зом была наша воспитательница, она увидела меня и, громко постукивая посохом, спросила:

– Что за зайчик спрятался в углу? Дети! Давайте позвоём играть с нами зайчика!

– Я не зайчик, – сказал я и заплакал.

– А кто же ты? И почему плачешь? – спросил Дедушка Мороз.

– Я медведь, – сказал я.

– Дети! – обратился к детям Дед Мороз, – кто к нам пришёл, зайчик или медвежонок?

– Зайчик! – закричали дети.

– Нет, – настырно сказал я, – я медведь!

– Ну, хорошо, – согласился Дед Мороз, – к нам пришёл медведь в костюмчике зайчика! Правильно? – спросила она меня.

Я кивнул головой.

– Ты расскажешь нам стишок или споёшь?

– Я буду рычать.

– Хорошо, внимание дети, слушаем медвежью песню!

Я скосолапил ноги и пошёл вокруг ёлки, громко и неистово рыча. Дети закричали и пошли за мной, тоже рыча и косолапя ноги. Получилось очень весело, и воспитательница – Дед Мороз подарила мне конфету.

Мы долго веселились, а потом пришла мама и спросила:

– Как тут мой зайчик?

– Он не зайчик! – закричали дети. – Он медведь!

Мама посмотрела на меня, и я понял, что дома меня ждёт угол, где я ревел совсем не по-медвежьи. Но мама мне ничего не сказала и в угол не поставила, только папе пожаловалась, сказала, что я весь в него – настырный и упрямый.

НАД РЕЧКОЙ БОЛОТНОЙ

Новый год, и я еду в Болотное, чтобы переночевать в пустой и тихой гостинице педколледжа, а завтра плодотворно и бойко отработать весь день. Так получилось не специально – именно четырнадцатого января мне была назначена аудиенция, но я и рад именно сегодня, в старонновогоднюю ночь, быть в родных краях. Меня очень манит мой город, и чем старше я становлюсь, тем сильнее эта тяга.

Мой город улёгся на гигантском холме, и не случайно по этому высокому, сухому и солнечному месту когда-то прошёл Московский тракт. А под горою, в болотных зарослях и среди надменных кочек, течёт речка, которую за её невидимость и смиренный характер так и назвали – речка Болотная. Потом люди перегородили её мощной дамбой,

Мама с сестрой Нелей

и явилось рукотворное озеро с незатейливым названием Водокачка, а за Водокачкой – сосновый бор, древний и прекрасный.

Московский тракт, вкатившись в город, стал улицей Московской, знакомой мне с детства всеми поворотами и чудаческими извилинами. Теперь ровно, с шипением она наматывалась на колёса послушной машины. И вдруг, подавшись минутному настроению, какой-

то секундной прихоти, я крутанул руль влево, и, свернув в сторону, машина будто поплыла по наклонному руслу широкой улицы к Водокачке. По заснеженной дороге я выехал на площадку бывшего стадиона, и вот он – мой величественный и вечный, как человеческая память, бор. Вот он, склон, почти обрыв, вот она, ширь огромного пруда подо льдом, а под ним течёт моя любимая речка Болотная.

Я вышел из машины. Заходящее солнце разукрасило снег яркими огоньками, а бор смотрит на меня из-под заснеженных бровей знакомыми глазами. Я шагнул к берегу, и миллионы искринок на снегу, будто живые пересемешники, побежали рядом. Я был не один, а в окружении стаи микроскопических зайчат, и, стоя здесь, в окружении детской оравы живых огоньков, напротив древнего бора, я вспомнил знойный день из далёкого и совсем малого детства. Тогда мне исполнилось четыре или пять лет. Мы пошли на Водокачку – я, мама и отец, который в те годы служил

следователем в милиции на станции Болотной. К Водокачке мы спустились по глиняному крутому косогору, который весь сочился родниками, а у воды, рядом с дамбой, стояла плотная и разомлевшая на жаре очередь за прогулочными лодками.

Отец показал всепобеждающий документ, и мы быстро получили вожделенную лодку. И вот случилось чудо – началось моё первое и самое настоящее путешествие. Отец уверенно взялся за вёсла и начал грести, а я от любопытства повис на борту и руку опустил в воду, и прохладная Водокачка побежала по моей ладошке. Мы развернулись возле шандорного водопада, мне было страшно – туда, в пасть обрыва, с грохотом срывалась вода, но лодка скоро презрительно отвернулась от него, и перед глазами вдруг возник сумасшедше красивый бор. Я его уже видел, ещё когда спускались к лодочной станции: он величественной стеной вековых сосен стоял, задумчиво глядя в тихие воды, но вот чудо – с воды он смотрелся просто сказочно!

Мы поплыли вдоль берега, от борта бежали волны, которые сонливо и нехотя качали таинственные сосны, а под бортом, если заглянуть в самую тень, слышалось простудное хлюпанье воды о деревянные, густо крашенные борта, которые приглушали весёлый и счастливый гомон далёких купальщиков.

А потом, когда мы проплывали под низким бревенчатым сводом Паинского моста, который ведёт дорогу в сторону Карасёва, то звуки ясного и прозрачного дня таинственно заглохли и произвели на моё сердце какое-то завораживающее впечатление.

Там, за мостом, было очень много лилий. Отец умело поворачивал лодку, что-то говорил маме, куда-то всё показывал, а мама выдёргивала из тёмной, настоящей на травах и корешках болотной воды раскрывшиеся крупные, влажно лоснящиеся и ослепительно белые лилии с длинными и сочными хвостами. И потом, пока мы плыли обратно, мама сплела венок и надела себе на голову. Она

была красивой, как сказочная и счастливая русалка. Будто королева, она восседала на корме, величественная и спокойная, осознающая своё природное всеилие, с солнечным раскалённым диском над головой и прозрачными каплями на руках и груди. На другом берегу теснились уютные, как скворечники, дома родного города, которые разглядывали меня и видели, какой я ещё, в сущности, бестолковый и суетный мальчишка. Мы возвращались, чтобы потом умирать и возрождаться, создавать прекрасное и грешное, любоваться и пробегать мимо важного, совершать и рушить. Путешествие в жизнь у меня было ещё впереди.

Я развернул машину и поехал, зная, что завтра, после томительной и спокойной ночи в тёплой и тихой гостинице с высокими и холодными сугробами на широких оконных карнизах, я буду рад пройти по улицам родного города и встретиться с вами, мои земляки. Я знаю, что очень скоро, летом, в тихий и знойный день новая молодая семья поплывёт вдоль величественного и таинственного бора, а их дети опустят ладошки в прохладную воду, и по ним побежит моя любимая речка Болотная... И так будет вечно.

Река Болотная, вид с дамбы

МАТЫ МОЯ

Почему и по какому поводу этот человек оказался в нашем доме, я не знаю, уж очень я мал был, годиков эдак пяти. Но не запомнить его я не мог. Когда он заходил в дверь, то невольно наклонял голову, на которой лежала выдавшая виды фуражка с тряпочным козырьком, из-под этой нахлобучки с неистовой силой и волей вырывались крупными кольцами чёрные волосы, и сам он был велик, особенно в плечах. Он стеснялся своего объёма и всё оглядывался по сторонам, чтобы не задеть или ненароком не зашибить кого.

Очевидно было, что мой отец, на ту пору милиционер на станции Болотная, сделал этому Великану какую-то любезность, думаю, вытащил его из криминального события. Время было послевоенное, и уголовный элемент, расправивший плечи во время войны, гулял ещё на свободе. Папа всегда отличался способностью выручать и помогать людям. Однажды, когда мы жили уже в Новосибирске, он поздно вечером, со смены привёл девушку, и она жила у нас полгода. Оказывается, она училась в юридическом институте, а ночевала на вокзале. Потом отец добыл ей место в общежитии, и она съехала от нас. Однако, всю жизнь, изредка, вдруг, будто ниоткуда, вновь возникала в нашей жизни «тётя Лида» – та самая девушка, которая после института дослужилась до высокой должности в Омской областной прокуратуре.

И мама наша не отличалась равнодушием. Работая дежурным по вокзалу на станции Болотная, однажды во время смены прибежала с какой-то женщиной домой, надёргали из нашего стога сена в мешки и умчались опять на станцию. Вечером она рассказала папе, что помогла семье,

которая переезжала на новое место и везла с собой корову в специальном вагоне. Сено кончилось, и вот женщина, когда случилась остановка в Болотной, подбежала к маме, и та, не долго думая, поделилась с нею запасами для нашей коровы Зорьки. Благо, мы жили совсем рядом с вокзалом на ул. Линейная 3. Только имени этой женщины мама не спросила, время стоянки было ограничено.

Великан ночевал у нас и спал на полу на кухне, его пегая кепка, будто банная шайка, висела на вешалке, а под пальто и плащами стояли его огромные, будто вёдра, сапоги-кирзухи. Я даже пытался залезть в один обеими ногами, но не смог, однако подобных сапог в своей жизни я больше не видывал.

Утром нас провожали все: и мама, и папа, и даже соседские дети – мы со старшей сестрой Наташей уезжали на две недели в гости к Великану в деревню Большечёрное. Ехали на полуторке, сестра в кабине рядом с водителем, а я с Великаном стоял в кузове, крепко вцепившись в передний борт у кабины, и смотрел вперед. Однажды я оглянулся, но пыль тут же напрочь забила глаза. Мы ехали долго, а мне было в радость, особенно когда берёзы наклонялись над дорогой, и нужно было ловко уворачиваться от веток.

В Большечёрное въехали уже изрядно пыльными и уставшими, ползли по деревенской разбитой улице медленно. Великан успевал кланяться или махать рукой знакомым, но вот машина притормозила, преодолела жутко разбитую дамбу пруда, потом немного натужно покряхтела, поднимаясь в горку, после чего Великан застучал по кабине. Машина пискнула тормозами и устало остановилась.

Мы с Наташей робели, а потому Великан пошёл вперёд, дёрнул калитку. К нему под ноги кинулась радостная собачонка, потом к нам, и вдруг откуда-то из-за угла раздался буквально визг, какой мы слышали от машинных тормозов:

– Зявився, чорт кудлатий! Де ти шлявся три дни? И коли повинен був повернутися?

Великан поманил нас к себе, мы подошли и увидели совсем молодую женщину, удивительно, по-детски стройную, в цветной длинной юбке, в белом переднике и белом, повязанном узелком на лбу, платке.

– Маты моя! – всплеснула она руками и кинулась к нам. Она что-то закудаhtала, заговорила часто непонятными словами, периодически всплѣскивала руками и голосила: «Маты моя!» И будто уже не было Великана, и для неё уже ничто не значило его шалопайство в сравнении с тем, что появились мы.

Мы скоро обвыклись в этом маленьком и удобном белѣном домике, нас отмывали тут же во дворе в деревянном корыте, «Маты моя» мылила и тѣрла наши податливые тела и всё говорила и говорила, какой-то скороговоркою, насколько не понятной, но удивительно ласковой. Она будто пела песню, приговаривая: «Ой божѣнько, як жѣ добрѣ, що вы добралысь. А сэрцѣ зранку чуло, що будуть в хати добри людь». Она суетилась и всё повторяла, какие мы хорошие и как замечательно, что приехали к ней в гости. С этого дня Великан исчез. Нет, он, наверное, был и в доме, и во дворе, но память его не зафиксировала, всё пространство заняла Маты моя.

Жили они вдвоѣм, детей у них не было; в небольшой горнице с двумя окнами стоял стол, тут же рядом русская печь, в которой Маты моя пекла хлебы в специальных формах. Буханки пышными поджаристыми корочками возвышались над формами, долго потом настаивались в сторонке и только вечером Маты моя не резала, а отламывала нам куски хлеба, и мы съедали его, запивая густым сладковатым коровьим молоком.

В хозяйстве молодой семьи значилась огромная свиноматка и десятка полтора маленьких поросят, которые ещё утром уходили со двора и бродили по деревне, наслаждаясь придорожной грязью, а то и вовсе уходили на весь день на деревенский пруд. А вот Боровок, круглый, как воздушный шарик, с проблеском чёрной щетины, всегда был во дво-

ре, он-то и стал объектом моего пристального внимания. И я всё-таки уловил момент и вскочил на него верхом. Мои ноги намертво прилипли к его круглым бокам, а руки схватили уши Боровка и не знали большей цепкости, чем в тот момент. Боров завизжал, подражая всё тем же тормозам полуторки, и помчался вперёд. Он не вилял, не обходил препятствия, а скоро и тупо нёсся по прямой, пока не врезался в робкую изгородь, отделяющую хоздвор от огорода. Я остался лежать под обломками изгороди, а с огорода неслось уже два визга. Когда я поднялся, то увидел, как Маты моя гналась за Боровком, а тот, минуя тропинки, метался по грядкам с зелёным урожаем.

Боровок скоро пришёл в себя, вспомнил дорогу и ринулся в пролом. Я отлетел в сторону, а Боровок забился в щель между амбаром и сараем. Не успел я подняться, как оказался в заботливых руках Маты моей.

– Сынку! Як ты? – она ощупывала мою голову и руки, – чы нэ пошкодыв тэбэ цэй дыккый кнур, тварынота клята?

Я со страху вмиг всё понял без перевода, отрицательно замотал головой и от пакостных чувств и понимания своей вины громко заревел.

– Напугал-таки, завтра же зарежу! Напугал! Ух ты, погрозила она свинье. – Гад ты эдакий!

Весь остаток дня я был окутан заботой, Маты моя обнимала меня, гладила по голове и подарила конфетку, впрочем, Наташе конфетка тоже досталась, но это не остановило её от предательства, и на следующий день она торжественно и прилюдно сообщила, что Борова убивать не надо, что это Коля его оседлал, после чего свинья и сошла с ума. За обедом все сидели молча, и со мной никто не разговаривал. Но эта экзекуция длилась недолго. После обеда я пошёл в туалет и провалился в круглое отверстие: не так чтобы весь, только одной ногой, но черпнуть нечистот я всё-таки успел.

Отмывали меня всё в том же деревянном корыте, но на этот раз с применением пучка полыни. Маты моя окунала

полынь в теплую воду и терла посрамленную ногу, а после унесла меня голого и спелёнутого в своем переднике в дом, сама вернулась драить мою обувь. Но как ни мыли меня, в доме воняло два дня, будто кто сдох в укромном уголке, пока хозяйка не прошлась по комнатам с пучком горячей соломы.

Вечерами мы сидели на крылечке, примостившись под тёплый бочок Маты моя, а та пела нам тонким и чистым голосом заунывные песни, глядя куда-то вдаль, за огород, в котором теснились яркие и пышные головки подсолнухов:

Вечорие. Здаля простяглися поля
 До Чумацького шляху бездонного,
 И зитхнула земля, як сповите маля,
 Пригорнувшись до обрию сонного...

Потом укладывала нас спать и всё гладила то по спине, то по руке, то по моей коротко стриженной голове и тихо напевала скороговоркою нечто крайне нежное и оберегающее: «Ходыть сон биля викон, а дримота биля плота...»

И вот прощальный обед, за нами приехал отец. Мы сидели в светлой горнице и Маты моя потчевала нас, суется между печью и столом, и всё говорила, какие «слухняни та хороши». На столе в коробочке теснилось два пузырька с солью и перцем, я ещё никогда не видел таких и решил посолить. Я не знал, что в крышечке есть специальные дырочки, открутил её, а закрутить не смог, видимо, резьбу забило солью, да так и поставил обратно, нахлобучив железную крышечку сверху. Наташа тоже решила воспользоваться услугой солонки, но она была постарше и уже знала про чудесные дырочки, короче, соль хлынула ей в тарелку.

– Маты моя, – всплеснула руками Маты моя, а отец нанёс мне позорную затрещину. Я заревел и выскочил на улицу. Меня настигла Маты моя, обняла, прижала к себе и что-то то ли заголосила, то ли завыла или запела, но так жалостливо и нежно, что я притих, замер в её объятиях и

Село Большечёрное

почувствовал такое ответное желание, что вырвался из её рук и кинулся ей на шею.

– Все, сынок, хватит прощаться, поехали, – отец шагнул к калитке.

Я ещё сильнее прижался к Маты моя.

– Ну, ты что? Не поедешь домой? – в шутку спросил отец.

И я отрицательно замотал головой и ещё сильнее прижался к милой женщине.

Я не помню её имени, мал был, но я запомнил на всю жизнь, что на украинском языке могут говорить только добрые мамы России.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Туманная сырость сменилась косым снежным дождём: крупные хлопья скатывались вниз, расчерчивая всё видимое пространство, и исчезали, едва касаясь земли. Устроившись на сеновале, Генка разглядывал обледеневшие ветви яблони. Ему было жалко их за покорную беззащитность. Не поворачивая головы в сторону друга, устроившегося рядом, он спросил:

– Слышь, Лёх!

– Чё?

– А как думаешь, деревья зимой умирают, или просто спят, как медведи?

Лёшка авторитетно засопел:

– Фиг их знает, может – мрут, а может – так стоят.

Они замолчали. Генка выглянул в окно и попытался посадить на ладонь какую-нибудь сытую, зазевавшуюся снежинку.

– Слышь, Лёх, – обернулся Генка.

– Чё? – устало отозвался тот.

– А на что снег походит, думал?

– Фиг его, на сахар, наверное.

– Иногда, и на мороженое, да?

– На мороженое? – Лёшка приподнял голову и посмотрел на друга, – редко.

– А на то, что около ОРСа* продавали по 10 копеек, помнишь?

– На него чаще, – сглотнул слюну Лёшка. – И ещё на апельсины.

– С чего бы? – удивился Генка, – апельсин жёлтый, снег белый...

---

* ОРС – Отдел рабочего снабжения.

– Зато вкусный, апельсин-то, – назидательно пояснил Лёха.

– Вкусный, это факт, – согласился Генка и вспомнил апельсин, каким его угощала соседка тётя Стеша. Он тогда с вожделением очистил яркий диковинный плод и съел его, сначала по дольке, а потом уже по полдольки, по кусочку, а кожуру надёжно припрятал в карман: руки ещё долго хранили терпкий аромат, а когда корочки подвяли, он спрятался за сарай и догрыз их до самой цедры. Генке на мгновение померещилось, что уличная прохлада вдруг запахла апельсинами. Лёшка, словно расслышав этот запах, заёрзал, вздохнул и принялся грызть травинку.

У Лёхи Лаптева была неровная, но яркая биография: вот уже второй год он крепко держался за парту 4А класса, нещадно матерился, дрался на переменах и достаточно ловко срывал уроки. Отчего вдруг опрятный и покладистый ученик 2В класса Генка Ракитин связался с Лёшкой, никто не понимал. Однако все пацаны к этой дружбе относились с уважением.

Лёшка неожиданно приподнялся, взгляделся в самый тёмный угол сеновала и спросил:

– Геша, а правда говорят, что Манька помрёт?

– Не знаю точно, но говорят, что помрёт, – задумался Генка, вспомнив о сестре.

Маша много дней провела в больнице, но на прошлой неделе её неожиданно привезли обратно. И в доме воцарилась настороженная тишина. По комнатам ходили и шептались незнакомые люди. Печь стояла остывшей и, казалось, пахло лекарствами. К обеду соседка тётя Стеша приносила холодные щи, Генка съедал несколько ложек и сбегал на улицу, где его ждал Лёшка, у которого всегда можно было разжиться куском хлеба и колбасы. Где Лёшка добывал колбасу, Генка не знал. Однако, по его словам, на мясокомбинате, на который работало полпосёлка, колбасы было – прорва. В самом посёлке колбасу не продавали, а вывозили специальным поездом

в Москву. Генка, кстати, гордился тем, что москвичи едят поселковую колбасу, и никак не мог понять, отчего взрослые без конца ругают какого-то «преда» и поселковый Совет.

Генка попытался выбраться из своего лежбища.

– Тише ты, – рассердился Лёшка, заслоняясь ладонью от поднявшейся сеной пыли.

– Слышь, Лёх...

– Чё?

– Ты мне друг?

– Ну.

– Откуда у тебя колбаса?

– А-а... – многозначительно ответил Лёшка и сплюнул сквозь зубы, и, словно беседуя с кем-то посторонним, спросил: – А ты пойдёшь колбасу тырить?

Генка прищурился и с азартом посмотрел другу в глаза.

– А вправду возьмёшь?

– А ты вправду пойдёшь?

– Пойду, а когда?

– Можно сегодня, можно потом.

– Ну, ясно, сегодня, – с трудом сдерживая восторг, прошептал Генка.

За сараем хлопнула калитка. Мальчишки насторожились и выглянули в окно. В огороде появилась тётя Стеша.

– Гена-а... – позвала она.

– Чё, тётя Стеш? – отозвался Генка.

От неожиданности женщина вздрогнула, невнятно ругнулась и наспех окрестила рот.

– А-а, вот вы где! Давай сюда, мать кличет. И этот басурманин с тобой? А, чёрт бесстыжий, а ну ступай по своим...

Лёшка выпрыгнул из окна и неспешно пошёл прочь. У калитки тётя Стеша вдруг остановилась, внимательно оглядела Генку и отряхнула с его шапки соломинки.

– Ты уж к Машеньке поласковее будь, Геночка, сам понимаешь, – она поглядела куда-то вдаль и вздохнула, – помоги ей, Господи.

Генка прошёл в дом, разделся и направился в комнату родителей. Пахло лекарствами и горечью. Маша сидела на кровати, подложив под спину подушки, она прикрыла одеялом исхудавшие плечи и попыталась улыбнуться.

– Здравствуй, Гена.

– Здравствуйте, – ответил Генка и посмотрел на отца, как бы ища помощи или подсказки.

– Ну, ты что, отвык, – отец приобнял Генку за плечи и попытался рассмеяться. – Ты что, Геша, подойди к сестре, Мария ждала тебя столько.

Генка настороженно присел на краешек кровати и занялся подсохшими мозолями на грязной ладошке.

– Ген, я всё хотела тебя спросить, – Маша коснулась его руки. – Ты наш секретик не трогал?

– Даже не касался, – ответил Генка и посмотрел на дверь.

– А ты что загадал тогда, скажешь? – попросила Маша.

– Кажись, пилотку солдатскую, как у дяди Саши, – видела?

– А я, знаешь, что загадала?

Генка пожал плечами.

– Я загадала, чтобы Лёшкины родители перестали пить навсегда.

– Фигня эти загадки, они вчера опять нажрались, – оживился Генка.

– Тебе Лёшка сам сказал или ты подслушал?

– Сам сказал, а ещё он говорил...

– Что я скоро умру, правда? – и она со спокойной надеждой посмотрела ему в глаза.

– Да.

– А он смеялся при этом?

– Что ты говоришь, доченька, – отец поднялся и зачем-то закрыл форточку.

– Нет, папочка, нет, – Маша ещё плотнее закуталась в одеяло. – И ты, Геночка, ты передай своему Лёшке, пусть он не смеётся и не ругается больше. А ты сам, сам учись

хорошо и не обижай хотя бы маму, и учти, мне оттуда всё будет хорошо видно.

Отец не выдержал, вытолкнул Генку из комнаты и позвал врача. «Господи, господи», – замолился кто-то на кухне. Генка остался один, равнодушно отодвинутый от происходящего. Мимо прошёл врач, задел его, извинился, взял его за плечи и поставил к вешалке, как какую-нибудь ненужную вещицу. Следом появилась тётя Стеша, и Генка попытался поймать её за рукав.

– Тётъ Стеша, а Маша оживеет?

– Господи, ну что ты говоришь-то?

– Тётъ Стешенька, ну, она не умрёт, не умрёт? – Генка уткнулся ей в живот. – А умирают – это как – насовсем?

– Ну что ты, сердешный, ну пойди к Лёшке, тот, поди, заждался, иди.

А Лёшка действительно ждал в условленном месте. Они молча, по-деловому пожали друг другу руки.

– Отпустили? – спросил Лёшка и циркнул под ноги.

– Сам ушёл.

– Как Манька? – сдержанно спросил Лёшка.

– Помирать собирается. Передавала, чтобы ты не мажучкался.

– Ага, понятно, сам придумал.

– Зуб даю, так и велела, накажи Лёшке, чтобы не ругался.

– Врёшь! – Лёшка развернулся и зашагал в сторону мясокомбината.

Посёлок ещё не спал. Во многих домах горели огни. А в самом конце улицы догуливала свадьба. Вскоре они оказались на окраине села, пробрались к бетонной стене мясокомбината и притаились в кустах.

– Лёха, чё дальше? – Генка осторожно выглянул из кустов.

– Тихо ты, спугнёшь, ждём теперь, – Лёшка прижал его голову к земле.

- Кого?
- Будешь молчать – увидишь!
- Ну, ты толком объясни! – разозлился Генка.
- Смена уже кончилась, щас полезут.

Генка ничего не понял совсем, оробел и притих. Лёшка сидел на корточках и с азартом слушал тишину, пока не нашёл в ней шелест настороженных шагов. Над бетонным забором появилась чья-то голова.

- Кто это, дядя Игнат, что ли? – обрадовался Генка.
- Тише ты, молчи!

Голова скоро исчезла, и на её месте появился мешок, который кто-то перебросил через забор и уронил в траву.

– Всё, Игнат через проходную пошёл, быстро, у нас пять минут.

Лёшка бесшумными кошачьими прыжками добрался до забора и принялся шуршать в потёмках в поисках мешка. Генка, подражая другу, опустился на колени и, перебирая влажную листву, пополз к забору. От страха и азарта он на какой-то миг позабыл, для чего ползает по сырой земле, но вдруг наткнулся на ещё тёплый брезентовый мешок.

- Есть, Лёха, сюда!

Генка с жадностью вцепился в мешок, точно гончая в зайца, и потащил его в сторону кустов. Лёшка подхватил свободный угол, и они помчались что есть духу прочь. Страх гнал их всё дальше и дальше...

– Ну, всё, всё, – остановившись, прохрипел Лёшка, – хорош бегать.

Они надёжней перехватили мешок и уже ровным и настороженным шагом пошли по посёлку.

– Геш! А ты мастак, с тобой дело пойдёт! – Лёшка неожиданно решился на похвалу.

- Я испугался сильно, – сознался Генка.

– Это ничего, обвыкнешь, первый бой всегда репой пахнет.

– Лёшка, как ты думаешь, дед Игнат тибрил или просто домой нёс.

- Ага, ему премиальные колбасой выписали.
- Ну, и как же он теперь?
- Ничё, ещё выпишут, не своё добро, не жалко.
- А если узнает про нас?
- Про тебя не знаю, а мне костей не собрать – убьёт.

Генка остановился и прислушался к улице.

- А вдруг он нас ищет?
- Ищет-свищет – не пахни, – Лёшка решительно сплюнул, дёрнул за мешок и они пошли дальше.

На другой день Генка вернулся из школы и ещё издали заметил открытые настежь ворота и красную крышку гроба, прислонённую к стене дома. На крыльце сидел Лёшка, подле стоял мешок с колбасой.

– Здорово! – сказал Лёшка и показал на мешок. – Твоя доля.

– А это зачем? – Генка потрогал тряпочку на гробовой крышке, словно подозревая, что Лёха прихватил её где-то по дороге для хозяйства, под картошку.

– Манька померла, вот зачем. Какой ты непонятливый. – Лёха разозлился.

– А мать что?

– Ничего. У гроба сидит, слезы не проронила. Тоже непонятливая. Бабы, и те говорят, что непорядок своё дитя не жалеть.

Лёха выругался и с какой-то предельной обидой сплюнул.

– Все вы тут малохолдные.

– А это ты зачем приволок? – Генка пнул ногой по мешку.

– Это на поминки. Я ведь на Маньке жениться хотел, почти шурином тебе, не чужой вроде. – Лёшка с притворной нежностью поправил воротничок на Генкином пальто и показал на мешок. – Берись, схоронить нужно где-то.

Они занесли мешок в дом и спрятали его в углу за вешалкой под старыми пальто и, не раздеваясь, прошли в комнату, посреди которой на лавочках стоял гроб. Маша

лежала под белой простынёй, а накрахмаленный платочек с васильками отчётливо оттенял пергаментный тон её лица, казалось, что сами складочки на платке и на белье намного естественнее и живее той полуулыбки, что застыла у неё на губах. В какой-то момент, ещё до того как пройти в комнату, Генка надеялся каким-то хитрым уголком своей души, что вся эта история ещё может обернуться шуткой, что Маша, вдруг, посреди общего отчаяния, поднимется из своего гробика и рассмеётся, но теперь, взглядываясь в её чужое, едва знакомое лицо, он всё яснее понимал, что её больше нет. Она ушла или спряталась, а вместо неё осталось что-то и нечто совсем другое, и такое, что никто вокруг не понимает, как с этим быть, что ему говорить, что делать, и как возле него ходить. И теперь он не удивился, теперь он понял, отчего мать сидит возле гроба, возле самого изголовья, совершенно отрешённая и растерянная, с лицом ровно таким же, как у покойницы, словно пытаюсь разгадать, что это и что теперь с этим делать.

Люди входили и выходили, но она ни разу не повернула к ним головы, она даже не слышала их, и они ничего не могли ей подсказать. Генка знал, что ему тоже нечего ей подсказать, и не то чтобы подсказать, а просто, что-нибудь сказать. Он понял, что ему неловко стоять посреди общего безделья и безмолвия, и вышел на кухню. Лёха пошёл за ним. Тётя Стеша рассадила их по стульям, точно пластилиновых мальчиков, и налила по тарелке щей.

– Поешьте спокойно и гуляйте на улице, – сказала она.

И вдруг эти щи, с нежной масляной плёночкой, показали единственно разумным и предельно рассудочным предметом во всём доме, и очень постыдным, и Генка заплакал. Лёха достал из-за пазухи полкруга колбасы, разломил его с таким сытным треском и протянул Генке.

– Заешь и терпи, видишь, я тоже не в себе.

Хоронили в воскресенье. Всю ночь и утро валил снег. «Покров», – говорили довольные люди, разглядывая снег, будто в этом слове таилась какая-то тайна.

В кузове старенького грузовика стоял гроб, забросанный еловыми ветками. Возле него на табуретках устроились мама и папа. Грузовичок затрясся, заскрежетал и нехотя тронулся в сторону кладбища. Бабки тревожно и дружно заголосили, словно соперничая с надсадным воем двигателя, и принялись бросать ветки под ноги идущим вослед. Генке вдруг захотелось поднять одну из них с ароматными шишечками, но отец грубо одёрнул его, а навстречу, из домов, выходили люди, снимали шапки и крестились.

Кладбище встретило тишиной, которая вдруг поглотила всё, что до этого шумело и двигалось: и надсадный гул грузовика, и вой старух, и шум шагов. Яма была готова: свежую глину вокруг могилки растоптали большими сапогами, и теперь она походила на безобразную пасть чудовища. Гроб поставили на табуретки, открыли крышку. Генке вновь захотелось отвернуться от беспомощности и бессмысленности происходящего, в котором взрослые люди существовали и действовали, точно отчуждённые механизмы.

– Поди, простиись с сестрой, – приобняла Генку тётя Стеша.

Генка не знал, как прощаются, остановился у гроба и, стараясь не глядеть на Машу, с недоумением обернулся в сторону тёти Стеши.

– Лоб целуй, целуй лоб, – прошептала она.

Генка решительно нагнулся и с осторожностью и гадливостью коснулся губами холодного и чуждого предмета и, не оглядываясь по сторонам, постарался как можно дальше отойти от могилы. Отчётливый стук молотка поднял птиц над кладбищем, и Генка отчего-то с завистью посмотрел им вослед.

Люди с кладбища шли молча, отделённые и независимые друг от друга, и такими же отделёнными и непричастными группами собрались во дворе. В комнате были расставлены столы с едой и водкой. Генку посадили и поставили перед ним тарелку с горстью кутьи и блином. Места за столами всем не хватало, и потому люди спешно вы-

пивали, закусывали и уходили покурить во двор, а их места занимали вновь прибывшие, ели неохотно и равнодушно, выпивали молча, а редкие живые разговоры, вдруг возникшие где-нибудь в углу, так же вдруг прерывались и тонули в общем оцепенении и неловкости. Генка попытался спрятаться от этого механического мира в детской, но там, точно на вокзале, пахло хлоркой и мокрой одеждой, наваленной на кроватях, и тогда он вспомнил про колбасу. Ему показалось, что такая диковинная и вкуснейшая редкость способна обрушить всеобщее недоумение и вернуть застолье к привычному и живому ходу. Он добыл из тёмного угла мешок, потащил его в комнату и поставил возле матери.

– Мам, – с надеждой сказал он, развязав мешок. – Мам, это вам на поминки, – и Гена выложил на стол круг колбасы.

Люди притихли.

– Что это? – отстранённо спросила мать.

– Как что? Колбаса. Людей порадовать.

Мать с недоумением взяла круг колбасы и вдруг прокусила его зубами и жалобно завыла. А Генка не испугался, он крепко обнял её и заплакал вместе с нею.

МАМИНЫ ЦВЕТЫ

Мой отец напрочь отказался подрабатывать, то есть иметь дополнительный заработок. И причина была одна – он служил милиционером. Жили мы скромно, потому что зарплаты были невысокими, но всякий раз, когда мама настойчиво и с нескрываемым напором пыталась заставить отца найти подработку, он категорически отказывался и говорил:

– Как ты себе это представляешь? Днем я ловлю воров и преступников, а вечером иду калымить? Я – милиционер, и могу работать только в милиции.

Так и было. Отец был милиционером всегда. Помню, мы с ним трудились в огороде, когда я увидел, как какой-то мужчина пытается залезть в дом соседей. Отец подкрался и настиг вора, когда тот уже наполовину влез в форточку, он вытащил его за ноги, повалил на землю и с хрустом завернул ему руки за спину.

Вечером соседи пришли с благодарностью и бутылочкой водки. Родители накрыли стол, и отец рядом с соседской бутылкой вдруг водрузил свою, точь-в-точь такую же беленькую. Захмелели они изрядно, потом беспощадно орал песни, но не принято было в те времена получать мзду за совершённое добро, которое не умолялось расплатой, а оставалось добром навсегда, что называется – от души.

А мама, напротив, очень много подрабатывала. Она удивительным образом умела делать цветы из гофрированной бумаги. Потом окунала их в горячий жидкий воск, и они замерзали навечно в траурных венках и надгробной окантовке. Сколько помню свое детство, оно прошло с видом на венки и цветочные гирлянды, которые мама плела, чтобы украсить периметр гроба. Иногда мама сидела всю

ночь напролёт и плела, что-то мурлыча себе под нос, но так, чтоб отца не будить. Я пробегал по широкому коридору в туалет, заглядывал в открытую дверь, за которой мурлыкалась песня, а потому и запомнил её ночные труды.

А потом умерла моя сестра, ей только исполнилось двенадцать лет, от врождённого порока сердца. В те времена было принято фотографировать не только свадьбы, но и похороны. На сохранившихся фото у гроба сидит осунувшийся отец, а мама безучастно смотрит перед собою в гроб, в котором я с трудом узнал сестру. Я тогда ещё не знал, что человек без души страшен. А цветов нет, периметр гроба пуст.

И ещё я запомнил эту неловкую растерянность взрослых людей, которые бестолково топтались у гроба, и шёпот старух:

– Нехорошо это, когда мать своё дитя не жалеет, слезы не проронила.

– Грех-то какой, по родному дитю слезу жалеть. Нехорошо это, ох и нехорошо.

Мама не плакала и цветы сплести не смогла, так без слёз и цветов похоронила дочь, только выщвела на утро мать добела, до самых корешков, потому что сил на горе не хватило, оно в самое сердце ушло, там и осталось...

ПОЮЩИЙ САРАЙ

В Болотном на улице Вокзальной, которая недолго тянет-ся вдоль железнодорожного полотна мимо вокзала, по одну руку была большая привокзальная столовая, подозреваю, что построили её ещё до революции, и кормила она бурный поток переселенцев, для того и имела очень обширную прихожую с гардеробом и многооконный столовый зал. Далее, в таком же одноэтажном и ровном, будто из калиброванных брёвен, доме располагалась железнодорожная милиция, за ней – интернат, далее – «отдыхаловка» для поездных бригад из Тайги, а потом уже – детский сад и вечерняя школа – и всё ровный ряд бревенчатых домов.

А по другую сторону от вокзала сначала шли два или три жилых дома всё из тех же супербрёвен, отчего дома казались совершенными близняшками, а потом – детская поликлиника и детский сад № 15. Во дворе второго дома был сооружен сарай, но не обычный для здешних мест, а из цельных бутылок, натканных в раствор цемента, и форма этого сарая была весьма необычна: полусфера около трех метров в высоту в верхней точке и метра три диаметром по земле. Сарай походил и на полузакопанный в землю футбольный мяч и одновременно – на ежика, потому что бутылки из раствора торчали горлышками вверх. Вход в сарай зиял, немного отвернувшись от жилого дома. Уже позже я понял, что такое расположение входа позволяло преобладающим юго-западным ветрам держать площадку перед сараем всегда в чистоте и опрятности.

Говорят, что первый дом из бутылок появился в Штатах в 1902 году, а сейчас их около тысячи на земле, но все эти постройки тупо одинаковы: наружу торчат доньшки бутылок.

Наши мужики пьют, конечно, много, но значительно меньше американцев, а потому бутылок хватило только на сарай. И в отличии от тех же американцев, у нас в СССР бутылки принимались в специализированных пунктах, и стоила одна бутылка 12 копеек. Для сравнения скажу, что буханка чёрного хлеба тогда стоила 16 копеек, а белого – 24 копейки (то есть две стеклотары), бутылка вина – 1 рубль 30 копеек (одиннадцать стеклотар), а бутылка водки – 3 рубля 62 копейки (тридцать стеклотар). Поэтому у строителя сарая всегда было искушение сдать бутылки и выпить, но он их тратил рационально.

Хозяин бутылочного сарая – высокий и худой мужчина, я его помню, детская память цепкая, служил инженером на станции и имел крайне много неприятностей из-за своего изобретения. Как только поднимался ветер, сарай начинал петь, а если случалась метель, то какофония была жуткой, вой накрывал привокзальную площадь и наводил тоску на людей.

Я никогда бы не заприметил этого сарая, потому что имел характер крайне неусидчивый и легкомысленный, но в этом же доме жила моя одноклассница, которая по совместительству стала и моей первой любовью, и звали ее Рая Дворовенко! Я был в нее влюблен, то есть отдергал ей все косы – таким варварским способом я выражал свои искренние мужские чувства. Думаю, Рая с ненавистью запомнила меня на всю жизнь. После третьего класса моего отца перевели в Новосибирск, мы собрались и уехали, и сердечная рана как-то сама собой зарубцевалась, а потом и шов рассохся.

Теперь я ищу свидетелей, тех, кто помнит этот сарай. К сожалению, мои одноклассники, кого я знал, все померли, и я обратился в Краеведческий музей, который, по случаю, расположен совсем рядом от места, где стоял этот поющий сарай. И вот случилось чудо: работники музея неожиданно напали на след моей одноклассницы, которая когда-то очень давно открыла счет моим легкомысленным влюблен-

ностям – Раи Дворовенко. Но мне почему-то подумалось, что в этом есть какой-то недобрый знак – через шестьдесят лет встретить свою первую любовь! Может, не надо встречаться, но опять-таки, а кто подтвердит, что был такой стеклянный сарай, похожий на обсерваторию, и вспомнит имя этого чудака-инженера из Болотного? Только она – моя первая любовь, которая отомстить мне уже не сможет: я полысел.

Железнодорожная милиция, в которой работал мой отец, находилась недалеко от дома со стеклянным сараем, но с другой стороны вокзала. Во дворе милиции была своя городошная площадка, и мой отец и другие милиционеры в широченных галифе кидали деревянные палки с насаженными по всей длине металлическими кольцами. Значительно позже понял, что кольца – для прочности, но именно эти кольца и делали для нас городошный спорт непосильным.

Следующее, но в точности такое же одноэтажное бревенчатое здание – это интернат для детей. Дети учились в 23-й железнодорожной школе и следили за очень богатым яблоневым садом. Вот этот сад никак не давал нам покоя: осень проходила в боевых действиях между сторожихой и пацанами с нашего двора. Но труднее всех приходилось мне, потому что наш огород упирался в высоченный забор интерната, и в щели была видна аппетитная розовость полукультурок.

За интернатом располагалась «отдыхаловка» для поездных бригад из Тайги, а потом уже детский сад и вечерняя школа, в которой работала знаменитая писательница Наталья Борисовна Карнеева. И я помню её, не знаю почему, но я не мог не встречаться с ней, и мне всё время кажется, что это она идёт по дорожке вдоль школы.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

А посёлок наш, скажу прямо, неухоженным был – просто Астрась. В то время моего детства, впрочем, грязищей на улицах не только мы славились. Время послевоенное, понятно, что во время войны все средства шли на фронт, а потом, лет десять, вся страна восстанавливала ту часть Отечества нашего, которая под немцами была. Так что денег поселковая власть ни в войну, ни после войны долго не видала.

И была у нас центральная площадь. В те далёкие годы моего детства на эту площадь сколько камня и щебня ни валили, всё тонуло, одна грязь да зыбь под ногами. С одной стороны площади – гостиница одноэтажная, с другой – Погребок пивной, а за ним – улица в сторону железнодорожного вокзала. А вот перед вокзалом были тротуары, деревянные, такие сейчас мало кто вспомнит. Мы по этим тротуарам на самокатах гоняли. Какое это было удовольствие – по деревянным плахам жужжать подшипниками, главное, чтобы в щель колёсико не залетело. А если залетит, то всё: и колени, и нос обдерёшь. Носы – это ладно бы, но вот штаны рвались – это беда. Мы тогда все в шароварах бегали. За порванные шаровары полагалась дома порка. Кстати, очень неудобная одежда, всё время то за какой-нибудь угол цапанёшь, то забор помешает, а главными врагами шаровар были гвозди. Короче, пороли нас часто.

На вокзале было чисто, всё зеленоватым отсевом засыпано и тщательно прометено. Как-никак, лицо посёлка. «Лицо» было всегда вымыто, выбрито и с румянцем. Рядом с вокзалом, вдоль линии – товарная контора, а за нею туалет. Туалет необычный для наших мест – благоустроенный, с кабинками. Но в кабинках, так и по сию пору, дверки с оторванными щеколдами.

Апрель в наших местах – это конкретный и уже бесповоротный месяц весны. Март – он и вашим, и нашим, а апрель – свой парень. С апрелем и грязь глыбилась, но по утрам ещё можно было по промёрзшему пройти, а вечером всё – только вплавь, и не факт, что сапоги вырвут.

В тот день я к маме на станцию прибежал из школы, это был последний день учёбы перед весенними каникулами. Любил я к маме на работу заглядывать. Во-первых, – рядом; во-вторых, – у неё бутерброд с колбасой. В багажном я уже не раз бывал и нравилось мне рассматривать стеллаж с «потерянными» вещами. Чего здесь только не было: и саквояж кожаный с металлическим замком, и сумки, и чемоданы, и даже пальто. Но больше всего привлекала меня трость с гладкой светло-коричневой ручкой. Мама работала дежурным по вокзалу, а тут что-то случилось, и она замещала товарного кассира тётю Любу.

Я наслаждался бутербродом с редким для нашего времени деликатесом, когда в контору заглянул дед Моисей – сторож с поселкового кладбища. Высокий, слегка сутулый, ручки огромные, нос бугристый, в оспинках.

– Доброго здоровья, Надежда Ивановна, – дед Моисей снял шапку.

– А, деда, заходи, – пригласила мама. – Какими судьбами?

– На почту, да вот решил к тебе заглянуть.

– Пишет кто?

– Я написать хочу.

– Скучно на кладбище? Жениться бы тебе.

– Да, ещё бы, на десятом десятке. Мне и так скучать некогда, считай, каждый день по покойнику, редко два, а ещё реже, когда никого.

– Старики мрут?

– Фронтовики, в основном. Калеки. Кто без ног, кто без рук. И старики, конечно.

– С праздником тебя, деда.

– А какой праздник?

– Живёшь оторванным и не знаешь, сегодня первое апреля – никому не веря!

– Ну, это вы уже празднуйте, пока молодые.

– Деда, – подскочил я, – а я сегодня пятёрку получил!

– Молодец, Микола.

– Первое апреля! Первое апреля – никому не веря! – закричал я, радостный, что обманул дедушку. – А у нас каникулы!

– Да, – рассеянно ответил дед, – а я подумал, что ты и впрямь пятёрку получил.

– Слушай, деда, – позвала мама, – из гостиницы звонили, там у них пассажир с багажом, а грузчик у нас сегодня не вышел на работу. Может, ты сходишь? Глядишь, рубль-два заработаешь.

– Рубль, а может, и два, говоришь, – дед задумался. – Ну, а что, в руках унесу или тележка нужна?

– Тележка, деда, только на тележке, багажа, говорит много.

– Ну, если с тележкой, то, может, и два рубля даст, – вслух подумал дед. – Ну и лады. А вернусь, Миколка, ты дождись, мы с тобой письмо напишем.

Дед взял тележку и ушёл в гостиницу.

– Коля, может, домой пойдёшь? – позвала мама. – Я письмо деду сама черкану.

– Нет, мама, я здесь поиграю.

– Ну, как хочешь, но только ничего не бери.

Я и не собирался брать ничего, кроме трости. Тем более, я её уже и раньше брал. Она была лёгкая, на мягком копытце и с резной ручкой. Вся ручка гладкая, а вот самый кончик её был вырезан в форме змеиной головы. Я ставил трость, наваливался на неё животом и пытался удержать равновесие. Я мог часами забавляться этой удивительно красивой тростью.

Хлопнула входная дверь, я быстро засунул трость на место и побежал к выходу. Вернулся товарный кассир тётя Люба.

– Надя, ты понимаешь, меня обманули!

– Как обманули?

– Сказали, что у меня дом горит. Вот я и побежала, только начальнику станции ключи от конторы бросила, и бегом. Я думала, у меня разрыв сердца будет! У меня же там Ленка с Ольгой водится! Ну, думала, только бы дети не сгорели! Прибегаю, а они на меня смотрят и понять ничего не могут! Ты понимаешь, какие люди-то есть бессердечные! Да разве можно так шутить!

Ты что, Надя? Побледнела-то вся? Ты ли так пошутила надо мной?

– Люба, – прошептала мама. – Я деда Моисея в гостиницу отправила за багажом.

– И что? Он уже не раз ходил. Так и что?

– Да никакого багажа там нету. Это я так, разыграть решила, с первым апреля поздравить.

– Надежда, да как же ты? Там же по Моховому не пройти. А на улице вообще всё развезло. Он с тележкой?

Мать кивнула.

– О, беда-то, ему же за девяносто лет! Он же надорвётся! Беги, давай, выручай!

– Он давно ушёл. Люба, стыд-то какой.

Открылась дверь. Сначала въехала грязная тележка, потом вошёл и дед Моисей.

– Тележку сама помоешь, – сказал он и вышел вон.

Письмо мы с ним так и не написали.

Недавно я позвонил маме.

– Мама, привет. А я о тебе рассказ написал, «Первое апреля» называется.

– О чём, сынок? Ты говори погромче, а то у нас связь плохая.

– Помнишь, как ты деда Моисея отправила в гостиницу за багажом? Разыграла на первое апреля.

– Помню сынок, ещё как помню. До сих пор плачу и прощения прошу.

– Да что уж ты так-то, больше сорока лет прошло.

– Время прошло много, а как вспомню, поверишь ли, сердце холодеет и слёзы сами льются. Ты хорошо сделал, что написал. Может, люди, которые прочитают, добрее будут. И ещё напиши, чтобы особенно к старикам. Мы ведь такие уязвимые.

– Знаешь, мам, а я хорошо помню этот случай, и как ты плакала, когда дед Моисей ушёл. Ты ещё говорила: «Почему он меня не отругал, почему молча ушёл! Лучше бы ударил, мне бы легче стало». Я запомнил, потому что никак не мог понять, что от взбучки человеку может стать легче. Ты не плачь. Если так до сих пор душа болит, то Моисей простил уже, он же видит твоё чистое сердце. И себя прости, отпусти боль, не держи в сердце.

– Хорошо, сынок, не буду. Успокоил ты меня, спасибо. И за рассказ спасибо.

ЧЕМОДАН

Эта история произошла очень давно. Мне исполнилось пять лет, когда мы с отцом отправились в большое путешествие. Отец мой был родом из Арынцасса, это селенье сохранилось до сих пор посреди Барабинских степей. И поводом того путешествия, видимо, и было навестить своих родственников, родные степи и, конечно, похвастаться мною – сыном, наследником.

От станции мы шли, считай, весь день, пытаясь достигнуть неведомой мне деревни. Устал я страшенно. Помню, для возможности самого короткого отдыха я, точно собачка, обгонял отца, устраивался в сырой и не тронутой весенним солнцем траве и слушал размеренный ход отцовских ног. Отец нёс большой фанерный чемодан с подарками.

В деревне Кузьминка, где мы наконец заночевали, нам дали лошадь с телегой, и оставшиеся километры до Арынцасса я уже прилежал на подстилке из тёплого и душистого сена, разглядывая как железный обод тележного колеса выдавливает глубокий след на сырой дороге. Иногда моё внимание и нос, исколотый пыльными травинками, привлекал чемодан, в котором – это я знал в точности – содержалась жестяная баночка с разноцветными монпансье и целый и круглый килограмм конфет, обернутых плотной бумагой. Эти карамельки тоже были крохотными, навряд ли подушечек, присыпанных сахаром. Однако, были покрупнее бамбошек из монпансье и, что самое важное, содержали в себе малую толику повидла, при одном только виде которого не только сопливая девчушка, но и самая крепкая баба, складывала оружие и делалась покладистой. Потому и называли эти подушечки – «дунькина радость».

Дорогу нам преградил ручей. Однако! Таким ласковым и невинным словом этот мутный поток называли, наверное, только летом, да и то, скорее всего, самым засушливым. Теперь же его струи заполняли весь овраг целиком и так, что верхние веточки ивушек едва возвышались над водой. Отец приструнил лошадь, прогулялся по вязкому берегу, но места, подходящего для переправы, так и не обнаружил.

Раздевался отец долго, сосредоточенно, теперь-то я понимаю, что он продумывал переправу, а тогда мне было страшно и хотелось, чтобы мы поскорее переправились и всё было бы уже позади. Отец стянул комок своей одежды ремнём и, разбежавшись, перекинул его на другой берег.

– Ну, сынок, держись, поехали, – решил он и, аккуратно подёрнув поводьями, повёл лошадку к ручью.

Лошадь всё глубже заходила в воду, она похрапывала, идти не хотела, но отец уверенно держал поводья и ласково приговаривал:

– Давай, давай, милая, полегонечку.

Но вот он поплыл рядом с лошадей, а у той вода готова была уже сомкнуться над спиной, как она, вдруг зацепившись за дно, начала подниматься. А в телеге, в которой сидел я, появилась вода, чемодан всплыл и начал дрейфовать к краю. Я схватился за чемодан, и меня потянуло из телеги. Но отец уже был на берегу, помогал лошади подняться на крутой берег ручья. Он обернулся и закричал:

– Держись! Держись за телегу! Отпусти чемодан!

Правой рукой я ухватился за край телеги, а левой – упрямо тянул чемодан к себе. Мне кажется, я вылетел от страха, но чемодан так и не согласился отпустить.

Когда мы были уже наверху, отец переделал меня в свою сухую одежду, уложил в телегу. Он остался в нижнем белье и сапогах, пошёл рядом и всё выговаривал мне:

– Сынок, не нужно держаться за чемодан. Дело пустое, утянет, и – поминай как звали. Чемодан-то можно новый

Было ❖❖❖❖❖❖

купить, а тебя не купишь. Булькнул бы в воду с этим добром, и как тебя потом выловишь в такой мутине...

А я был доволен. Отец бежал рядом с лошадьё, я хрустел «дунькиной радостью», и дразнящий аромат ванильного сахара, запахи сырой степи и сена наконец сошлись в столь желанное для меня представление о счастливой жизни.

ДВА ПЯТНЫШКА

Мы ехали с отцом на электропоезде, возвращались из Новосибирска. Была ранняя весна, снег сошёл, но тепло капризничало и никак не хотело обосноваться в наших краях. Мне было приятно сидеть на тёплом сиденье около окна и наблюдать, как тень пантографа бежала рядом с вагоном, на поворотах она пряталась, а потом вдруг выскакивала откуда-то из-под колёс, будто играя со мною в прятки, и вновь уверенно и ровно струилась по жухлой, серой и неумытой траве. Уже два года как железную дорогу в Болотное электрифицировали, из стальных проводов упругий пантограф сосал электрические силы, и новенькие тёплые вагоны с весёлым перестуком мчали нас по звонким рельсам.

Я уже основательно насладился весенним однообразием, соседями-пассажирами и бездумно и равнодушно смотрел в оконную даль. Отец сидел напротив, он тоже устал, под расстёгнутой курткой виднелась военная гимнастёрка, которой он сильно дорожил и надевал только по особым парадным случаям, она изрядно выпцвела, но ещё хранила ровность воротничка, умело скрывала подмышечную отпотелость и два тёмных пятнышка от боевых наград над правым нагрудным карманом.

Поезд вдруг сменил привычную и азартную прыть на ровный ход, медленно пополз, лениво поскрипывая колёсными парами, а скоро совсем встал. Я огляделся. С одной стороны вагона – крутой косогор уходил выше взгляда куда-то вверх, а справа – обрыв в лог, глубокий и страшный, до самых берёз. Коричневая кромка насыпи казалась куском серого хлеба, местами прихваченного зелёной плесенью от чуть проклюнувшейся травы.

Люди оживились, женщина с ребёнком на руках, что сидела подле меня, недовольно, с ярко выраженным деревенским говорком спросила:

– Чёй-то мы встали?

– Восьмитысячник, – пояснил отец, – крутой подъём, впереди, видимо, грузовой поезд. Это привычное тут дело, от Чебулы до Чахлово тяжело грузовикам. Минут десять, и поедем.

За окном чёрствая шерсть прошлогодней травы, скукота, и вдруг я увидел две ямы – неглубокие, они виделись, как два тёмных пятна под самым склоном, их будто специально вырубил когда-то в дёрне. Но зачем ямы в столь не приметном и глухом месте?

– Пап, смотри, – и я показал вниз, под железнодорожную насыпь. – Это ямы?

– Нет, сынок, это могилы, – ответил отец.

– Чаво енто? Могилы? – удивилась соседка с грудным ребёнком на руках. Она привстала и с любопытством выглянула в окно.

– Говорят, в гражданскую наши красные партизаны здесь состав с белочехами пустили под откос, – пояснил отец. – В одной могиле рядовые, а в другой офицеры. А земля на могилах со временем просела.

– Вона как, – тревожно вздохнула женщина, прикрыла белым уголком пелёнки лицо спящего малыша, – значаца, здеся люди схоронены. Страсть-то кака.

А я смотрел на могилы и с гордостью думал: молодцы наши красные партизаны, накостиляли белочехам! И поделом им, нечего было против нас выступать. И за отца гордился, который воевал с фашистами, – и немцам наша Красная Армия тоже накостиляла по полной.

Вот так я всё запомнил: и тот день, и тот случай, и ещё своё непонимание, зачем отец снял два геройских ордена, от которых только тёмные пятнышки и остались на полинялой гимнастёрке.

Бронепоезд «Орлик». Белочехи. Июль 1918 года

Прошли годы, прошло много лет, отец умер и похоронен под красной звездой, как участник и победитель в великой войне. Но вдруг и зачем-то вспомнил я эти братские могилы и слова простой деревенской женщины: «Значица, здесь люди схоронены».

Та женщина пожалела погибших людей. И я жалею, но теперь знаю, что красные партизаны не просто по прихоти какой эшелон под откос пустили: Чехословацкий мятеж стал одной из причин начала кровавой гражданской войны 1918–1922 гг. в России, которая в итоге унесла более 8 миллионов человек. Чехословацкий корпус, а это более 40 тысяч человек, на всём пути от Пензы до Владивостока безнаказанно глумился над людьми. Народная память сохранила эти факты истории. Нет точных данных о количестве расстрелянных красноармейцев и истерзанных женщин, выброшенных потом из вагонов эшелона в снег умирать, но известно, что белочехам потребовалось 58 крупных пароходов, чтобы вывезти всё награбленное из России.

Вот такая она, жестокая вещь – историческая правда.

КУЛАЧНЫЕ БОИ

С чего повелось и когда привязалась эта зараза, никто не помнит, но разделилась Болотная на залоговских – это те, кто за Лоханкой жил, там, где школа № 4, залинейных – понятно, что за линией, и учились они в школе № 21, и центральных – с центром молодёжи в школе № 2. И не только школьники, но и молодёжь постарше принимала активное участие в беспричинных массовых драках. Зайти на чужую территорию даже среди бела дня – это значит «схлопотать по сопатке». Помню, мать меня за линию отправила, забрать у знакомых старую морковку для наших поросят, так по мосту я ещё шёл, а когда ступил на залинейную землю, помчался так, что и ветер бы меня не догнал!..

Кстати сказать, железнодорожники Болотную делили по-своему на две части: чётный и нечётный парк. Иногда залинейную часть называли Чётный Парк, потому что отстроилась та часть, вблизи которой формировались поезда на Новосибирск, они все имели чётные номера, а Нечётный Парк – это микрорайон в противоположном направлении, ближе к школе-интернату № 16.

Итак, я ступил на опасную землю Чётного Парка.

Я и пяти минут не был на залинейной земле, но на обратном бегу около моста через железнодорожные пути меня уже ждали. Я обречённо подошёл и опустил на землю мешковину с морковкой.

– Слышь, Старшой, это Варламов, – сказал один из пацанов и тонко сплюнул сквозь зубы. Видимо, он не хотел драться. – Я его знаю, слышь, Старшой.

А Старшой будто и не слышал.

– Ну, чё ты здесь забыл? – начал заводиться он.

– У него отец в милиции работает, – попытался заступиться третий пацан, и у меня родилась надежда на мирный исход товарищеской встречи.

– Ну, так это меняет дело, – развёл руками Старшой, – бить будем долго и больно.

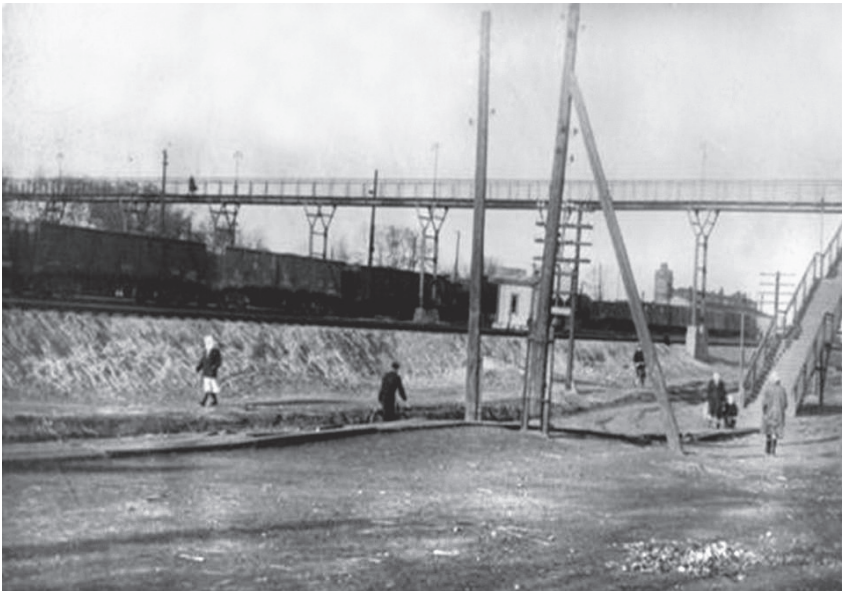
Меня спасла поездная бригада, возвратившаяся из поездки и шагающая из подменного пункта на мост.

– Что, парень, проблемы? – с пониманием спросил мужчина в форменной фуражке железнодорожника и с шарманкой в руке.

Я обречённо молчал. Даже сейчас, в столь патовой ситуации, жаловаться было делом крайней низости.

– Ну, пошли, – машинист подхватил мой мешок, и мы зашагали по ступеням переходного моста.

– Лады, мы ещё встретимся, появишься только здесь! – Старшой погрозил мне кулаком.

Место товарищеской встречи

За линию и в залоговскую сторону я с тех пор старался даже и не смотреть.

Нет точной статистики, сколько погибло мальчишек в массовых драках: залоговские против центральных, центральные против залинейных, залинейные против залоговских. Бывало, до двухсот человек участвовало в неистовых, бессмысленных и кровавых побоищах. Что значили и что такое были кулачные бои молодых парней, я не знаю. Возможно, отголоски ссыльного прошлого или разгула безнаказанного бандитизма, который расцвёл во время войны? Не знаю, но без кастета или финки на улицу выйти считалось просто безрассудным. Больше тридцати лет милиция прилагала максимум усилий, но расписывалась в собственном бессилии, кулачные бои прочно вошли в болотнинский беспокойный быт. Десятки изувеченных жизней, десятки жизней, начатых с зоны, – но усмирить эту стихию, преодолеть авторитетом власти авторитет криминальных главарей в ту пору не мог никто. Удалось это молодому, высокому, улыбчивому лейтенанту – следователю уголовного розыска районной милиции Андрею Ведерникову, который окончил Омскую школу милиции и вернулся на родину для несения службы. Это случилось в далёком 1978 году.

Недавно я пытался расспросить того лейтенанта, а теперь генерал-лейтенанта Ведерникова Андрея Павловича о кулачных боях на улицах Болотного, но тот только улыбался. Однако, хочу заметить, в процессе разговора он называл фамилии главарей и зачинщиков, даты и детали, которые запоминаются только в особых случаях. Значит, всё помнит, надеюсь, что когда-нибудь он откликнется на мою просьбу и напишет, как же это ему удалось «примирить» залоговских, центральных и залинейных?..

ЛЯГУШКА

Говорят, там, внизу лога, меж кочек и камышей, течёт маленькая речка Болотная. А может, и правда, она ещё жива и не погибла среди кочек, как казалось издалека.

В эти места теперь редко заходили люди, новая дорога на Дивинку пролегла наверху за лесом, вдоль железной дороги, там слышался шум машин и перестук колес вагонов, а здесь царила раскалённая на солнце тишина.

Генка шагал вдоль дороги в закатанных до колен штанах, рубашку он давно снял и накинул на голову, так что воротник охватил лоб, а лёгкая материя прилипла к влажным плечам и спине. Было тоскливо-жарко, казалось, зной комарино звенел в онемевшем от духоты воздухе. Хотелось пить.

Перед тем как покинуть узкую поляну, где паслась комолая корова Зорька, мать напоила его водой из четвертной бутылки, в которой зимой хранился самогон. Вода была тёплой и противной от сохранившегося чуть уловимого запаха сивухи. Генка теперь жалел, что не напился вдоволь. Но уже было хорошо то, что здесь на солнцепёке не было комара, только крохотные белые бабочки, будто высохшие лепестки полевой ромашки, изредка взлетали над пожухлой травой, но тут же исчезали, оцепенев на тонких цветочных стебельках.

Жажда поманила к болотной сырости. Под ногами пугающе заволновалась земля, хлюпнула вода и приятно обожгла холодом серые от дорожной пыли ступни. Дальше идти было опасно, Генка остановился, боязливо осмотрел кочки и рогатины высохшего кустарника. Но любопытство и желание напиться из невидимой речки победило страх и он сделал шаг, и ещё шаг, теперь казалось, что земля пульсирует под ногами от каждого удара сердца.

Мохнатая кочка со сбитой набекрень растительностью, на которую собирался наступить Генка, вдруг зашипела, забулькала, разбрызгивая ядовитые слюни, и утянула свою голову в рыжую муть.

– Лешак! – завопил Генка и кинулся обратно.

На берегу он упал в траву и со страхом оглядел тихое и мёртвое болото. Но теперь-то он уже точно знал, что оно не мёртвое, как казалось, а живое, оно только прикрылось сонной тишиной, чтобы обмануть и погубить.

Испуг постепенно отступил, но идти дальше не хотелось, жара забрала последние силы, лежать было несравненно лучше. Генка оглядел голубое без единого облачка небо, перевернулся на живот и увидел яму – чёрная вода была дном этого колодца похожего на глубокий след слона. Он заглянул внутрь – пахло сыростью и прохладой, опустил руку, чтобы зачерпнуть воды, но что-то живое метнулось в сторону, взволновав гладь маленького подземного озера.

– Змея, – прошептал Генка, но не отпрянул, а пригляделся к темноте. Он даже обрадовался, значит, он не один на этой земле, где лило душным потоком солнце, а тишина наваливалась на плечи и прижимала к земле.

– У-у-у! – прогудел он в тёмную яму, цепenea от собственного глухого и незнакомого голоса.

Большая лягушка испуганно бултыхнулась и замерла у края чёрного зеркала. Генка просунул в колодец всю голову и протяжно, как ему казалось, по-волшебному, позвал:

– Лягу-ушка-а!

Он поймал её и, раскачивая на ладони, подул на испуганные, круглые, как бусины, глаза.

– Боишься, глупая? Плыви, – он вдруг замер и напряжённо осмотрел колодец. – Слышь, а может, ты сюда упала? А? Может, тебя спасти надо?

Как поступить, Генка не знал: спасти её или оставить – вдруг это её дом? Раздумывая над этим, он опустил пальцы в прохладную тёмную воду. Лягушка подплыла к руке и уткнулась в неё своим тупым носом.

– Дрессированная! – удивился Генка, но тут же понял, что она просит о помощи. Обрадованный он взял её под пушное брюшко и поднял наверх.

Два паренька стояли напротив, их появление было столь неожиданным, что Генка вздрогнул.

– Живой, – огорчился тот, что был повыше.

Генка промолчал, прижимая к груди спасённого лягушонка.

Второй – рыжий, опёрся на большую гладкую палку, радостно заговорил:

– А мы думали, что тыдохлый. Смотрим, головы нет, одна жопа! Под Варламовой мужику рысь голову отъела, слышал?

– Нет, рыси нет, у меня вот... – лягушка почувствовала свободу и прыгнула на колени.

– А ну, покажь, – Рыжий ловко поймал её и, подняв за одну лапку, стал разглядывать, – от них бородавки бьвают, это вредная лягушка. Её казнить надо. – Он откинул палку и пошёл к одинокой придорожной берёзе.

– Как казнить? – не понял Генка.

– Щас увидишь, – ответил Рыжий и обратился к своему товарищу. – Как будем? Как Гитлера или как Гебельса?

Про Гитлера Генка знал много. Он знал, что Гитлер враг, что он фашист, страшный фашист, который сжигает на кострах маленьких детей. Про Гитлера пели всякие матершинные песенки. Генка тоже пел, правда очень маленькую:

Внимание! Внимание!
Говорит Германия!
Сегодня под мостом
Поймали Гитлера с хвостом!

Гитлера с хвостом Генка никак не мог представить, но видел его в кино: тощего, со злыми глазами, в рогатой каске с огромным мечом в руке. Генка ненавидел его и боялся.

Высокий пацан похлопал себя по карманам и спросил:

– Спички есть?

– Нет, – Генке стало приятно, что его, как взрослого, спрашивают про спички, будто, и вправду, они могли быть у него. Знать бы заранее, он бы обязательно взял спички с собой, там, дома на печной складке лежит несколько коробков, зимою мать каждое утро берёт оттуда спички и растапливает печь.

– Спичек нет! – крикнул Высокий. – Давай, как Гебельса!

Мальчики подошли к берёзе. Рыжий отыскал на стволе сухой сучок и начал насаживать на него лягушонка.

– Зачем вы?! Ей же больно!

– Гебельсов на кол всегда садят.

Лягушка квакнула и удивленно выпучила глаза.

– Не надо!..

– Катись, – оттолкнул Генку Высокий.

– Не надо! – Генка вцепился в руку пацана. Но тот высвободился, повернул Генку и наладил ему пинка:

– Вали! Пока самого на кол не посадили!

Генка бежал по серой колее дороги, горячая дорожная рыхлая пыль обжигала пятки. Он бежал, задыхаясь тёплым воздухом, а перед глазами мельтешили вытаращенные глаза-бусинки.

– А может, она жила там? – шептал Генка, сглатывая слёзы. – А может, там дом лягушачий был, может, у неё там детки маленькие остались! А кто их теперь кормить будет?!

Генкина голова закружилась, подступила тошнота, силы ушли в серую пыль, и Генка прилёг на пыльную обочину.

На окраине Болотного в глубоком грязном овраге, заваленном мусором, отходами и хламом, жил ручеёк, который рождался под каменным забором мясокомбината. Если вдруг начинал дуть восточный ветер, то всё Болотное сразу же вспоминало о существовании овражного сто-

ка – зловоние плотно накрывало весь посёлок. Но в Сибири восточный ветер редкость, и потому местные власти не очень спешили ссориться с директором мясокомбината. И только в дни затяжных восточных ветров председатель горсовета отправлял рассерженное письмо в адрес мясокомбината. Но пока почта переваривала заказное письмо, ветер успевал сменить направление, и отходчивое сердце «преда» уже не ждало ответного письма. Всё заканчивалось мирными переговорами по телефону, и обещаниями «исправить положение». Мясокомбинат продолжал вырабатывать колбасную продукцию и рождать тихий вонючий ручеёк.

Овражный сток кто-то в шутку назвал речкой Мясихой, и скоро все жители посёлка были уверены, что такая речка действительно существует, а некоторые даже пытались найти её на географической карте. Но Мясиха стекала в другой ручей, а тот в речку Болотную. Там где через Мясиху было переброшено несколько плах, электросети установили опору с похожим на тарелку светильником. Впрочем, такими «тарелками-фонарями» украсили все улицы города, отчего тут же родилась шутка, что, мол, Болотное офонарело. Но этот столб у переправы через ручей был единственным – к нему забыли бросить электропровод. Скоро одинокий, забытый столб стал излюбленным местом сбора местных пацанов. У мальчишек появилась новая увлекательная игра – кидать на меткость по светильнику. Камни летали с утра до вечера, и скоро куча щебня была раскидана ровным слоем вокруг столба. Кто только не пытал свою меткость, даже мужики, однажды собравшиеся на берегу Мясихи выпить литр «калымной» водки, ввязались в соревнование с местными пацанами и проиграли.

Когда Генка перебрался по гнилым доскам через ручей, несколько мальчишек лениво обстреливали плафон. Камни пролетали мимо и, не задев светильника, утопали

в грязном ручье. Генка с минуту наблюдал, потом подобрал камень и что есть силы бросил вверх. Камень грохнул по измятой тарелке. Пацаны обиделись и обступили незваного гостя.

– По морде хочешь? У нас, может, соревнование!

– А это твой столб, что ли? – огрызнулся Генка и понял, что его собираются бить. – А у меня отец в милиции работает!

Мальчишки, подступившие было к нему, остановились в растерянности, с милицией они связываться не хотели.

– А! Да он еще и ментовский! Они моего дядьку в тюрьму затырили!

Генку били и за дядьку, и за столб, и за то, что заняться больше было нечем. Его били не зло, из-за жары, наверное, потом раскачали и бросили в Мясиху, отчего Генка совершенно озверел, вскочил и, утопая в вонючей жиже, побежал за обидчиками.

Домой Генка приплёлся совершенно уставший, грязь подсохла и отваливалась ломкими кусками. Он разделся на улице, бросил штаны на крыльцо и только теперь вспомнил, что рубашка осталась у лягушиного подземного озера.

Кухонный пол, где он устроил баню, скоро походил на большую лужу. Отворилась дверь, и на пороге появилась соседка тётя Стеша.

– Фу! Чайво ето случилось? – поморщилась она, глядя на Генку. – В дерьмо ступил, али в сортир свалился?

– В Мясиху. Мать за хлебом отправила, а я в Мясиху упал.

– Ну, а я и чую, что прёт, как от дохлого. А залил-то всё!

Тётя Стеша прошла в кухню, поправила косынку, которую сроду не снимала, и, налив в таз свежей воды, сказала:

– А ну, лягушка, давай пособлю, – и, не дожидаясь согласия, вцепилась в Генкины кудри.

– А лягушка сдохла, наверное, – вслух подумал Генка.

– От воды ещё никто не сдыхал, – деловито заметила тётя Стеша и плюхнула его голову в таз.

– А она и не от воды! Её, как Гебельса...

– Чаво?! Слышь, а ты чаво синюшный? Подрался, что ли?

– Я, знаешь как... – Генка показал мыльный кулак. – Тётя Стеша, а Гитлеров сжигают, да?

– Ну, ты, чё льёшь-то!? Чё льёшь!

Генка отвернулся и уже больше ничего не спрашивал.

Кожа горела, будто её скоблили, как пол в предпраздничный день. Вместо испорченных штанов на ногах развевались шаровары, которые мать купила ему в «уцененке» на вырост, а рубашку Генка решил не одевать – и так жарко.

В кожаной сумке, которая прилипла к горячей Генкиной спине, каталось несколько малосольных огурцов, там же прижался завёрнутый в полотенце хлеб, в уголок поставлена бутылка с молоком, горлышко которой Генка заткнул плотной газетной пробкой.

Генка уже наверняка знал, что от матери попадёт. «Тебя только за смертью посылать, – скажет она и обязательно потом добавит. – Горе ты моё».

Но вот она, окраина, там, за угловым забором, столб, плафон и единственный мосток – прогнившие плахи. Он прокрался вдоль забора и затаился в больших лопухах. Выбирать не приходилось и он, выломав штaketину, кинулся к мосткам.

– А-а-а!!! – истошно заорал он, размахивая палкой, изрыгая из груди то ли угрозу, то ли отчаяние.

Несколько мальчишек у столба перестали кидать камни, расступились, удивленно рассматривая орущего Генку. А Генка задохнувшийся от собственного крика, промчался мимо, перескочил по чавкающим плахам через Мясиху и обернулся. У столба стояли пацаны, которых он никогда раньше не видел. Ещё секунду он рассматривал их разину-

тые рты, потом бросил штакетину, поправил сумку и зашагал прочь.

Разбивая пятками плотную как цементный порошок пыль, он всё вспоминал свой смелый рывок на переправе через ручей и улыбался. Неожиданно встал как вкопанный: там за поворотом лохматая берёза и лягушка на ней! Там глаза-бусины! Он кинулся в сторону к лесу. Через верхние колки он мог обойти это проклятое место.

Сначала склон был пологим, затем, после крутого подъёма, начался лес, где трава была высокой и зелёной – сюда не проникал солнечный жар. Генка задыхался, но всё бежал, ему всюду казалась лягушка, то в траве, то вдруг две каплины на стволе дерева оживали и следили за ним, то ему казалось, что она скачет за ним по пятам и вот сейчас прыгнет на ногу. Он бежал уже долго, а дороги всё не было, и склон и лес стали незнакомыми, в высоком папоротнике стояли большие потемневшие шапки старых грибов.

Генка устал, он устал бежать, смотреть, бояться, он понял, что заблудился. Он заплакал громко, навзрыд. Сумка отяжелела и начала цепляться за кусты. Ему вдруг подумалось, что вот сейчас появится рысь и отъест ему голову.

– Ге-на! Ге-на! – услышал он голос матери и побежал на него.

Кусты, деревья, трава суетились перед глазами, но вот знакомая поляна, Зорька с отяжелевшими боками и пухлым выменем, равнодушная, вечно жующая Зорька!

– Гена! Что случилось? Почему ты плачешь? Ты ушибся? Синяк?

Обрадованный, счастливый Генка кинулся к матери и обнял её.

– А почему от тебя так пахнет?

– Я в Мясиху упал...

– Вот беда-то, и ты плачешь?

Генка не ответил, а только ещё сильнее прижался к матери.

– Эх, горе мое луковое, ничего, успокойся, – мать задумчиво погладила его вихрастые волосы и, чтобы отвлечь его от тяжёлых дум, сказала:

– Скоро поедешь к бабушке в деревню. Хочешь к бабушке?

Генка мотнул головой.

– Сапоги отец обещал для охоты... Да! В деревню! На охоту! Я, бац-бац, охотником стану!

ПАМЯТНИК

Речка шумно пенилась на частых порогах, бежала за поворот и скрывалась в непролазной чащобе тайги. Небольшая деревушка, кажется, прилегла на крутом берегу, чтобы передохнуть, напиться таёжной силы, да так и осталась лежать, пригревшись на солнышке, глядя на окружающий её покой подслеповатыми окнами крепких, будто гранитных, домов.

Генка, с губами, посиневшими от долгого купания, вскарабкался на пологий валун и прижался к нагретому камню. Он притих, глядя в прозрачную воду на изумрудную россыпь мелких камней, дышал водяной свежестью и дивился, как быстро сохнут влажные пятна на сером граните.

Чуть поодаль женщины полоскали, выжимали и складывали в «поленницы» на плоские валуны туго скрученное бельё. Лет десять назад они и стирали на этих валунах, но вот сбылась их мечта – в сельмаг привезли стиральные машины. Но полоскать приходилось на речке. Правда, власти грозились вскоре провести в деревню водопровод и заставить женщин навсегда забыть эти походы с тазами белья на шумливую речку, разговоры-пересуды и ломоту пальцев от ледяной таёжной воды. Триста лет здесь, на берегу реки, бабы обсуждали новости, сплетничали, ругались и мирились. Бабье многоголосье и смех река уносила в тайгу, может быть, поэтому вниз по течению охота у мужиков и не ладилась. Здесь же бегали детишки, гоняли одуревших от страха мальков, купались, визжали и брызгались речным серебром.

– Генка, – позвал кто-то из пацанов, – твой отец приехал!

Генка обернулся. У обрыва, неподалёку от дома деда Титова, стоял отец в светлой соломенной шляпе и с рюкзаком в руке. Женщины на мгновение перестали заниматься бельём, тоже посмотрели на берег.

– Стройный мужчина, – сказала высокая женщина. Она бросила выжатую тряпку в таз. – Ох, бабоньки, и полюбила бы я его!

– Тебе что, наших мужиков мало?

– Да что ваши? Матерщинники, а этот культурный.

– Тихо ты, мальчонка его тут.

Генка смутился и отвернулся.

– Вот этот? Ой ты, худоба. Ну, я бы такого рожать не стала, я бы такого высмолила!..

Генке стало обидно и за отца, и за себя, он спрыгнул с валуна и помчался к дому. Отец стоял возле ворот, курил, на скамейке рядом с палисадником сидел дед Титов.

– Папа! Папа! А на тебе бабы жениться хотят! – взволнованно пожаловался Генка, подбегая к отцу.

Дед Титов хохотнул, почесал худую грудь, довольный, и сказал:

– Это они могут, это у них зараз.

– Как отдыхается, сынок?

– Хорошо. А ты мне сапоги купил?

– Сапоги? Ах да, сапоги... Денег пока нет.

Генка помрачнел, но молча вслед за отцом вошёл во двор.

Баба Ева сидела и чистила лук. Дед Титов смастерил для неё табурет, низенький и широкий, с дополнительной распоркой для прочности. Баба Ева очень любила этот табурет. Когда она садилась на него, то он исчезал под её юбками так, что невозможно было различить, на чём она всё-таки утвердилась.

Располневшая, малоподвижная женщина, она никогда не ругалась с соседками, да и с дедом бы не ругалась, если бы тот не «задурил». А задурил дед ровно год назад, после празднования Дня Победы – перестал отдавать пен-

сию. Первые месяцы баба Ева смеялась над ним, потом насупилась. Так продолжалось ещё несколько месяцев, и, видимо, ничего бы не изменилось, если бы недавно Генка не нашёл рисунки, из которых сделалось ясным, что дед Титов собирается устанавливать себе памятник. Просмотрев листки, баба Ева позвала деда Титова и дала ему «генеральное сражение». Дед Титов отмолчался, но денег так и не дал. И в тот же день перед ним на обеденном столе поставили пустую тарелку. Генка, с аппетитом поглощавший наваристые щи, даже поперхнулся и не смог более проглотить ни ложечки. Дед Титов посидел перед пустой тарелкой, прокашлялся и достал из нагрудного кармана десять рублей. Довольная итогами своего марш-броска баба Ева поспешила налить ему глубокую чашку с увесистым говяжьим маслом. Но бабке не довелось торжествовать по поводу окончательного сокрушения супротивника – на ужин дед Титов не явился. Не пришёл он и утром, и к обеду тоже не показался, а перебрался со своим скарбом в дровяной сарайчик и даже приготовил себе нехитрую ополченскую полёбочку. Баба Ева сначала плакала, а потом потребовала от деда Титова развода.

Постепенно страсти утихли. Супруги изредка переговаривались, дед иногда кредитовал старуху десяткой и исчезал в своём убежище.

Так уж случилось, что, отвоевав верой и правдой все четыре года Великой Отечественной, дед вернулся домой без ранений, контузий и без наград. Вот такая военная судьба: ходил в атаки, мёрз в окопах, дошёл до Белграда, а наград не получил. В День Победы собирались деревенские ветераны около правления, в пропревших и полинялых гимнастёрках с яркими орденами и медалями на груди, рассказывали школьникам о войне, хвастались, смеялись, а пуще всего красовались блеском наград. Юбилейная медаль деда Титова поблёскивала, как укор его военной судьбе. Он тоже пытался рассказывать школьникам о днях войны, но те, глядя на одинокую награду на его впадой

груди, слушали невнимательно. Обиделся дед. Обиделся так, что покой потерял, и извёлся бы, да вдруг пришла ему мысль увековечить себя в памятнике. Он и глыбу гранитную нашёл, и эскизы подготовил, оставалось только найти скульптора, но денег не хватало. И дед принялся откладывать с пенсии.

– Здравствуйте, мама, – поздоровался отец, перевернул пустое ведро и присел напротив бабы Евы. – Как Генка, не балует?

– Генка-то не балует, а вот вы с дедом ему сапоги обещали? А охоту? Обещали?! – услышал Генка грозный голос бабы Евы и спрятался за углом дома.

– Понимаете, мама, забыл я, закурился. Ремонт. В следующий раз, как сюда поеду, обязательно куплю.

Генка не расслышал, что ответила баба Ева на слова отца, но скоро её голос зазвучал громко и отчётливо:

– Памятник! Впроголодь живёт и нас мучает! Ты хоть с ним поговори как мужчина с женщиной. Титов тоже обещал мальчонке сапоги, а теперь хвостом виляет, всё боится, что на памятник не хватит, совсем с ума спятил!

Генка увидел, как, резко толкнув калитку, со двора выскочил дед, за ним появился отец. Дед проковылял за угол дома и скрылся в узком деревенском переулке, а отец остановился у палисадника и закурил.

От реки по крутому берегу поднимались бабы с бельём в круглых тазах.

– Здравствуйте, – поздоровались женщины с отцом.

– Здравствуйте, – ответил он и вынул изо рта сигаретку.

– Здрасти, пожалуйста, – улыбнулась женщина, которая ещё недавно восхищалась Генкиным отцом. – На рыбалку или так, погостить?

Отошедшие бабы громко рассмеялись.

– Вы осторожней, унесёт она вас прямо в тазу с бельём!

Женщина, не смущаясь, стояла напротив отца и улыбалась. Обеспокоенный Генка подбежал к отцу и встал рядом.

– Ваш? – спросила она, пытаясь погладить Генкину голову. – Да не съем я твоего папку, не съем! – она повернулась и быстро пошла прочь, и только подол юбки нервно заплескался от скорого шага.

Отец внимательно посмотрел вслед уходящей женщине, щёлкнул Генку по лбу и выкинул сигаретку. Генка обиделся и покраснел.

– Ну, пошли во двор, – позвал отец.

Следом во двор вошёл дед с ведром свежевыкопанной картошки.

– Что долго-то? – недовольная, спросила баба Ева.

Дед молча поставил ведро и, вынув из кармана деньги, положил на стол.

– И это всё?! А на сапоги?

– На неделе схожу в магазин.

– Не надо идти, он сам сбегает, ты денег дай!

– На неделе схожу, сказал.

Дед развернулся и поспешил в огород.

– Ах, сатана! Опять обманул! Пошли!

– Куда? – удивился Генка.

– На охоту!

– Как? Без сапог?!

– Без сапог!

– С тобой?

– Со мной, внучек, со мной! – баба Ева сняла передник, швырнула его на кухонный табурет и, тяжело ступая, неуклюже заспешила в дом переодеваться.

– Баба, а как же салат, котлеты?!

– Котлеты с собой возьмём!

– Папа что, есть не будет?

– Папа? Папа – гусь ещё тот, сам приготовит – не маленький!

Генка ринулся в дом и вытащил из плотной темноты платяльного шкафа тяжёлое ружьё.

Через пять минут сборы были закончены: баба Ева в плаще и тапочках, в тёплой шали на плечах и с хозяй-

ственной сумкой, в которой скрылись котлеты и пирог, вышла во двор, где её уже ждал Генка с дедовским ружьём на плече.

– Патроны взял? – деловито спросила баба Ева, надела на седую голову белую кепку, оглядела двор и скомандовала:

– Вперёд!

Они вышли со двора и направились в сторону леса.

– Куда это вы? – неуверенно спросил отец, повстречавшийся им по дороге.

– На охоту! – гордо ответила баба Ева.

Дойдя до крайней избы, баба Ева сказала:

– Ты сходи, но ненадолго. Тут с краю поохотишься – и домой. Я-то не дойду, какая охота с моими ногами. Я к бабам зайду, поболтаю.

Генка понимающе мотнул головой.

– Гена, а может, ружьё ты мне оставишь?

– А как же охотиться? – оторопел Генка.

– Конечно, конечно, – смутилась баба Ева.

– Баба, да ты не беспокойся, я умею стрелять! Честное слово!

Не теряя более ни минуты, Генка заспешил в лес. Высокие сосны, неодобрительно покачиваясь, следили за ним. Генка насторожился, заспешил обратно и, выбежав на берег реки, уже больше не помышлял о таёжных дебрях. Он дошёл до широкого развоя, которое примыкало к небольшой лесной поляне, и решил охотиться здесь.

Очистив от шишек и сучьев место под сосной, он лёг, приспособив ружьё на упор, зарядил его и несколько раз прицелился по сучьям засохшей берёзы.

Он напряжённо лежал в ожидании какой-нибудь дичи, время текло, дичь не появлялась, и Генка не заметил, как уснул. И приснилось ему, будто стоит в палисаднике у дома деда Титова гранитный постамент. Толпа сельчан собралась на улице. Причёсанный дед Титов прощается с бабой Евой, медленно поднимается по деревянной лестнице

на площадку гранитной глыбы, и вдруг его фигура каменеет. Баба Ева уносит лестницу, а многоликая толпа украшает пьедестал с окаменевшим дедом Титовым круглыми венками и букетами цветов.

...Небрежно брошенное ружьё валялось во мху. Генка вынул из ствола патрон и заглянул в дуло, оно не просматривалось, грязь плотно залепила его внутренность. Расстроенный, он отломил сухую ветку и начал пробивать засорившийся ствол. Сначала дело шло туго, но когда из дула вывалился первый, затем второй и третий комок плотно скрученных купюр, ветка легко вытолкнула оставшиеся деньги.

Генка с минуту рассматривал смятые комки денег, затем оглядел округу, как бы призывая обступившие его сосны в свидетели, что он не делал ничего дурного, и вдруг понял: «Памятник! Это деньги на памятник!»

Он торопливо скрутил деньги, засунул их в ствол, проталкивая вглубь сухой веточкой, собрал разбросанные вещи и зашагал домой.

Ещё издали, на подходе к дому, он увидел деда Титова, тот сгорбленно сидел на низенькой скамеечке у ворот и близоруко глядел вдаль.

– Дед! – закричал Генка и кинулся к дому бегом. – Деда!

– Живой, – всхлипывал дед Титов и, прижав к себе, гладил Генкину голову. – Не стрельнул...

– Я хотел, но там деньги!

– Господь милостив. Разорвало бы ружьишко. И всё, и нет внука. А зачем мне всё без внука-то...

– Дед, – зашептал Генка, – я деньги обратно положил, на памятник...

ГОСТЬ ЧЁРНОГО ДОМА

На нашей улице стоял старый одноэтажный дом с окнами, вытянутыми кверху, словно монастырские бойницы. Время и дожди отчеканили его мощные брёвна, и он казался чёрным, даже на солнце. Яблони, сирени, беззастенчиво разросшиеся в палисаднике, совершенно скрыли его от посторонних глаз и сделали недоступным и таинственным.

В доме жила старуха с большим крючковатым носом и недвижимым взглядом. Она редко появлялась и всегда носила только чёрное: длинную юбку, застиранную до седины, чёрную кофту и тяжёлую шаль с кистями. Шаль была такой большой, что нам казалось, будто старуха накинула на голову чёрную простыню и вышла нас пугать. При её появлении мы, пацаны, разбегались врассыпную, потому что меж нами сложилось поверье, будто она ведьма и может заколдовать любого, кому только посмотрит в глаза. Она нам казалась очень страшной.

Рассказывали, что она с мужем появилась у нас в самом начале войны, их вывезли из Ленинграда. Они купили этот дом и прослыли очень богатыми. Но муж вскоре умер, а старуха осталась жить одна и в стороне от всех. Мы, уличные мальчишки, придумали, а после свято поверили, что она стережёт клад.

Да и сам Чёрный дом жил загадочной для нас жизнью. Мы не видели, когда привозили туда дрова или уголь, когда и кто прибирался в палисаднике или красил наличники на окнах. Но зимой из Чёрного дома валил сытный угольный дым, палисадник был выполот, а наличники торжественно поблёскивали на солнце, не в пример нашим – забелённым известью.

А у нас в доме жили открыто, тесно и шумно, что называется с распахнутой калиткой. В семье нас было четверо детей – я и три старшие сестрёнки. Ещё дед с бабушкой – мамкины родители. У нас всегда было шумно, весело и все всегда чем-то были заняты.

И всякое существенное движение по хозяйству – заготовка дров или сена у нас превращалась во всенародный сход. Праздник! Всё шумело, двигалось – порознь и слаженно. Мужики ломали колуном упрямые чурки. Мальчишки складывали дрова в поленицу. Предлагали друг другу подышать самыми ароматными из них, пахнущими пряным муравьиным спиртом. Кто-то катал уголь в тачке, чьи колёса выписывали такие кренделя, что и самому запойному пьянице никогда не повторить. Девчонки помогали складывать посереде огорода стожок из пряного и ещё нежного сена, тёрли платочками и без того красные щёчки, подражая взрослым бабам, загадочно улыбались.

А мама с бабушкой что-то готовили, варили, крошили, раскладывали по тарелкам. Запахи солений и корешков носились по двору и дразнили голодные желудки. Потом застолье и песни. А как старики пели! Слаженно, на разные голоса. Мой дед, бывало, подхватит низким голосом, да вдруг расплачется. А когда я его спрашивал: «Почему, деда, плачешь?» – он улыбался и говорил, что соринка в глаз попала.

К нам ходили соседи. Мы – к соседям. Короче, суета, жизнь кипела. Потом мама решила рожать. И шуму стало ещё больше.

Дед подначивал:

– Давай, доченька, давай, только мужика нам, чтоб Миколке под руку, а то одни бабы на дворе, никакого с них толку.

– С вас толк большой – за стол, да на горшок! – возражала бабушка, а к маме обращалась ласково:

– Доченька, ну куда тебе их столько, солить, что ли? Так ведь погребя не хватит. Ты пойми, через год-два я тебе уже не помощница.

– Дети – на старость, – отвечала мама. – Эти скоро вырастут, девки – по мужьям, а этот, – она кивала на меня, – хвост пистолетом и поминай, как звали. А за себя не волнуйся, вон у меня какие помощницы подрастают!

Главное, потом все собрались в уголке, возле комода – мама, бабушка, сестрёнки – и давай, тряпочки, пелёнки, распашонки перебирать. Смеются. Жалуются. Клянутся не бросать друг друга, помогать. И плачут. Одно слово – бабы! Бабы – да и только!

И вышли они из этого угла уже клином – сплочённой такой армией. И давай каждому рассказывать, что кому надлежит делать. И уж тут всех расписали – кому строгать, кому светить, кому окурки подбирать. А отец как-то умел выкрутиться. Пригладить этот бабий пыл. Подойдёт к маме, приобнимет её и скажет:

– Люблю я тебя.

– Чего?! – ещё с пылу-жару несёт маму.

– Красивая ты, – подмигнёт отец.

– А, – махнёт рукой вдруг подобревшая мама, – у тебя всё одно в голове. Кто про что, а вшивый всё про баню!

Но довольная. Пусть с боем, но свой комплимент получила.

...И всё-таки я полез в этот Чёрный дом. Пробрался по крыше соседского сарая. Сверху оглядел двор – никого. Но дорожки выметены, травка ровная, даже крапива под забором не растёт. Спрыгнул с двухметровой высоты, повалился на землю, а когда поднялся, то увидел перед собою страшную старуху.

– Здравсте, – растерянно сказал я.

Она вдруг протянула мне руку. Я зажмурился, подозревая, что сейчас она треснет меня по голове или, того страшнее, посмотрит в глаза.

– Прощу вас, как я понимаю, вы в гости пришли. Пойдёмте же пить чай, – сказала она и повела меня в дом.

Возле окна стоял стол. Сытно пощёлкивал самовар. И пар поднимался над початой чашкой с чаем. За окном я рассмотрел соседский сарай и понял, что старуха видела, как я пробирался во двор.

В комнате было темно, но очень чисто, так чисто, что казалось, будто здесь никто не живёт. Старуха предложила мне тяжёлый стул с резными ножками и прямой спинкой, украшенной шишечками и укрытой ажурной салфеткой с вышитыми вензелями. Поставила передо мной массивную фарфоровую чашку с позолоченной ручкой. Шоколадные конфеты в корзиночке, сплётённой из тончайших фарфоровых нитей, колотый сахар в просторной вазочке, устроила рядом щипчики и какой-то диковинный пинцет, изготовленный из серебра и украшенный гербами. А у нас таких вазочек и в помине не было – всё больше железные и алюминиевые тарелки, а чай мы пили из гранёных стаканов. А тут – чашка с блюдечком и пинцет.

– Угощайтесь, прошу вас, – предложила старуха, посмотрела на меня чёрными глазами и... погладила по голове. – Чай цейлонский, жуковского развеса, шоколад от Эйфеля. Это замечательная фабрика, поверьте мне. Попробуйте вот эти – с халвой. Халву там готовят просто вдохновенно.

Старуха молча пила чай и пристально разглядывала меня, а я ложечкой гонял по блюдцу кусочек сахара и всё оглядывался по сторонам. На окнах от самого потолка висели тяжёлые бордовые шторы, точно платья с поясками или занавесы в Доме культуры. Мне казалось, что сейчас из-за шторы, прямо по подоконнику, выйдет конференсье и торжественно объявит следующий номер концертной программы.

А у нас были только простые занавески с вышивкой. Вечерами бабушка, мама и сёстры садились на кухне за рукоделье и пели песни, как на репетиции. Бабушка вязала, мама строчила на старой швейной машинке, а сёстры вышивали на пяльцах. А я сидел на полатах и смотрел, как крестики превращались в цветочки на белой материи. Мне

нравился шум швейной машинки, тепло печки и котёнка, который засыпал под моим боком и непрерывно мурзил, мурзил, мурзил, сладостно отзываясь всем своим тельцем. Но больше всего мне нравились песни. Начинала бабушка, сёстры подхватывали, а потом вступала мама – и получалось очень красиво. Я тоже пытался подпевать, но сёстры всегда просили меня заткнуться.

Чай был горячим, и я пил его с ложечки. Получалось чудно и шумно. Старуха всякий раз, когда я втягивал его, морщилась и кривила тонкие бескровные губы.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Коля, – тихо ответил я.

– Вы вор, Николай?

– Нет, – удивился я.

Потом мы надолго замолчали, и мне показалось, что наступила моя очередь вести разговор, и я спросил:

– А вы живёте одна?

– Да, я одинокая женщина.

– А где ваши дети?

– У меня нет детей.

– Умерли?

Она не ответила.

– А это кто на картинке? – я указал на портрет в рамочке. На стене висело много фотографий, но только на этой была женщина в пышном белом платье.

– Это я.

– Ух ты! Красивая. А у вас и сёстры есть или, скажем, братья? – я совсем осмелел и съел пятую конфету.

– Нет. Скажем, брата у меня нет, впрочем, о сёстрах можно сказать то же самое.

– А у меня три сестры, вреднучие. Но больше я не люблю Верку. Она дрыгается по ночам.

– Вы вместе спите?

– Да, на одной кровати. Она развалится, как корова. Я два раза уже падал, а ей хоть бы что. Говорит, если я лежю по ночам, значит расту! А вы кем работали?

– О, это достаточно подробная история, но, впрочем, извольте, пройдёте в залу.

Она провела меня в большую комнату с кожаными креслами и роскошным диваном, в очертаниях замысловатой резьбы которого угадывались львиные морды и даже лапы с грозными когтями, настолько точно вырезанные, что их непременно хотелось потрогать и даже поскрести своим собственным ногтем.

– Взгляните, Николай, – предложила старуха, – это моё пианино. Мой инструмент. А это скрипка мужа. Вы когда-нибудь видели пианино?

– Да, – ответил я, – в Доме культуры. А вы сыграйте что-нибудь.

– Извольте, юноша, а что бы вы хотели?

И я, приосанившись под местного блаत्यку, лихо спел:

– На палубе матросы курили папиросы, а бедный Чарли Чаплин окурки подбирал... пара-па-па! Умеете?

– Едва ли, мой друг, но я постараюсь разучить к вашему следующему приходу. Вы же придёте ещё? – спросила старуха.

– Приду, – согласился я и, едва коснувшись струн на таинственной скрипке, вернулся к столу.

Вскоре мы распрощались.

А конфет с собой старуха не дала. Я потихоньку стянул две штуки. Но она вышла меня провожать, открыла тяжёлую калитку в воротах и спросила:

– Что у вас в руке?

Я разжал кулак с двумя подтаявшими шоколадными конфетами.

– А ведь вы уверяли, что не воруете.

– Но это же сестрёнкам, – возразил я.

– Идите, – сухо ответила старуха.

– Спасибо, баба Соня. Спасибо. До свидания, – попрощался я.

Она вдруг посмотрела на меня насмешливо и удивлённо.

Я пожал плечами, не понимая, что сказал не так. И ушёл, опозоренный, но с гостинцами.

С этого случая и началась наша странная дружба с ней. Иногда, заметив меня на улице, она выходила и низким хриплым голосом звала:

– Николай!

Она звала меня, как взрослого – Николай.

Я бежал к ней, она приглашала меня в дом, усаживала за стол, наливала чай и ставила передо мною пирог или ещё какую-нибудь вкуснятину. И мы разговаривали. Она, оказывается, была знаменитой пианисткой.

Я ел много, потому что старуха с собою не разрешала ничего брать. Одно мне было непривычно – когда она вдруг гладила меня по голове. Я всякий раз втягивал голову.

Так я перестал бояться Чёрного дома, и мои друзья, которые сначала по привычке прятались от старухи, теперь без страха, но с любопытством разглядывали её. А когда я шёл в гости к старухе, друзья просили:

– Сопри конфет.

– Как я сопру, если она меня проверяет. Ты, говорит, здесь ешь сколько хочешь, но не воруй.

Друзья обижались на меня. А дома удивлялись, но ходить к старухе не запрещали. Бабушка даже, напротив, говорила:

– Сходи, внучек, развесели старушку. Скучно ей одной, без внуков. Это у нас тут одно веселье, покою нет, а у неё тоска.

А отец как-то сказал, ты, мол, гость Чёрного дома. Все рассмеялись, а мне отчего-то сделалось жалко старуху – чёрную, худую и одинокую. И на праздник я подарил ей свой рисунок – рогатую корову с чёрными пятнышками. У меня только вымя нарисовалось ниже копыт, и потому казалось, что моя корова тащит его по траве.

Но старухе очень понравился мой рисунок, и она прикрепила его на стене возле фотографии женщины в белом пышном платье.

Вскоре старуха умерла. Я обнаружил её мёртвой на кровати. Позвал отца. Он посадил нас, ребятишек, возле ворот и велел ждать, в дом не заходить, никого не впускать, а сам ушёл вызывать милицию.

Потом он принёс домой фотографию «Женщины в белом платье» и сказал:

– Это тебе, сынок, на столе лежала, и записка, мол, Николаю. Значит, она знала, что помирает, и о тебе думала.

Я взял портрет в руки.

– Кто это? – спросил отец.

– Это баба Соня, она была знаменитой пианисткой.

– Надо же, – только и сказал отец.

ПИМИКИ

Дед Моисей давно поселился на кладбище в старенькой, но уютной избе. Он в точности не помнил, сколько времени прошло от того срока, но хорошо помнил тот день, в который решил, что здесь ему будет спокойней и интересней. Перетащил в сторожку нехитрый скарб и обосновался в ней, что называется, до конца, до самого последнего срока. И сострогал себе домовину, крепкую, покладистую и узкую, с расчётом на то, чтобы люди не мучились по зиме с могилою.

С того самого дня простой и непрехотливый труд кладбищенского сторожа приобрёл для деда Моисея смысл, значение и даже значимость. Он почувствовал себя не просто сторожем, но даже стражем на грани между да и нет, на грани между жизнью и смертью.

Ежедневно к часу дня открывал дед Моисей высокие и неподатливые ворота, сжигал накопившийся мусор, прибирал могилки, правда, за отдельную плату, словом – хозяйствовал рачительно и покорно. Люди скоро привыкли к нему, к его высокой и слегка сутулой осанке, к запущенной бороде и сухому кашлю, который, точно птичий зов, всегда раздавался из самых неожиданных уголков кладбища. А с какой-то поры они перестали отличать его от общего кладбищенского потустороннего уклада. И деду Моисею льстило подобное настроение. В нём слышался привкус вечности, такой же нетленности, какую он замечал в кованых металлических крестах.

На праздники, особенно на Пасху, на кладбище былолюдно. Дед ходил от компании до компании, договаривался на предмет кому и что необходимо поправить на могилках, угощался, слушал воспоминания о покойных и сам любил добавить что-нибудь задумчивое: вот, дескать, как получа-

ется, после человека добро остаётся. А зла, стало быть, уже не видно. Значит, получается, что зло в суете только водится, а на кладбище для него уже места нет, вот.

В прошлом году на Пасху, ближе к вечеру, когда почти все разошлись по домам, дед Моисей повстречал мальчонку, собиравшего на могилках конфеты и яйца.

– Что ж ты, шпанёнок, творишь-то, людей не стыдишься, – дед сжал его ухо крепкими и натёртыми пальцами. – А ну, складывай всё, где взял.

– Нафига покойнику конфеты? Добро только переводить, – мальчишка с сожалением ссыпал добычу на могилу.

– А тебе зачем, нехристь, – рассердился дед, – своих, что ли, мало?

– А если их вовсе нет, тогда что? – мальчишка сплюнул сквозь зубы и с раздражением посмотрел на деда, точно приготовился к драке.

– Коли так, моих возьми, – Моисей протянул ему пару конфет и яичко.

– Опаньки, – пацан рассмеялся, – сам натаскал полные карманы, а мне, значит, нельзя.

– Дура! – затрясся от негодования дед. – Мне люди дали, угостили, значит.

– А мне, значит, покойнички не пожалели, – мальчишка уверенно поглядел на деда и потянулся к могилке.

– Не балуй, кому сказал! – Моисей наконец опомнился и потащил мальчонку к себе в сторожку. – Ты чей, парень?

– Лаптев я, – сказал Лёшка, готовый к ответу и вызову.

– Ну, Лаптев, так Лаптев, – согласился дед. – Фамилия известная. А что так напрягся?

– Ничего. А ты чего так удивился?

– Всего нет, – пожал плечами дед. – Родителей не выбирают, родителей любят. – И провёл в сторожку.

Лёшка Лаптев уже второй год пытался одолеть программу четвёртого класса, без усердия и стыда перед одноклассниками. Ему даже нравилось его особое положение и то, что его побаиваются и завидуют тому, что он сумел преодо-

леть детский страх, какой многих держит за учебниками, а не подле вольных удовольствий.

Лёшкины родители пили без меры и даже с каким-то отточенным и упорядоченным смыслом, за которым стояла непроходящая обида на жизнь, на людей, друг на друга. Мать только осенью узнала, что Лёшку оставили на второй год. Крайне удивилась, покричала для острастки и ушла в магазин за успокоительным. Лаптеву старшему было проще – он вообще не помнил, в каком классе учиться его сын.

Работал Лаптев на элеваторе, числился в сторожах и носил постоянную, запылённую шинель с зелёными петлицами и фуражку с надтреснутым козырьком и незагорелым пятнышком на околыше, оставшимся как воспоминание об утерянной кокарде. В своё время он женился на Вере, бойкой девчонке из школы счетоводов, обожавшей всякого рода общественную деятельность и саму возможность иметь среди людей авторитет и одновременно – права морального суда над ними. Однако женился Сашка скорее для факта, даже за-ради шанса иметь более устойчивое и уверенное положение в обществе. Положение это очень быстро приелось, и он предпочёл ему компанию всегда приветливых собутыльников. Вера с комсомольским азартом принялась бороться с пороком, и даже решилась родить Лёшку. Но однажды вдруг посмотрела на сына внимательно, на его тонкие лопушистые уши, в точности отражавшие облик и характер отца, поняла что-то безнадежное для себя и тоже запила.

Лёшкины родители обосновались каждый в своей компании, старались не встречаться лишней раз друг с другом. Лёшка боялся чужого мнения о своих родителях, оно казалось ему несправедливым, он сторонился даже жалости соседей, она виделась ему навязчивой и намекающей на то, с чем он не согласен и не хочет соглашаться. А в ответ на неосторожные остроты одногодков он дрался жестоко и с наслаждением.

Дед Моисей никогда не поминал Лёшкиных родителей худым словом и с уважением относился к той злости, с ка-

кой Лёшка защищал их от людских пересудов. Не сразу, но как-то скоро и незаметно Лёшке сделалось уютно с дедом. Он прибежал к нему после школы, угощался щами или жареной картошкой, после с деловым и нарочитым видом раскладывал на столе учебники и привычно таращился в окно. Дед кряхтел в углу, а то и с пониманием обустроивал свет над Лёшкиным столом.

Однажды после обстоятельного ужина, когда вьюга особенно настойчиво подвывала в тёплую печную трубу, Лёшка решился и вовсе никуда не уходить от деда и собрал себе ночлег.

И, углядев Лёшкины заботы, дед сдвинул очки на нос:

– Не растомляйся, домой ещё идти, родители, поди, ждут.

Лёшка поспешно собрался и с каким-то наслаждением и пониманием собственной значимости выскочил на улицу. Он пробирался в дом по заснеженной кашнице, и ему было тепло и щекотно от благодарности. Тогда же, по дороге, он нечаянно подумал, что Моисей для него есть не кто другой, как какой-нибудь незаконнорождённый дед и даже решил, что так оно и есть, во всяком случае – так должно быть.

Сегодня дед Моисей ожидал Лёшку с особым нетерпением. Даже чай не мог попить со вкусом и, что называется, с душой – обжигался, как мальчишка, брызгал наливкой на клеёнку, протирал запотевшее оконное стёклышко и поглядывал то на тропинку, то на кровать, где под тряпочкой были спрятаны новые пимки для Лёшки. Прежние давно утратили своё непосредственное назначение и скорее напоминали условную формальность, нежели обувь: собирали снег всеми дырочками, раскисали, а утром черствели и натирали ноги до крови. Приметив такое безобразие, дед втихую собрался с духом и «денюшкой» и сходил в магазин. Долго ходил возле нужных полок, возил очки по носу, словно стараясь заглянуть в самую душу товару, наконец выбрал достойную пару и по возвращении принялся доводить её до ума. Размял под колодочку, с тем, чтобы и в простом

носке было способно бегать, по-особому, по-фартовому завернул голенища и даже положил на них цветной ниткой узор – скупой, немного неровный, но нежный и мужественный одновременно. Подшил пятку, подошву и закрепил носок. Полюбовался совершённой работой, запеленал пимики в тряпочку и осторожно положил их на кровать, точно притихшее дитя. Наконец, прибежал Лёшка, с шумом, растирая уши, разделся, согрел ладони подле самовара и с жадностью набросился на чай. Дед с какой-то нарочитой и спокойной тщательностью разглядывал снег за окошком и улыбался.

– Да, видать, холодно совсем стало, – вдруг рассудил он.

– Терпимо, – отмахнулся Лёшка и захрустел карамелькой.

– Терпимо, да долго не стерпишь, – дед вновь сосредоточенно поглядел на сугробы. – Да, точно, холодно стало.

– Ну, – согласился Лёшка.

– Му, что мычишь, как телок. Холодно. А до Нового года ещё далеко.

– Ну...

– Вот тебе и му, далеко. А ходить-то не в чем.

– Кому? – не понял Лёшка.

– Яму. Телку мому, – рассмеялся дед и щёлкнул Лёху по носу. – Ты вот что. Я там, на кровати, тебе пимики приготавливал. Но, чур, с прицелом. На Новый год, значит.

– Мне, что ли?! – Лёшка в два прыжка оказался возле кровати, нашёл пимики, примерил обновку и даже сплясал что-то навроде «яблочка». – Ну, деда! Ну, ты человек! А! Смотри, как родные. И голенища завернул и подшил!

Лёшка обнял деда Моисея и пощекотал носом у него в бороде:

– А тебе, знаешь, – прошептал Лёшка. – Я тебе на комбинате колбасы натырю, целый мешок!

– Не моги. Даже не думай, – дед погрозил заскорузлым пальцем. – Я пимики не крал, и ты сам всё делай.

– Сам. Сам, – расстроился Лёшка. – Ну, чё я могу-то для тебя сделать-то?!

– Вот. Именно, – дед менторским пальцем постучал его по лбу. – Вот иди, что покажу.

Он почистил стекло и указал Лёшке на кладбищенские сугробы:

– Вот видишь тот крест, голубенький. Видишь?

– Ну, вижу, крест, и что?

– Не скажи. Во-первых, красивый, а во-вторых, – вечный. Сделаешь мне такой же.

– Ну, ты, дед, даёшь, – Лёшка удивился прихотливости старческого ума и даже рассердился. – Как же я тебе такое сделаю. Он же железный.

– Вот именно, – успокоил его дед. – Вырастешь. Выучишься. Станешь кузнецом. Настоящим кузнецом, каких нынче уже не сыщешь. И деда уважишь, и сам не пропадёшь. Понял?

Лёшка мотнул головой и улыбнулся дедовым причудам.

– Эх, кабы взаправду стать кузнецом, да только трудно тебя понять-то, из могилы креста не видать будет!

– Увижу. Ну и ладно, пойдём чай пить. Потом всё поймёшь, когда посерьёзнеешь.

Дед потрепал Лёшкины вихры и занялся чаем.

Домой Лёшка вернулся поздним вечером. Осторожно веником смахнул снег с пимиков, заботливо утёр их тряпичей и устроил возле кровати, но не в ногах, а ближе к изголовью. Точно два чёрных щенка-близнеца, они прижались друг к другу и повернули в сторону хозяина свои преданные и чуть вздёрнутые носики. Лёшка погладил их с нежностью и уютней угнездился под старым ватным одеялом. В полудрёме он вспоминал деда Моисея, пимики, и в полудрёме замечтался о летней рыбалке, стараясь разглядеть на сонной воде насторожённо подрагивающий поплавок. Но скоро его разбудил какой-то треск и яркий свет, который он со сна принял за фару подходящей к берегу моторки. В комнате

возле комода стоял отец, в шинели и всклокоченной ушанке и ножом пытался взломать ящик, в котором среди белья мать привыкла закладывать деньги. Древняя и крепко сработанная мебель не поддавалась. Отец покачнулся, отступил и, в досаде пнув ногой по комоду, разглядел на кровати проснувшегося Лёшку.

– Трёха есть? – спросил он, разглядывая сына прищуренным глазом.

– Нету.

– А найти сможешь? – в голосе отца слышалась надежда и мольба.

– Не смогу, – Лёшка забрался под одеяло.

– Должна же где-то быть трёха-то, – пробормотал Лаптев, сосредоточенно оглядывая комнату, пока не заметил возле кровати пимикки. Нагнулся за ними, покачиваясь, повнимательнее разглядел товар и припрятал его за пазуху.

– Папаня, ты это, – Лёшка встал на колени прямо на кровати. – Папаня, мне дед Масей купил, это моё.

– Твое-твое, успокойся, – отец уложил его на подушку. – Спи спокойно. Так надо. Утром принесу. Спи.

Лёшка на полминуты поверил отцу и даже попытался укрыться одеялом, но тут же вскочил, торопясь и падая, натянул штаны, рубашку, накинул пальто, шапку, сунул ноги в просторные мамкины калоши, поскользнулся на крыльце, подбежал к калитке по едва заметной, но привычной тропинке. Калоши мешались, норовя увязнуть в снегу, но Лёшка упрямо бежал за отцом. Он разглядел его на улице, когда тот оказался под неровным светом дрожащего фонаря.

– Папа! Папка, подожди! – Лёшка поперхнулся морозным воздухом и остановился.

Лаптев обернулся, наострѣнная и кривая тень от его фигуры словно секундная стрелка пробежала световой круг.

– Домой! Я же сказал, что утром принесу! – сказал он и исчез в темноте.

Дед Моисей лежал в кровати и занимался чтением толстого романа, когда вдруг прослышал настойчивый и в тоже время умоляющий стук, – сначала в дверь, а потом в промёрзлое окошко. Он степенно поднялся, перекрестился, залез в обрезанные валенки, накинул тулуп и вышел на крыльцо. Лёшка немедля ткнулся ему в живот и, бодеясь словно телок, затащил его в сторожку.

– Дед, дед, – задыхался он. – Отец валенки забрал. Я не хотел. Я не давал. А он забрал!

– Вот дурень шебутной. Что забрал-то, – дед даже успел улыбнуться, прежде чем заметил, что у Лёшки на ногах отнюдь не пимики, а зачерствелые и просторные калоши, заросшие снежной коростой до колена.

– Вот, твою маменьку и папеньку, и всю вашу родню на все четыре стороны. Вот дурень-то, – дед обернул Лёшку тулупом и бросил на кровать.

Он попытался растереть его ступни настойкой, потом одеколоном, но они только почернели, сделались липкими, неподатливыми и завоняли каким-то посторонним запахом, навроде формалина.

Больница долго не отвечала, наконец, трубка зашипела и спросила уставшим голосом:

– Приёмная слушает, что у вас?

– Так мальчонка, ноги отморозил, – удивился дед, не понимая, что ещё нужно сказать, чтобы этот голос перестал шипеть и задумался.

– Машины нет. В деревнях по экстренной. Везите сами или ждите до утра, – голос сделался совершенно утомлённым и безразличным.

Дед завернул притихшего и сдержанно стонущего Лёшку в одеяло, привязал к санкам и потащил к больнице.

Дальше приёмной его не впустили, он до утра то сидел на деревянном диванчике, то стоял на крыльце, пытался курить, кашлял и всё бил себя кулаком куда-то под сердце:

– Нужно было до Нового года потерпеть. Нужно было до Нового года терпеть, дурень старый.

На третий день деда пропустили в палату. Лёшка лежал бледный под отчётливо пожелтелым одеялом и встретил его извиняющейся гримаской.

– Дед, а мне ноги зачем-то отрезали, – тайным шёпотом пожаловался он.

– Ничего. Ничего, – дед в растерянности оглянулся, не понимая, куда было бы возможно пристроить гранат, чья надменная краска не вязалась с больничной бледностью и желтизной.

– Ничего. Ноги поболят и отрастут. Прогресс нынче такой – всё растёт. Главное, чтобы душа не обиделась, вот что главное. – Он вложил плод в Лёшкины ладошки и занялся порядком на тумбочке.

Несколько лет назад мне довелось побывать по делам в местечке, недалёком от моего родного посёлка. Встречи не складывались, партнёры морочили мне голову, я взял паузу и решил съездить на родину. Места изменились до неузнаваемости, я проехал по посёлку и с любопытством повернул в сторону кладбища. Сторожка стояла на прежнем месте и даже хранила прежний обветшалый, но нетленный вид. Разве что на месте деда Моисея я встретил круглолицего и вполне жизнерадостного старика.

Он с удовольствием повёл меня к могилке своего предшественника. На могиле деда Моисея я увидел крест, крест кованый, ажурный, редкой работы, сразу было видно, даже мне, человеку далёкому от кузнечного дела, что сделал этот крест большой мастер.

– Хорош, – я показал на крест, с надеждой услышать какую-то необычайную историю.

А сторож только ответил:

– Хорош, что хорош – то хорош. Кто увидит, подходит и интересуется, мол, что за человек-то тут захоронен,

да, и чем так велик, коль под таким крестом упокоился. Видит народ любовь-то человеческую и восхищается.

Я растелил на столике газетку, разложил закуски, выпил, угостил сторожа, покрошил немного хлебных крошек на могилку.

– А у нас крестов-то таких два, – угодливо похвастал вдруг сторож с надеждой на ещё один поминальный глоток.

– Два? – я безмерно удивился. – Почему два? Веди скорее, веди меня старик, покажи скорее второй!

На самом краю кладбища, действительно, стоял ещё один крест, крайне похожий на тот, что стоял у деда Моисея. Я решительно прошёл к нему и с удивлением прочитал на могильной плите: «Лаптев Александр Петрович. Вечная память».

– Ах ты, Лёшка! Ай да молодец! Понимаете ли вы, дорогой мой сторож! Понимаете ли, что произошло?!

Сторож недоумённо развёл руками:

– Ну, так вот и живём.

Я оглядел старое кладбище.

– Прощай дед, – махнул я сторожу рукой, не желая более говорить, отдал ему остатки выпивки и зашагал прочь. Я решительно пошёл к выходу, радостно оглядывая кладбищенский простор. А кругом кресты, кресты, кресты – деревянные, чёрные, покосившиеся – разные, как людские судьбы, и они провожали меня жить дальше.

БАЛАМУТ

Учился я в школе, скажем прямо, не очень ровно, поскольку собирался стать великими спортсменом. А для спортсмена, так представлялось мне, главное – это сила, ловкость, скорость и выносливость.

Вернулся со сборов и вдруг узнал, что у нас появилась новая учительница по истории Наталья Николаевна – женщина молодая и красивая. Я с облегчением вздохнул, потому что к тому времени я уже приобрёл незаурядный опыт, опираясь на который мог безболезненно морочить учителям голову. Молодая учительница, то есть человек без достаточного опыта работы, мне показалась лёгкой добычей.

Пока я отсутствовал, будучи на очередных соревнованиях, Наталья Николаевна вышла замуж. Об этом много болтали наши девчонки. «Ну-с, – подумал я, услышав девичью болтовню, – теперь ей вовсе не до нас». Но прозвенел звонок, и нахлынула на меня тревога. Говорят, что это шестое чувство. Я почувствовал, что сегодня меня непременно

вызовут к доске рассказывать про Ивана Грозного. Если бы оно посетило меня хотя бы дома, я бы, конечно, успел познакомиться с необходимым параграфом. Но моё шестое чувство всегда опаздывало.

Оставался единственный, но очень верный ход – затянуть время, отведённое на опрос домашнего задания. То есть лишить «противника» инициативы, отодвинуть его грозный фронт как можно дальше и заставить его пробиваться к доске и журналу с изнурительными боями местного значения и так, чтобы даже в случае успеха он бы оказался в цейтноте и вынужден был, отложив опрос пленных, перейти к новой теме и следующему стратегическому плану.

– Наталья Николаевна, можно спросить? – я поднялся с места.

– Да, слушаю вас, – она обращалась к нам на вы – эту привычку молодые учителя наследуют вместе с университетским дипломом. Но затем она как-то сама собой стирается.

– Я слышал, вы вышли замуж?

– Однако, от вас ничего не скроешь. И что?

– Я хотел поздравить вас от всего класса.

– Спасибо. Садитесь.

Я сел, но тут же прервал её внимательное изучение журнала.

– А сколько вы планируете детей?

Учительница внимательно посмотрела на меня.

– Пять, – ответила и опять уставилась в журнал.

– Круто! – оценил я. – А когда планируете первого?

Наталья Николаевна опять внимательно посмотрела на меня.

– Чем же вызван такой интерес?

– Не торопитесь с детьми. А вдруг вы разлюбите мужа, ну, сами понимаете, дело молодое. Разводы на каждом шагу. Я это к чему говорю, чтобы вы помнили, что к тому времени я уже стану совершеннолетним и на вас смогу жениться.

Одноклассники всегда были благодарны мне, хотя и считали меня легкомысленным. Но сейчас в классе воцарилась мёртвая тишина. Такой наглости от меня, видимо, не ожидали даже они, мои одноклассники.

Наталья Николаевна задумалась.

– В меня что, влюбиться нельзя? – я пытался держаться выбранных козырей.

– Почему же, можно. Вы с юмором, а я люблю людей весёлых. Но я люблю и образованных, и перед будущей свадьбой хочу убедиться, что вы, молодой человек, прекрасно знаете историю царствования Ивана Грозного. Так что милости просим к доске.

Я медленно поднялся, понимая, что пересолил свадебный каравай и теперь, вместо пиршественного стола, неизбежно плыву к позорному столбу.

– Пожалуйста, Николай, коротко и ёмко.

Я вышел к доске.

– Иван Васильевич Грозный, время царствования 1547–1584 годы, – начал я размеренно и стараясь держаться тех скудных строк, какие успел подглядеть в раскрытом учебнике своего соседа. – Наталья Николаевна, не нравится мне Иван Грозный!

– Что же так? – отозвалась вдруг она с пониманием моей затруднительной ситуации и откинулась на спинку стула.

И я почувствовал самыми сокровенными уголками своего живота, что она приготавливается с наслаждением вернуть мне обратно все мои дерзости.

– Понимаете, Наталья Николаевна, у всех цари как цари, а у нас – то тупой, то бездарный. Вот взять того же Ивана Грозного, сколько он народу загубил? А опричники, как фашисты, устраивали карательные операции, жгли, вешали! А сколько царевичей передушили?! Цари против бояр, бояре против царей. На Западе – электричество, а у нас – свечи, там – паровозы, а у нас – полудохлые, заморённые лошади! Даже стыдно. Вот если бы я родился во Франции...

– А что вы знаете о французских королях?

– Ну, там всё в порядке, – невнятно ответил я, понимая, что о французских королях я даже приблизительно ничего не знаю. И напрасно заикнулся в их сторону.

– Мне всё понятно, но я думаю, что многие из вас немного знают, а потому послушайте, что я сейчас вам расскажу. – Наталья Николаевна встала и пошла между рядами. – Иван Васильевич Грозный был достаточно привлекательным человеком: высокий, стройный, с ясным взглядом, прекрасный ритор, талантливейший писатель, философ – христианин, который ежедневно по несколько часов своего времени посвящал церковным службам. В три года осиротел. Будучи семнадцати лет от роду взошёл на престол и, невзирая на все интриги, какие сплетали бояре за-ради своей власти и денег, простил всех: «Забудьте, чего нет и не будет. Оставьте ненависть, вражду», – сказал он с Лобного места народу и боярам.

– Куда вы, Николай? – прервала свой рассказ учительница. – Я за вас сейчас отвечаю урок, а вы даже постоять не хотите.

Я вернулся к доске.

– Иван Васильевич ввёл обновлённый Судебник, – продолжала Наталья Николаевна. – Навёл порядок на севере страны. А затем на южных рубежах усмирил казанских татар, терзавших разорительными набегами окраины России. Именно в царствование Ивана Грозного окончательно формируется русское самосознание и понимание государственности как общего дела и общего служения Родине. Это мировоззрение не претерпело изменений за все прошедшие четыреста лет! Но главное, сформировалась доктрина Русь – Третий Рим. Теперь об опричниках. Вы, Николай, говорите – фашисты. Параллель, которую вы проводите, просто невежественна, если не сказать – кощунственна, но я прощаю вам вашу необразованность. Надеюсь, что к истории своего Отечества вы научитесь относиться уважительно, если захотите узнать её. Кто не знает истории своей Родины, тот не может её любить.

Ивана Васильевича прозвали Грозным. Обратите внимание, не Жестоким, Кровожадным, а именно Грозным. Да, Иоанн родился во время грозы, но прозвище не закрепилось

бы за ним, если бы не великая сила духа и политическая воля на пути государственного строения, которую проявил царь Иоанн. Я хочу быть грозным учителем и стану им, если услышу на уроках столь безапелляционные заявления.

Когда бояре в очередной раз попытались втянуть его в интриги, царь создал отряд опричников – людей, на которых можно было положиться. Символами опричников были собачья голова и метла – это символы преданности и борьбы с предательством. Вот, что вы должны были мне ответить сейчас.

– Замечательно, Наталья Николаевна! – рванул я наступившую тишину, понимая, что уже утонул и давно стою не у доски, а на илистом дне какого-то вонючего водоёма. – Да, всё так, Наталья Николаевна, но Иван Грозный – а вы должны знать это! – был четыре раза женат, а я однолюб и женюсь на вас только один раз и всё! И до самой до вашей смерти.

Наталья Николаевна удивлённо смотрела на меня и почему-то молчала. Ребята тоже сидели не шелохнувшись. Потом она как-то грустно улыбнулась:

– Собственно да, я же старше. Хорошо, Николай, я не буду ставить вам двойку. Вы нас сегодня удачно развлекли, но следующий урок готовьте серьёзно. Садитесь.

Одноклассники, предатели, после урока молчали. Поняли, что и сами не умнее меня. Спасибо так никто и не сказал. А ведь я кого-то сегодня выручил, и он, этот кто-то, не получил двойку.

ПУГОВИЦА

Очевидно, что мне не хватает оперативной памяти и я с трудом вспоминаю, что было на днях, как зовут того лысого черта, в какой папке спрятан нужный файл или куда я положил молоток. Часть дня уходит, как говорила моя мама, чтобы «найти вчерашний день». Но хочу тут же заметить, что не всё так грустно и безнадежно, и в моём окне памяти есть место лучу света, иногда прошибает такой удивительно тёплый, чистый и яркий свет, что аж глаза слепит. Этот свет из самого детства, из тех времен, когда девичья юбка действовала, как красная тряпка на корриде, когда воздух сам влетал в легкие и будоражил воображение, а на сердце всегда звучала радостная или душевная, но очень трепетная песня!

Я учился в легендарной 22-й школе, не так чтобы очень хорошо, но учился терпеливо и безысходно. Класс был хорошим, не очень дружным, но самостоятельным, и всё потому, что мы преодолели черту детской трусости перед учителем и оценкой, которые держали нас в ежовых рукавицах первые годы учебы. В седьмом классе наши хвосты начали покрываться робким, но многоцветным оперением. Утренники теперь назывались мероприятиями, родители сидели не в зале, а дома у телевизоров, мы же учились накрывать ещё безалкогольный стол, но уже с закусками. Между торжественной частью и чаепитием непременно проводились развлекательные конкурсы. Памятное мероприятие, о котором я завел речь, было посвящено Международному женскому дню 8 марта.

Мы собрались после уроков в актовом зале на первом этаже школы, стулья заботливо расставили вдоль стен. Я не помню всех деталей и подробностей того дня, но точно помню стол с бубликами, пышками, рогаликами, пончиками и устремлёнными, будто ракеты на космодроме Байконур, бу-

**Одноклассники. 10-й класс.
Виктор Грачёв, Андрей Лаптев,
Игорь Синюшин**

тылками «Дюшеса» и шипучего «Бура-тино». Как я любил лимонад! Но прежде торжественная экзе-куция: в зал вошли ВПП – Прохорова Валентина Павлов-на – наша классная руководитель и завуч школы Антонина Савельевна, у которой по какой-то траги-ческой случайности прозвища не было. Но у нас в классе было две неприлич-но круглые отлич-ницы – это Ленка Комарова и Тань-ка Косаткина, в их дневники было про-тивно смотреть, одно-образие и штиль, как

на болоте. А вот по моему дневнику успеваемости можно было проследить всю бурную и трагическую жизнь будуще-го писателя. Каждая страница – это карта боевых действий, с наступлениями, перемирием, победами и проигрышами. Иногда внизу страницы, на полях, учительница выкиды-вала белый флаг, просила пощады и умоляла родителей прийти в школу.

Еще у нас была воображулистая Маринка Ронкина и заносчивая Ольга Савиных, которые вечно выигрывали всесоюзные олимпиады по физике и математике. Вот по поводу этих отличниц и выскочек явилась Антонина Саве-льевна с особым поручением и завидными подарками.

После торжественной части и награждения, но до чаепития в программе значилась игровая часть, где мы соревновались с девочками и где, как полагается настоящим джентльменам, проигрывали им: таким совершенно убогим и примитивным способом мы радовали наших будущих спутниц жизни. Честно скажу, я не помню, что за конкурсы проводились в тот день, потому что я презрительно и хладнокровно не участвовал в этом нечестном спектакле. Я высокомерно болтался без дела в ожидании пропустить стаканчик-другой лимонада. И вдруг я усёк, что в толпе одноклассников смятение, никто из пацанов не хотел участвовать в конкурсе швей! А делов-то было – пришить пуговицу к тряпочному лоскутку наперегонки с девочкой. Оценив всеобщую растерянность и негодование девочек, я согласился на поединок. Моей соперницей стала Марина – великий математик и зазнайка!

Маринка была большеглазой, худенькой, вечно с претензией на затейливую причёску на забитой формулами голове, всегда щепетильно аккуратная и крайне дисциплинированная. Из ее юбки торчали тонкие, как палки, ноги и упирались в большие ботинки. Мы в своих мальчишеских кругах считали, что она совершенная дура, но училась она почему-то хорошо.

Я должен пояснить, почему я так смело и безрассудно согласился на не свойственный мужскому достоинству конкурс швей. Дело в том, что мама держала меня в строгости, именно мама, потому что папа к тому времени уже уплыл в самостийное плавание, и как я понял, возвращаться не собирался. В доме

Марина Ронкина

Николай. 9-й класс, 1972 год

мы с сестрой делали всё сами: варили, мыли, стирали, прибывали, когда требовалось, гвозди, гладили и занимались прочей житейской ерундой очень самостоятельно. Ещё в классе третьем мама отказалась пришивать мне оторванную в послешкольной возне пуговицу, подала иголку, нитки и надменно предложила мне совершить этот трудовой подвиг самостоятельно. Я его совершил после третьей затрецины качественно и надёжно, мне кажется, что та пришитая пуговица всё ещё жива и так же

намертво приторочена к уже истлевшей школьной курточке.

Однако на этом обучение швейному делу не закончилось, у меня протёрся всё на той же курточке локоть, егозил я за партой, как истинный двоечник и непоседа. Заметив порчу имущества, мама подала мне лампочку, обычную лампочку накаливания с тонкой спиралькой внутри, и рассказала, как нужно штопать, мол, сначала нить кладется так, а потом ровно перпендикулярно, при этом нужно было умудриться все эти нити переплести между собой, как корзину. Лампочка нужна была как поддерживающая опора, на которой и развивались все эти драматические события. Мама консультировала, терпеливо помогала и добилась-таки от меня качественного результата. В последующем я пришивал всем пуговицы – и маме, и сестре, штопал и вы-

полнял посильный ремонт верхней одежды. Более того, я овладел напёрстком, когда пришла пора пришивать пуговицы к зимним пальто.

Конкурс так конкурс! Я подошёл к столу, на котором лежали иголки, деревянные чурички с нитками и лоскутки материи, а в пол-литровой стеклянной баночке полоскалось несколько пуговиц. Я взял иголку и нитку, наклюнявил кончик нитки, она безошибочно влетела в ушко, одним движением вокруг указательного пальца я оставил на хвостике узелок, скрепив обе нитки разом, приложил пуговицу и в несколько привычных приёмов пришпандорил её, заключив финальным узелком. Потом уже с победным наслаждением откусил нить ещё молочным, но достаточно крепким зубом.

Класс онемел, Марина всё ещё возилась с иголкой и от волнения не могла попасть в ушко.

– Не правильно! – сказала ВПП и посмотрела на меня выразительно, типа, ты что творишь. – Коля начал пришивать без команды, раньше Марины. Предлагаю конкурс повторить.

Антонина Савельевна предательски закивала головой и на пальцах, будто немому, пыталась мне что-то сказать. Но я азбуку жестов не знал, а мой друг Витька Грачёв, который всегда был сообразительным, но крайне не расторопным, ткнул мне кулаком под лопатку.

– Не торопись, – шепнул он мне на ухо.

– Нормально, – отмахнулся я, решив, что друг заботится обо мне и трепетно ждёт моей победы.

Хочу сказать, что Антонина Савельевна учительница, конечно, хорошая, но штучка ещё та: только в десятом классе я узнал, что она ходила обслуживаться к моей маме в парикмахерскую. А я всё время удивлялся, почему у завуча школы такая же красивая причёска, как у моей мамы, и откуда мама знает про все мои школьные тайны. Стучала она на меня, скажу я вам откровенно, стучала беззастенчиво и профессионально!

Я дождался команды «Марш» и, сделав выразительную паузу, давая фору своей сопернице, повторил свой подвиг так же стремительно, но на этот раз стежки на пуговице я положил крест-накрест, получилось симпатично.

– Марина – первая! – решительно подвела итог конкурса Валентина Павловна. И все почему-то с облегчением выдохнули и вслед за Антониной Савельевной зааплодировали, но Марина вдруг бросила свою тряпочку на стол и чуть не плача убежала домой.

Ребята не хотели со мной разговаривать, Витька выразительно повертел пальцем у виска. Я ничего понять не мог и тоже, не прощаясь, свалил домой.

Вечером по телефону Витя пытался мне доказать, насколько я тупой, но я действительно был тупым и ничего не понял. Я кричал, что это конкурс, соревнование, и при чём здесь девочка и Восьмое марта, мол, всё должно быть честному! Я не понимал Витьку до следующего года.

Когда после лета мы собрались в классе, я вдруг заметил, как изменились ноги у Марины, как она вдруг округлилась под школьной формой, какой томительной тенью покрылись её обворожительно карие глаза... Но перспектив у меня уже не было, она не простила мне моей победы даже через двадцать лет, когда мы увиделись на Встрече выпускников. Она степенно ступила в класс с затейливой причёской на голове, вся офигенно красивая, улыбнулась всем, а на меня посмотрела, как на растёртую по оконному стеклу муху – высокомерно и даже брезгливо.

Так вот, пацаны, для чего я развёл всю эту бодягу с пересказом какого-то там праздника Восьмое марта. Просто я хочу вас предупредить, что прежде чем совершить подвиг, надо подумать, а нужен ли он окружающим? Короче, пацаны, нужно думать, всегда много и хорошо думать, особенно если рядом девчонки и если действительно любишь лимонад.

САЛЬТО-МОРТАЛЕ

Когда мамина подруга тётя Неля работала буфетчицей в цирке, к нам в город приехала всемирно известная иллюзионистка, и звали её, кажется, Гертрудой, но не исключено, что Виолеттой, а возможно, даже Сюзанной. Точно я не помню, но имя было загадочным. Из какого мира это небесное тело рухнуло на наш город, я не знаю, но тётя Неля рассказывала, что эта артистка крайне надменна и капризна, и даже сам директор цирка почему-то лебезит перед нею, как дворняжка перед колбаской. Рядовых сотрудников это обстоятельство крайне раздражало и вызывало ироническую скорбь, поскольку с ними директор не церемонился. Может быть, именно поэтому мама и тётя Неля в разговорах между собой звали эту цирковую супер-пупер-звезду просто и незатейливо – Звезданутая.

Звезданутую цирковую знаменитость я видел, и не один раз, потому что она обслуживалась у моей мамы, которая работала в парикмахерской и едва ли не каждый божий день строила на её голове невероятно пышную причёску. На эту причёску – а вот это я запомнил точно – уходило два шиньона. Сначала мама принимала Приму в парикмахерской, а потом уже и дома, отчего наш семейный достаток немного попрос.

Прима была обыкновенной женщиной, ничем не примечательной, за исключением усиленной и даже необузданной манерности: она вела себя, как капризная принцесса, уставшая от внимания поклонников, придворной челяди и шутов. И теперь у меня перед глазами её неспешные и томные движения, взгляды, обращённые под веки, глубокие ахи и вздохи – действительно абсолютно звезданутая, причём на всю голову. При взгляде на Приму создавалось впечатление, что иллюзионистка однаж-

ды вышла на сцену, а сойти с неё забыла. Но подлинной жизнью она дышала на арене нашего нового цирка, в своём водном аттракционе, расцвеченном причудливыми танцами фонтанов. Её номер занимал всё второе отделение, отчего перерыв полностью приходился на установку и монтаж её громоздкого оборудования. Кстати, я знал, что под ареной цирка есть огромное помещение, в которое во время представления исчезали её помощницы-красавицы. Они тоже бывали на приёме у мамы, и я видел их заспанные и малопривлекательные физиономии. И должен признаться со всею прямоотой – они не были красавицами, а уж кто и был настоящим иллюзионистом в нашем городе, так это моя мама. И тогда уже я задумался над неутешительным выводом: ох и дурят же нашего брата-мужика! Ох как дурят! Прямо в бараний рог скручивают, в самокрутку сворачивают, как младенцев беспомощных пеленают, нежными, в боевой маникюрной окраске пальцами, чтобы только не вырвался из цепких и беспощадных женских рук.

Памятный разговор с Примой произошёл случайно. Я вернулся из школы, сумка с книгами улетела на диван, я – на кухню, где что-то и быстро успел закинуть на дно желудка, и готов был уже бежать на тренировку, как услышал из маминой комнаты:

– Юноша, это вы?

Я приоткрыл дверную щёлочку в мамины апартаменты, и предо мной явилась чудовищная картина: на стуле сидела Прима, в заношенном мамином халате, моих тапочках и с целлофановым пакетом на голове, из-под которого вытекала коричневыми струйками то ли краска, то ли какая иная секретная женская приманка. Вся эта прелесть ручейками бежала по её лицу и, точно лава, застывала на шее неопрятной коростой.

– Юноша, – как-то безразлично и даже лениво поинтересовалась Прима, – вы любите цирк?

Более дурацкого вопроса в своей жизни я не слышал. Разве можно не любить цирк мальчишке в четырнадцать

лет, который вот уже пять лет бегают в гимнастический зал и мечтают стать великим и знаменитым спортсменом!

– Конечно, люблю!!!

– А доводилось ли вам бывать на наших представлениях?

– Да, конечно, – с меньшим энтузиазмом ответил я. Поднял глаза на часы: до тренировки ещё полчаса, то есть в распоряжении Примы не более пяти минут. Она явно скучала, видимо, мама накрасила её, а сама куда-то ушла, и Приме хотелось разделить с кем-нибудь вынужденное безделье.

– А кто вам, молодой человек, более всего симпатичен: фокусники, жонглёры, – она отчего-то манерно ударяла на «о», – или клоуны? Наверное, всё-таки клоуны? Я угадала? – Прима сидела неподвижно, её глаз из-за надвинутого на лоб пакета практически не было видно, и я глядел только на мимику её губ.

– Мне нравятся акробаты!

– Очень странно! Отчего же не клоуны? – закапризничала Прима.

– Клоуны тоже, но акробаты больше.

– Хотя бы, например, фокусники? Акробаты крайне грубы и дурно воспитаны, – попыталась преподать мне урок назидания Прима.

– Но они стоят на руках, как боги! – с восторгом заявил я и, чтобы окончательно решить спор и убедить Приму, распахнул дверь настежь, и тут же, в проёме, встал на руки, развернулся и, шлёпая ладонями по полу, пошёл к выходу.

– Bravo! – услышал я уже на лестничной площадке. – Недурственная техника!

И вот эта последняя её фраза о моей технике меня подкупила навсегда, и даже теперь, когда прошла целая жизнь, я испытываю благодарные чувства за её высокую оценку моих гимнастических навыков. Но всё должно было бы на этом закончиться, потому что каждый получил, что хотел: Прима убила несколько минут безделья, я произвёл

впечатление и при этом не опоздал на тренировку. Но, видимо, в цирке и с цирковыми артистами всё по-другому. Через пару дней мама передала мне прямоугольную визитку Примы и сказала, что теперь и отныне я могу ходить в цирк на любое представление, но только через служебный вход.

– И меня пропустят? – с недоверием полюбопытствовал я.

– Ещё как! – уверила меня мама. – Это же визитка самой и несравненной... – И далее мама перечислила её международные заслуги и звания. Я очень удивился, потому что значимость перечисленных регалий не совмещалась в моей голове с маминым драным халатом и моими истоптанными тапочками. Однако ни в этот день, ни в последующий в цирк я не пошёл! Почему? Думаете, я не знал, где находится служебный вход? Знал, конечно! Думаете, я волновался и несколько раз подходил к дверям, но не сразу решился открыть их? Да, на этот раз вы не ошиблись, именно так и было! И я вошёл с пятой или седьмой попытки! Господи, как глупы были мои опасения по поводу того, что меня с позором вытолкают прочь! Всё случилось не так. Вахтёр глянул на визитку, нажал на педаль, которая блокировала вертушку, я, удивлённый простотой манипуляции, шагнул вперёд... и вот я в цирке!

К моему удивлению, цирк встретил меня едким запахом навоза и ароматами пряных духов. Пробежал мужик с собачкой на руках, громила в ливрее посмотрел на меня внимательно и свысока и грубо спросил, за-ради какого овоща я здесь болтаюсь. Я предъявил ему визитку. Мандат от Примы действовал на всех, как удав на зайца – завораживающе, и скручивал смотрящих в мелкую и податливую пружину. И меня любезно провели и усадили в директорской ложе. Ха! Вы можете себе представить, что эта самая ложа находится на втором ярусе, как раз напротив выхода на арену, а тут же, над входом – рукой достать можно – весёлый цирковой оркестр. А вокруг празднично одетая публика – теснотища и толчея, и только я один в директор-

ской ложе, как в ладье, покачиваюсь в гордом одиночестве на людской бурлящей волне! Сначала я устроился на носу ложи, потом переместился на корму, но после решил, что солиднее, если я расположусь посередине, там, где, предположительно, должны быть мачта и капитанский мостик.

Но вот восторжествовали фанфары, и оркестр заиграл цирковой марш! Господи, какой это замечательный и красивый марш! И в тот же миг распахнулись кулисы, и начался парад артистов цирка: сначала шествовали красавицы в каких-то невероятно пышных и ярких перьях, потом воздушные гимнасты, кувыркаящиеся акробаты, жонглёры, играющие в воздухе любыми предметами, собачки, козочки и – о господи! – медведь на цепи! Его вёл старичок – божий одуванчик, а за ним шествовал Геракл, нет, сам Аполлон – гора мускулов! Это был бородатый богатырь, затянутый серебряным поясом, в золочёных сапожках и в манжетах на руках. Но я уже знал, что под манжетами прячется эластичный бинт, защищающий запястья от травм. И в момент, когда все уже выстроились вокруг арены, в центр манежа царственно ступила Прима и её помощницы!

Вот когда я испытал восторг! Да нет, не от того, что Прима была в короне и королевском платье, шлейф которого несли два пажа-карлика, и даже не от того светового калейдоскопа, который крутил весь амфитеатр цирка и арену в едином круговороте весёлого и бравурного марша! Я испытал восторг от того, что я знаком с самой... имя, жаль, не помню, с самой знаменитой Примой цирка, которая не просто пригласила меня в директорскую ложу, но и теперь приветствовала меня взмахом руки и улыбалась! И я помахал ей! Я видел, что на меня обратили внимание все зрители и все артисты цирка. Я понимал их замешательство и знал – они сейчас все в недоумении и, может быть, мучимы одним и тем же вопросом: кто этот юноша в директорской ложе? А это был я!

И жизнь моя вдруг изменилась, потому что наступили каникулы и потому что тренер перевёл нас с пятидневных нагрузок на трёхдневные, и потому я шастал в цирк уже как на работу, беспрепятственно преодолевая вахтёров, которые вскоре перестали спрашивать с меня какие-либо документы. Я проходил в зал, садился на второй ряд и наблюдал за репетициями артистов. Признаюсь, что репетиции значительно интереснее представления. Вот где настоящий цирк – за кулисами! Настоящий цирк – он не лощёный и не праздничный, и я уверен, если бы зрители могли выбирать, поверьте, все ходили бы только на репетиции. Все артисты, подавляющее их большинство, почему-то очень эмоциональны, а некоторые безудержно эмоциональны. Вот эти немногие, у которых в работе уживались и свежий матерок, и подзатыльники, были мне крайне интересны. Более всех дурачились клоуны – они даже дрались между собой. Но вечерами, выпив немного в буфете у тёти Нели, как ни в чём не бывало они выходили на арену, и зал рыдал от смеха. Закулисная жизнь – удивительная жизнь! Как все ухаживали за больным и капризным слоном, которого оставили в цирке уехавшие артисты! Ему носили яблоки и апельсины, а когда он начинал стонать, гладили по мочуехой ноге, словно кошку по лапке.

Если не брать в обязательный расчёт танцующих девушек и акробатов, то среди прочих мне особенно нравился силач. Вот его-то я запомнил на всю жизнь. Его звали Валентин Дикуль. Он был подобен русскому богатырю и виделся мне просто огромным: накачанные мышцы, борода, серебряный пояс стягивал талию. Он выходил на арену на специально подготовленную платформу и жонглировал гирями по восемьдесят пять килограммов каждая. А ещё я запомнил шары, золотые: он катал их по рукам и груди, подбрасывал вверх и ловил на шею. Иногда он ставил гирию на барьер арены и жестом приглашал зрителей попробовать поднять её. И находились смельчаки! Но только один однажды двумя руками поднял эту гирию выше головы.

За смелый выход этому зрителю аплодировали, как настоящему артисту.

Но дело было не в гирях и не в силе атлета, а в том, что Валентин, как рассказали мне работники цирка, был воздушным гимнастом и упал во время номера. Говорили, что сильно переломался, лежал парализованный, но начал тренировать себя – и совершилось чудо, о котором говорили даже доктора, не верившие в его выздоровление. Я с восторгом наблюдал за своим кумиром, который на ту пору моего подросткового максимализма затмил всех прочих Героев Советского Союза. Он репетировал сосредоточенно и усердно, не обращая внимания ни на кого, и только один раз подмигнул мне, потому что я в это время был его единственным зрителем. Шёл первый или второй год, как Валентин вышел на арену цирка после продолжительной болезни и изнурительных тренировок. В те ранние юношеские годы я понял, что чудеса бывают только тогда, когда мы сами стараемся их совершить. И я решил, что тоже буду твёрдым и уверенным в достижении своей цели, а если случится беда, то, как Диккуль, буду тренироваться и совершу чудо. И на своих тренировках прыгал бесстрашно и уверенно, потому что не боялся никаких переломов.

В основном, конечно, я посещал репетиции акробатов. Я с интересом и пониманием следил за их работой. Труппой руководил дядя Лёша, по крайней мере, его так все звали. Особенность труппы заключалась в том, что все акробаты были разновозрастными родственниками – сыновьями, зятьями, братьями или племянниками.

В тот день я, как всегда, сидел во втором ряду, а на арене работали акробаты. Собственно, они занимались тем, чем и мы занимались у себя на тренировках – разучивали новые акробатические упражнения. А потом уже, в конце репетиции, проходили всю программу выступления от начала до конца. В тот день дядя Лёша очередной раз бился с племянником Серёжей, мальчишкой лет десяти. Они разучивали с ним арабское сальто. Это достаточно простое

упражнение, его ещё можно назвать сальто боком или в сторону. Чуть сложнее сальто назад, потом по сложности идёт сальто вперёд, бланш*, пируэт, лунное сальто** и прочее акробатическое разнообразие.

Серёжа конкретно буксовал и никак не мог сделать это несчастное арабское сальто. Дядя Лёша уже открыто раздражался на него, а тот упрямо смотрел на ковёр и опять творил чёрт знает что.

– Серёжа! Не надо спешить, вот смотри, два шага, прыжок и группировка! Группируясь, ты себя закручиваешь, вот так! – И дядя Лёша ловко продемонстрировал арабское сальто.

Серёжа или специально не хотел и включал дурака, или действительно у него не получалось. Такое бывает: работаешь над сложнейшими прыжками, а какая-нибудь проходная вещь не идёт и всё тут, хоть убейся! Я помню, как забуксовал на перевороте вперёд, а потом так почувствовал его, что следом за переворотом делал сальто вперёд прогнувшись! Представляете: переворот вперёд и сальто вперёд прогнувшись! Хотелось бы увидеть этого смельчака, который рискнул бы повторить эту связку!

– Серёжа! Ты чё, издеваешься?! – уже орал дядя Лёша. – Вон, видишь, пацан сидит, он уже наверняка понял, как надо группироваться! – И вдруг дядя Лёша поворачивается ко мне и спрашивает: – Слушай, друг, скажи, ты понял, как надо группироваться?

– Конечно, – с готовностью откликнулся я.

– Вот видишь, сидит пацан, простой местный пацан, и тот уже всё понял, а я с тобой уже месяц бьюсь и никакого результата! Давай ещё разок, но только соберись.

Видимо, то был не самый удачный день для Сергея, он опять недокрутил и упал на поролоновый мат.

---

* *Бланш* – сальто назад прогнувшись.

** *Лунное сальто* – в просторечии – сальто с одновременным вращением в поперечной и продольной осях.

– Я уже устал тебе показывать. – И вдруг дядя Лёша вновь повернулся ко мне. – Слушай, если ты всё понял, может, и сальто сделаешь? Может, это его пробьёт?!

– Ладно, – согласился я, разулся, перескочил через барьер и, ускорившись в два шага, сделал арабское сальто.

– Ты видел, что творит, – обратился к Серёге дядя Лёша, – ты видел высоту и скорость вращения? Ты видел, как он руками себе помог закрутиться? Слушай, парень, – обернулся он ко мне, – а что ты ещё умеешь делать?

И, не моргнув глазом, я ответил:

– Всё!

Труппа акробатов, которая давно наблюдала за нами, дружно рассмеялась.

– И сальто-мортале можешь? – вдруг ввернул, как ему показалось, горький вопрос Серёжа.

– Это как? – не понял я.

– Это сальто назад, цирковая терминология, типа смертельный прыжок, ничего особенного, – ответил дядя Лёша, уже догадываясь о моём положительном ответе.

– Назад могу двойное, а вперёд двойное только с трамплина, – не тормозил я.

– Здорово, – оценил дядя Лёша, и все закивали, соглашаясь с ним, – а окрошку* осилишь?

– Без проблем, – я уже захлёбывался хвастовством и кинул в довесок на свою чашу весов: – и лунное сальто могу!

– Лунное? В двух осях? – не поверил дядя Лёша.

Я восторженно закивал.

– Всё, ребята, мне пора на пенсию, если пацан из Новосибирска может делать то, чему я научился уже под старость лет! Мне пора на пенсию. Всё, допрыгались.

С того дня и началась наша дружба. И я изредка даже прыгал вместе с ними на репетициях. И Серёжку научил

---

* *Окрошка* – в просторечии – акробатическая связка: рондат – фляк – сальто темповое – фляк – сальто группированное.

делать арабское сальто – я просто понял, что он боялся. И я ему сказал, что если он боится, то никогда не станет настоящим акробатом, потому что настоящий акробат – это тот, кому неведом страх, акробат – это самый свободный человек в мире, акробат – это птица, ему даже земное притяжение нипочём. И я в подтверждение своих слов подпрыгнул, взлетел и сделал арабское сальто. Это так удивило Серёжку, что он тут же разбежался и сделал это несчастное арабское сальто. Сам удивился и засмеялся, да так задорно, что и я с ним смеялся как полоумный. А потом я ещё научил его делать твист – это такое сальто назад с поворотом.

И вот однажды дядя Лёша увидел меня в цирке и сказал:

– У меня работать сегодня некому, приходи, я с директором постараюсь всё уладить. Понимаешь, обстоятельства: у нас дед помер – старейший акробат, основатель труппы, и ребята поехали проститься, вот мы и остались вчетвером, сам понимаешь, ни два, ни полтора.

И я умчался за спортивной формой домой, благо жили мы минутах в семи от цирка. Когда я вернулся и нашёл дядю Лёшу, тот огорчённо развёл руками:

– Извини, зря тебя гонял, директор категорически против, видишь ли, есть такая наука – техника безопасности. Кто, говорит, отвечать будет, если что случится. Он прав, за всё в ответе директор. Вот так, брат-акробат.

– А если Приму попросить, ну эту, иллюзионистку, она знаешь какая! Он её сразу же послушается, – горячо предложил я.

– Нет, я не могу, мы поссорились с нею, обиделась она на меня, – глубоко вздохнул дядя Лёша и посмотрел куда-то вдаль печальными глазами незаслуженно побитой собаки.

Вот в чём дело, понял я, дела тут сердечные, запутанные. Любовь! Я уже знал, что это такое, и мне от всего сердца стало жаль дядю Лёшу.

– Щас рисуем, – уверенно сказал я. – Я пойду к ней, она его, этого директора, как лягушонка, наизнанку вывернет и авкаты научит.

– Что делать? – не понял дядя Лёша.

– Авкать. Лягушка что делает – квакает, а если её вывернуть наизнанку, она авкает! – радостно пояснил я и кинулся в гримёрную Примы, потом повернулся и крикнул: – А ещё я вас сейчас помирю!

– Не вздумай! – услышал я дядю Лёшу, в голосе которого уловил надежду и благодарность.

С Примой к тому времени у меня сложились совершенно дружеские и доверительные отношения. И всякий раз, когда мы встречались у нас дома, она начинала болтать со мной без удержу, но, как всегда, манерно и со вкусом. Или, когда я приходил на представление и размещался в директорской ложе, она махала мне рукой и даже посылала воздушные поцелуи. Но что мне эти поцелуи от старухи: ей уже, как и маме, и тёте Неле, было лет под тридцать пять. Лучше бы подтанцовка посылала поцелуи, там тоже девчонки не молоденькие, как говорится, не первой свежести, лет по восемнадцать, но всё равно не так безнадежно.

Я не знаю, о чём говорила Прима с директором цирка, но то, что он сам пришёл и уведомил дядю Лёшу о своём разрешении на моё выступление в составе акробатической труппы, – то факт исторический. Когда я переоделся, дядя Лёша несколько смутился. Дело в том, что они выступали в светло-сиреневых одинаковых майках и спортивных трусах, а у меня было ослепительно белое шерстяное обтягивающее тело гимнастическое трико. Он махнул рукой, мол, семь бед – один ответ. И вот мы за кулисами на изготовке. Но сначала девчонки танцуют, они стояли с нами за кулисами и должны были, пока разбирают оборудование предыдущего номера, заполнить паузу своими танцами. Паузы заполняли либо клоуны, либо танцующие девушки. Они стояли совсем рядом, шелестели своими яркими перьями и тихонько переговаривались. Тут же ходил разодетый, как павлин, конферансье в ливрее: он вышагивал важно и иногда по-индюшачьи шипел на болтающих девушек и щипал их за тощие бока.

Как приятно чувствовать себя соучастником праздника. И вот наконец запыхавшиеся после танца девчонки забежали за кулисы, потом торжественные фанфары, конференсье объявляет наш номер, и под какую-то немислимую музыку мы бежим навстречу ослепительным прожекторам и лучами разлетаемся по манежу в разные стороны, каждый исполняя свою акробатическую связку. Я замолотил несколько фляков* подряд, они очень эффектно смотрятся. А потом я летал по арене без удержу, и дядя Лёша пытался меня слегка уговорить, но настроение, с которым я прыгал, понравилось многим, и нам бурно аплодировали. Мои прыжки отличались манерой исполнения, особой эластичностью и чистотой. Теперь-то я понимаю, зачем наш тренер водил нас на занятия в хореографическое училище, где мы часами томились у станка рядом с какими-то сопливymi девчущками и кляли тренера несчётно. Только я среди акробатов московского цирка мог исполнять затыжные прыжки с вытянутыми носочками, идеально прямыми ногами и ровно прижатыми пальцами рук! И в конце выступления, когда мы задействовали трамплин, который подкидывал нас метров на пять в высоту, и исполняли особо сложные прыжки, чистота исполнения вызывала особое восхищение зрительного зала.

О, как скоротечны счастья минуты! Я разбежался для заключительного прыжка, взмыл вверх в затыжном, на секунду завис в воздухе, любуясь многоликим амфитеатром, но вдруг в какой-то момент понял, что всё, как говорится, туши свет и поливай веники! – та заветная секунда уже позади и что-либо крутить поздно. Это как у парашютистов: поздно дёргать за кольцо, парашют уже не успеет наполниться воздухом. Я продолжал парить, теряя высоту и пикируя ровно на голову! Зал замер, предчувствуя беду, но в самый последний момент я сложился и упал на страховочный мат спиной, а ноги накрыли меня, гася силу паде-

---

* Фляк – переворот назад.

ния, и напуганный зал взорвался аплодисментами. Потом я уже нарочно исполнял этот прыжок, специально щекотал нервы зрителям.

Конферансье в момент, когда мы раскланивались и прощались, и уже готовы были покинуть арену, вдруг объявил, что к акробатической труппе из Москвы сегодня присоединился наш земляк, акробат из Новосибирска, и назвал моё имя. За земляка зрители согрели нас новой волной аплодисментов, и я почувствовал себя особо ответственным представителем нашего города, почти что дипломатом, обеспечивающим мир и согласие, и под шквал рукоплещущего зала последним покинул арену.

За кулисами первыми меня встретили девчонки из подтанцовки, они говорили очень приятные слова, и кто-то сказал, что я прошёл «крещение», мол, сегодня родился новый артист цирка, и ещё что-то удивительное и трогательное, и некоторые, как мне достоверно показалось, самые симпатичные девочки смотрели на меня с любопытством. А потом я увидел силача Валентина Дикуля, который ждал, когда рабочие утвердят на арене пирамиду с шарами и круглый помост. Он мне опять подмигнул и показал большим пальцем, мол, всё очень хорошо, и тогда вдруг я тоже ему подмигнул. Потом подошёл дядя Лёша, пожал мне руку, а Прима обняла меня, и я прижался к её боку и подумал, что зря мама и тётя Неля прозвали её Звезданутой. Да если бы она была другой, я бы так никогда

Валентин Дикуль

и не выступил на арене цирка! А дядя Лёша сказал, что цирк – это семья, и мы здесь все, как мушкетёры, живём по одному принципу: «Один – за всех, и все – за одного». После я ещё не единожды выходил на манеж, но вёл себя на арене сдержаннее. Профессионализм не купишь. Я уже знал, как надо работать со зрителем, и для этого совсем не обязательно мотаться по арене как угорелый.

Каждый день происходят чудеса, и, мне кажется, неважно, какие и для кого, – главное – победить болезнь, или преодолеть страх, или совершить немыслимое сальто-мортале, или создать причёску, которая превратит Золушку в принцессу. Все эти чудеса когда-то творили обычные, но трудолюбивые люди – наши родители. А что может быть важнее и величественнее сотворённого тобою чуда? Только новое чудо!

Поразительно, но, если вдуматься, ведь так оно и есть: всякое наше слово или поступок остаются и живут. Да, если бы я не встретил в своей юности этих замечательных и очень добрых людей, уверен, что по-другому бы сложилась моя жизнь. Но перед глазами был воздушный гимнаст и его мужественная школа жизни, буфетчица, утешающая драчливых клоунов, мама со своими великолепными причёсками, замечательная Прима с визиткой, влюблённый, трудолюбивый и очень добрый дядя Лёша, красавицы в перьях и ревущий больной слон – все мы в одном клубке жизни, плотном и едином.

И сегодня по-прежнему каждое наше слово и каждое дело касается друг дружки, и меня, и всех вас – вот откуда ответственность берёт своё начало. Ответственность за будущее всех и каждого. За каждое наше сальто-мортале мы в ответе, в ответе перед будущим!

КЛОУН

Кто в стремительной и бесшабашной юности своей не задавался вопросом: а что это за чудо такое – любовь? Ровесницы-девчонки строчили в дневниках: «Любовь – это роза, красивая, но колючая». Лично я искал ответ у поэтов и находил совсем не то, что искал: «Я вас любил, любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...» Но шокировала меня в этом произведении концовка, мол, «дай вам Бог любимой быть другим». Сознание зависало, мой быстрый на расправу процессор скрипел и отказывался давать вразумительный ответ на вопрос: «Зачем своей любимой желать любви другого пацана?!» Были и иные авторы, более конкретные и по-хозяйски деловитые, которые писали: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...», но далее опять пугали, мол, «всё будет – слякоть и пороша...» и несли прочую муть, наподобие девчачьей болтовни о розах и шипах. И что? И где ответ? По прочтении этих и иных не менее туманных сентенций вопрос оставался открытым, ответ блуждал в потёмках неразберихи вечно запутанных отношений между мужчиной и женщиной.

В студенчестве я раз пять был влюблён, то есть отточил свой характер до ловеласного. А в руки стали попадаться книги, в которых анатомия любви представлялась или в облачных просторах романтических грёз и фантазий, либо в грешных коридорах пошлости и цинизма. Ответа, который мог бы утолить мой пылко пытливый и въедливо дошный ум, категорически не было.

Легче дело обстояло с понятием любви к маме, папе, бабушке и другим ещё живым родственникам. С Родиной и патриотическими чувствами тоже всё обстояло более-менее определённо и достаточно аккуратно было уложено в моей, тогда ещё вихрастой голове. Но вот я ознакомился

с Новым Заветом, в котором чёрным по белому было написано: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Понять эту заповедь мой здравомыслящий мозг отказался сразу. По улице ходили, спешили, бродили люди, высокие и низкие, худые и толстые, но причём здесь я!? – рационально думал я. И с чего их всех вдруг необходимо любить?! Я этого понять не мог.

Потом я прожил много лет, и, как все люди на этой грешной Земле, страдал и радовался, терял и находил, предавал и был предан, лгал и был оболган, влюблялся и даже счастливо женился, но и после всех этих передрыг я так и не смог разъяснить, даже самому себе, что же это такое – любовь.

Но вот недавно я вдруг и совершенно беспричинно, после звонка мамы, вспомнил случай, который никогда не обсуждался и потому, наверное, и не вспоминался. И тот мамин звонок не был связан ни с моими мыслями о любви, ни с тем далёким случаем из детства. Но вот отчего-то слова, интонации, настроение и непогода за окном выстроились в ассоциативный путь, который увел меня в чашу давно позабытых дней.

Мне исполнилось тринадцать, когда младшую сестру положили в больницу на операцию. Я, кажется, всегда знал, что она больна, но вот так ясно и вдруг предельно отчётливо подступившую опасность понял только теперь. Я понял, нет, я её почувствовал всем телом, всею душою, всей интуицией. Я осознал, что есть смерть, реальная и жестокая, что она – смерть – то самое явление, которое не подвластно никому на земле. И я понял, что смерть сильнее жизни.

Учился я с тем рачительным расчётом, чтобы не доводить отношения с мамой до грубых разборок, чтобы моё прилежание и поведение не нарушали спокойствие завуча школы, готового в любой момент назначить свидание в кабинете директора. Кроме обязательной программы, которой потчевала наша средняя общеобразовательная школа за номером двадцать два, была любимая, но произвольная программа – я четыре раза в неделю посещал акробатиче-

скую секцию на стадионе «Спартак». В шестом классе я лихо прыгал и был изрядно ловок, и однажды в школе на спор спустился по лестничному пролёту на руках со второго этажа под восторженные аплодисменты сотни школьников, которые чуть позже сделались честными свидетелями этого события в кабинете у завуча по воспитательной работе. Я был унижен и прославлен одновременно.

К Нельке в больницу в Академгородок я ездил в свободные от тренировок дни. В кардиологическое детское отделение передачи не принимались, свидания были запрещены, видимо, как я теперь понимаю, с профилактической целью – не допустить в отделение заразу, типа гриппа, или какую другую гадость. Я выходил на остановке «Строитель» и через десять минут путешествия по вековому бору оказывался возле клиники, обегал двухэтажное здание с тыльной стороны, на которую выходили окна больничных палат с приклеенными к стеклу листочками, на которых взволнованным почерком были нарисованы номера. Я лепил снежок, запускал его в цифру пятнадцать, и в окне возникала чья-нибудь голова, а потом появлялась медлительная Нелька. Она, как и все жители этого отделения, синела остриженной наголо круглой головой и смотрела на меня, сидя на подоконнике. Я топтался под соснами, взмахивал руками, пытаясь что-то рассказать, – кричать было бесполезно, нас наглухо разъединяли двойные рамы окон. Потом мне изрядно надоело топтаться без толку на заячьей тропе, проторённой редкими прохожими, и я начал вытаптывать на снегу гигантские буквы её имени. Я вяз в сугробах, падал, а Нелька сидела на подоконнике и смеялась. И я вдруг понял, что надо делать. Нужно веселить сестрёнку! И тут же принялся изображать неловкого художника, который рисовал её имя на снегу. Я неуклюже падал в снег, выскакивал на тропинку, рассматривая своё произведение, а в самом конце забрался на толстую разлапистую сосну и прыгнул в снег, выдавив своим щуплым телом восклицательный знак в конце уже завершённого произведения. Когда я поднял голову, то увидел, что около Нельки сидят ещё девчон-

ки, такие же стриженные и весёлые. Они беззвучно хлопали в ладоши, и была среди них одна, почти моя ровесница, её круглую голову также украшали маленькие ушки и большие глаза. Но вот эти глаза и ушки мне показались самыми красивыми в мире. Я никогда и предположить не мог, что стриженная наголо девочка может быть такой обворожительной. Не надо даже сомневаться! Я влюбился в неё мгновенно, когда ещё валялся в позе восклицательного знака.

Уже в следующий свой приезд, когда рядом с Нелькой в окне появились все девчонки, я смело подошёл к вытоптанному на снегу имени сестры, сначала показал на него пальцем, а потом на красивую девочку и спросил: «Как тебя зовут?» Она поняла сразу, подышала на оконное стекло, которое тут же густо запотело, и написала своё имя. Я прочитал: Яна и принялся вытаптывать его на снегу. Но дети застучали в окно, и девочка начала писать буквы отдельно, одну за другой, и получилось: Аня. Я понял, что мне надо было читать не слева направо, как мы привыкли читать, а наоборот, справа налево, как в зеркальном отражении. Имя Аня мне очень понравилось, оно звучало в моём сердце хором небесных птиц, пока я вытаптывал на снегу её имя с особой тщательностью и клоунской сноровкой, кривляясь и падая.

Прошло несколько дней, и я вдруг заметил, что стоит мне ступить на тропинку, в окнах второго этажа, как по команде, появляются стриженные головы детей. Только в одном окне всегда было пусто, а когда там включался свет, мне было видно, что на потолке светилась огромная космическая тарелка.

Медсёстры и врачи не ругали меня и не гнали, хотя я приезжал после школьных уроков, и мой приезд почти всегда приходился на «тихий час» в больнице. Это был важный знак признания моего скоморошества полезным и нужным делом. Я совсем осмелел, хотя и сам догадывался, что детям и до операции и после было скучно и, наверное, страшно. Я освоил сосны, с которых умело и смело падал в глубокий снег, вновь забирался на них по-кошачьи ловко, разыгрывая очередной сюжет, который придумывал, пока ехал в Академгородок.

А потом вдруг в окне не появилась Анна. Я подошёл к её имени на снегу, показал на него пальцем и спросил Нельку: «Где?» Неля отстранилась от окна и провела рукой поперёк груди, и я понял, что Анне сделали операцию. Собственно я знал, что это когда-нибудь случится, в клинике всем делали сложные и опасные операции, но я почему-то решил, что мой влюбленный рай продлится вечно. В тот день я отработывал новую репризу, но мне было грустно. Нет, я не ленился, я честно работал, мотаясь по разлапистым ветвям сосен, но разыграл роль не влюблённой обезьяны, как смело задумал ранее, а обезьяны, потерявшей свою возлюбленную. И когда я сел на высокий сосновый сук, чтобы передохнуть, и увидел вытоптанное имя на снегу, мне почему-то подумалось, что вот придёт весна, и эти самые любимые имена растают и утекут. Я разместился на ветке сосны, как мне казалось, по-обезьяньи, по-чёсывая бока и вытянув губы трубочкой, завыл. Дети смеялись, а я почему-то завыл по-настоящему, по-человечьи, по-обезьяньи не получилось.

Прошла неделя, а Аня всё не появлялась в окне, а я ждал. Я ждал встречи с нею, и даже стыдился, что сестра, наверное, уже догадывается о моей влюблённости. Но Аня всё не появлялась, и тогда я опять подошёл к её имени на снегу и спросил Нельку: «Где»? А Нелька неожиданно отстранилась от окна и скрестила руки на груди, потом, как приставучую муху, нечто смахнула с лица и смущённо улыбнулась. А я понял, что Анны больше нет, что она умерла.

Я забрался на дерево, сел на сук и смотрел то в небо, то в окна, где синели стриженные головы детей, больше похожие на диковинные растения, тянущиеся к уличному свету, смотрел на вытоптанное в снегу имя, на витиеватую каллиграфию имени Аня, и назойливо и тоскливо думал, что вот имя человека есть, а человека уже нет! И в этом не было справедливости и смысла, и не было элементарной и понятной честности, которую от нас требовали взрослые. Я понимал ложь происходящего, потому что жизнь, так получалось, есть то самое место, где требуют одно, а на самом

деле происходит другое. И тогда, в тот самый момент, когда я, как всклокоченный и мокрый от растаявшего снега серый воробей, сидел на суку, совсем неожиданно выдохнулось из какого-то дремучего прошлого, со слезою и болью, и почему-то с жалостью к самому себе: «Господи! Как трудно жить!» И я уже точно знал, что веселить я не смогу, пусть дети не обижаются, пусть я плохой артист, но я не мог, потому что умерла Аня, самая красивая девочка в моей жизни, и изображать даже обезьянью тоску я не мог и не стал.

Я спрыгнул с сосны, помахал Нельке рукой, весь этаж махал мне, провожая грустно и удивлённо, но почему-то сдержанно и с каким-то пониманием. Я тогда ещё не знал, что дети, пережившие горе и боль, становятся мудрыми и понятливыми, как старики.

А я пошёл по заячьей тропе в бор, чтобы потом – на остановку, в автобус и домой, чтобы жить дальше, но без Ани, которая меня больше не ждала. И уже далеко в бору я сел в снег и дал волю слезам, и опять вырвалось, как стон, как проклятье: «Господи! Го-осподи-и! Почему же так трудно жить!»

Я очнулся, к моему плечу прикоснулись. Я поднял голову и увидел красивую стройную женщину.

– Зачем плачешь? – спросила она.

А мне показалось, что это сама смерть устыдилась своих дел, преобразилась и пожалела меня. Я вскочил и побежал прочь.

«Зачем плачешь?» – слышалось мне. Она спросила зачем, будто можно зачем-то плакать. Она не спросила, почему, а сказала – зачем, будто плакать – это никчёмное, пустое и неважное дело...

А потом в окне не появилась Нелька. Я знал, что в этот день ей будут делать операцию. Мы приехали вместе с мамой. Мама осталась в больнице, а я побежал к больничному окну, надеясь, что Нельку ещё не увезли в операционную и я увижу её, махну ей рукой, сморщю нос и скорчу смешную рожицу. Но Нельки не было в окне, зато были дети, дети всего второго этажа, которые смотрели на меня, улыбались и ждали представления...

Я хотел уйти, но в Нелькиной палате я увидел маленькую девочку, послеоперационку, её посадила на подоконник и придерживала, наверное, нянечка или, может быть, её мама. Опухшие глаза девочки смотрели на меня с какой-то глубочайшей мудростью и ожиданием, и я понял, что мне просто уйти и обмануть эти глаза, этого маленького человека нельзя, не имею права, это хуже предательства. Сегодня я – её радость, её любимый клоун, которого она ждала и, верно, съела те ненавистные семь ложек каши, которые её заставляла есть нянечка, и... мне почему-то так придумалось, что пару ложек самых последних и самых противных она съела за меня – за дядю клоуна.

Я отработал свою программу, летал, как птица по веткам сосен, потешно падал и опять взлетал с каким-то остервенением, особой лихостью и злобой, рисковал, совершая невероятные трюки. Мне аплодировали все: и врачи, и медсёстры, и, конечно, дети. А девочка улыбалась, положив ладошку на стекло. А я пошёл к маме в приёмный покой, где мама ждала окончания операции. Я уходил от детей, уже точно зная, что через день приеду обязательно, я точно знал, что для них было важно, чтобы я приехал. И я приехал.

Уже вечером к нам с мамой вышел хирург. Он сел на стул в пустом, холодном и гулком холле первого этажа, руки безвольно лежали на коленях. Было видно, что он сильно устал. На мамины вопросы он отвечал односложно. Он говорил, что операция прошла удачно, что всё, что задумывалось, сделали. Что есть надежда на хороший результат. А я смотрел на его руки и думал, что вот эти руки только что держали сердце моей сестры, и я зачем-то пытался увидеть на них хоть капельку крови, но они были чистыми, и манжеты белого халата тоже были ослепительно чистыми. Потом мама задала неожиданный вопрос, наверное, оттого я запомнил его, она спросила:

– Скажите, как долго проживёт моя дочь?

Хирург ответил сразу, будто и сам думал об этом, он сказал:

– До сорока лет... – замер на секунду и решительно кивнул, – до сорока доживёт.

Мама положила на его руку свою, как-то чуть сбоку, не для рукопожатия, а для чего-то иного, необычайно доверительного и благодарного, и слегка сжала её:

– Спасибо, – сказала она. – Большое спасибо.

Моя сестра жива и теперь, ей уже пятьдесят два года. Вы понимаете, о чём я? Я о том мальчишке, не о себе, а о том мальчишке, который прыгал по веткам, веселил детишек, чья жизнь висела на волоске и многие из которых не вернулись из операционной, потому что спасти их было практически невозможно, потому что в тот момент смерть была сильнее жизни. Я о том клоуне, который и сам-то был ребёнком, но каким-то чутьём понимал важность детских улыбок и дарил радость от всего своего пылкого и чуткого сердца. Он не знал и даже не думал о том, что он любит людей, он просто старался для них, как мог, как умел, как понимал и чувствовал в тот миг. И уставший хирург всякий раз, оперируя маленькое существо, которое ещё толком-то и не понимало, что такое жизнь, отдавал толику своей жизни. И не ради зарплаты он это делал, а потому что любил людей. Знал ли он об этом, думал ли – не знаю, навряд ли; **любовь – это чувство не от ума, а от сердца, из самой глубины человеческой души – это жертва бескорыстная и счастливая, за-ради другого человека! И именно потому, что это жертва за-ради кого-то, она и названа таким красивым словом – любовь!**

Значительно позже хирург стал знаменитым, и клиника благодарными людьми была названа его именем. А я вообще забыл про этот случай из моего далёкого детства. Но ведь я должен же был когда-нибудь понять, а что же это за чудо такое – любовь. **И я понял и самое важное: да, смерть сильнее жизни, но любовь сильнее смерти!** Понимаете это?! Понимаете? Любовь сильнее! Ведь когда я звоню сестре, то слышу в ответ: «Колечка, это ты? Здравствуй, родной».

ЗВЕЗДОЧЁТ

Между прочим, к слову, для тех, кто ещё не знает, – я ведь ещё в ЗАГСе прямо на лавочке – поставили люди лавочку – мы на неё сели, и я её спросил:

– Ириш, а вот интересно, неужели ты меня и вправду любишь?

– А как же! – сказала она. – Разумеется, – сказала она. – Безумно! – сказала она. – Но – условно.

– Интересно-интересно-интересно! «Условно». – это часть речи или уже приговор?

– «Условно» – это часть жизни. Причём – значительная! Мужа не «любят», с ним – «живут» и на него надеются.

– Это, как на погоду? – удивился я.

– Бывает и так, – расстроилась она. – Но, думаю, до такого не дойдёт. Главное, у тебя есть я: ты упрямый, неряшливый и без меня ты не проживёшь, но я хочу, чтоб ты был самостоятельным.

Я ничего не понял в этом диалоге, схватил её за руку и повёл её в ЗАГС.

Первые полгода нашей безоблачной жизни, как свежий «жигулёнок», я пробежал без замечаний на одних только котлетах из «кулинарии» и голубцах от тётки. И вдруг вечером, на излёте столь круглой даты, когда мы мирно доедали голубцы, она вдруг мне говорит:

– Коленька, а можно я спрошу, а ты мне честно-честно ответишь?

– Разумеется! Разумеется, путеводитель очей моих, мой светильник, что горит в парадной перед лифтом, возносящим к небу! – я тогда даже не насторожился.

– Из каких таких неведомых соображений ты свои штанишки и рубашечки подле кровати разбрасываешь, а в шкаф на плечики не вешаешь?

– Дитя моё! – я с нежностью коснулся её ладошки, – я не разбрасываю, я – складываю штанишки и так, чтобы их утром было возможно и удобно найти. Ты не отчаивайся! Очень часто рутинное воображение не способно разглядеть истинного положения вещей.

– А в шкафчике, на плечиках – это положение уже будет не истинным? – расстроилась Ирина.

– Безусловно, детка! Безусловно, твой шкафчик, равно, как и твоя сумочка – это метафизика, причём крайне нереалистического толка. Из её кругов даже Вергилий не смог бы найти выход.

– А при чём тут Вергилий-то? – она посмотрела на меня с той предельной нежностью, с какой, наверное, смотрела инквизиция на Галилея. – Вот выйди на улицу и спроси у любой женщины, знает ли она, что за чёрт этот Вергилий.

– Вот пойди и спроси!

– А если она знает?

– Кого?

– Ну, Вергилия. Что тогда?

– Ну и дура, брошенка! И как только такие стервы мужикам нравятся!?

Ну казалось бы: пошутили и успокоились. – Нет! Наши бабы это вам не легкомысленная парижская финтифлюшка, не китайская пеструшка, понимаешь: она не отстанет, пока не добьёт. Добьёт. Пожалеет и ещё намекнёт: «Вот видишь, какой ты жестокосердный, а я вот к тебе – со всей душой!»

Через пару дней, вечером, когда я вальяжно переодевался к легкомысленному ужину, она меня опять спрашивает:

– Коленька, а может, мы штанишки прямо под подушечку положим? Так спокойней будет. И утром ты их по запаху сразу найдёшь.

– Детонька, у тебя сегодня обострённое чувство юмора. Наверно, к перемене погоды, – я попытался быть спокойным.

– Извини. Это пошлый намёк для мальчиков, которых мамочка успела приучить к порядку, прежде чем в школу отдать.

Она сложила ладошки на животике и ушла на кухню.

Ну всё. Всё! Всё!!! Вот здесь даже не самый вредный тон, сколько одна только мысль, что на меня – хозяина и мужа – возможно указывать каверзным пальцем, окончательно решили мой рассудок покоя. Ну всё:

– Маленькие дети, ни за что на свете не ходите в Африку гулять, – я вышел в коридор, открыл дверь в ванную, – там живут дебилы, злые крокодилы, там живёт коварный Бармалей. А ты! Ты! – мой голос прорезал тьму как луч Авроры. – Ты всю стиралку своими помазульками и тушами заставила.

Я вздохнул и дунул далее уже самым острым перцем:

– Я забодался их оттуда вязальным крючком выковыривать.

– Вот так, ушла любовь, завяли помидоры, – она попыталась изобразить такую вольтеровскую улыбочку. – Вот и вся твоя суть!

– Суть, детонька, суть! Это глагол настоящего времени и множественного числа. Заметь: мно-же-ствен-ного! Он есть суть! – я был хладнокровен и беспощаден. – А сущность в том, что ватки суть не на своём месте, а полощутся в таком приборе, который им не присущ. А помидоры, назло буржуазии, останутся вечнозелёными.

– Какой мощный философ! – удивилась она.

– Хуже, дитя моё. Хуже! Философы, они трепетно относятся к детям, женщинам, котам. А филологи – только к детям и то, как правило, – к грамотным.

Далее поезд проследовал со всеми остановками. Мы тормозили возле каждого полустаночка, возле каждой березки, возле каждой пупочки и тут же открывали беспощадный обмен мнениями, а ежели кто-нибудь вдруг попытался филонить, другой немедля срывал стоп-кран и принуждал к бою. Правда, к вечеру здравый смысл и подсказанные им

привычки несколько примиряли нас и делали нашу дискуссию более любезной. Я бы сказал – нежной и трогательной:

– Коленька, – кричала Ирина из спальни, – ну хватит намываться, а то бабайка придёт, Колины штанишки украдёт, а мальчик будет плакать и ходить с голой попой, а все будут смеяться.

– Не жди меня, женщина, не жди и не надейся, – отвечал я ей из ванной. – Твой Одиссей заплыл слишком далеко и заблудился между Сциллой и Харибдой, и вообще спать нужно с Верой и Надеждой и просыпаться с Викторией.

– Я сейчас впаду в отчаяние...

– Не нужно, детонька. Ни к чему. Господь учит нас бороться с отчаянием, а я с тобой живу.

Так мы тешились года два и к этому времени у нас составила довольно-таки подробная табель обоюдоострых недостатков и пороков, оставалось только придать ей беспощадную системность и выучить наизусть с тем, чтобы сойтись уже на окончательной границе и с открытыми забралами.

И тут вмешалась тёща. Она наконец-то поняла, что я подонок и что с этим обстоятельством тянуть невозможно:

– Ира! Ира, – говорила она, – нужно срочно решать с этим придурком. Сколько можно терпеть-то? От терпенья умнее не становятся. Ты пойми: время, время для женщины – самое дорогое в этой жизни.

И едва лишь на линии нашего всеокрушающего, но суверенного огня появилась «третья сила», имеющая своё мнение и свои интересы, как нас вдруг это сильно задело и даже заело, причём зажевало сразу обоих и в одном и том же конкретном направлении. И мы объединили не только свои усилия, но и обрушили в её сторону всю накопленную и притёртую к боям огневую мощь. Но тёща тоже оказалась не сдобным пряником: она тут же подтянула резервы и в лице давно позабытых, но очень вдумчивых родственников. Я их в глаза не видел, в глаза я их не видел. Разве что на свадьбе и то – под столом, но они уже тогда заметили, что

я не здоров и теперь были готовы поделиться своим открытием.

Вдруг мы узнали, что Ирина беременна. И это был первый вечер, когда мы остались вместе, но в тишине и каждый со своими впечатлениями: Ирину вдохновлял собственный таинственный живот, а меня – мои очевидные заслуги. Я барабанил пальцами по стеклу и гордился: «А без меня, а без меня даже б солнце не вставало, когда бы не было меня...»

– Ну вот что, жена-мать надежд моих, решил я. Если ты ещё раз задумаешь скандал, ты знаешь, что я сделаю? Знаешь? Я буду молчать! И мы разойдёмся, но пока что по разным комнатам, и будем считать до тысячи. Вот так!

– Видимо, я сильно сказал – она даже поперхнулась:

– А что мы будем считать? Веру, Надежду и далее по списку?

– Девушек считать не будем, будем считать звёзды – их, слава богу, больше, и они, что удивительно, молчат и светят. Светят и молчат.

– А днём звёзд не видно, – это она мне говорит. Потрясающего ума женщина. Такая дальновидная.

– Видимость или невидимость объекта не означает его отсутствие. Если это не понятно, будем считать по моему сигналу, когда всё это сольётся в стройном едином порыве.

А я в молодости был сентиментален, всё верил в евгенику, так сказать, женской породы, в могущество системного подхода, всё думал: а вот если ей долго и последовательно капать на мозги, должна же, хотя бы самогонка получитьсь. Наивная пора невинных обольщений. Я не понимал, что коль скоро женщина после пяти лет упорного труда вдруг примется повторять твои же слова, это вовсе не значит, что она их поняла. Она просто устала.

Вот так: и видимость, и невидимость, и чёрт в ступе, и другие потусторонние подробности сошлись в тот же вечер лоб в лоб, и со страшным треском немедля организовав

беспощадный поединок, опираясь на условия заключённого пакта, мы с неохотой разошлись по комнатам. Я постоял минут пять, вернулся на кухню и сочинил чайку... Вскоре появилась Ирина:

– Вижу, ты считаешь быстрее меня, – заметила она.

– Ясен перец, у меня же соображалка мужского рода.

– Понятно, ты – мужчина. А вот женщине уступить не можешь.

– Могу. Билет на «Титаник».

Когда мы в третий раз сошлись на кухне, в ней, наконец, проснулось чувство юмора. Как трепетная и тихая надежда, она засмеялась:

– Я не могу больше считать звёзды, – сказала она и положила повинную голову мне на грудь.

– Хорошо! Будем считать песчинки в сахарнице, я дам тебе микроскоп.

– Я уже досчитала до четырёхсот, – призналась она, – а ты?

– Детонька, я уже давно досчитал до одного триллиона семи, а дальше, признаться, утомился.

– Боже мой! Какой кошмар! Какой ужас! – она оттолкнула меня. – Если бы я не знала, какой ты есть на самом деле, я бы могла подумать, какой умный мужчина!

– И это было бы не самое тёмное подозрение в твоей светлой голове, – я подвёл её к окошку. – Вот видишь пятнышко? Это туманность некоторой Андромеды. Я её не знаю, я с ней не знаком, но там триллион звёзд. А вот там, в ковшике, – семь.

– Так не считают, – расстроилась она.

– Считают, считают, масенькая. Ещё и с приблудью. Хотя учёные говорят, что в том ковшике одной звезды не хватает.

– Почему? – Ира с любопытством и сожалением посмотрела на Медведицу.

– Потому, что она у меня в руках, – улыбнулся я и обнял жену.

На другой день я поехал в магазин и купил себе какую-то стоечку с плечиками, вернулся, развесил на ней одежду и поставил возле кровати.

Ирина улыбнулась, добыла откуда-то баночку с божьями коровками, положила в неё ватки и поставила на стиральную машину.

Я вот что думаю: если мы кажемся, в сущности, нормальными, дикими немножко, но нормальными людьми – нет, не в толпе, где каждый сам по себе и просто прячется за другого, как за дерево, – а вот когда мы в целом: в обществе, церкви, даже когда мы в партии (ну а почему нет, пускай будет в партии по защите масляных котлов от моющего средства, почему нет?) – так от чего же у нас не получается порознь, от чего, чем дальше от целого, тем больше глупости, спеси? Нам всё время хочется быть единицей – жирной такой, убогой, но очень независимой. Так я что хочу сказать: семья это последний островок. Это последняя поляна, пацаны, на которой на единицы уже ничего не делится. Только – на дробь, мелкие такие, частые, как осенний дождь по подоконнику. Нечего там делить! Как говорят в народе, умножать надо!

ЩЕНОК

Я ехал на дачу, без спешки, элегантно вычерчивая каждый поворот, наслаждался пьяным июньским ветром, с удовольствием, с душою планировал мелкие дела: поправлю замочек в баньке и перед ужином разомнусь с дровами, чтобы потом свежим, бодрым, исполненным собственного достоинства сесть к столу; и закуски, закуски никому не доверю, тоненько, тоненько кружочками нарежу солёные огурчики, постным маслицем покраплю, добавлю мёда, уксуса, лучок салатный и утомлю, утомлю всё это в соку до изнеможения. Эй! И грибочков, грибочков: возьму груздочек, три волнушечки и пару рыжиков – и в сметану; искупаю все это в сметане – и на стол, и водочки, озябшей такой водочки, в графинчике.

– А не желаете ли, Николай Саныч, стопочку под волнушечку?

– Ну разве что под волнушечку.

– А с огурчиком?

– Ну, извольте, можно и с огурчиком оскоромиться.

И вот впереди возле самого поворота к моей деревне остановился «Москвич», старенький такой, неуклюжий, синий такой «Москвич», открылась дверца и из салона на обочину выкатился щенок с белым несуразным пятном на груди, точно Господь смеялся, когда всё это рисовал, и кисточка у него дрожала. Щенок быстренько присел по делам и бросился за кем-то в траву, запутался, кувырнулся через голову, облаял кого-то в сердцах и понёсся дальше. Я аккуратно съехал на просёлок, притормозил, опасаясь, что щенок по дури выкатится под колёса, и вдруг заметил, что дверца у «Москвича» захлопнулась, и он отъехал, оставив только облачко выхлопных газов, точно воспоминание, которое тут же и рассеялось. Вот так! Бай, бай, бай! Пусть приснится рай.

А щенок даже не сразу заметил, что его бросили, не сразу он это понял, долго возился с каким-то сучком, потом только поднял голову и удивился, побежал к дороге, хвост дрожит, виноватый такой хвост: «дескать, не со зла я заигрался, забегался, простите». А некому уже прощать-то, некому. Я остановился, нашёл в пакете кусок какой-то колбасы и поманил рыжего, а он даже не сразу отозвался, сидел и месил песок на обочине своим дурацким хвостом, но потом подошёл, поводитил носом по штанам, чихнул от души и поглядел на меня с любопытством.

– А ты, ты поешь, пацан, лучше поешь, ты не чихай, ты поешь, в таких делах закусить сразу – это первое дело, а потом уже чихай во всю вселенную, во все ноздри чихай, – предложил я.

И главное, я сразу стал извиняться, всё пытался объяснить ему, дескать, мужик-то я нормальный, но с проблемами:

– Ты понимаешь, понимаешь, – говорил я, – я бы взял тебя, но у меня уже есть собака, вот ведь что, «догиня» у меня, лошадь такая здоровая, и ещё тёща, понимаешь?

А рыжий посмотрел на меня вдруг и с удивлением, да вроде того: «ты о чём старина, забудь, я же не просил». Прикопал колбаску и ушёл к дороге, уселся возле своего столба и замер. Я вернулся к машине, с капризами запустил двигатель и поплёлся по просёлку точно провинившийся школьник, вылизывая каждую ямку, каждую пупочку, и я всё время оглядывался, и всё время извинялся перед рыжим: «Ну не могу я тебя взять, ну не-мо-гу, у меня догиня, до-ги-ня, жена, дети, кого только нет». Я от досады бил ладонью по рулю: «Даже тёща и ещё эта догиня, представляешь, у меня даже хомячок есть, у меня есть хомячок, спроси у кого-нибудь – на хрена этот хомячок нужен, но он есть и его как бы любят, ты понимаешь это или нет?» – и постепенно мне стало казаться, что он меня понял, он давно понял меня, давно.

А вот дома я не стал ничего объяснять – нечего мне было уже объяснять, женщины и так всё увидели: дочка поцеловала меня, жена поставила ужин, и они исчезли, они знали, что сейчас мешаться не нужно, не знали почему, но знали, что не нужно, и всё. Я тупо выпил водки, зажевал капустой, даже не услышав вкуса, потом ещё, ещё – мы ру-у-сские, мы правосла-а-вные – самый трепетный народ в околотке, ушлый такой, но очень трепетный, баракло всё, трепьё и досада. Я всё не понимал, ну что ж меня так завело-то, что так бесит? То ли то, что там щенок один и ждёт? Или то, что я такой же, как все, и всего дождался? И главное, сам себя успокаиваю: «Ну что там щенок – стариков бросают, младенцев». Да, я такое успокоительное нашёл, такое вот успокоительное принимаю и даже не смеюсь. Но ведь сам же, сам же ведь недавно с ментом разговаривал, на днях. Пил пиво в тенёчке, с газеткой, пристойно, с душой, подходит сержант:

– Извините, – говорит.

– Ну, пожалуйста, – отвечаю, – я в газетку пиво заверну. Можно меня оставить с пивом и с покоем?

А он замялся, он застеснялся.

– Я ж не об этом говорю, хотел спросить, где пиво покупали.

Я показал, он взял два пива и вернулся, ножечек попросил, чтобы крышечку сбросить. А я смотрю, что руки-то у мужика трясутся. Здоровый такой сержант, грузный, лет сорока. Он сам как бронжилет, и трясётся.

– Дежурил ночью, – говорит, – остановился возле помойки, чтобы поссать, а там прямо в коробке, в объедках, ребёнок. Я чуть не помочился на него, представляете? То есть, они вернулись, отметили, сложили всё вместе с бутылками в коробку и вынесли, и одеяльце тонюсенькое больничное. Вы что-нибудь понимаете?

И вдруг у него мобильный звонит, и он улыбается: жена, говорит, разрешила взять, раз я нашёл, значит, мне тащить положено. Правильно?

Конечно правильно, конечно правильно, но только где же эта грань-то, где же она, за которой уже не правильно? Ведь с кого-то же она начинается? С кого-то же начинается этот рубеж: с жучка, с хомячка, с котёнка? Где-то же есть эта линия, за которой уже всё равно, всё равно и всё не правильно? Должен же там стоять какой-нибудь знак?

Утром я как мальчишка, украл еды из холодильника, спрятал в портфель и уехал на работу, а рыжий уже проснулся, он уже сидел на своем посту возле своего пограничного столба и смотрел на дорогу. Я поздравил его:

– Ну что, бабанька, не одумался ещё, не остыл? А я вот тебе подстилочку подтибрил, полежи вот, погрейся.

Рыжий посмотрел на коврик без восторга, мотнул башкой, взял курочку и пошёл к своему столбу, точно честный солдат, равнодушный к пропаганде супротивника.

– Ну, извини, извини, чем могу, – я даже обиделся, – давай, давай, давай, чеши, чеши, ты же Пенелопа! Ты же пижон! – я сел в машину и уехал.

А вечером я вновь обнаружил его возле того же занюханного столба с этим знаком. Он сидел совершенно недвижно и только уши что-то чутко ловили в воздухе, а когда вдруг появлялась синяя машина, он подпрыгивал на всех лапах, катался по песку и визжал от восторга, машина исчезала, и он снова замирал, без отчаяния, без воя, просто замирал и продолжал слушать неведомую мне даль.

– Слышь, Рыжан, – я взял его за холку, – ты бы уже как-то успокоился бы, а? Ты уже всех достал здесь, сосредоточься как-нибудь, прикинь хвост к носу, никто уже за тобой не приедет, ты это рубишь или нет? Не на синей машине, не на белой и даже с алыми парусами никто не приплывёт. Беги в деревню, в деревню беги: там таких, как ты, целая мафия, мафия, погавкаешь годик у магазинов, потом забуреешь, будешь лежать на солнышке, дань собирать.

Мне понравился мой план, я даже дверцу открыл:

– Ну, хочешь, подвезу? Ну, поехали! – Рыжий перестал трепать колбасу и посмотрел на меня, развернулся таким козырем, ну вроде кошака, и пошёл к дороге.

– Ну, всё, всё, всё, придурок, сдаюсь, – не выдержал я, – поехали, я усыновляю тебя. Пёс с ней, с этой догинею, будут два придурка, одна догиня и хомячок у нас банкиром.

Я взял его на руки и попытался посадить в машину, он даже зарычал, он зарычал, он вырвался и пустился бегом к своему столбу и замер, ну «щ-щенок!»

А дома меня всё-таки «прищучили», вспомнили и пропавшую курочку из холодильника, и моё невнятное настроение, вспомнили и прищучили, и устроили перекрёстный допрос с пристрастием. Пришлось во всём сознаться. Дочка обрадовалась:

– Папочка, так давай возьмём его, он будет играть с нашей Багирой, она будет за ним ухаживать, мыть его, жалеть. Поехали, поехали, прямо сейчас поехали, – она даже курточку успела накинуть.

– Никуда мы не поедem, щенок будет сидеть, где сидел, вот пока... пока... и всё, – решил я.

– Ну правда, Коля, съезди, забери щенка, ну чё ты упёрся-то? – поддержала дочку жена.

– Не я упёрся-то, не я упёрся-то, это он упёрся, вот в чём дело-то, это он сидит возле своего столба второй день и ни гу-гу, я ему и «пожалуйста», и «здрасти», и курочку, и машину, и эскорт, – а он рычит, и всё. Ну, вот это понимаешь или нет, вот ты это хотя бы как-то понимаешь или нет?

– Конечно понимаю, Коленька, ну что ж здесь непонятного, – она погладила меня по голове, – я ж возле тебя, как возле того столба тридцать лет просидела и ничего, а тут два дня, два дня – это не срок, это даже не пятнадцать суток.

– Да, папочка, – вдруг выпрыгнула дочка, – вот вы все такие мужики, сделаете что-нибудь нехорошее, а потом мушайся с вами.

– Ну вот ты-то! Ну вот ты-то что встречаешь? – возмутился я. – Ну, может, там баба была, в этом «Москвиче», ну,

может, это баба щенка выбросила, ну при чём тут мужики?!

– Женщина бы не выбросила, – решила жена. – Утопила бы, усыпила бы, что угодно, но не бросила бы.

– Ну всё, договорились, а-ля-ля-ля-ля, ха-ха-ха-ха-ха, а-ля-ля-ля-ля, – я ушёл.

Наверное, неделю я возил рыжему завтраки, потом купал что-нибудь в городе вечером и возвращался домой. Он с благодарностью вытирал свой мокрый сытый нос о мои ладони, но в машину не садился, не повезло мне с машиной – она у меня чёрная, а не синяя.

И вдруг, однажды я не нашёл щенка на дороге, не было его, я пробежался по обочине, по полю, свистел – никого, ну убили же собаку, а? Задавили же собаку, вот ведь что! Почему-то только мрачные мысли приходили мне в голову, а я всё метался, бегал по обочинам и пытался найти раздавленный трупик, пока не увидел на столбе объявление. Подошёл и прочитал.

«Найден щенок, совсем ещё юный мальчик, брошенец или потеряшка, рыжей масти, но со светлым пятном на груди и очень добрый и отзывчивый. Люди, помогите, ему не прожить на этом свете с таким характером, он всё время верит, надеется и ждёт. Анна». И номер мобильного телефона.

А рыжего этого я нашёл в тот же день в палисаднике нашей недалёкой соседки и вспомнил: её действительно звали Анна, и, по информации моей тёщи, от неё уже месяц назад ушёл муж, смешной такой парень, он каждые выходные игрался в огороде с вертолётками на радиоуправлении – огурцы опылял. Я даже как-то раз подслушал женские инвективы в его адрес – это Анна жаловалась моей тёще: дескать, как нехорошо, что мужик с вертолётками по огороду носится, да ещё перед глазами честного народа. Я, говорит, понимаю рыбалку, даже пиво с футболом – у мужика что-нить должно быть для дури, но вертолётки – это как-то неудобно. А тёща ее успокаивала, ну вроде того, что пёс с ним, хозяйство в порядке, пусть играет, лишь бы в

лес не бегал, а чем эта рыбалка заканчивается – это тоже не хобби.

– Ну это же обидно, Мария Андреевна, это же обидно, когда вертолётники предпочитают тебе и всему остальному – это же трагедия, – жаловалась Анна.

– Трагедия, детонька, – это когда он тебе скажет, что у него кроме тебя ничего и никого нет, – вот это уже полная пьеса.

А Рыжик узнал меня, оставил в покое свою косточку и подошёл поздороваться, а потом на крыльцо вышла Анна, и он со всем усердием бросился к ней. Она села на ступеньку, он устроился у неё под рукой, и они вдруг замерли, вглядываясь в просёлочную дорогу и ещё куда-то вдаль, самую что ни на есть даль.

А я вернулся к машине. Вот только откуда же такая досада-то, а? Конечно, предательство – это маленькая такая блажь, маленький, маленький такой каприз с большими последствиями, ну хорошо же всё кончилось. Все нашли друг друга, откуда же досада-то? И самое главное, вот чем же она взяла-то его, эта Анна? Что же такое она ему сказала, что он пошёл с ней? Вот ведь где заноза-то, а? Вот заноза-то?

КАБАЧОК

Его раньше видели, но не замечали. Этот худой, неряшливо одетый и невпопад смеющийся человек сразу получил статус городского сумасшедшего, а вездесущие дворовые дети скоро прозвали его Мишка-кабачок. Не в уме, но безобидный. Он вечно был слегка нетрезв, но не качался, не орал маты, а пребывал во хмелю, был немного выпимши, даже как-то интеллигентно, по-философски мудро, будто юридический, – скажет, а ты думай. Наподобие вот этой сентенции:

– Путь-то у нас долгий, а дороги нет...

В июле он вдруг появился с зелёным, слегка изогнутым кабачком. Он тыкал им в прохожих, будто шпагою:

– Вам не нужен кабачок? – и плелся сзади, иногда забегал вперед, получал неожиданную плату, а кабачок оставался у него в руках.

– Счастлив, кто отдал, – обещал он расконвоированному прохожему и шел в магазин.

Дни текли знойной чередой, новые потенциальные покупатели шарахались от него, удивлялись неприхотливости предложения и спешили дальше.

Он затаскивал кабачок до непотребного вида, до глубоких царапин и выбоин и тогда коммерческое предложение его звучало менее настойчиво:

– Купите кабачок! Дёшево.

И как убедительный аргумент произносил вслед прохожему:

– Старое надежнее нового!

Он подходил ко всем без разбору, даже к детям в песочнице, и тогда в торг вступали мамы и няни, отчего однажды кабачок настиг спину убегающего продавца.

– Злобу рождает жадность! – напутствовал он агрессоров с безопасного расстояния, вытирая поверженный овощ

рукавом, потом походил по двору, оглядываясь на злобных мамаш, сосредоточено и со вкусом покурил и с надеждою сунул окурочок в мягкую мусорную утробу контейнера.

Пожарные ворвались во двор под вой сирены, сломали дворовой шлагбаум и разбудили столетнюю парализованную старуху, которая от любопытства смогла-таки своим ходом добраться до подоконника. Но после того как стальная струя воды, перевернув контейнеры, разметала мусор по всему двору, по балконам и карнизам, жители пожалели, что не справились с вонючим дымом своими силами. Ошалевшие от исполнительного рвения пожарные наконец-то перестали терзать помойку, так же стремительно покинули двор, оставив после себя гнетущую тишину и черное облако выхлопных газов. Однако все понимали, что заявлять на Мишку было бессмысленно, что взять с больного человека! И кабачки начали покупать!

Миша получал с нетерпеливого покупателя деньги и мчался в магазин. Но Миша хоть и слыл не в себе, но дураком не был. Из магазина он возвращался сосредоточенным и со знанием дела устремлялся к мусорным бачкам, находил свой уже не раз проданный кабачок и изрыгал:

– Не хлебом единым жив человек, – отпивал из маленькой бутылочки, которую звали «мерзавчиком», хмельной жидкости и шёл домой. Миша-кабачок был неназойлив, его устраивала одна коммерческая сделка в день.

Но утром торг возобновлялся:

– Вам не нужен кабачок? Почти новый...

И, как резолюция к грубому отказу, он высокоумно изрекал:

– Мещанство рушит империи!

Так текла умеренная жизнь городского двора, больше похожего на каменный колодец, в котором эхом отдавался каждый звук горя или радости, беспощадной ссоры или воркования голубей.

В тот день Миша-кабачок появился к обеду. Он выволок в надсадном усилии, вдавив в свой впалый живот, боль-

шую желтую тыкву. Покатил огромный овощ по асфальту от подъезда, остановился посередь двора и тут же пристал к мимо проходившей женщине, потом к другой:

– Вам не нужен кабачок? Очень нужны деньги...

Люди привычно сторонились, а соседи с любопытством наблюдали из окон новый факт, который очевидно свидетельствовал, что кабачки у Мишки закончились. Дети обступили его, хихикали над Мишкой-дурачком, но только одна девочка заметила, что сегодня Мишка почему-то трезв. Миша вдруг поднял умоляющий взгляд к небу и сказал, не крикнул, а сказал, но так, что его слова проникли через толщу стен:

– Купите кабачок! У меня мама умерла!

Кажется, даже птицы перестали гомониться и ссо- риться в ветвях липких тополей, наступила, как грозовая туча, страшная тишина. Сердобольные жильцы жидким и прерывающимся ручейком потекли к Мишке, складывали деньги в его прозрачную ладонь, выставленную ковшиком игрушечного экскаватора, а он стоял и улыбался, невпопад и не к месту оправдываясь:

– Мама отошла, болела, – и, как в благодарность, чуть кланялся. – Жизнь – это счастье, но не вечное. А добро вам Бог вернёт за меня и меня простит.

Тыкву уже утром свез куда-то рачительный дворник, и Мишка-кабачок исчез, будто вместе с матерью увезли его на погост, но более Мишку никто и никогда не видел.

Потекла жизнь дальше, тихая и суровая, но с того дня всем чего-то стало не хватать.

СНЕГОПАД

Стыдно сказать, но нас опять обманули синоптики. Именно сегодня они обещали зимний и абсолютно солнечный день с легким пощипывающим морозцем, который, будто художник, умеет раскрашивать щёки скромных девиц. Но обманули! Мороза не случилось, а напротив, какая-то неведомая сила притащила на крышу нашего дома огромную тучу. Дед Анисим – наш дворник и по совместительству ворчун, неодобрительно посмотрел в небо и почесал зимнюю шапку.

– Эко принесло! А? Привалило счастье, здрасти вам!

Затишье длилось не долго, снег повалил разом и вдруг. Но это была не просто какая-то там пурга, нет, это огромные снежинки сплошным ливневым потоком устремились в наш двор.

«Шир-шир, шир-шир», – раздражённо заскрёб лопатой дед Анисим у соседнего подъезда.

Дедовы усилия будто ещё пуще раздражили непогоду, казалось, что там, на небе, не просто тёмное от тяжести облако, а какой-то швейный цех по пошиву пуховых подушек, в котором сидела дюжина вредных старушек, взбивала снежный пух и подушками кидала, метаясь непременно и точно в голову деда Анисима. Даже было слышно, как подушки приземляются в сугробы: «Бух-бух! Бух-бух!»

«Шир-шир», – отвечала упрямая лопата несговорчивого дворника.

Недалеко от подъезда остановился наш давний сосед со своею нерасторопной женой.

– Хорошо! – восторженно произнес он. – Красиво-то как!

– Чего?! – обижено удивился дед Анисим.

– Здравствуйте, – смутился счастливый сосед, – погода, говорю, как испортилась-то! – и показал в сторону детей, которые плескались в снегу, как в пенистом и тёплом южном море. – А детишкам радость.

– Кому это? – дед сорвал с себя шапку и несколько раз хлопнул по колену, сбивая налипший сырой снег.

– Я за лопатой, помогу вам горку для детей сделать, – пообещал сосед.

– Ну да, конечно, – пробурчал дед Анисим, – прибирай потом за ними.

И продолжил свою дворническую песню:

– Шир-шир! Шир-шир!

А старушки не унывали и мстили деду будто за всю свою загубленную молодость и за все дедовы прихоти, а главное – за вредность. Подушки со снегом падали вызывающе нагло и громко: «Бух-бух! Бух-бух!»

Во двор забежал огромный пятнистый дог, остановился на миг у сугроба, окропил его.

– Гектор! Стой, собака! – позвал кто-то с мольбой и угрозой. – Гад! Ну придешь домой!

Гектор укусил сугроб и так же неспешно, чтобы не потерялась хозяйка, побежал доводить до конца задуманное им дело.

Плюнул дед в сердцах и пошёл домой. Хлопнула за ним подъездная дверь, а снег прекратился: будто и впрямь отвели душу небесные старушки, насладились скандалом, победили бойца и на обед пошли.

Я ВСТРЕТИЛ СЕБЯ

С поворотом ключа в хлипких дверях дачного домика закрывался ещё один год жизни и прятался в тайник памяти, а ключ в целлофановом пакетице – под домик. Всё по-хозяйски прибрано и аккуратно уложено на участке с надеждой, что никто не влезет, не взломает, не найдёт, не украдёт.

Знакомая, остывшая и потому, наверное, неприветливая тропинка от пролома в заборе дачного кооператива по тополиным тёмным посадкам вдоль железнодорожной насыпи выводит на ровный асфальт платформы полустанка.

Электропоезд уже слышно, но я знаю, что прибудет он минут через пять, с оглашенным свистом и на полном ходу, с вечным желанием проскочить мимо; завизжат тормоза, обожжёт нос железной гарью, и состав застынет, клацнув короткими автосцепками. Мне давно знаком норов электрички, и я, опытный пассажир, всегда оказываюсь напротив шипящих вакуумными насосами дверей, потом – четыре заплёванные окурками железные ступеньки, грохот расхлябанных роликов дверей из тамбура в вагон и жёсткая, неудобная скамейка.

Мой любимый вагон – второй, потому что в демисезонье экономные машинисты отапливают только первые два вагона. Я люблю шестую лавку по правой стороне, и если она вдруг занята, томлюсь на другой всю дорогу. Сегодня мне повезло – «моя» лавка свободна, только мальчик сидит и смотрит в окно.

– Позвольте? – спросил я у мальчика и сел напротив него.

– Да, – ответил тот и взглянул на меня голубыми глазами.

Я удивился, потому что на меня смотрели до боли знакомые глаза. Потом я привычно расположился, прежде закинув свой упругий рюкзак на полку над головой, опять посмотрел на мальчика, пытаюсь вспомнить, где я видел эти глаза. И вдруг понял, что это мои глаза. Я ещё раз глянул и обомлел, напротив меня сидел я, да – я, но не теперешний, а когда ещё был двенадцатилетним мальчишкой. Я не поверил своим глазам.

– Юноша, – спросил я, – вас зовут Колей?

Мальчик удивлённо посмотрел на меня и кивнул:

– Да.

– Ты едешь с дачи, ты только что спрятал лопаты и грабли в дровах, а ключ от домика завернул в целлофановый пакет... Нет, так теперь не говорят, это я в своём детстве заворачивал ключ в целлофан, а ты, верно, завернул его в полиэтиленовый пакет и подсунул под дом.

Он с тревогой посмотрел на меня и обернулся на пассажиров в вагоне.

– Не волнуйся, я хороший человек, я сам только что спрятал ключи в щели между фундаментом и домом, и меня тоже зовут Колей, ну, может быть, дядей Колей, или даже дедой Колей.

Мальчик ещё раз внимательно посмотрел на меня и смущённо отвернулся к окну. А за окном мелькали прозрачные ветви деревьев и потемневшие от дождей деревенские низкие дома с покосившимися заборами и грязными дворами.

Когда-то очень давно я, как и этот юный Коля, ездил в электричке на дачу. Я чувствовал всю полноту власти и самостоятельности на наших четырёх сотках, уже тогда я планировал заботы на лето, и мне нравилось восхищение соседей моим трудолюбием и хозяйственностью. Мы жили бедно, мы жили трудно, но мы жили весело и с удивительным и не проходящим ожиданием счастья.

Глядя на знакомое лицо, я знал, что этот маленький человек очень стесняется своего крупного носа, боится дев-

чонок, но втайне всегда влюблён. Я знал, что он мечтателен, наивен и честен.

Я вспомнил, каким светлым и чистым ребёнком я был. Наивность моя и доверчивость не знали пределов. Я так любил людей, отчётливо помню это состояние души и ощущение, что вокруг меня все такие хорошие, добрые и умные люди. И не менее отчётливо помню то время, когда вдруг пришло понимание необходимости бороться за место на земле, за свой клочок неба над головой. И я променял всё небо на этот клочок. С такой оголтелой настойчивостью и энергией я приспособливал себя к окружающему миру, что и не заметил, как изуродовал себя. Я научился лгать, изворачиваться, подстергать и ненавидеть, научился быть вероломным и рачительным. Я окончил большую школу, но теперь я понимаю, ясно и жестоко понимаю, что учил не те предметы.

Я сидел молча и понуро, изредка поднимал глаза и украдкой глядел на юного соседа-себя. Я не мог и предположить, что когда-нибудь встречу себя совсем юного, я оказался не готов к этой встрече. Что сказать, как предупредить, как оградить этого маленького Колю от бед и несчастий? Как в двух словах рассказать, что такое жизнь и почему она такая тяжелая? Я не знал, как рассказать, и потому сидел и молчал. Трусливо молчал, потому что боялся, что этот мальчик сам испугается моих рассказов о жизни, не поверит и подумает, что только сумасшедший может рассказывать о сумасшедшей жизни, и убежит. Но вдруг я сообразил и торопливо снял с полки свой рюкзак, развязал горловину и в многочисленном ворохе вещей нашёл тонкую книжечку.

– Возьми, прочитай. Это я написал. Посмотри, открой обложку, там есть моя фотография.

Мальчик принял книжку и посмотрел на моё фото.

– И мы когда-то были рысаками, – пошутил я, оправдывая свои морщины и лысину.

– Спасибо. Это, правда, вы написали?

– Я, честное слово. Николай, я очень старался, когда писал её. Я писал её о себе, но то, о чём там написано, касается и тебя лично. Поверь мне. Ты поймёшь это, пусть не сейчас, пусть через несколько лет, но ты обязательно поймёшь. Я буду очень рад, если она поможет тебе. Ты её только не потеряй, хотя бы до времени...

Электропоезд медленно вполз на конечную станцию. Мы поднялись с жёстких скамеек и побрели к выходу. Двери впустили сырой холодный воздух улицы. Коля спрыгнул со ступенек вагона первым и, обернувшись, крикнул:

– До свиданья!

Я махнул ему рукой и, кажется, захотел остановить его. Потом долго стоял, наблюдая, как он быстро удаляется прочь. От меня уходил я сам, и теперь уже – в вечное будущее.

«Терпи, сынок, – думал я, – терпи, у тебя впереди ещё целая жизнь – непрожитая жизнь».

Я утёр онемевшее от напряжения лицо. Что мне радостного было в ней, в этой неустроенной и запутанной жизни? – Ничего! Сколько страданий и горя? – Гора! Так почему же так щемит сердце и тоскливо сжимается грудь? Почему жаль, что она осталась позади? И я вдруг понял, я понял, что должен был сказать и о чём предупредить. Я должен был сказать, что главное в жизни – это любовь! Да, конечно, и без сомнения – главное – это любовь! Но ведь, чтобы он поверил мне, я должен был рассказать ему, что такое любовь. И что я стал вдруг и сразу счастливым человеком, когда понял, что такое любовь.

А как за несколько минут рассказать, что любовь – это искренняя доброта, бескорыстная щедрость и горячее милосердие; любви не бывает, если твоё сердце не полнится осмысленным состраданием и твои поступки не полны разумной, полезной помощью людям и созидательным трудом, а чувства твои должны гореть ярко и радостно вечной надеждой на лучшее. И особенно ярко, когда кругом тьма! Понимаешь ли,

сынок! Понимаешь ли, особая честь и радость – гореть именно в кромешной и беспощадной темноте! Если бы ты только знал, сколько безупречного и ясного восторга я испытываю нынче в осознанном труде, наполненном надеждой на лучшее.

Любовь не ищет выгоды и не торгуется, она бескорыстна! Любовь – и только любовь – есть смысл жизни, только ради неё и стоит жить. Вот на чём держится человечность и чем наполняется человеческое достоинство – любовью!

Я смотрел на опустевший перрон, на асфальте которого остывали мои следы. Смотрел и думал, думал вдогонку ушедшему себе: Коля, Коленька, сынок! Удастся ли тебе уберечь свою чистую душу от горя и бед? Трудно. Попробуйся, может, у тебя получится, у меня не получилось. Я жил, страдал и часто мучился, потому что делал не то и не так, потому что понял смысл истинного счастья, когда стал стариком, но я успел-таки стать счастливым человеком! Ты молод, ты совсем ещё юн, тебе так много дано – целая и не прожитая жизнь! Жизнь, которую целиком и полностью ты можешь прожить радостно и счастливо, если поймёшь, что сила и ценность её – в любви, в твоей готовности служить высокому и непостижимому. А понять это и просто, и трудно. И дело не в том, в какое время ты живёшь, где живёшь и кто рядом, кто твой друг и какая власть над тобой, главное дело в том, для чего ты живёшь. Понимаешь ли, не оборачиваясь ни на кого, знать, для чего именно ты живёшь! Конечно, не последнее дело – кто у власти и кто рядом с тобой, и когда счастье твоего бытия родилось и живёт в твоей душе; а более того, когда это торжество забилося, застучало в твоей груди равнодушным сердцем.

Настойчиво зарабатывай деньги, упорно делай карьеру, радуйся славе и творческим успехам потому, что все эти материальные блага позволят тебе совершить много добрых дел и послужить вечности, потому что любовь нет-

ленна, она и есть – вечность! Вот что стало теперь смыслом моей жизни.

Сегодня я встретил самого себя. И что я сделал, чем помог? Подарил книжку? Какая наивность! Мне кажется, что наивность – это единственное, что осталось у меня с детства, от меня самого настоящего. Но ведь я должен оставить что-нибудь для будущего. Я так хочу, чтобы люди жили счастливой жизнью! И я подарил книгу. Утешит ли это меня и оправдает ли многие годы, прошедшие в поиске смысла собственного бытия? Не знаю, а теперь это и не важно. Но так хочется, если бы вы только знали, как хочется, чтобы моё прошлое примирилось с моим настоящим и моё детское наивное счастье соединилось со счастливой судьбой старика!

Станция Болотная

РОМЕО

Есть у меня друг – Виктор Николаевич, возраста предпенсионного, практикующий хирург. Хороший хирург. Как-то я его спросил:

– Вить, скажи, жизнь у тебя удалась?

Вопрос, конечно, дурацкий, но потому мы и друзья, что слышим немного больше, нежели способны сказать.

– Саныч, – он всегда обращается ко мне, сокращая отчество, – я в трёх клиниках оперирую, света белого не вижу – разве это жизнь?

В тот памятный день я появился к нему в больницу, уже и не помню по какому поводу, и застал его в ординаторской. Он сидел на диване, откинувшись на спинку, а руки его отдыхали на коленях. Грустно посмотрев на меня, он сказал:

– Саныч, проходи. Не ожидал тебя увидеть.

– Извини, я без звонка. А ты, похоже, прихворнул, доктор. Докторам болеть вредно, – я шутил, а сам пытался понять, почему мой друг такой хмурый.

– Дежурство у меня было. Устал, – ответил он.

– Давай я тебя домой отвезу.

– Не могу. Тут у меня паренёк, вдруг помрёт.

– Кто помрёт?

– Да вчера привезли, вечером. Местный Ромео, из соседних домов. Девчонка его бросила, от горя он на машину бросился. Его метров на двадцать откинуло, всего переломало, голова – как холодец в руках. Делать мне было нечего, ночь впереди, смену коротать надо. Вот и собирал его помаленьку. Глаз на место поставил – каким-то чудом нерв целый оказался, ключицу... Всё равно, думаю, в гробу по-

человечески выглядеть нужно. Собрал его, и вот жду, когда помрёт.

Я был уже знаком с этой чудной манерой своего друга разыгрывать из себя циника.

– А он, как назло, не помирает, – подыграл я.

– Нет, не помирает, – тяжело вздохнул Виктор Николаевич.

– А если дома подождёшь его смерти?

– Если уеду, сразу же помрёт. Я его всю ночь уговаривал потерпеть, не помирать до утра.

– Да, я знаю, ты мужик нудный, кого угодно уговорить можешь.

Прошло с того памятного дня месяца два-три, и опять пересеклись наши дорожки. Рукопожатия, дежурный разговор: как жизнь, как дети, как здоровье жены. Потом я вдруг вспомнил:

– Вить, а что с пареньком, которого ты по частям собирал? Ну тем, что под машину из-за несчастной любви кинулся. Ты его ещё Ромео назвал. Как он?

– А, Ромео. На выписку готовится.

– Да ты что! – обрадовался я. – Ну ты мастер! Человечище!

– Нет, Саньч, я тут ни при чём, тут без Бога не обошлось.

– Ты что, в Бога веришь?

– Всегда верил. В церковь не хожу. Но что Бог есть, уж кто-кто, а я-то знаю.

Наверное, на этом бы и закончилась эта история о Ромео, если бы не день моего рождения. Виктор Николаевич зашёл поздравить меня.

Мы сидели за столом, вели неспешный разговор, пили коньяк, молчали, опять говорили.

– Вить, – спросил я, – а что с Ромео? Случаем, не заходил к тебе, ты же ему жизнь спас?

– Как же, заходил, вот этот коньяк, что мы пьём, он мне подарил. Пришёл с молодой беременной женой, весь

из себя счастливый. Меня теперь дядей Витей зовёт. Если, сказал, сын родится, Виктором в мою честь назовут.

– Чудеса, – я поднял стопку. – За тебя доктор!

– За нас, Саныч! – Виктор улыбнулся и подмигнул. – Мы всё-таки не последние люди на этом свете.

Совсем недавно я опять заглянул в клинику к своему другу. Он сидел бледный, грузный, понурый, а вокруг него суетились люди в белых халатах.

Приступ – понял я. Я знал, что Виктор страдает от ишемических приступов.

Он посмотрел на меня умными уставшими глазами и произнёс:

– Саныч, сейчас меня спасут, и мы с тобой поговорим.

– Как он? – спросил я знакомого врача, который готовил шприц.

– Всё под контролем, но вам лучше уйти.

Я вышел из ординаторской. На диванчике сидел молодой человек. Когда я проходил мимо он спросил:

– Как там Виктор Николаевич?

– Говорят, что приступ не опасен, но ему нужен покой.

– Да, да, – закивал парень, и я вдруг увидел на его щеке, за воротничком, ещё не обесцветившийся фиолетовый шрам.

– А я хотел его обрадовать, – парень засмутился и покраснел. – Но теперь, видимо, потом. У меня сын родился...

Шальная жизнь

ДЕЗОДОРАНТ

Георгий Иванович, царство ему небесное, был человеком харáктерным, и правильно будет, если я прежде упомяну о его незаурядных способностях. Семнадцать лет он отработал заместителем председателя райисполкома, в его ведении находились девятнадцать отделов, комиссий и различных ведомств. Сколько раз мы посмеивались над ним – мол, «прозаседавшийся». А оценить по достоинству его терпение, незлобивость, мудрый житейский подход, желание помочь всякому, порою и недостойному, – это смогли только после его смерти. Так уж повелось у нас: спохватываемся, да поздно.

А видом он был типичный бюрократ, каких высмеивали карикатуры того, ещё советского времени: полный, с брюшком, неповоротливый, пенсионного возраста, в роговых очках, в курточке-безрукавке (такие были в моде у главных бухгалтеров), зимой – в валенках, даже в том случае, когда весь день он не выходил из кабинета. Воевал, имел награды за мужество, поговаривали, по молодости пивал изрядно, но главное, чего не смог изжить в себе даже в преклонном возрасте, – это удивительную любовь к женщинам. Не показную, не страстную, а врождённую, то была его мужская сущность, природа, он не мог этого скрыть, просто был не в состоянии. Всякий раз во время совещания, покончив с вопросом, отпуская служащую из своего большого кабинета, он замолкал на полуслове, приспуская очки на нос и пристально разглядывал уходящую, пока за той не закрывалась дверь: оценивал ли, любовался ли – все эмоции читались на его лице без перевода, – а после как ни в чём не бывало продолжал заседание с вопроса: «Так, на чём мы остановились?» Но память у него была отменная, он ничего не забывал, а нарочитая забывчивость – не бо-

лее чем административный штамп. Женщины терпели его внимание, а может быть, им нравилось, мне трудно судить. Этот недостаток, или, если помнить о его возрасте, то достоинство, был известен и райкому, но, памятуя о его заслугах, там старались ничего не замечать. «Кто из нас не грешен, пусть первым кинет в меня камень», – философствовал секретарь по идеологии. И многим хотелось кинуть камень или что-нибудь поувесистей в секретаря-зануду.

Ко мне Георгий Иванович относился по-отцовски, и я действительно был похож на его сына, который служил где-то далеко за полярным кругом, и, скажем так, мне перепала часть не востребовавшей отцовской любви. Хотя это и обязывало.

У старика я пользовался полным доверием и, конечно, старался не подвести его, работал с огоньком, теперь так не умею. Но то были годы молодые, беспшашные, торопливые: порой, сначала делал – потом думал. Старик выслушивал мои оправдания, а затем долго поучал, и всегда его нравования начинались одинаково с обязательным нажимом на букву «о»: «Я тебе, как отец родной, а ты, понимаешь ли, меня подводишь», – и так далее, минут на десять. Причём, с этих слов начинались вообще все его взбучки и разгоны провинившихся работников района – эдакий начальственный стиль. Мои проделки были безобидными, чаще всего просто экспромты. Вот хотя бы такой случай.

В Новосибирске на Сибиаре (что означало «Сибирский аромат») выпустили аэрозольный дихлофос, а вскорости и дезодорант; это теперь он называется почему-то освежителем воздуха, освежает так, что не продохнёшь, как от дихлофоса. Но на тех первых банках первый отечественный освежитель воздуха назывался дезодорантом. Балончик в точности напоминал дихлофосный прототип, но этикетка другая. Я, видимо, первым заметил эту новинку на прилавке нашего магазина, купил её и довольный направился на работу. Возле исполкома, как всегда, стоял тентованный зелёный уазик Георгия Ивановича с вечно дремлющим во-

дителем Зыковым. Зыков – человек кроткий, исполнительный и молчаливый, систематически подвергавшийся допросам жены Георгия Ивановича, но ни разу не выдавший, где были и у кого ночевали и почему задержались в командировке.

Я широко растворил дверку машины и приказал:

– Зыков! Выходи, травля тараканов, – и пару раз пшикнул в салон дезодорантом.

Зыков как ошпаренный сиганул вон и завопил, что тараканов в машине сроду не бывало. На что я резонно ответил:

– Зыков, я человек подневольный, приказ есть приказ. К машине не подходи, неровен час, отравись ещё... – И пошёл в исполком.

Мне понравился розыгрыш, захотелось повторить. Исполкомовцы, только что собиравшиеся с послеобеденной ленцой в своих кабинетах, будто специально ждали моего прихода. Я зашёл, как теперь помню, в собес и сообщил о санитарно-профилактических мероприятиях, то есть повсеместной травле тараканов, поругал народ за антисанитарное состояние служебного помещения, а после, подражая шефу, сказал, что высший исполнительный орган превратили в забегаловку: в столах крошки, «понимашь ли», остатки пищи, словом, – бардак. После «протравил тараканов» и сообщил, что отравы новая, опасна для человека и сделана на урановом заводе под кодовым названием Сибиур. Черт дёрнул это сказать, так бы принялись, и всё обошлось бы.

Но дольше всех я измывался над девчонками из райкома комсомола, в те годы они занимали несколько кабинетов в левом крыле первого этажа райисполкома. В кабинете комсомольского учета я скомандовал:

– Всё, девочки, домой! Травим антисоветский «алимент» – тараканов-прусаков и прочие пережитки проклятого прошлого.

Дольше всех не верила Люська Глушанова, здоровая как лошадь, она даже пыталась выкинуть меня из каби-

нета, собственно, это у нее получилось. Потом я заскочил в кабинет Второго секретаря райкома комсомола Володи Колесникова и пару раз пшикнул дезодорантом.

– Ты чё? – удивился Володя.

И я уже не выдержал и всё ему рассказал. Он вдруг вскочил и схватил с вешалки куртку.

– Ты куда? – удивился я.

– Домой, я хотел отпрашиваться, а тут ты с дезинфекцией. Классно придумал. Пока! – Володя оказался единственным человеком в тот день, кому я реально помог своей профилактикой.

Через час позвонила Маринка, секретарша из приёмной, и прошептала, что шеф злой и почему-то вызывает меня. Маринка – симпатичная девчонка, к которой я при случае лез обниматься. Я спустился в приёмную, по ходу ушибнул Маринку и – к Георгию Ивановичу.

О том, что речь началась со слов: «Я тебе, как отец родной, понимаешь ли...» – можно и не говорить. Потому что в тот день все служащие первого этажа после «профилактики новым противотараканьим средством» испугались за своё здоровье и разошлись по домам, – честное слово, как в детском саду. И Зыков туда же, машину так и бросил ночевать около райисполкома.

– Ты посмотри, что творишь! – волновался Георгий Иванович. – Парализовал работу районного Совета народных депутатов, понимаешь ли! Слышишь ли? – Народных депутатов! Рабочий день – коту под хвост! Иди! Через час заседание комиссии по делам несовершеннолетних!

– Я не в комиссии, Георгий Иванович.

– Уже в комиссии! Иди!

ПРОГУЛЬЩИК

До сих пор остаётся загадкой, как мы умудрялись жить без сна и отдыха. То провожали Новый год с факельным шествием, то организовывали творческие пикники с чтением собственных «гениальных» произведений, непременно и обязательно – спортивные соревнования, а особенно любили Народный театр – вот где по-настоящему тешили своё самолюбие. И, похвастаюсь, зрительный зал не пустовал.

Как-то по весне, время простудное, я почувствовал недомогание – слабость, температура, – и не пошёл на работу. Телефона дома у меня ещё не было и, понадеявшись, что мое отсутствие не заметят, провалялся в постели. В конце концов, причина серьёзная – заболел.

Утром на следующий день, не успел я войти в кабинет, – телефонный звонок. Первая мысль: кому бы в такую рань? А это – Маринка, и понесла скороговоркой: шеф, мол, вчера полдня тебя искал, я скрывала, врала: то там ты, то тут, а он, как никогда, трындычит – найди, и точка! «А где ты был?» – сама спрашивает. Начал я Маринке про насморк, температуру, но вижу – не верит. Я, сказать честно, загрустил. Что шефу говорить – прогульщик, что ли?

Ждать, когда вызовет, не стал, пошёл сам – пока утро и чтоб не краснеть принародно. Стучу, открываю в два человеческих роста дверь. Шеф по привычке сдвинул очки на нос.

– А, прогульщик, зоходи. – И началось: – Я тебе, как отец родной, понимаешь ли, ты же на моё доверие – чёрной неблагодарностью. Вот мы проводили мероприятие, я тебе с транспортом помог? – и умолк, пока я не кивнул головой, и пошло-поехало дальше.

Говорил он очень ладно и всё по делу, и всё больно. А я сижу и думаю: что же ответить, чем оправдаться? Ни одной приличной версии. Про сопли, что ли, рассказывать? Маринка – и та не поверила. Замолчал Георгий Иванович,

ждёт моего объяснения. Я не знаю, может, озарение, а может быть, действительно я в молодости хитёр да изворотлив был, но само вылетело:

– Георгий Иванович, врать не буду, я был у любовницы.

У Георгия Ивановича очки сами сползли на кончик носа, он внимательно рассмотрел меня, переложил какие-то бумаги на столе, откинулся на спинку кресла и говорит:

– Хорошо... Хорошо мы последнее мероприятие провели, н-да, даже вот первый секретарь похвалил. Ну, и... хорошо, иди работай, иди. Если что, помогу, конечно, заходи, почему не помочь.

То, что я вышел удивлённый более, чем сам Георгий Иванович, это понятно, но когда я поднялся в свой кабинет и с жаром и нервной дрожью рассказал всё своему помощнику Сашке Федюку, то смеяться начал почему-то громким и нездоровым смехом.

Время бежало вперёд, события наслаивались, как в праздничном пироге: то пожётче, то послаще. И этот случай забылся и канул бы в памяти, как всё, что я уже не могу вспомнить, если бы опять-таки не его величество случай.

То были, кажется, октябрьские праздники. Не помню точно, подобные мероприятия проводились часто: перед 1 Мая, Днём Победы, Международным женским днём, Днём Конституции и так далее – все они проходили в Доме культуры и традиционно: сначала торжественная часть с докладом, а затем – концерт.

Звонок директора Дома культуры застал нас на рабочем месте, его взволнованный голос сообщил, что запланированный ансамбль песни и пляски из Новосибирска не приедет, а через два часа торжественное собрание, посвящённое знаменательной дате, будет первый секретарь райкома, а «культурная часть не обеспечена». И последняя фраза: «Мужики, выручайте! Хотя бы сорок минут программы». Какие пацаны не купились бы на такое обращение? Мы купились, и работа закипела. Сашка Федюк составлял программу, то есть пытался вспомнить все номера художе-

ственной самодеятельности, какими мы могли бы заполнить образовавшуюся «брешь». Я обзванивал наш актёрский актив. Через полчаса в Сашкином списке значилось восемь номеров: пантомима – это я, пародии на знаменитых актёров – это он, смешная сценка из нового спектакля – это боевая часть труппы Народного театра, и далее... не помню, но полчаса мы закрывали железно. До торжественной части оставались минуты, до концерта – час. Мы лихорадочно придумывали сценки, репризы – кому что в голову придет, эдакий мозговой штурм. Вдруг Сашка вскочил:

– Есть! – он заорал так убедительно, что все сразу кинулись к нему.

– Ты помнишь, – обращается Сашка ко мне, – какую ты лапшу навесил Георгию Ивановичу, когда прогулял?

– Помню, но не прогулял, а заболел.

– Вот и сыграем этот случай. Ты будешь как есть – ты, а я – Георгий Иванович. Имена конечно, сменим, – заспешил он успокоить, увидев мой протест, – классно будет! Жизненно, злободневно – бой бюрократам! И главное – смешно.

– Ты что, ошалел?!

Но Сашка меня не слышал, а развивал свою бредовую идею, тут же пародируя Георгия Ивановича. Он, кстати, изумительно его передразнивал. Мои возражения никто слушать не хотел. Тогда я впервые познакомился с коллективным эгоизмом. А что может быть со мною после такого выступления? Об этом не подумал даже я и согласился. Слов никто заранее не писал, некогда было, решили импровизировать.

Концерт открыл конференсье Серёжа, инструктор райкома комсомола, эдакий женоподобный, с писклявым голосом дохляк в очках. И слова-то он произносил вразтяжку:

– Пра-аздничный конце-э-эрт открыва-ает хор ветеранов.

Десятка два старушек и пара старичков очень слаженно спели: «Люди мира, на минуту встаньте», после не-

сколько девчонок станцевали русский, затем украинский народные танцы, после конференсье очень манерно прочитал стихотворение к праздничной дате, и всё – программа директора Дома культуры выдохлась. Пришла наша пора. Мы отыграли сцену из спектакля, я – несколько пантомим, Сашка Федюк – пародии, которые очень понравились зрителям, и его даже вызвали на «бис». Затем мы закрыли занавес, водрузили на сцену стол, на стол положили листки бумаги и поставили графин с водой, посадили Сашку, дали ему чьи-то очки. Вдоль кулис установили ряд стульев – полная имитация кабинета, и шёпот режиссёра: «Занавес».

Сашка вошёл в образ, ещё до того момента, когда начали раздвигаться тяжёлые стены бордового занавеса: он поправил очки, покряхтел, переложил на столе несколько бумажек, задумался, написал что-то на одной из них и откинулся на спинку стула. Зал оживился. Во всех Сашкиных движениях уже угадывался Георгий Иванович. В этом и состоял наш расчёт: Георгия Ивановича за семнадцать лет работы замом весь район знал как облупленного.

На сцене появилась девушка, кругленькая девчонка из плясуний, которую загодя ещё упростили поучаствовать в нашей пьеске.

– Можно? – спросила она и, пройдя по сцене нарочито раскованной походкой, положила на стол красную папку. – На подпись, Иван Иванович, – повернулась и – обратно.

У Ивана Ивановича очки сползли на кончик носа, и он уставился в кругловыразительную спину уходящей. Эхо аплодисментов застало нашего актёра врасплох, он вздрогнул, но успел поймать слетевшие очки, только на миг как бы вынырнув из образа Георгия Ивановича.

Я, прячась за кулису, разглядел во втором ряду своего начальника, тот смеялся и аплодировал вместе со всеми. Тут я понял, что пришёл конец моей служебной карьере. Но отступать было поздно, и я шагнул на сцену. Волнение, как при прыжке без парашюта.

– Здравствуйте, – произнес я осевшим голосом, но тут же выправился и повторил: – Здравствуйте, Иван Иваныч.

«Иван Иванович» опять сдвинул очки, разглядел меня, выждал тишину в зале и сказал:

– А, прогульщик, зоходи. Я тебе, как отец родной, понимаешь ли...

Зал взревел от восторга. Я надолго остался топтаться на месте, не зная, как заполнить паузу, и Сашка пялился через очки на носу, ждал, когда утихнет зал.

Дальше я не буду рассказывать. После спектакля случайно встретившаяся Маринка оценила нашу дерзость, кинув мне в лицо испуганный упрёк: «Чокнутый». И тогда я решил: никогда не буду иметь любовницу. Маринка у меня всегда, почему-то, ассоциировалась только в роли любовницы.

После праздников с трусливым настроением я пошёл к Георгию Ивановичу. Как всегда, пораньше утром. Принял он меня с привычным радушием:

– Зоходи, зоходи, октёр. Вы, конечно, выручили этого проходимца, выручили. Ну что же, хорошо, народу понравилось ваше выступление. Первый секретарь до слёз хохотал – хорошо. Вот и Федюк, смотри, молод, а тоже активен: и в спорте, и в культуре, и помощник твой. Хорошо. Такие люди нам нужны. Он член партии?

– Да, – отвечаю, а сам думаю: всё – тушите свет и поливайте веники, меня – пинком под зад, а Сашку на моё место. И мне наказание, и ему урок на будущее, чтобы поскромнее был.

– Вот, он и член партии, таких людей поддерживать надо, продвигать.

И замолчал.

– Я пойду, – и я робко шагнул к дверям.

– Зачем же?

– Что зачем? – не понял я и почувствовал холод.

– Ну зачем же мы тогда? А? Ну. Если не так-то, то зачем? А? А вот и нужны. Нужны! Чтобы вы лучше нас были. А?

– Мы лучше вас не будем, – совсем струсил я.

– Должен лучше быть! Должен лучше жить! И нам тоже радость. Ну, а коль так, то иди, Николай, иди, работай.

ПОЧЁТНАЯ МИССИЯ

Нас, самых молодых работников исполкома, посылали на крышу менять государственный флаг. В общем отделе мы получали новое алое полотно, ключ от чердака, и, мы – безотказный народ, – на крышу. Мероприятие достаточно простое, но с долей риска: трёхметровый флагшток был закреплён у самого края фасадного карниза. Как правило, я лазил на мачту, а Сашка Федюк держал меня за брючный ремень. Думаю, если бы я сорвался, он не смог бы меня спасти.

За месяц красное знамя от ветров и дождя становилось серо-белым. Народ начинал шутить: «Власть опять поменялась, белые в городе». Повинность – не повинность, но нас она не раздражала, с крыши был виден весь наш райцентр с тополиными улицами, станцией и большим прудом, прозванным некрасивым словом «водокачка».

Та памятная смена флага была посвящена грядущим майским праздникам. Погода стояла солнечная, тёплая, тополь набирал лист, усеяв всю округу липкими гусеницами шелухи. Мы получили новое знамя и пошли выполнять неписаную повинность. Навстречу – Седов, начальник ГО (была в исполкоме и такая должность – начальник гражданской обороны). Раз в три месяца все службы города играли в его игру: бегали с противогазами, укрывались в подвалах, таскали друг дружку на носилках – учения на случай атомной войны. Противогазы болтались на боку, подмигивая световыми бликами страшных глазищ, рядом пустые мешочки для угольного фильтра, которые давно растащили самогонщики. Говорили, что лучшего очистителя для сивухи не найти. В эти дни начальника гражданской обороны Седова было не узнать. В обычной жизни – сухонький, длинненький, трусивший начальства, неразговорчивый, и зачастую пребывавший под хмельком, он вдруг преобра-

жался: ладно подогнанная офицерская форма омолаживала его, появлялась упругость в походке, он чётко отдавал приказы, и, к нашему удивлению, на его погонах сверкали майорские звёзды. И начальство наше не отставало, даже председатель исполкома надевал гимнастёрку; и помимо противогаза, на его боку болталась коричневая кожаная планшетка. Маринка завораживала своими формами, обтянутыми гимнастёркой и плотной юбкой. Она становилась такой очаровашкой, что за ней хотелось бежать в атаку или, на худой конец, лежать на её коленях с простреленной головой и ожидать, когда она, заботливо склонившись над тобой, упрётся в тебя своим удивительно упругим бюстом, и начнёт делать перевязку.

И вот, когда мы с Сашкой шли менять флаг, нам навстречу спускался Седов. Сашка вдруг жестом остановил начальника гражданской обороны:

– Седов, мы за тобой.

– А что такое? – насторожился немного туговатый на ухо, но очень исполнительный Седов.

– Георгий Иванович сказал, что ты удостоен чести водрузить флаг СССР над зданием райисполкома.

Убедительный тон моего друга и мина обиженности, которую я успел скорчить, – мол, не нам, а ему такая честь, – остановили не очень доверчивого Седова.

– Мне некогда, Меркулов вызвал к себе.

– По этому поводу и вызвал, но тебя разве дождёшься.

– Да я только трубку положил, и минуты не прошло...

– Короче, Седов, нас послали на подстраховку, будешь ломаться – вот тебе флаг, и вешай сам.

– Может, и не звезданёшься с четвёртого этажа. А у нас и без тебя дел по горло. Тебе честь, вот и оправдывай доверие, – раздражённо добавил я и уже повернулся уходить.

– Ладно... – он выхватил флаг из моих рук и первым зашагал к чердаку.

Седов кряхтел, выполняя почётную миссию, я держал его за штаны, Сашка – меня за куртку. Работа шла полным

ходом: взгромоздившись на тонкую мачту, напрягая все силы, пятидесятилетний Седов цеплял флаг, только изредка с опаской зыря на проходивших внизу людей.

Удивительная пора – сибирский апрель. Выметенный после Ленинского субботника город завораживал непривычной чистотой; побеленные снизу стволы тополей, как солдаты в праздничной форме; солнце, вымытое снегами и метелями, припекало наши затылки; светло-зелёная тополиная листва, так неожиданно сменившая белое однообразие сугробов, наполняла томным ароматом лёгкий, чуть ощутимый воздух.

– Слышь, Седов, – прервал мои восторженные наблюдения Сашка, – представляешь, ты сейчас срываешься и летишь вниз как раз мимо окон Меркулова. Как ты думаешь, что он подумает?

Седов схватился обеими руками за флагшток и настоженно уставился на нас.

– Чево это?

– А того, – продолжил Сашка, – удивится Георгий Иванович и скажет: «О, Седов пролетел! И чего это он на крыше делал? А я его дождаться не могу. Нехорошо».

Седов медленно съехал по мачте вниз, а флаг рванулся, будто вдохнул свежего воздуха, и гордо расправил алое крыло над тёплым городком.

Седов был стар и догнать нас не смог.

СОВЕЩАНИЕ

Георгий Иванович страсть как любил совещания. По роду своей деятельности он курировал целый ряд отделов исполкома, несколько комиссий, комитетов и советов. Раз в месяц он проводил комплексное заседание, на которое приглашалось множество народа и на котором, кстати сказать, достаточно оперативно решались многие организационные вопросы. Благодаря таким совещаниям административно-хозяйственные структуры работали вполне даже сносно.

Кабинет заместителя председателя райисполкома был весьма внушительным, по периметру стояло около сорока стульев, и, как правило, на комплексных совещаниях все они были заняты. В тот день было всё как всегда.

– Товарищи! – встав из-за стола, торжественно произнёс Георгий Иванович и, приспустив на нос очки, пристальным взглядом обвёл всех сидящих. – Наш район, как и весь советский народ, понимаешь ли, готовится к Первому Мая, Дню солидарности трудящихся...

Открывается дверь, и входит Юрина – директор Дома пионеров и тоже член множества комиссий и советов. Нина Ивановна оглядывает кабинет: свободен только стул у приставного столика Меркулова. Делать нечего, она садится на него и затихает. Юрина – это её «проходящая» фамилия. Она столько раз выходила замуж за свои неполные пятьдесят, что мало кто знает, какая последняя. Георгий Иванович, несколько не огорчившись, что его прервали, начал все заново:

– Товарищи! Наш район, как и весь советский народ, готовится к Первому Мая, Дню солидарности трудящихся всего мира, понимаешь ли...

Вдруг прервал свою речь и, приподняв очки, спросил:

– Нина, а ты теперь с кем живёшь-то?

Нина Ивановна подняла голову для ответа, но Меркулов, будто опомнившись, продолжил прерванную речь:

– Нам поручено достойно встретить знаменательную дату...

Георгий Иванович, кажется, никогда не делал ничего преднамеренно, он всегда был самим собой, непосредственным, как ребёнок. И даже этим вопросом он не собирался обидеть Нину Ивановну. Совецание развивалось, как всегда, деловито и бурно: отчитывались присутствующие, отчитывал Меркулов, мирил поссорившихся, сам ссорился.

– Не знаю, – кричал Георгий Иванович начальнику автотранспортного предприятия, – транспорт должен работать, автобусы должны ходить по расписанию!

– Да где же я найду запчасти! – стонал начальник АТП.

– Найдёшь! Езжай – требуй! На борохолку – покупай! Проверю! Так, записываю: возложить контроль за расписанием автобусов, они, понимаешь ли, запчастей не могут найти, на начальника гражданской обороны Седова! Седов! Ты почему не был на прошлом совещании?!

– Так вы же, Георгий Иванович, сами меня флаг на исполком водружать отправили.

Меркулов вдруг обмяк, снял очки и, начав их протирать, заговорил по-отечески:

– Береги здоровье, Иван, а то всё женщины да женщины, поростратишься...

– Какие женщины?! – пунцовый Седов не знал, куда деть вдруг выросшие руки. – Вы же меня сами посылали!

– Так я тебе и говорю, не рostrачивайся, береги здоровье, а то всё женщины и женщины.

Седов сник, но всё-таки выдавил из себя:

– Да вы же сами посылали...

– Вот я и говорю, беречь себя надо. Тут молодёжь, – Меркулов кивнул на нас с Сашей Федюком, – недавно

анекдот мне рассказала про нашего туриста во Франции. Познакомился, значит, наш турист с французской бабёнкой, ну и в кусты её, понимаешь ли, как у нас принято. Ты слушай, Седов, слушай, тебе рассказываю. А она его к себе домой, как у них принято. Она в душ пошла, как у них принято, а наш турист – носки на батарею, как у нас принято, понимаешь ли. Легли, значит, они, – ты слушай Седов, слушай, как было-то, пригодится, – а тут звонок – муж её пришёл. Она, значит, знакомить хотела, как у них принято, а наш – с девятого этажа, понимаешь ли, как у нас принято.

Меркулов смеялся громче всех. После, расслабленный и довольный собою, сел в кресло.

– Мы, товарищи, должны опровергнуть доверие райкома партии и достойно... Нина, а ты на каком этаже живёшь?

Юрина нервно дёрнулась, но ответила:

– На первом, Георгий Иванович.

– Хо-ро-шо. Хорошо, что погода позволяет провести субботник, снег растаял, понимаешь ли, да, активизировать надо профсоюзы. Профсоюзы должны возглавить субботник. Да, и это правильно!

– Георгий Иванович, можно вопрос?

Замполит райотдела милиции Чуристов аж заёрзал на стуле. Давно поговаривали, что именно Чуристов займёт кресло Меркулова, когда тот уйдёт на пенсию. А слухи, как правило, сбываются, и потому, наверное, они ревностно относились друг к другу.

– Зодай, Николай Дмитрич.

– Если в милиции нет профсоюза, так что мне теперь, и в субботнике не участвовать?

Меркулов опустил голову и задумался. Мёртвая тишина в кабинете. Все прекрасно поняли, зачем этот вопрос, Чуристов и не скрывал, довольный, улыбался. Неожиданно Меркулов вскочил и, указывая пальцем на Чуристова, закричал:

– Этот вопрос, Николай Дмитрич, я принимаю как провокацию! Профсоюза у вас нет. А вот мусор найдётся.

Всё! Все свободны, остаётся промышленный комитет. Седов, через час у нас заседание комиссии по вензаболеваниям, перекури и не опаздывай.

Ошеломлённый Седов замер у дверей.

– Георгий Иванович, так я же не в комиссии.

Меркулов напрягся, густые брови сползли к переносице, но вдруг он добродушно глянул на Седова и развёл руками:

– А, ну тогда извини.

Зря Седов не остался, через пару месяцев он лечился от какой-то заразы. Об этом весь наш район знал. Кстати сказать, в маленьких городках, районах, как в деревне, нет тайны вклада, тайны следствия и вообще никаких тайн нет.

Тем временем, после короткого перекура, комплексное совещание продолжилось в несколько обновлённом составе. Меркулов поприветствовал вновь прибывших, кашлянул в кулак и бодрым голосом продолжил:

– А теперь я хотел бы поговорить о работе нашей промышленности...

В это время из оправы его очков вывалилось стекло и с грохотом упало на стол. Меркулов схватил его, вставил обратно в оправу и продолжил, но уже чуть злее:

– Наша промышленность, понимаешь ли!

Директора, кому довелось тогда присутствовать, втянули головы, и их легко можно было узнать по коротким шеям.

– Вот сидит товарищ Дрязгин, молкомбинат. Готовят кефир. Хороший кефир готовят...

Вновь вываливается стекло, Меркулов судорожно хватается его и, уже не снимая оправы, вставляет на место.

– Я вчера зашёл в магазин, – с напором продолжил Георгий Иванович, – купил бутылку кефира.

Директор молкомбината побагровел и насупился.

– Пришёл домой... открыл... – в кабинете гробовая тишина, – пивнул!

Все боялись даже шелохнуться.

Слева направо: Т.И. Трубеко, Н.Н. Стерехова, Г.И. Меркулов, Л.С. Третьяков. Вручение подарка Меркулову Г.И. в связи с сорокалетием Победы. 6 мая 1985 года

– А он – кислый! – на лице Георгия Ивановича была неподдельная обида. – Как это понять? А? И мне пришлось его вылить! – воскликнул Меркулов, подняв палец вверх.

Все взгляды сидящих устремились на потолок. Георгий Иванович сам посмотрел на свою руку, понял, что заговорился, и вдруг, резко опустив палец вниз, закончил:

– В раковину!

Все разом опустили головы, посмотрели в пол, куда показывал Георгий Иванович, и с облегчением вздохнули, а багрянец переключал от директора молкомбината на лицо председателя райпо, который, как теперь выяснилось, проквасил прекрасный кефир местного производства.

После долгого и непростого разговора о работе местной промышленности значился не менее трудный вопрос подготовки к зиме. Совещание продолжалось.

– Как у нас говорят, летом готовь сани, а зимою телегу ремонтируй. Вот и поговорим о подготовке котельных к зимнему сезону.

Меркулов задумался, видимо уже и сам сильно устал или в наших глазах просьбу о пощаде прочёл, но вдруг решил свернуть этот вопрос.

– Вот есть список ответственных лиц, утверждённый исполкомом районного Совета. Да, я его зочитывать не буду, словом, котельные в селах должны быть подготовлены к первому июня.

Гул негодования в кабинете.

– У кого иная точка зрения, кто не согласен с мнением первого секретаря райкома партии? – поднял строгий взгляд Меркулов.

Все молча уставились в розданные графики сдачи котельных.

– Ну вот, все согласны. Хо-ро-шо! Обращаю ваше внимание на важность этого вопроса, завтра же езжайте по котельным и возглавьте ремонтные работы, и пока эти работы не начнутся, не возвращаться! Есть вопросы?

Встал Чуристов.

– А вот у меня вопрос.

– По существу или по субботнику?

– По котельным, Георгий Иванович.

– Давай, Николай Дмитрич.

– А вот если там долго работы не начнутся, что мне и заночевать там можно?

Георгий Иванович прищурил глаза на Чуристова и скомандовал:

– Женщины свободны, мужчинам остаться. – И не дождавшись, пока женщины покинут кабинет, начал отвечать: – Я вот что по этому поводу думаю, Николай Дмитрич... если могёшь – оставайся.

В тот день большого совещания я уходил от старика последним. Георгий Иванович хлопнул на прощание меня по плечу и сказал:

– Иди, сынок, работай, если что – скажи, я за тебя руки выверну. – Подумал, смахнул старческую слезу и продолжил: – Ну, а если это баба будет, – то ноги.

БОМЖ НА СЦЕНЕ

Театр – тема заезженная. Знаменитые актёры каждую неделю с экрана телевизора травят байки из своей театральной жизни, и складывается впечатление, будто у них, что ни спектакль, то обязательно умора и конфуз. Но не будем оглядываться на великих, я не претендую на мхатовские высоты, нам своей славы за глаза хватило. Более того: на то, что мы могли творить на сцене нашего театра, в Москве, в те советские годы, смельчаков и не находилось.

Судите сами.

Идёт концерт, посвящённый передовикам производства. В первых рядах, как повелось, сидит весь райком, райисполком и прочее начальство нашего города и района. Я, Сашка Федюк и Колька Бурмак – он в милиции работал криминалистом – ждём за кулисами своей очереди показать сцену из спектакля «Слуга двух господ». Труффальдино играл Бурмак, чистокровный бурят с характерным круглым и узкоглазым лицом, но пронырливого итальянца он изображал просто гениально.

Стоим курим; курить за кулисами нельзя, но мы уже были во Дворце культуры на уровне «заслуженных» и «народных» артистов, нам даже замечания не решались делать. Вдруг Колька и говорит:

– Мужики, я сценку придумал, зал на уши поставлю, толпа будет визжать и плакать, так что литряк с вас.

Я глянул в зал, битком набитый передовиками производства, глянул на сцену, где выступал камерный хор районной больницы, оценил обстановку. Тёмный кудрявый пианист убивался над инструментом, хор тянул слаженно, будто баржу по илистой реке, зал белел сотнями скучающих лиц.

– Нет, Колёк, – сказал я Бурмаку, подводя итоги наблюдения, – до визга эту публику не раскачать.

А Бурмак упёрся: поставлю на уши, я не я буду, так что готовьте беленькую. И мы распорились не на шутку. Дело молодое, озорное, горячее – ударили по рукам и разбежались; пока Бурмак гримировался для своей придуманной сценки, предстояло выполнить кое-какие поручения: я должен был найти полмешка пустых бутылок, а Сашка – шапку-ушанку и старую фуфайку. Не знаю, где Санька раздобыл фуфайку, но мне собрать в выпрошенный у технички мешок пустые бутылки в фойе и урнах не составило никакого труда.

Забрав у нас инвентарь, Бурмак загадочно подмигнул:

– Ждите, скоро увидите, литряк мой. Топайте в буфет, не теряйте время.

Мы не спешили потратить свои скудные финансовые ресурсы, и остались за кулисами. Камерный хор утомил зал и потому покидал сцену под бурные аплодисменты, переходящие в овации, но стоило ему попытаться вернуться на крикнутый кем-то в шутку «бис», зал аж затопал ногами. Аплодисменты не всегда плата за удовольствие.

Конферансье Серёжа начал объявлять, как всегда, с подвыванием:

– Следующий номер нашей программы...

**Николай Бурмак на работе
в райотделе милиции**

В это время крышка люка из подвала, который иногда использовали как суфлерскую будку, неуверенно встала на ребро и с грохотом шмякнулась об пол. Зал вздрогнул, впрочем, и мы стояли, вытаращив глаза на клубы поднимающейся пыли. Никогда не подозревали, что на сцене может быть столько пыли. Серёжа-конферансье от испуга засучил ногами, ретируясь к краю сцены – очень было похоже на танец маленького лебедя.

А тем временем из квадратного отверстия на сцену вылетела пустая бутылка и, упав, покатилась. По залу прошёлся ропот недоумения. А из люка вдруг появилась шапка-ушанка, затем мужик вытянул полмешка пустых бутылок и шумно поставил их на сцену. Зал сконфузился и зашуршал. Серёжа-конферансье опрометью кинулся вон, чуть было не сбил нас, промчался дальше, и уже в коридоре мы услышали его истошный голосок:

Николай Бурмак (справа) на сцене ДК им. Кирова (1975 год)

– Милицию! Быстрее милицию!

Тем временем, загримированный так, что и мы не сразу узнали, Коля Бурмак вылез из люка, поймал откатившуюся бутылку, сунул в мешок, мешок закинул на плечо и повернулся к залу. Он удивлённо таращился на зрителей, зрители на него. Наконец Коля преодолел паузу и сказал зачарованным голосом:

– Бля, мужики, а вы чё тут делаете?

Зал молчал, будто и не было там четырёхсот человек.

Коля, слегка покачиваясь, побрёл к боковому спуску со сцены в зал. На задних рядах кто-то крикнул:

– Надо милицию вызвать!

– Чего?! – с угрозой спросил Коля.

Зал трусливо замер в ожидании.

Коля подошёл к пожилому седовласому мужчине, который сидел с краю на пятом ряду, и спросил его, но так, что слышал весь зал:

– Папаша, а ты чё ждёшь?

В мужчине я узнал самого интеллигентного человека нашего города – редактора местной газеты. Тот поправил очки и замахал рукой:

– Выходите, пожалуйста, здесь концерт. Идите, идите, там выход.

– А чё показывают? – Коля пьяно качнулся, мешок на плечах мотанул его, и он уселся на колени крупной даме, нечаянно сбив с нее лисью шапку. Дама охнула и вдруг завизжала, но по проходу уже стучал коваными сапогами милицейский наряд.

Началась борьба, зал безмолвствовал, наблюдал брезгливо и стыдливо: конфуз – в зале первый секретарь райкома партии, директора Дворца культуры можно считать уже снятым с работы, а заведующая отделом культуры в лучшем случае отделается выговором. Не знаю, думал ли кто-нибудь в те секунды об этом, но я почему-то подумал именно так.

Бутылки разбились, Коля сопел, но мешок не выпускал. Наконец-то с Бурмаком справились и выдворили в фойе, протаскивав волоком за ноги через весь зал.

Народ вдруг вышел из комы и заговорил возмущённо и негодуя:

- Кошмар!
- Ужас!
- Как он здесь оказался?!

Минут пять зал бушевал негодованием, но вот на сцену вышел трясущийся и бледный Серёжа-конферансье, мучительно делая вид, что ничего не произошло, произнёс:

- Следующим номером нашей программы...

Из-за кулисы появился Бурмак, на его лице уже не было усов, милиционеры его узнали ещё в фойе и отпустили. Но, видимо, во время потасовки ему кто-то успел-таки заехать под глаз. Серёжа-конферансье аж присел от неожиданности – думаю, что он почувствовал себя в клетке со львом. Бурмак остановился около рампы, снял ушанку и низко поклонился публике.

Зал оцепенело молчал.

Коля отошёл на два шага назад и вновь поклонился в пояс.

Аплодисменты и рёв сотни глоток чуть не смели Бурмака со сцены. После оваций публика не могла уgomониться, и потому пришлось объявлять незапланированный антракт.

Мы с Сашкой пошли за водкой. Наша сцена из спектакля была отменена: Труффальдино не мог появиться на сцене с заплаканным глазом и распухшим носом.

ИМЕЛИ ЧЕСТЬ. СОХРАНИЛИ ДОСТОИНСТВО

Спортивные традиции Болотнинского района удивительные и интересные, они уходят в глубь веков.

К сожалению, многие имена заслуженных спортсменов и работников этой сферы мы уже не сможем восстановить.

Я приехал в Болотное в 1975 году и вскоре занял место председателя райспорткомитета. Физкультура и спорт в районе были развиты неплохо, спортсменов хватало. Особенно хорошо обстояли дела у железнодорожников. Отделение Добровольного Спортивного Общества (ДСО) «Локомотив» возглавляла Лидия Ивановна Евстафьева –

Лидия Ивановна Евстафьева

мотогонщица, лыжница, человек решительный, принципиальный и жёсткий. Мы достаточно скоро нашли с нею общий язык и уже вместе начали проводить районные спортивные мероприятия.

Мне необходимо было решить два важных кадровых вопроса – найти человека на пустующее место председателя ДСО «Урожай» и директора для только что открытой Детской юношеской спортивной школы (ДЮСШ). Неоднократно я приезжал в Новосибирский техникум физкультуры, выступал перед выпускниками, звал на рабо-

ту в наш район. Специалисты поехали, но все инструкторами в хозяйства района, там выделяли жилплощадь. Несколько лет тянулась эта история с вакансией председателя ДСО «Урожай». Должность пробовали, но не справлялись, работы было мало, а зарплата мизерная. Но дело даже не в зарплате. И вдруг я узнаю, что райком партии готовит очередную кандидатуру – второго секретаря райкома ВЛКСМ, который уже по возрасту не мог работать в комсомоле, но и для карьерного роста никаких талантов не проявил. Человека с таким «багажом» нельзя было подпускать к руководству сельским спортом, очередная пустышка, которая развалит всё напрочь и уже окончательно. Действовать надо было стремительно!

Я буквально вцепился в молодого, спортивного Александра Федюка, который только что демобилизовался из армии, и повёз его в Новосибирск в облсовет ДСО «Урожай». На вопрос, согласовал ли я кандидатуру с райкомом партии, я уверенно соврал. Скоро мой блеф обнаружился, и я получил свой первый выговор. Но человек уже был устроен на работу, и райкому партии пришлось смириться.

Если с председателем ДСО «Урожай» я вопрос все-таки решил, то директоров спортшколы откуда только я ни привозил, даже из Челябинска пригласил Николая Андреевича Моршнева, с которым когда-то учился. Но дело все равно не клеилось. Позднее мы вместе с Лидией Ивановной провели соревнования по лыжным гонкам на приз Героя Социалистического Труда Т. С. Игутовой и на них пригласили юргинцев, заманили призами – дефицитными самоварами, которые раздобыли на базе райпо. Так мы познакомились, а потом пригласили к нам работать мастера спорта СССР, тренера с высшим образованием Мастыко Николая Александровича. Дела в школе оживились, но директора так и не было.

Тем не менее общерайонный спорт развивался активно, но всё делалось бы медленнее и дольше, если бы не энергичная помощь первого секретаря райкома партии

Бурдыко Николая Демьяновича, заместителя председателя райисполкома Меркулова Георгия Ивановича, первого секретаря РК ВЛКСМ Голошевской Галины Михайловны и её заместителя Володи Колесникова. А фундаментом всему стал огромный актив спортсменов и общественных инструкторов, который сформировался в районе буквально за три-четыре года работы! Мы собирали до полутысячи спортсменов на парады, посвящённые 1 Мая и 7 Ноября, проводили эстафеты по улицам Болотного, летние и зимние праздники ГТО в несколько этапов, в которых принимало участие до трёх тысяч человек. На крупных предприятиях появились профессиональные инструкторы физкультуры, наша молодёжь поехала учиться в техникум физкультуры и спорта (НТФКиС) в Новосибирск – это был кадровый прорыв, настоящая революция!..

Мы придумали проведение зональных летних спартакиад на центральных усадьбах колхозов и совхозов района, для которых хозяйственникам предстояло построить стадионы. Все эти задумки проводили через решения исполкома района, и наши инициативы принимали законную форму и обязательность к исполнению.

За три года все хозяйства района построили на своей территории добротные спортивные сооружения – стадионы и хоккейные коробки, а некоторые – и освещённые лыжные трассы.

Как замечательно работала Евстафьева! И каким энтузиастом оказался Федюк! Это был дружный и по-настоящему творческий тандем. Фантазия Александра Федюка была безгранична, порой требуя холодного освежающего душа от меня или Лидии Ивановны. Я поздно уходил с работы и, ложась спать, мечтал, чтоб поскорей настало утро, когда можно будет снова бежать на работу!..

Результаты не заставили себя долго ждать. Из отстающих в области Болотнинский район уверенно поднялся в лидирующую пятёрку в общекомандном зачёте по всем видам спорта. Особые достижения наши спортсмены показывали в лёгкой атлетике, лыжных гонках, пулевой стрель-

бе, шахматах, гиревом спорте, городках, волейболе, хоккее с шайбой и в детском футболе.

Мы выиграли первенство Новосибирской области по многоборью ГТО (пятиборью), поехали на первенство Сибири и Дальнего Востока в Читу, там стали победителями и вышли в финал, который должен был состояться в Таллине. К большому сожалению, с целью экономии средств на предстоящую Олимпиаду 1980 года финальную часть первенства СССР по многоборью ГТО отменили.

Особый, бескорыстный вклад в дело развития физической культуры и спорта в Болотнинском районе внесли: Борис Власов, Нина Липп, Владимир Конушкин, Геннадий Андреев, Анатолий Никифорцев, Надежда Александрова, Владимир Грибовский, Владимир Вернер, Владимир Золотайко, Леонид Пашкеев, Анатолий Каукин, Валерий Королёв, Юрий Сурганов, Любовь Белоусова, Виктор Казарезов, Александр Зайцев, Фёдор Сорц, Владимир Емельяненко, Александр Бондаренко, Владимир Переплёткин, Эдуард Можейко и ещё многие и многие.

Это был невероятный подъём, в первую очередь, массового спорта: практически в каждом коллективе в хозяйствах и на предприятиях района сформировались команды по различным видам спорта.

В районных соревнованиях принимали участие без малого все школы района. Но нам никак не удавалось наладить работу в спортшколе. Один Н. А. Мастыко не мог решить все задачи, стоящие перед специализированным учебным заведением.

Эта проблема была решена, но уже без меня, потому что летом 1982 года меня с треском выгнали с работы. А было это так...

Шло заседание исполкома Болотнинского райсовета, и вопрос был один – мой поступок на Областных летних сельских спортивных играх в Купино. Понятно, что на заседании были члены исполкома, человек пятнадцать, среди них: заместитель председателя райисполкома Меркулов Георгий Иванович, начальник милиции Дымов Владимир

Анисимович, первый секретарь райкома партии Бурдыко Николай Демьянович, председатель райисполкома Третьяков Леонид Степанович и, конечно, секретарь райисполкома Валентина Александровна Малзуб.

В общем-то, история простая. Все спортивные делегации стали заложниками нечестного судейства. Решить что-либо через протесты, которые мы подавали в судейскую коллегию, мы не могли. Кстати, ситуация очень схожа с той, которая к 2018 году сложилась в олимпийском движении. Унижения наших спортсменов, безапелляционные, надуманные обвинения и подтасовки: очевиден заказ наших спортивных соперников и политических врагов – американцев. Но мир трусливо оглох и ослеп.

То же самое, но не в мировых, а в областных масштабах, случилось тогда в Купино. Судьи будто оцепенели, организаторы и областные спортивные чиновники на наши требования не реагировали. Никто не хотел замечать очевидных подтасовок. Никто не хотел скандала, а признание необъективного судейства – скандал. Но по общекомандному зачёту мы продолжали лидировать. И всё же на третий день сельских Игр я собрал всю спортивную делегацию болотинцев – 26 человек, доложил ситуацию и предложил прекратить унижение и покинуть Игры. С нами был секретарь по идеологии райкома партии Геннадий Никитович Симонов, который придерживался иного мнения и требовал продолжить соревнования, но спортсмены поддержали меня. Мы парадным строем демонстративно подошли к автобусу, сели в него и уехали домой.

Расчёт был прост: во-первых, не позволить унижать нас, во-вторых, привлечь к ненадлежащей организации Игр внимание прессы. Так и случилось. Ситуация получила большую огласку, и, кстати, с тех пор нареканий на судейство ни на одних Играх больше не было. Но, получается, я ослушался секретаря райкома партии товарища Г. Н. Симонова, а это, по мнению Н. Д. Бурдыко, был самый страшный грех.

На заседание исполкома пригласили и Александра Ивановича Федюка. И вот во время обсуждения моего «не-

правильного поведения» на Играх на улице вдруг начали скандировать: «Руки прочь от Александрова! Руки прочь от Александрова!» Все члены исполкома поднялись и выглянули в окно. Я тоже не утерпел и любопытствовал. «Картина маслом»: у райисполкома собрались спортсмены, человек пятьдесят! Дирижировал протестными выкриками легкоатлет Володя Коношкин. Председатель райисполкома Третьяков приказал мне: «Иди и прекрати это безобразие». Я вышел и сказал: «Ребята, сейчас вы делаете мне хуже». Они молча разлеглись на газон под тополями. В те годы напротив выхода из райисполкома росли огромные тополя. Когда я вернулся, он спросил: «Вот мы тут уже полтора часа тебе растолковываем – как да что, убеждаем. Скажи, а как бы ты теперь, после нашей беседы, поступил?»

Я по молодости был отчаянно искренним, поэтому абсолютно чистосердечно заявил: мол, после разговора с вами, товарищи члены исполкома, ещё раз убедился в правильности своего поступка! Владимир Анисимович Дымов, начальник милиции, шарахнул по столу кулаком и чуть не закричал: «Вы посмотрите, как он себя ведет!» От неожиданности Валентина Александровна, которая сидела рядом, вздрогнула, её очки упали с переносицы. Рядом со мной сидел Александр Федюк, и мы непроизвольно, а может, от нервного напряжения, рассмеялись. Наш смех стал последней каплей терпения, и меня уволили.

Через месяц трудовую книжку мне выдал новый секретарь райисполкома Сафронов Валерий Александрович. Я открыл книжку и прочитал: «Освободить от занимаемой должности за неправильное поведение и как снявшего команду района на областных финальных играх в п. Кушино». Решение исполкома от 15 июля 1982 года № 135.

Зачем я рассказал эту историю? Во-первых, чтобы наши дети и внуки знали, что мы были энергичными и активными людьми, готовыми служить Родине, и правда для нас была выше благополучия. Во-вторых, чтобы на маленьком, но ярком примере показать технологию гонения инициа-

СВЕДЕНИЯ			О РАБОТЕ		АТ-1 № 3660573	
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статью,	о переводах на другую работу (причины и со ссылкой пункт закона)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2			3		4
10	06	02	1979	Болотин Александр предоставлен на ср. службу районного по связям с жителями	решением отделом до Комитета и секрету	Решением райисполкома от 06.02.79 № 41
11	16	08	1982	Освободить от службы на основании неправильно направленного командирования в г. Рязань Секретарь райисполкома	машинистом за неисполнение обязанностей в области финансов	Решением райисполкома от 14.08 1982г. № 155

Запись в трудовой книжке Николая Александровича Александрова

тивных и честных, искренних и трудолюбивых молодых людей, готовых совершать поступки и отвечать за них.

К несчастью, наступали времена, когда в первую очередь продвигались и поощрялись угодники – беспринципные люди, не имеющие собственных убеждений, готовые бездумно выполнить любой приказ свыше, те, кто в 1991 году, вместе с Генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачёвым, предали страну – Союз Советских Социалистических Республик.

СВИДАНИЕ

Маринка-секретарша – я не был в неё влюблён, но, как ни крути, она мне нравилась: маленькая, вся ладненькая, с круглым веснушчатым лицом, круглыми голубыми глазами – ну прямо персидская кошечка, и при этом со строптивым характером. Я как-то увидел Маринку с матерью и подумал, что с возрастом это миниатюрное создание разнесёт, как колобок. Но это будет не скоро, а пока что маринкина тонкая талия сводила с ума всё молодое поколение райисполкома. Она вся была упруга – и в движениях, и в теле – это я знал из неловких и стеснительно-грубоватых ухаживаний за нею, немного глупа, наивна и совершенно недоступна.

Последнее её качество сильно интриговало нас, молодых. Я пригласил её на свидание. Она пришла к памятнику Ленину в брючном костюме, хотя на улице густилась вечерняя духота, днём температура поднималась до тридцати градусов в тени.

Я подал ей маковый цветок с клумбы у памятника:

– Почему опоздала?

– Шила.

Такой ответ мне показался уважительной причиной.

Идем мы с нею по улице Ленина, к вокзалу, и я решил время не терять, взял ее под ручку.

– Отвали, – оттолкнула она меня. – Видишь, Меркулов идет.

А и действительно навстречу нам Меркулов со своей супругой идут, и держит он жену под ручку.

– Видишь, как надо идти? – кивнул я на Меркулова.

– Добрый вечер, Георгий Иванович, – засмушалась Маринка.

– Хорошо, – остановился Меркулов, – но смотри, Марина, чтоб он потом женился, – и пошла пожилая чета дальше.

Пошли мы на танцы (в Центральном парке была танцплощадка, где гомонилась вся наша городская молодёжь). Потанцевали немного, я уже наметил аллею, куда можно было свернуть да поцеловаться разок-другой.

Но вижу – Маринка не в себе, нервничает. Я ей мороженое купил, думал – от жары девка закипает, потом содовой, а она вообще озлилась: зачем, говорит, мне вода.

Побрёл я с нею по аллее, но чувствую – что-то не так.

Соловьём заливаюсь, а она всё по сторонам косит.

Не выдержал я и спрашиваю:

– Ты кого-то ждёшь?

– Нет, – отвечает.

И вдруг зло, будто я во всём виноват:

– Я писать хочу!

– Так вон туалет, сходи, – запросто отвечаю, – дело житейское.

– Да не могу я, – зашипела Маринка. – Брюки я зашила!

– Зачем зашила-то?

– А чтобы ты не стащил их!

– Да у меня свои есть, – отвечаю, и тут понимаю, в чём дело.

– Знаю я тебя, ухаря, – сказала Маринка, очевидно, повторяя чьи-то слова, часто заморгала и уже со слезою прошептала: – Меня спасти надо.

Бежали мы с Маринкой молодой прытью до самого её дома и, конечно, расстались, не простившись. Я остался ждать у калитки, но она больше не вышла: наверно, бежать нужно было чуточку быстрее или зашила штаны на совесть – распороть не успела.

На следующий день на работе мы встретились, и как будто никакого свидания не было. Впрочем, я сильно и не страдал.

Прихожу на работу и говорю Сашке Федюку:

– Зови к нам Маринку.

– Не пойдёт.

– Меркулова сегодня нет, он в области, зови.

– Да не пойдёт она. Что – Маринку не знаешь?

– Саня, ты меня удивляешь, грех зарывать свой талант пародиста, – настаиваю я. – Вызови её голосом Георгия Ивановича. Скажи, мол, приехал, да вот к ребятам зашёл. Пусть пару стаканчиков чая принесёт.

Сашку уговаривать не нужно было, розыгрыши он любил и тут же крутанул диск телефона:

– Мо-рина, у-здравствуй, – запел он голосом Георгия Ивановича, я приехал... Да, устал, вот к ребятам тут зашёл. Принеси-ка, понимаешь ли, два стаканчика чаю. Да, да, на четвёртый этаж, – Сашка положил трубку и кивнул мне: – Жди, сейчас будет.

Марина сказала всё, что о нас думала, но чаю мы всё-таки выпили.

И Сашка сказал ей голосом Георгия Ивановича:

– Морина, ну, окромя умной груди, надо и голову иметь, а то и ноги не помогут и ничто не поможет!

МЕДВЕЖАТНИК

Я влюбился! Я не мог не влюбиться! До сих пор с содрогающим думаю, что ведь я мог и не зайти в тот день в райфо...

Я примчался в финотдел с только что подписанным приказом о дополнительном финансировании нашего отдела и, сражённый, замер у дверей: юное создание сидело за столом и листало бухгалтерские простыни-отчёты. Её карие глаза обожгли меня, сразили, испепелили, загниготизировали, ввели в кому, остоленение! Нужно было видеть эти глаза, чтобы понять моё состояние! А влажные губки, окаймляющие чуть приоткрытый ротик! А волнистые тёмно-каштановые пряди волос, аккуратно подобранные у висков; маленькое, будто из бело-розового мрамора ушко с золотой капелькой скромной серёжки; ясный, серьёзный, задумчивый взгляд, какой бывает только у девчонок романтичных и неискушённых. Я не мог не умереть на пороге финотдела! И я умер! Умер и тут же воскрес с огромной любовью до гроба.

– Что? – спросила меня расплывшаяся за огромным двухтумбовым столом главбух финотдела, уставшая пятлиться на меня, окаменевшего. – Нам тебя ещё тут не хватает.

Только теперь я заметил, что в углу около огромного сейфа на корточках сидел старенький слесарь-сантехник и собирал в сумку разложенный на полу инструмент.

– А что случилось? – спросил я, не отводя глаз от милого создания за столом.

– Замок заело, так что мы без зарплаты теперь, печать в сейфе, а без печати, да будет тебе известно, банк денег не даёт.

– Беда... – вздохнул я, понимая, что по второму разу денег мне уже никто не займёт, а вождеденной зарплаты, чтобы раздать долги, сегодня не будет. Подошёл к сейфу и подёргал ключом.

В утробе сейфа шевельнулся замок. Мне показалось это странным, и, уже сосредоточившись, я чуть повернул ключ, подтянул болтающийся замок к дверке и попробовал открыть – ключ легко продавил клавиши. Я понял, почему закусывал скошенный замок, и чуть было не заорал от радости, но сдержался, глубоко вздохнул и громко сказал, глядя в карюю глубину милых глаз:

– Тяжёлый случай, но попытаюсь открыть.

Глаза удивлённо глянули на меня, веера ресниц вздрогнули, взволновав воздушное пространство финотдела.

Я постучал по боку сейфа и деловито спросил:

– Сколько времени в моём распоряжении?

Главбух махнула рукой:

– Банк скоро закроют.

– Мне нужно пятнадцать-двадцать минут, быстрее не смогу, случай действительно непростой, – я кивнул на сейф.

– Щас, откроет он тебе, – буркнул недовольный слесарь и, звякнув сумкой с инструментом, вышел.

Мы молча посмотрели на хлопнувшую дверь.

– Не баламуть, – устало махнула рукой главбух.

Я и эту фразу оставил без ответа; кажется, впервые в жизни небрежение к себе перенёс молча.

– Я за отмычками, сейчас буду.

В глазах главбуха засветилась надежда и второй подбородок женщины благодарно дрогнул.

Отмычек у меня не было, и, сказать по-честному, я их даже в глаза никогда не видел, но детективный жанр разыгранной сцены требовал отмычек.

У себя в кабинете я схватил связку ключей, по ходу забежал в приемную, выдернул у секретарши из причёски шпильку – и обратно в финотдел.

Я играл роль «медвежатника» спокойно, со вкусом, говорил строгим и не терпящим возражения тоном; всё было, как я видел в кино: пшилку в скважину, ухо к холодному животу сейфа и несколько громких раздражённых просьб соблюдать тишину. Женщины финотдела замерли, и мне приятно было понимать, что дивное создание теперь тоже сидит не шелохнувшись и пялится на мой затылок и тренированную спину. Кривлялся я ровно пять минут, потом вставил родной ключ, подтянул открутившийся замок, и – будьте любезны – сейф открыт.

Я давно не испытывал такого уважения, какое было проявлено ко мне в тот день, не слышал столько похвал. Только милое создание скромно молчало, но в её глазах, я заметил это точно, мелькнуло любопытство.

Я деловито затягивал гайки, ремонтируя замок сейфа, и не сводил глаз с девушки.

– Ты кто? С какой планеты?

Она подняла на меня свои восхитительные глаза:

– Человек, – с достоинством ответила она, – с планеты Земля!

– Как тебя зовут?

Девушка внимательно посмотрела на меня. Я почувствовал, как запылало моё лицо, она опустила взгляд и ответила, продолжая листать бумажные простыни:

– Ира.

Сколько было музыки в этом коротком имени.

Главбух нетерпеливо заёрзала, стул под ней нервно закрипел, и вдруг она задала вопрос, которого я, герой дня, не мог ожидать:

– А ты на учёте в милиции состоишь?

– Зачем? – не понял я.

– Все, кто открывают сейфы, должны стоять на учёте в милиции, – убеждённо сказала серьёзная женщина и подняла телефонную трубку.

Кое-как я уболтал её не ставить меня на учёт, я унижался, просил, канючил, говорил, что так делать больше

не буду, и уговорил, но доверие потерял на всю оставшуюся жизнь. С тех пор она опасалась моего появления в отделе, я для этой недоверчивой женщины стал подозрительным типом, она была уверена, что, владея криминальным ма-
стерством, я не мог не пользоваться им.

Но в тот день, даже после унижительных процедур и до-
просов главбуха, уже на выходе из финотдела я остановил-
ся в дверях и настойчиво предложил:

– Ирочка, выходи за меня замуж.

Она смутилась и тоже покраснела. В бухгалтерии на-
ступила тишина.

– А она замужем! – хохотнул кто-то из женщин.

– Нет, – уверенно сказал я, – она не может быть заму-
жем.

– Смотри, какой самонадеянный!

– Нет, – я смотрел на Ирину и, несколько уже не стес-
няясь, продолжил, – самонадеянность здесь ни при чём,
если бы она была замужем, я бы уже умер. Это невозможно,
это было бы самое большое разочарование в моей жизни.

– И не вздумай, доченька! – уверенно возразила глав-
бух и глянула на меня. – Иди, не мешай работать.

Я вышел, но не ушёл, я замер у дверей до конца рабоче-
го дня. И после много дней дежурил около финотдела, пока
бедная, замученная моим вниманием девчонка не дала со-
гласия. Я был так влюблён, я был так настойчив, что теперь
мне кажется, будто она согласилась, только чтобы я отвя-
зался от неё.

Нахальство, скажете, второе счастье? Ошибаетесь!
В моем случае это первое счастье и на всю жизнь!

НОСТАЛЬГИЯ

Что-то случилось, что-то сделало с нами время, или день-ги, или отсутствие таковых, а может быть, и ни кто-то и ни что-то, а мы сами разучились быть бескорыстными – во всём и со всеми, даже с друзьями и приятелями. Приходят ли к тебе гости, идёшь ли ты к кому-то, а голова, как компьютер, уже выстроила ряд каких-то необходимостей и потребностей. Корысть – тягостная примета моего времени. Как не хочется в это верить, как тяжело об этом думать и сознавать свою причастность к греху. Но всё-таки у меня есть друг, от которого мне ничего не надо и которому мои доходы до лампочки.

Недавно у меня гостил Сашка Федюк. Вот природаматушка чудит: мужику сорок лет, а он, как двадцать лет назад, бодр, вихраст, с зарядом непобедимой энергии и надежд на лучшее. И хорошо. Так легче по жизни топать.

Вспоминали с ним нашу молодость, смеялись, пили пиво и парились в бане. Правда, нет-нет, да и тормознётся наша болтовня, когда прозвучит имя человека, которого уже нет. И вдруг обрывается веселье, тоскливо сжимается сердце. «Да, Саньч, – грустно сказал тогда Сашка, – смерть и до нашего поколения подтягивается. Смотришь, а кого-то уже и подсекла косой, так, совсем не по порядку...»

Банька у меня добрая, воздух накалён до звона, пот до пупа добежать не успеваает – испаряется, кожа кровью налилась, и пятнистыми разводами покрылась, как у кетызубатки. Сидим мы с Сашкой на полке, притаились – потеем. Вдруг Сашка в смехе затрясся и с полка – вниз.

– Ты что? – спрашиваю.

– А помнишь, как с Меркулова в железнодорожном сортире шапку сняли? Ну, не помнишь? Он как раз с поезда,

и на горшок, а с него какой-то мужик шапку сдёрнул. Пока штаны натягивал, мужика и след простыл.

– Нет, – чистосердечно признаюсь я, – не помню, хоть убей.

– Так он по этому поводу расширенное заседание сотрудников милиции и добровольных дружин собрал.

Выбрались мы в прохладный предбанник, развалились в креслах, и рассказывает Сашка случай, который я так и не смог вспомнить. Совещание помню, Меркулов злой был, нагоняй получили все: и милиция, и народные дружины, и райком комсомола. На то совещание опоздал изрядно подвыпивший начальник Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности Сушило. Он единственный среди милиционеров оказался в гражданской одежде. Когда Сушило пробирался по рядам, Меркулов поверх очков исподлобья наблюдал за ним и вдруг зарычал:

– А почему товарищ Сушило без формы?!

Начальник ОБХСС дошёл до свободного места, выдержал паузу, икнул и ответил:

– В засаде был, Георгий Иванович, выполнял ответственное задание.

– А, – многозначительно ответил Меркулов. – Ну тогда мо-олодец.

Размякший Сушило сел и тут же уснул.

Вот она – память, совещание помню, а что поводом стала меркуловская шапка – нет.

Много было в нашей жизни и глупого и смешного, но всё равно тепло от воспоминаний, греется душа не на пару, а от присутствия закадычного друга, ностальгии по шептливой молодости, тогда ещё не прихваченной корыстной зрелостью. Теперь мы, конечно, другие, теперь мы настоящие материалисты, теперь мы официанты, смотрим только на карман ближнего. Жаль потерянной наивности, искренности и просто честности. Ну да ладно – не вернёшь.

– Да, – после долгой паузы, пока пиво пили и каждый о своём думал, вздохнул мой друг. – Помер старик. Жаль.

Будь сейчас Меркулов жив, к нему бы рванули... Что делать, жизнь идёт и смерть не дремлет, трудолюбивая старушка, много знакомого люда скосила за эти годы.

– Не грусти, Сашка, не бери ты душу, лучше вспомни, как дедов выпаривали в городской бане.

Был такой случай. По пятницам в городской бане собирались истинные знатоки банного кайфа. Дилетанты и помывщики предпочитали другие дни недели. Как занесло меня с Сашкой на этот праздник – вспомнить не могу, но мужики заходили в раздевалку уверенные, все знакомые друг с дружкой, все с вениками, какими можно при желании и голову снести начисто. Мастера угадывались во всём: не спешили раздеваться, курили тут же в раздевалке, ни водки не потребляли, ни пива. Запаривали веники со знанием дела, надолго оставляя их в шайках с кипятком, пока сами грелись на полке. На головах ушанки, на руках верхонки; если не смотреть на их голые тела, то зима в парилке и только.

Колонна спортсменов на демонстрации 7 ноября. 1976 год

**Эстафета памяти к Мемориалу Славы.
А. Никифорцев с факелом. 1985 год**

А началась заваруха с того, что один из мастеров, выйдя из парилки, отшвырнул добротный ещё веник и, кивнув всем на прощание, покинул банную обитель. Я тут же пригрел этот покинутый хозяином веничек. Он мягок был и не тяжёл, но упруг и ласков, как пуховая подушка. И начали мы с Саней куражиться: то я поддам, то он, кожа трещит, косточки на пальцах плаваются, сердце вот-вот через уши выскочит, а у нас задор, согнали мы считай всех мужиков с полка, догнали температуру до таких градусов, что и на нижней ступеньке тошно. Я в конце концов не выдержал и сбежал. Сашка с двумя мужиками остался. Один лет пятидесяти, а второй постарше. Слышу из мойки, хлещутся не на жизнь, а на смерть. То один, то другой голос требует: «Поддай-ка!»

Мужики в мойке на гранитных лавках и мыться забыли. Все в слуху, поняли – там в парилке соревнование, да не на шутку – борьба поколений. Первым старичок сдался, вышел и на руках соратников повис. Из шайки на него водой плескнули и в раздевалку увели. А из парилки всё та же песня: «на, поддай-ка!» Свихнулся, думаю, парень, сожжёт и руки и всё прочее, дурачок. Но и не хотелось, чтоб проиграл мой товарищ.

Минут через десять ударило тело о дверь парной, вывалился мужик, бросил веник в угол и, покачиваясь, ушёл. Самолюбие, видно, сильно болело. А из парилки: «Э-эх! У-ух!» И шлёп да шлёп. Я с минуту подождал ещё да спасать друга кинулся. Залетаю, а полок пуст. Не сразу сообразил под ноги посмотреть: лежит Сашка мой на полу и по стене веником хлещет.

Вытащил я Сашку в предбанник, только шлёпнулись задами на деревянный диванчик, и вот перед нами мужик голый. И говорит этот мужик меркуловским голосом:

– О-о! Так это вы дедов уморили-то?

– Он, – показал я на Сашку, а сам подивился, что собственного начальника не признал.

– Хо-ро-шо, ну зоходи, коль так, посоревнуемся.

Идти пришлось мне, Сашка своё уже доказал. Хлестался я до красных кругов перед глазами, а Меркулов – в своё удовольствие – что ему на свежачка?! Но спустились с полка вместе, вроде ничья...

– Ну, что замолк, старик? – пихнул я Сашку локтем. – Мы-то хоть изредка можем выбираться из своих хламид да поговорить, а Меркулов навеки умолк. Не покричит, не поворчит, помнишь: «Я тебе как отец родной, понимаешь ли». Эх-ма!

– А ну, вставай! – рванулся я.

– Чего это? – поднял на меня Сашка грустные глаза.

– Одевайся! Поехали! Если Меркулову до нас не добраться, то мы-то можем к старику на могилку съездить! Поехали на кладбище, помянем!

– Так мы пиво пили, за рулём-то как? Вдруг гаишник остановит?

– Противно-правильный ты стал, Саня. Мы что, для ментов денег не найдём? Вставай!

Могилу нашли быстро, хороших людей недалеко от сторожки хоронили. Узнал я памятник издалека, железный, как широкий восклицательный знак с никелированной звездочкой в верхнем углу. Подошел я смело, Сашка за мной. Глянул я на помутневшую от непогоды фотку Меркулова, встретился взглядом и дышать перестал, оробел. Отворил скрипучую металлическую калитку, смахнул с маленького столика листву и сучья, разложил на газету закуски и бутылку водки поставил. Сашка топчется за спиной, и то хорошо – рожу мою не видит. А я нет-нет да гляну на памятник, встречу с взглядом на фотке и стыдно становится, будто слышу его голос: «Ну, что ж вы, ребята, про меня позабыли, не-хо-ро-шо. Я-то вас как детей любил».

Налил я в стаканы, потеснился, Сашка рядом застыл.

– Земля пухом, Георгий Иванович...

– А водка в стакане бултыхается, пальцы холодным языком лижет. Пью эту гадость, по щекам в стакан слёзы скатываются. Ливанул остатки на могилку.

– Мы ничего не забыли, Георгий Иванович, суетимся и думаем, что живём. Вы уж простите нас.

Долго мы сидели на могилке, пили и говорили всё о нём, нашем учителе, отце, заступнике. Нет теперь таких мужиков – мудрых сердцем, с неугасающей до последнего дня жизни заботой о людях и о всём необъятном государстве Российском.

– Сашка, – вдруг пришла мне мысль, – а ведь на таких держалась наша страна! Ушли меркуловы, и рухнула Советская империя.

– Рухнула, – повторил Сашка и опустил кудлатую голову.

Рассказы

деда Арефы

ГОНЕЦ

Со спокойствием и сладостной печалью я захожу в величественный Бор над речкой Болотной, сажусь под реликтовой сосной, задираю голову, чтобы увидеть самую душу этого чудо-дерева, а потом погружаюсь в сон памяти – дивный и счастливый. Я вспоминаю прошлые, прожитые мною века.

Я родился еще до великого мора, который опустошил Сибирь, потом пришли кочевники: многие народы жили здесь, но тихий Бор и Болотная река оставались в стороне от бурной и непримиримой жизни. Там, вдалеке, шла тревожная человеческая жизнь, рождались и умирали люди, шли войны, совершались подвиги и предательства, а здесь, на этом берегу, множились птицы, которые пищали, кричали, щебетали, орали лягушки, а одноногие цапли искали их настороженно и метко.

Приходила осень, вяли густые травы, покрывались утренним холодным туманом, первой заледеневшей росинкой – эту красоту не видели люди, но она жила и радовалась вечной жизни. Потом падал нескончаемый снег, крупными снежинками, закрывал сосновую округу белым занавесом, сугробы нагуливали бока, а потом позёмка струилась по холодному простору. Я был здесь и всё видел, так из века в век жила моя Родина, чтобы потом уставшие сугробы с первым теплом устремились робкими ручейками в речку Болотную. А та сытно принимала паводок, заливая низины и луга, напитывая новую жизнь, и скоро расцветала миллионами оттенков разнотравья. У природы так – расцвести и завянуть, превратиться в землю, перенести холод и явиться новой цветущей жизнью – всё, как у людей.

Смерть – это часть жизни, черта, за которой новое бытие. Нет смысла и даже глупо бояться перевоплощения и смены старого тела на молодое, тем более, если ты старался

жить честно и не плодил тяжкого зла, если жил с любовью. А разве можно жить без любви к родителям или детям, или друзьям и тем, кто проходит мимо твоего окна? Разве можно не любить свою Родину и историю своих предков, разве можно не любить свой народ?

Я помню, как в тот день всполошились вдруг птицы, загалдели, а стрижи начали, будто опасным ножом, резать небо, на неуверенный мосток через речку Болотную, прямо на меня выехал всадник. Он лежал на спине коня, его шея была прострелена кровавой стрелой с чёрным оперением. Конь подошёл ко мне и смиренно опустил голову. Я снял всадника, положил в тени дерева, отломил оперение и осторожно выдернул стрелу из шеи несчастного. Передо мной был, очевидно, очень везучий человек, стрела не перебила артерию. Он застонал, но я уже приложил к ране болотную траву и наложил плотную повязку.

– Рахмаш, – произнес всадник.

– На здоровье, – ответил я и дал ему вдоволь напиться воды.

Он потерял много крови и был крайне слаб. Я внимательно осмотрел стрелу и спросил:

– Пришёл Кучум?

– Да, Едигер убит. Я должен предупредить о беде свой народ.

Вот и наступила новая смута, – понял я, – которая продлится более двух веков. На сибирскую землю пришёл из Бухары хан Кучум, злой и беспощадный и к своим и к чужим. Он не будет платить ясак русскому царю, как это делал Едигер, защиты у сибирских народов больше нет. Кучум мечом и огнём заставит малочисленные сибирские народы платить дань и принять веру мусульманскую. Потом придёт Ермак, он будет заставлять покориться Кучума. Два кровавых века Сибири! Чаты скоро уйдут под руку русского царя, а гордые телеуты никогда не станут вассалами русского царя, но уже в новые века их останется чуть больше двух тысяч человек. Народы Сибири не смогли противо-

стоять Кучуму, а Кучум не смог противостоять ружьям и пушкам русских ратников. Началась эпоха многих жертв за ясак и межусобные интересы.

Я приготовил отвар из полевых трав.

– Тебе нужна сила, на, ешь, – я протянул гонцу кусок вяленого мяса и чашу с тёплым отваром.

– Что это? – спросил он.

– Дару и куш. Ешь, мне не нужна твоя жизнь.

Утром гонец с трудом, но самостоятельно сел на коня.

– Как звать тебя, рус?

– Арефа.

– Мои потомки будут чтить тебя!

Я остался один у Болотной реки, на краю величественного Бора. Впереди меня ждал бурный поток междоусобной и алчной крови. Впереди был ясачный оброк, лихоимство и обман сборщиков дани, беспредел и насилие чиновников, угнетение и ограбление простых людей, и тех, кто приехал сюда на свободные земли – они тоже страдают от царских чиновников и купцов. Потом родится очень сильное поколение, которому надоест жить в рабстве, и они свергнут бесправие, выйдут из землянок, оденутся и наедятся, но новые правители сами захотят стать царями и купцами, и снова народ попадет под ясачный оброк: русские, татары, телеуты, калмыки, украинцы, белорусы – все.

В тот день, когда я помог выжить гонцу, я знал, что встретил судьбу своего народа: подло преданного, опасно раненного, беспредельно сильного, высокоблагородного и божественно благодарного. Народа, который черпает свою силу в спасении других. Народа, который находит силы в страдании. Народ, который умирая, не умирает. Народ, у которого только в бедствии рождается здоровая человеческая сила. Да разве можно не любить такой народ? Да разве можно не гордиться быть малой частью такого народа? Да разве не есть ли величайшая честь и достоинство служить такому народу верой и правдой и до конца дней своих?!

Такая у меня была жизнь – яркая и тяжёлая, но перевести дыхание и набраться сил я мог только в этом мирном и спокойном месте – у речки Болотной, где под каждой кочкой живёт тишина, каждая былинка родная, а утро раннее и, главное, всегда вовремя встаёт солнце, чтобы, проснувшись на заре, вновь подняться на бой за право жить достойно и счастливо.

БОР

В 1555 году хан Кучум – сын правителя Бухары Муртазы из рода Шибанитов – после четырнадцатилетней войны сломал сопротивление местных племён и стал единовластным правителем Сибири, но в сибирском ханстве оставалось не мало людей, преданных поверженному Едигеру, вот почему высокопоставленные мурзы не останавливались на ночлег в татарских поселениях, а искали отдыха здесь, на берегу скрытой среди кочек болотной речке Сазсу – тихое место, отдаленное от дорог, с чистейшими родниками и с необычайно величественным и красивым сосновым Бором. Останавливался здесь и сам хан Кучум, а чуть позже это место приглянулось его старшему сыну – Али, который не раз отдыхал на этом берегу, когда дорога его лежала на север.

Отряд Али-хана проезжал мостком над речкой Болотной, спешивался, и скоро несколько костров уже дымили на полянке в кругу высоких сосен, а походные таганки возвышались над огнём, который с ярким наслаждением облизывал бока чёрного казана. Закипала ароматная шурпа, служка переливал чай из чаши в чашу, чтобы набрался чай с молоком вкуса ароматного и живительной силы, усиленный дозор караулил покой хана, караучи-воины собирали сухой валежник для ночного костра, а в это время кумыс в кобыльих турсуках заботливо остывал в прибрежных бурных родниках.

Над станом возвышалась только походная юрта хана Али, обтянутая лоснящейся бычьей кожей. Сам молодой хан скоро выходил с распущенными дегтярно чёрными волосами в атласном мягком, как прикосновение матери, халате, и садился на любезную подушечку под древней,

царственно возвышающейся сосною. Отдыхал. Смотрел на покойную болотную даль, слушал песню камыша, трогательный пересвист мирных куличков и редкий, скандальный крик выпи. Любил Али чистый Бор, полный лёгкого воздуха, запаха смолы, перемешанного с полевым разнотравьем – лекарство для его больных лёгких.

Много лет прошло с тех пор, а я всё прихожу на край Бора, сажусь на место Али. Хорошо под сосной сидеть на горке, наблюдать простор. Глянешь вверх – так Али делал, а там иголки в царской кроне, миллионы иголок, как судеб людских.

А река наша Болотная в древние времена Сазсу звалась, что значит по-татарски – болотная река. Русские путешественники по нашим краям случились давно и создали первые Чертежи всей Сибири, а Семён Ремезов поместил на них реки и прочие озёра и города. Вот тогда черти эти – чертёжники, долго не думая, начертали по-русски, мол, река Болотная, а мне и невдомёк было проверить!

И приток-ручѐк, что из Лоханки течёт, звали Бала – малыш, так чатские татары его называли.

Бала – малыш – трогательно, и Иня – мама – нежно, и Обь – бабушка – ласково, и Ояш – низина – по месту, и Кунчурук – сторона восходящего дня – по делу, и Ача – горькая – по вкусу, а у нас Лоханка – по форме.

До сих пор над болотным простором стоит царственная сосна – хозяйка Бора, под ногами – смиренная Сазсу с Малышом-Бала, а в Водокачке – вода чистотой знатная. И в этом цветнике райском ты живёшь, как бабочка порхаешь, али комариком гудишь, радуешься и счастья своего не понимаешь.

ХАН АЛИ

Я увидел отряд хана Али, когда он миновал Ояшинское урочище, он не стал останавливаться на отдых, а только принял подарки своих подданных и продолжил путь на север. Я уже знал, где остановится на отдых хан Али, и решил непременно встретиться с ним.

И когда Али сел отдохнуть под царственной сосной, я был уже на месте и, уличив момент, пошел к нему с поклоном. Но злой сакча-часовой не пустил меня, чуть не заколол. Прогнал с угрозами и пикой, ещё тыкнул напоследок пониже спины.

Али услышал шум и спросил сакчу:

- Что хотел этот человек?
- С тобой говорить, великий хан!
- Пусти его.

Сакча выдернул из моих кожаных ножен короткий меч, который чаще служил мне ножом.

– Иди, владыка ждёт, – приказал и почтенно склонил голову.

Вот же гад, думаю, сначала задницу мне пикой проколот, а теперь поклоны раздаёт.

Я прошёл к огромной сосне, под которой сидел молодой хан Али, снял платок с головы и поклонился до земли.

- Что ты хотел сказать, славянин?

Худое лицо Али было болезненно желтым, глаза окаймляли синие круги, он был молод и стар одновременно, а по печали в глазах я догадался, что он думает о смерти.

- Ты назвал меня необычно – славянин.
- Я много читал. Говори.

– Хочу отдать честь отважному воину Али – хану Сибирскому, отроку легендарного рода Шибанидов, предку великого Чингисхана, сыну достопочтенного хана Кучума!

– Ты разве не знаешь, что русы напали на Сибирское царство и идет бой?

– Знаю, но прежде этого похода русских достопочтенный хан Кучум напал на Сибирское царство, убил повелителя Сибири хана Едигера и отказался платить ясак.

– Лжешь, собака! – блеснул чернотой глаз Али, но сдержался. – Что ты делаешь здесь? Ты лазутчик?

– Нет, я живу здесь.

– Где же дом твой?

– Везде, но зимуя я у чатов в юртах Акбальщких.

– Откуда так хорошо знаешь язык наш?

– Я много знаю языков и наречий, достопочтенный хан. Ещё до великого мора. Вёз с отрядом ратников дань Ибаку – хану Большой Орды. На отряд напал огромный шатун, я был ранен и оставлен в юртах Акбальщких. Местный шаман-ведун лечил меня. Три года там был, пока не научился снова ходить.

– Ложь твоя изрядна, Ибак-хан – старший сын Чингисхана, значит, ты живешь уже триста лет? Сколько же лет тебе сейчас, лжец.

– Не знаю, великий хан, давно живу, а как давно – уже и не помню.

– Как смеешь ты лгать мне?! – юноша задумался, откинулся на ствол дерева и посмотрел в царственную крону. – Дерзость твоя велика. Никто не знает день своей смерти, а ты – знаешь – ты умрешь сегодня, – хан выразительно посмотрел на сакчу. Тот понял всё, и я понял, что Али приказал меня убить.

– О, великий хан, неужели ты никогда не лгал? Если скажешь – нет, то уже солжешь.

Юноша опустил голову, молчал минуту, думал неторопливо и основательно.

– Было. Но потом я узнал, что лжец не достоин памяти потомков! – в его словах угадывалась способность глубоко мыслить.

– Я не встречал более хитрого народа, чем твой народ, добрый хан.

– Хитрость в бою – это не твоя трусливая ложь! – и этот ответ, понял я, был плодом долгих раздумий молодого хана.

– Почему же «трусливая»? Как видишь, я не боюсь смерти.

– Лгут только трусы, а если лжёт мужчина, то он трус вдвойне.

– А если лжёт правитель?

– Такой правитель недостоин своего народа, и судьба его – смерть и презрение.

– Ты мудр, хан Али. Пусть вечна будет душа твоя, пусть долог будет жизненный путь великого воина, пусть жены твои будут плодовицы, а войско смелым, а народ единым как кулак, в котором соединятся все племена ваши, – я знал, что говорил, я говорил как раз то, чего не было ни у Али, ни у Кучума, залившего землю сибирскую кровью единоплеменников, когда насаждал огнём и мечом веру мусульманскую. С тех пор у огромного Сибирского ханства не осталось и намёка на единство.

– Ты смелый человек, славянин, оказывается, ты умеешь не только лгать, но и говорить правду. Говори только правду, и тогда, может быть, я подарю тебе жизнь, – Али помолчал, внимательно глянул на меня и произнёс: – Мне шестнадцать лет и я скоро умру... Юноша сказал эти слова неожиданно доверительно и спокойно.

Мне было жаль юношу, много его родных отличались слабым здоровьем, и всему причиной были семь тысяч женщин Чингисхана, которые подарили Орде более шестисот детей. Через пару веков близкими родственниками друг другу приходились уже около семнадцати миллионов мужчин и ещё больше женщин.

– Великий хан, сегодня не день моей смерти. Ты едешь лечиться на север к кунчурукским шаманам, они ждут тебя, тебя ждут подарки и лечебные травы. Тебя повезут на неприступный остров Кучума, сухой хвойный воздух вековых кедров, кумыс и травы вылечат тебя.

– Я люблю тот остров! Он неприступен, как крепость, – успокоился и удивился Али. – Но как ты много зна-

ешь, лазутчик! И почему тебе до сих пор не отрезали язык? Говори ещё...

Вдруг Али закашлялся, видимо, внутреннее волнение и надежда на выздоровление, посеянная мной, вызвали этот приступ, он кашлял долго, глубоко и хрипло и скоро сплюнул сукровицу, откинулся спиной на теплую сосну. Халат его распахнулся, и я увидел тщедушную впалую грудь, он дробно дышал, но глаза горели огнём и желанием жить.

– Скоро твой отец будет предан своим народом, его убьёт не враг, а друг. Скоро ты поведёшь войско Кучума и будешь пленён. Тебя не убьют, но ты будешь жить со своими подданными среди русов, русский царь помилует тебя. А в Сибирь придут жить славяне. Остатки твоего народа будут жить с ними в мире.

– Нет! Мой народ – великий народ! Он не позволит чужеродам топтать мою землю.

– Твой народ – великий народ, но после великого мора и междоусобной войны за власть твой народ устал жить, жёны уже целый век приносят слабых духом мужчин, народ устал воевать и умирать, он начал вырождаться. Самые сильные останутся и будут жить в мире со славянами и вместе защищать потом твои земли. Но, великий хан, наступит время, и славяне, в свою очередь, начнут вырождаться, и их жёны устанут ждать смелых мужчин, и их начнёт губить жадность и междоусобица, и Сибирь, по которой опять пройдет мор, вновь станет такой же пустынной, как сейчас.

– Неужели, ты говоришь правду? – Али посмотрел на сакчу, будто ища поддержки.

– Великий хан, – продолжил я, – пройдут годы, много лет, здесь будет стоять город, вон там – на холме, а на месте болота раскинется рукотворное море и по нему поплывут быстрые струги. Я расскажу людям о тебе и о горе твоего народа, уставшего жить и позволившего поссорить свои роды!

– Как зовут тебя, лазутчик?

– Арефий, добрый хан.

– Арефий, – повторил Али и вдруг глянул на меня пристально и даже с вызовом: – Ты знаешь день моей смерти?

– Да, великий хан. Знаю. Но ты будешь жить долгою жизнью.

– Почему ты не говоришь день? – Али уставился на меня с настороженным любопытством.

– Человек не должен знать день своей смерти, великий хан, – я отступил назад, смиренно склонил голову и приложил руку к груди. – Прости, великий хан, но таков закон жизни.

Хан поднялся. Передо мной стоял высокий, худой юноша, но я знал, что скоро его тело нальется силой и он поведет свои отряды в бой. А сейчас он вдруг заторопился, потому что у него родилась уверенная надежда, и я его понимал, ему не терпелось в бой, но прежде предстояло победить болезнь.

– Верни оружие, – приказал юноша. – Живи, лазутчик.

Хан не прощаясь и более не глянув на меня поспешил в свой шатер. Я вновь приложил руку к груди, склонил голову и стоял так, пока хан не скрылся в шатре. Мимо прошел сакча. Остановился и отдал мне меч.

– Без обид, – произнёс он и пошёл прочь.

«Да, конечно, – подумал я, – какие могут быть обиды, просто я просижу сегодня весь вечер в шайке с травами, чтобы рана не загнила. Но ладно рана! Она-то заживёт, а шаровары теперь новыми уже не назовёшь».

Утром я вернулся на место стоянки отряда хана Али, посидел на его месте под древней сосной, поглядел в изумрудную царственную крону, которая блестела и переливалась в хвое, отражавшей лучи восходящего солнца. Потом прошёлся по поляне, на которой остались чёрные пятна костров.

Хан Али ушёл в йорт-поселение Кунчурук. Тамошний шаман, сухой кедровый воздух острова Кучума, болотные травы и местный багульник спасут его и больше он никогда не вернётся под нашу древнюю сосну.

До начала строительства дамбы через речку Болотную – Сазсу оставалось триста лет.

ХРЕБТИНА

В давние времена по приказу царя Александра III вдоль Московского тракта велено было стать селу Болотнинскому с постоялым двором и почтовой ямщиной. Прихоть сию царскую считаю правильной, потому как спрямляли Московский тракт, который блуждал через Карасёво – Зудово – Большечёрное. Вон какими кругаями ходили-ездили.

А приехали обустроить село Болотнинское купцы молодые и со всего свету, ну не то чтобы худые какие, но и не первой-второй гильдии, а помельче, но тоже сноровкой отличные, с глазом острым, желанием великим разбогатеть. Приехали на пустое место, от государства льготы и никаких конкурентов нет – какие конкуренты в чистом поле?

А почему именно это место выбрали, я расскажу. Вот, смотри и слушай: от Болотной на северо-восток до Томска – 97 вёрст! На юго-восток до Кемерово – 113, а на юго-запад до Новониколаевска, теперешнего Новосибирска – 117! Получается, что в самой середине меж этими величинами селу Болотнинскому и повелели быть, и почту возить да за Московским трактом приглядывать.

Правда, есть одна незадача: Новониколаевска-то ещё не было, это как-то они сами, без моего участия, догадались, что город там скоро появится?! А и немудрено предвидеть, что место на пересечении Оби и Транссиба пустовать долго не будет.

Народ у нас ушлый, умели угождать и прибыль с того иметь. Сначала посёлок Александровским назвали в честь царя Александра III, а потом переименовали в честь Николая II в Новониколаевск. И уже потом, в декабре 1923 года назвали город Новосибирском.

Дом на улице Московской, где жила Софья Чижова (Бокан)

Спрямяли Московский тракт, а на этом спрямлении учитывали, чтобы расстояние между ямщицкими и постоянными дворами около 40 километров было – как раз под силу пройти почтовой лошади. Вот почему между Новониколаевском и Болотным на равном расстоянии Сокур, Мошково и Ояш. И помни, это ты сейчас по асфальту катишься, а в те времена на каждой пуппочке подскакивал-подпрыгивал, в каждой ложке лошадь вместе с грузом из грязи тянул. Однако у Болотной еще одна забота была, потому что установили её на пересечении с дорогой между Томском и Барнаулом.

В те времена Московский тракт строили все: и казённые люди, и наёмные, и по обязательству от каждой деревни несколько мужиков по месяцу обязаны были и мосты строить, и гати мостить, и ямы ровнять. А для того замани-

вала канцелярия в Сибирь народец со всех пределов Российской империи, чтобы селились вдоль тракта, обживали его. Не хватало народу-то! Кто ж в Сибирь по своей воле поедет? – только тот, кому на родине не в милость, земли ли нет, отчего голодно, или по какой другой нужде. И по нужде в Сибирь лихие люди бежали, и крепостные здесь волю искали, и ссылали преступников на исправление, а потом и добром заманивали переехать в Сибирь, подъёмные суммы давали, а по приезде – и скот, и семена.

Селили вдоль Московского тракта, потому как Московский тракт – он, как хребет, основой государевой власти стал и на этой хребтине вся Россия и поныне держится.

Дело государственной важности, заселяли Сибирь и «тряской и лаской». Так что, получается, сюда и добрые люди приехали, и лиходеев прибыло. Так вперемешку до сих пор и живём – одни воруют, другие ловят. Но во все века население в Сибири только прибывало, пока к власти не пришел Мишка меченый, который привёл на трон русский пьяницу и предателя – царя Борисуку Ельцина. С того дня хиреть Сибирь начала без государственного попечения и заботы, люди поехали прочь.

Село наше начиналось от развилки, где от Московского тракта отходит дорога в сторону Кругликовского села. Теперь это улица Комитетская, но первое время она называлась Гондатьевской – в честь томского губернатора Гондаты Николая Львовича, хотя батюшку его Людвигом звали, потому как тот итальянцем был, а мать – дворянка из Тулы. Видимо, думала, в Италию уедет, а в Сибирь угодила.

Но в этом месте примета есть особая, ни в каком другом городе не увидишь: от развилки на Комитетскую в сторону западного переезда улица широченная, размашистая, а к востоку – узкая. А почему? А потому, что там Лоханка улицу сузила, и поехала Московская дальше к железнодорожной станции рекой узкой, дома прямо окнами на тракт вылупились, а с тракту проезжий народ видит, кто в доме щи хлебает, кто мосол догрызает.

На этом же распутье церковь была, и первые дома вокруг неё строились, потому и первое кладбище было рядом, в Чётном парке. А почему там? А потому, что железной дороги ещё не было! Хоть влево – простор, хоть вправо – вольница. На том кладбище дома теперь стоят.

Одним из первых основался у нас купец Медведев, и дом у него в два этажа был, на этом месте теперь дом 129 стоит, жену Хавронья звали. Она страсть как не любила имя своё, потому все и запомнили его, а как мужика-купца того звали, никто не помнит.

Недалеко Павин-купец, деловой мужик жил, на Московской, 198, и мост через речку Болотную в сторону Кругликова по старинке Павинским зовут, потому что рядом с мостом новый каменный соорудили, а от прежнего только название осталось. Была и вторая, но она за Чётным парком – на речке Потапочке. Нет нынче ни мельниц, ни деревянного старого моста через речку Болотную.

Церковь, что на развилке стояла, звали во имя Николая Чудотворца, стояла она на месте, где теперь дом № 112 стоит.

Развилка эта как кол в кругу, округ которого и пошло село наше Болотнинское. Дома строили далеко друг от друга, там да сям, вдоль тракта, и промышляли кто чем. Медведев – пекарня и пряники медовые, да печенье сушёное, да бублики круглые; Павин – мукомол на всю округу, были и другие, но памяти у меня на них не хватило.

Опять-таки развилка эта для церкви удобное место – трактовое. Свои-то, понятно, ходили кое-как, да через раз копеечку носили, а тут проезжий какой остановится ноги размять да свечку за упокой, а кто и за здоровье поставит, а бывало и так, без затей, в сердобольный ящичек денежку бросит, а вдруг, думает мужичок какой или баба дурная, на том свете и впрямь зачтётся, глядишь, и место помягче да потеплее в раю выгорит. Народ-то у нас наивный, но с фантазией. Позже, это когда базар за Лоханкой появился, в базарные дни – пятницу и субботу – торговый и

крестьянский люд, что из Кругликова и Ояша приезжал, с попом барышом делился.

А при Советах в той церкви кино начали крутить, кинотеатр «Победа» назывался, но не долго, сгорел, как есть, подчистую, до самого дна. Ходили слухи о бабе какой-то, вроде как накануне пожара видели в окнах посрамлённой церкви плачущее привидение, но всё это враки, охоч наш народ сказки сказывать да чушь молоть, про чудеса байки травить. Однако, хочу сказать, что великое негодяйство – поганить то, что людям дорого. Строй свой храм, а то, что дедами построено, – храни! А не то и твоё добро, придёт срок, твои же дети разграбят.

Рядом с нынешним мостом проходил Павинский мост

ДАМБА

Осталась у меня на земле одна радость – родина моя, говорят, малая, а я не соглашусь, ну какая же она малая, если даже после смерти, её только и люблю.

Все уже забыли, что до того, как начаться изысканиям Николая Меженинова, где пройти-пролечь железной дороге, а по-прежнему «чугунке» – так она в народе называлась, были до того времени изыскания военных топографов Военно-топографического отдела Западно-Сибирского военного округа, основанного еще в 1867 году. Откуда знаю? Работал я в том отделе, числился в экспедициях и коновозом, и шурфы копал, а однажды поваром подвизался. Ничё, хорошо готовил, никто не обгадился за весь изыскательский сезон, а было это в 1870 году.

Через двадцать лет вслед за военными топографами, как бы по второму кругу, поручили исследовать нашу местность Николаю Павловичу Меженинову. Я и в его экспедиции поработал, и как самый опытный и трезвый человек – был на разных работах, но от поварского дела отказывался, уж очень это хлопотное дело спирт от мужиков прятать.

Прошел я вновь по Средне-Сибирскому пути, по реке Болотной, на этом месте задержались, тут-то и было принято решение ставить железнодорожную станцию, но не в самом селе Болотнинском, а восточнее, как раз напротив намеченной у реки Болотной дамбы, откуда и запланировали качать воду чистую и в достатке. И площадь впадины и обилие родникового и паводкового водосбора позволяли надеяться на стабильный уровень воды в будущем водохранилище.

А думаете, кто подсказал? Да, правильно, потому и они не дураки, сразу поняли мысль мою, но мне полегче дога-

даться было запруду здесь сделать, потому как я всякую тут пуппочку помню, бугорок всякий, дерево любое, одно условие сказал – Бор не трогать, потому как такой красоты больше нигде нету. И без упрёка должен отметить, и в прежние времена, да и нынче к Бору реликтовому отношение у людей бережное, ни одна рука не поднялась на дерево живое, даже во время войны с фашистами охраняли лес милицией и следили, чтобы на топку только сухой да ветки собирали.

И уже в конце того века началось строительство железной дороги от станции Обь до самого Красноярска – везде и сразу. Ох и грохоту было, движуха, как нынче молодёжь говорит.

Уже в 1895 году почитай вокзал станции Болотная к завершению шёл, а что там за вокзал-то – барак огромный, ну с вензелями на фасаде, башенки – а, для деревни и так сойдёт. Не понравился мне вокзал, благо через сорок лет его увезли к чёрту, по брёвнышку раскатали, а на его месте каменный поставили, наконец-то красоту навели.

А еще до вокзала, на пару лет ранее, затеялись с дамбой через речку Болотную. Вот тогда мне, за особые в иссле-

довательских делах заслуги, определили пост наблюдателя за работами, в подчинение двух десятников дали. Стали мы землю возить с двух сторон, по правому берегу понятно – вон какой бугор высоченный, но не весь пригоден был, поскольку часть склона родниками сочилась. Не поверишь, родник на роднике, струйками из глины вытекают, живые, чистые, как детки малые, и по склону вниз, к реке, к мамке, значит.

А по левой стороне стали брать ниже по течению, потому что выше Бор стоял. Десять подвод по левому берегу землю на дамбу возят, десять – по правому. Работы велись, конечно, под приглядом инженеров. А те молодые, задорные и воспитанные. Это мы вечно рты поразили, а они нет, всё с толком и по бумажке. Бегают вдоль плотины будущей, колышки велят вбивать где укажут, поглядят-померяют в прибор затейливый и опять побежали колышки переставлять и спорят, но интеллигентно, без матюков и мордобоя, но громко.

Вот мы возим землю, в одном месте грузят, а тут, значит, разгружают, и одна подвода за другой – любо-дорого посмотреть. А подводы все из деревень, роптать мужики начали, мол, лошадей загоним, но я-то знаю, что лукавят. А потом, как получка случилась, посчитали они гроши и с другим настроением работать принялись. Я следил, чтобы лошадь не простаивала и чтобы не обидели кого, десятников держал в узде, а то по харе, бывало, врежешь. Кулак-то у меня работающий, натруженный, пару зубьев сразу выносил. Не крали у рабочего класса, не позволял.

Лошадёнку мне выделили, хорошую, смирную. А жара в то лето случилась просто страсть какая лютая, невыносимо работать. Уже без сапог, чуть не в исподнем, обдашь себя водой, ведра два выльешь на голову, охлынёшься и опять в пекло закипать идёшь. Но хорошо иное, земляные работы в слякоть делать не с руки, скорбно в грязи возиться. И комар, вот, ни комара, ни мошки, только овод изредка с дуру ударит лошаденку по крупу, та махнет хвостиком, и опять

Водонасосная станция (водокачка)

благодать. С того года и возненавидел я жару, а особливо зной. И думаю, как они там, на югах, живут-маются.

Обед. Бабы все те же деревенские или из Болотной, варят тут же на печах из кирпича, солидно, печи с плитой чугунной. Под навесами от дождя и пекла – столы из плаха и скамейки. Обед, по рельсе как дашь, аж косынки у девок с голов срывает, значит, обед. Спиртного ни-ни, у одного ухаля увидел и об рельс бутылём, у того аж слезу вышибло. А я ему, мол, сукин сын, в следующий раз штраф назначу. И всё.

А сам я в Бор уходил, к сосне древней, что на взгорке. Подойдёшь к дереву, обнимешь ствол необъятный, а кора солнцем и теплом пахнет. Тенёк кругом, солнце к обеду к

Павинскому мосту утекает, за лесом не видать его. Сяду прямо на корневище у ствола, где хан Али любил сидеть, оглянущу простор и стройку великую и представлю, как плещется огромный пруд, а в нём рыба всякая, хочешь – ведром тяни, а хочешь – ведром черпай. И думаю думаю: и за что человеку такую благодать Бог дал, а потом вспомнишь жизнь людскую, и напротив мыслишь, почему у людей жизнь такая неустроенная, почему Бог попустил? Но то знать нам не велено. Да, не велено, коль сами дураки. Закрою глаза, придремлю, и так потом вставать не хочется, так и жил бы здесь где-нибудь под корневищем, будто медведь какой.

А больше спорили инженеры из-за уреза, мол, одни говорят, что мокрый откос надо в пруд вести, а другие, что стену бетонную ставить – дешевле будет, потому как на один метр дамбы надо шесть метров в воду откос отсыпать. А дамбу спроектировали на три метра выше уровня воды, вот и выходило, что отсыпать в сторону воды надо склон восемнадцати метров. Чуть не дрались, но экономнее, конечно, было стену бетонную со стороны воды поставить. Поставили, а лет через тридцать поняли, что выгода была временная, бетон потрескался, волны выбили щели и начали точить дамбу. И щебень на дамбу в ямы возить, и камни кидать начали в воду, чтобы волны резали, да смягчали удары волн, а дамба-то с подветренной стороны, ветра у нас юго-западные, как погонит волну от самого Павинского моста, версты две будет. И к концу пруда огромные крутые волны, будто бычьи лбы, с боевым рыком налетали на бетонное препятствие, от удара рассыпались, взметнувшись вверх, а яростный ветер, будто ножом, срезал пенные брызги и перекидывал через дамбу. Какой бетон такое выдержит! Вода – сила страшная.

Русло речки Болотной почитай посередь дамбы проходило. Инженеры по плану своему новое русло копать велели, прижать его надо было к правому берегу. А землю лишнюю – всё на дамбу сыпали. Прокопали русло новое,

у шандор огромную яму для обустройства водозабора. Сам водозабор камнями заложили, чтобы вода текла, а рыба не попадала в насосы. От водозабора две трубы закопали по двадцать пять сантиметров каждая, под дорогой они идут прямым ходом к насосной станции. Самотёком всё течёт, в насосную втекает, а там в желоб бетонный, из которого насосы её по трём трубам к железной дороге гонят, прямым ходом в красную водонапорную башню. Что всосать не успевают, обратно в реку Болотную возвращается и всё самотёком. Вот как умно сделали.

Потом мост над новым руслом навели, под ним шандоры устроили, рельс справа и слева, а в их прорезь – плахи. Старое-то русло уже дамбой перекрыли, а на новом русле шандоры стенкой встали и наткнулась река наша Болотная, закрутилась, запенилась, да куда денешься, за месяц наполнила полную чашу пруда и поверх шандорных плах водопадом пошла, а там в кусты да в кочки родные спряталась.

Вот так, голубчик, было, за лето всю дамбу отсыпали, наполнили пруд доверху, построили водокачающую станцию. Паровозы скоро загудели, воды просят, а вода – вот она, сколько хочешь. Казарма с солдатами тут же, у плотины, охраняют водокачку, потому как объект стратегически важный, от него дорога зависит, без нашей воды дорога не поведёт, а она ехать должна.

Уехали инженеры и выяснилось вдруг, что вдовы да молодки деток ждут. И ведь нарожали, их так и прозвали инженерные дети. А и хорошо. Дети это всегда хорошо. Распутство – плохо, а дети хорошо. Вот во всем так: в хорошем есть плохое, а в плохом – хорошее. Вот и разберись ты в этой жизни. Я долго жил, не один век, а ничё так и не понял – почему Бог попустил, а человек не устроил.

РОДИНА

Изачем, говорят, вы свою родину Болотной назвали, если она на горе стоит? А потому что река Болотная под горой течёт – место родное метит, а центр весь родниками сочится: и универмаг, и кинотеатр, и гостиница – всё на родниках! В мою бытность, чтобы из гостиницы по весне-осени после дождя на станцию пролезть, сноровку дюжую надо было иметь, а лучше сапоги-кирзухи. И до и после сыпали в родники те всё что ни попадя, а они знай свое дело. Из кирпича сколько в тех местах ни строили, все дома переломались, а деревянные – перекосило. А почему? А потому что не там строили!

Магазин огромный, помню, соорудили, а на следующий год стена треснула, лопнула, сердешная, по самую сурепицу раскололась... Кинотеатр-то попозже возвели, учли основу зыбкую, потому ещё держится, а вот когда райисполком поднялся во весь рост, в четыре этажа, так каждую весну аврал, насос работал круглосуточно – в подвалы вода затекала, чистенькая, холодненькая – родниковая!

С чего бы стадион в те давние времена затеяли строить в этом месте? Потому как в домах погреба сочились. Теперь, правда, нет стадиона, парк посадили, памятник опять-таки поставили, по дорожкам плитку положили, а в углу церковь прилепилась. А прежде в том самом углу музыку играли, а молодёжь танцевала, потом опять женились, дети – мальчики-девочки, так всегда, впрочем, было.

А родники в тех местах повсюду – вся площадь, что в сторону базара, там под плиткой – родники спрятаны-замурованы, и дальше, весь берег Лоханки – всё родники. Бывало, снега мало, склон блестит на морозном солнце ледяным панцирем – сплошь ледянка. Опять-таки радость – катуха

для мальцов, и парни, и девки тоже кататься горазды были, ну а потом свадьбы, как водится, детки рожались – мальчишки-девочки – жизнь, она так устроена.

Вот теперь ты знаешь, где родники были, а прочие места во всю необъятную ширь и удаль – сухие да для жизни пригодные. Вся Болотная она на горе стоит, солнцем охвачена, и гора та ясная, родники чистые, и льётся река Болотная под горой волнительной кровушкой сквозь самое сердце моё, и нет лучше его на свете.

Вот так, живём на горе и каждым рассветом катит к нам солнышко по холмам Корниловским, блестят, волнуется лучи в водах Большереченских, отражаются в глади тихой Лебязки, и вот уже вспыхнули макушки великого Бора и опала тяжесть темноты в пруд глубокий, и затревожился лёгкой дымкой пар над водою Болотной реки Сазсу, и засияло солнце золотым теплым кругом над горизонтом, покатилося по улицам просторным и чистым, будоража тополиную листву, пробуждая глянец сонных окон. И запели птахи встреч солнцу, засиял калейдоскоп разноцветных крыш! И далее полетело солнце, теплом согревая родные места, до самой Оби – широкой и обильной, из протоков и рек лесных тугой косою свитой.

Эй! Люди! Солнце встаёт, день пришёл, пробуждайтесь от сна ночного, а ни то счастье проспите! Вот оно как! Уразумел, где река Болотная течёт, где родники источают сытость, а где люди под солнцем греются и добро в труде ведают!

ЗАМЕС

Когда я жил, давно это было, тракт, что по улице Московской проходит, он так и назывался Московским трактом. А чуток позже, когда железку потянули, заезжие и всякие умники назвали его Сибирским трактом. Мы-то, люди с характером, как говорили, так и говорить будем – Московский. Но и то факт, что у нашего тракта второе имя появилось.

Но какое мое удивление случилось, когда я в Москву-столицу попал, так там наш Московский тракт даже не Сибирский, а Владимирский! Вот так! Тракт один, а имени уже три! Вот это как? Это как Саша, Шура, Александр, что ли? Человек один, а имени три. «Зачем Владимирский-то вдруг стал?» – спрашиваю. «А потому, – отвечают, – как из Москвы в сторону города Владимира Московский тракт направление имеет». Вот народ тёмный, они дальше своего носа за Урал-хребет не заглядывали. «Мы тут в Расее, – это они так говорят, – а вы там в Сибири». Вона-как! Мы вроде как для них и не русские. Обиделся я на тамошний люд, вот, думаю, дурачье!

А как вернулся домой, глядь, а соседи-то мои: Серёга Гориленко – хохол из Малороссии, аж из-под самого Киева, а насупротив – Чухов из Беларуси, из-под самых Пинских болот, ещё в прошлом веке до нас за вольной волей приехал. И тут же хозяева земли Сибирской – чаты – Мавлютовы, а дальше него Залесский – поляк, потом Вернер – немец, и так до бесконечности!

Потому мы и сибиряки, у нас такой замес людской, такая мощь собралась! А кто бы ещё Москву от Наполеона, а после от Гитлера спас, если бы не наши парни из Сибири?!

Уходил я из Москвы по Владимирскому тракту, пришел по Сибирскому, а всё Русь кругом, потому что одним Московским трактом, как обручем стянуты, одной кровью и потом земли наши политы, одними делами прославлены, у одних могил наши буйны головы поникли.

И, как сотни лет назад, улица Московская, будто хребтина, держит нашу родную Болотную, по одну сторону – встреч солнцу тает, а по другую – до самого сердца Родины дотягивается. А посередь этих просторов мы живём и радуемся: вчера песни белорусские слышали, сегодня украинские спиваемо, а как сабантуй начнётся, будем арак пить да казы закусывать, а потом с татарами русский плясать.

Вот так-то, сибиряки мы, народ надёжный.

АМНИСТИЯ

Улица Московская, сам знаешь, это Московский тракт, по которому и днём и ночью курьерские, почтовые, крестьянские тяжёлые, купеческие богатые возницы пыль и грязь месили, а зимой лихими полозьями снежный покров в наст втирали.

А у нас в Болотной, стало быть, перекладные были, кучера промышляли, а главная конюшня стояла около нынешней администрации, потом в ней четвёртый цех швейной фабрики устроили, а потом уж по ветхому делу разобрали вовсе.

Много людей по тракту Московскому за эти века прошло, а более кандальники, арестанты, преступники, которые пешком ходом на Сахалинскую ссылку шли. Помню, идут арестанты, цепями гремят – страху нагоняют, а бабки наши сердобольные промеж конвоя шнырь – да хлебца арестанту и подадут. А конвоиры их не трогали, не обижали бабок, не мешали за Христа ради подать.

Помню, поэт в Болотном жил, Николай Тельпухов – весёлый, голосистый парень, и в нашей газетке «Путь Ильича» вот что писал:

... А чуть правее,
На обозренье людям отданы,
На стенде отчуждённо, не ржавея,
Мерцают одиноко кандалы.
Минуту, две – мы смотрим друг на друга,
И, кажется, под взглядом, как в огне.
Они темнеют, скручиваясь туго,
И потянуться силятся ко мне.
Хотят, как встарь,
пылить Московским трактом
И, ног моих лодыжки обсосав,

Свалить в кювет – лишь эхо троекратно
Отговорится выстрелу в лесах...

Арестантов, конечно, не стреляли, это поэт лишку хватил, но какой поэт лишка не хватал!? На то он и поэт!

Село у нас тихое было, хотя и промышляли извозом по тракту. Шуму стало больше, когда «чугунку» повели: инженеры-строители приехали из самого Петербургу, рабочий люд – свои и пришлые, землю на дорогу возили на тачках и телегах. Мосты строили наши плотники – мастеровые ребята, вон какую красоту через реку Лебяжью смастерили, кто помнит, тот знает. Но после деревянные мосты разобрали – на железные поменяли.

Инженеры молодые, к бабам ласковые, и хоть наши мужики их приструнили, но не всех уследили. А как дальше ушли строители, всё опять стихло, да ненадолго...

Царь-батюшка, молодой Николай Романов в 1896 году короновался и на радостях амнистию устроил. Амнистия, дружок ты мой, это когда лиходея до срока на волю отпускают. И поехала братия кандальная, по вашему дню – «братва», с самого Сахалину по всему Сибирскому пути в Россию-матушку.

С тех самых пор научился народ замки железные на двери вешать, а то, бывало, попросту палкой подпёр двери, чтобы в дом скотина не забрела, и пошёл себе по делам-заботам.

Только пережили эту амнистию: кого усмирили, кого прибили, кого обратно в каторгу отправили, – тут вторая амнистия грянула, теперь по случаю рождения царского сынка, Алёши, а через год, в 1905-м, и третья ударила, вместе с Манифестом, который даровал свободу собираться промеж себя в союзы и верить аль не верить разрешалось, хоть в бога, хоть в чёрта, хоть в саму судьбу. Потёк с Сахалина уже «политический алимент», не то чтобы уголовники, но народ дошлый и вороватый, и много смуты навёл посреди людей. А с ними освободили и тех, кто из православия в другую

веру переметнулся или с попом что не поделил, тех тоже отпустили, много таких было, воровать и бандитствовать они в каторге научились. Ты вот думаешь, и чего это наш народ в революцию попов с колоколен швырять приспособился? А с того, что обиды на них много скопилось: и за каторгу, и за притеснение и обман. После той амнистии опять захлестнул нашу Болотную разбой-грабёж, да ещё и насилие...

Почему такая напасть на Болотное? А потому, что тут паровоз меняли да поезд осматривали и к дальней дороге готовили – часок на то дело надо, вот бандюги здесь и тешились: кто простака прохожего обжулит либо сопрёт чего – и обратно в поезд! Ну и не все уезжали, бывали такие, кто отстал от поезда, а потом и вовсе остался.

Где железнодорожный узел, там и беда, вот смотри: в Тайге – грабёж-резня, в Болотной грабёж-резня, тоже и в Новониколаевске – все станции узловые-главные. С одной стороны, это хорошо, что железка есть – это работа и пропитание, и плохо, потому как кого она завтра привезёт, никто не знает...

В 1913-м опять у Николая-царя праздник – 300 лет династии Романовых – и опять, прости её, амнистия! Так и зашлаковали нашу Болотную сахалинскими лиходеями! Шутка ли, четыре амнистии за шестнадцать годков!

А потом революция и гражданская война, адмирал Колчак лютует, власти никакой, тут бандюкам совсем раздолье. Белочехи и поляки пока во Владивосток ехали тоже поглумились над людьми, и грабили и убивали.

Но пришла Советская власть, утвердилась, подобрала всех и опять в одну кошёлку – да на Сахалин! Но не всех на Сахалин, к тем годам уже новые места появились – Новокузнецк, Чита, Воркута, Магадан, строили там или добывали чего, не знаю, меня это лихо миновало.

Всем в те годы полегчало, но норов-то остался, жены и дети бандюков-то на свободе – все в Болотной! А куда им, не в каторгу же за мужем с дитяи малыми? Вот ты про Соньку Золотую Ручку слыхал? Во, а у нас своя была! Му-

жиками верховодила, и звали её Манька Кочерга! Кочергой изрядно могла врезать, а кому доставалось, то замертво падал. Так что они, бабы, с виду только бабы, а в душе черти ещё те. Но уехала Манька из Болотной, когда со мной познакомилась. Я ей с дуру, настроение такое было, всё ей о её делах рассказал, а больше удивилась она, когда я ей о сχροнах её поведал. Тут она с лица сошла, креститься начала и бегом от меня прочь. Больше я её не видел. Ни её, ни дружков её.

А я, ты уже и сам понял, наверное, про всех воров и их делах лихих всё знал. Однажды у мужичка-соседа украли лошадку, а он только с Первой мировой пришёл, инвалидом, полноги и лёгкие сильно болели – немцы газами травили.

Пошёл я к цыгану-конокраду и говорю ему:

– Верни лошадку убогому.

– А тот кочетом на меня прыгает, чуть ли не бьёт и криком орёт, что напраслину я тут навожу, на честного человека наговор, что меня самого за поклёп в каторгу надо. Весь табор сбежался, все орут, руками машут, цыганята в меня плюют.

– Хорошо, – говорю, – пойду к приставу Егору Потаповичу и расскажу, где ты лошадку прячешь, пусть он её сам с Лебяжьей заимки приведёт.

Упал Цыган в ноги и говорит:

– Не губи, у меня семеро по лавкам, погибнут без меня!

– А у инвалида их четверо, тебе плевать было, что без лошадки им только по миру идти?!

Вот такой я промах в своей жизни сделал. Помог я раз, да другой, и потекла обо мне молва, что явился в Болотное колдун, который всё про людей знает, и все тайны человеческие ведает и звать его Арефой. А на всю Болотнинскую волость я и был один Арефа.

И стал от меня народ шарахаться, боятся все: и те, кто своровал и те, у кого своровали. А мне даже весело сначала было. Помню, иду по улице, а на встречу бабка знакомая.

Деревянный железнодорожный мост через реку Лебязью

Как увидела меня и чуть не вприпрыжку метнулась на другую сторону улицы.

– Баба Анисья! – кричу ей. – Да не беги ты от меня, не скажу я попадье, что это ты у неё серебряную ложку своровала!

Чуть позже пристав Егор Потапович ко мне повадился и всё с расспросами: А вот кассира ограбил кто? Я сказал. И начал он ко мне каждый день ходить. Я ему и говорю:

– Хорошо, Егор Потапович, я тебе помогу, но с одним условием, что ты перестанешь деньги воровать у тех пьяных, которых тебе в околоток приводят.

Скоро ко мне люди валом пошли, кто с денюшкой, кто с поросёночком, у каждого своё подношение, это чтобы я к ним милостивее был, и о них никому ничего не говорил – я за голову схватился. Так вот она настоящая власть, когда ты про людей всё знаешь! Вот чего люди более всего боятся!

Начальство волостное стало ко мне присматриваться, чувствую или в каторгу отправят или ещё важнее – просто прибьют. Чтобы в каторгу отправить надо с судами возиться, с адвокатами, а можно и попроще – молотком по кумполу. Голову пробить в тёмном переулке, мол, по пьяному делу – и всё, и нет человека.

Не нужна правда, понял я, людям, а более – власти. Не могут, не готовы люди честно жить.

И уехал я до времени из Болотной, а когда те, кто знал меня, померли, я вернулся и опять зажил спокойно. Но понял я тогда главное: сколько бы Христос не приходил на землю, столько бы раз распяли Его. Не могут люди жить по совести. Учиться этому ещё долго нам надо. А пока мы не готовы к счастливой жизни на земле, можем только надеяться на амнистию – Божью милость после смерти. Так и живём до сих пор: грешим и надеемся. Воруем, лжём, предаем и о жизни вечной мечтаем.

УЛИЦА ВОДОПРОВОДНАЯ

Что говорить, царь-батюшка название нашему городу дал, скажем прямо, не подумавши, по имени речки Болотной. Но то – царь, что с него возьмёшь, брякнул – и свято. А мы сами-то, смотри, что учудили: у нас как ни переулок, так скандал: Деповской, Эстакадный, Семафорный, Комбинатовский, Туннельный, Элеваторный, Фабричный – это с какого перепугу наклепали по всей Болотной? Мы-то чем думали? Ладно переулки, Бог с ними, а смотрите, что с улицами сделали, их-то как назвали: Рабочая – ну это ещё как-то пойдёт, потом – Линейная, Транспортная, Кирпичная, Ремесленная, Щепная, Монтажная, Совхозная (а Совхозная-то как сюда прокралась?)... И это не всё, у нас аж две улицы с названием Чётный Парк, причём улицы разные, а название одно! Это как две шапки на одной голове! Окромя перечисленных, большевики одарили десятком своих названий, а в довесок сыпанули писателей, которых, может, три с половиной человека на всю Болотную читали, а другие так без Достоевского и Толстого помрут, не познавши русской литературы. Вот и вся красота-фантазия! По Сеньке и шапка.

Так я думал-сетовал, пока молод был, а как посерьёзней, задумался... А ведь как это хорошо, что наши отцы улицы и переулки по делам и заботам называли! Например, Гончарный переулок: идёшь и понимаешь, здесь не лоботрясы жили, здесь мастера гончарного дела трудом промышляли. Или вот, Ремесленная – это же люди труда, хорошие люди там жили. А вот ещё Эстакадный переулок есть, эстакады уже нет, а память осталась.

Или вот, улица Водопроводная. От самой что ни на есть водокачки, от той насосной станции, что со звездой и с трубой, которую молния побила ещё в 1951 году, идёт в

темноте земляной на глубине семи аршин – это, если по-настоящему считать, поглубже четырёх метров будет, идёт водопроводная труба – чугуняка – вечная труба, а толщина у неё треть аршина – это сантиметров около двадцати пяти. Почему водопровод «идёт», а не лежит, а трубы ведут, а не укладывают, я не знаю, но все так говорят, у нас, у русских, всё непросто. Вот, говорят, что «птичка села», а она ведь на попе не сидит, она на ножках стоит. Или вот сапог, мы говорим, что «он на ноге удобно сидит», но у сапога вообще попы нет, каблук есть, а попы нет! Теперь ты понял, почему у нас столько неграмотных? А потому, что не понять, кто лежит, кто стоит, и почему это всё идёт и едет...

И вот идёт труба по трём сторонам улицы: две по краям, а одна промеж них, как раз посередке. А зачем так? А от диверсий. Ещё царские инженеры понимали, что водопровод – стратегическое сооружение. Порви трубу, и паровозы встали! А дорога должна «ехать» и днём и ночью, на то она и дорога.

Трубы чугунные, толстущие, но ничё не вечно, ныне одна ещё работает, она более ста лет служит! Чугуняка – это тебе не тварь божья, которая полежит лет десять и вся с землёй переработается. В стыках трубы зачеканили свинцом и на совесть: в паз паклю, а по кругу свинцовая ковка.

Вот она какая у нас, улица Водопроводная – главная улица, потому что без воды ни паровоз, ни человек не живёт.

Но и это не всё, эта улица – ключ к отгадке. Вот ты мне скажи, если село Болотнинское зачатие имело на развилке Московского тракта и Гондательевой-Комитетской улиц, то почему станцию-то начали строить с другого конца, как бы и не по-людски совсем, а пару километров восточнее от развилки? Там людей не было – пустырь, да Московский тракт по безлесью шёл-скучал. Не знаешь, а я скажу, и без утайки. Станция находится там, потому что туда водовод уткнулся. Вот ответ: где воду брать надо? А я отвечу: там, где глубоко. А глубоко у дамбы – это тебе и дитя скажет. По-

Улица Водопроводная около Водокачки

тому там насосная, а от насосной до железки труба по прямому пути шла и уткнулась. И уткнулась в самое высокое место, на почти пятьдесят метров выше водокачки. А куда уткнулась, там и станция. Разумей. Где вода, там и жизнь прорастает. Инженер – он тебе не тят-ляп, он Петербургскую железнодорожную академию кончал, всё посчитал-продумал. Вот почему село там, а станция здесь!

А как со станцией порешали, так начали жильё строить, и самые древние дома – по улице Вокзальной, но это всё дома для всяких железнодорожных затей: поликлиника, больница, детский сад – это по одну сторону от вокзала, а по другую сторону – столовая, милиция, интернат, гостиница для машинистов, вечерняя школа.

А вот улица Линейная – это жильё для железнодорожников. Так-то! А ты и не знал!

Там, где водопровод подошёл к путям, там две башни стоят: с деревянным верхом – для паровозов, а красная красавица для населения. Красную во время гражданской Колчак хотел взорвать, пакость людям сделать, уже взрывчатку под башню засунул, но наши мужички взрывчатку

ту спёрли тайком, это в Болотном завсегда делать умели, и бесчинству совершиться не дали.

А ещё на Водопроводной построили самый весёлый завод – Пищекомбинат назывался, на котором деткам сироп сладкий делали – по имени лимонада «Буратино», а мужикам вино разливали в поллитровки – «Яблочная» называлась. Гадость невероятная это вино, дышать им нельзя, так нос зажмут и пьют за милую душу, допьяна дуют, окаянные. Мужикам, конечно, веселье, а бабам горе. Вот и ходили наши бабы сначала за дитём в садик, потом корову встречать с выпасу, а потом уже за мужиком на Пищекомбинат, чтоб не заплутал, гад эдакий, и не погиб от пьянки. Так и спасали, и спасли, потому и род не прервался, продолжился.

Вот она какая, улица Водопроводная: под низом вода катится, по ней вино ходит, потому и грязная она вечно была, в рытвинах и размывах овражных. У нас в Болотной завсегда так – добро со злом никак расстаться не могут.

Улицу Водопроводную со временем прибрали, асфальт ровный положили, как к Дому правительства, даже бордюриком окромили. Хорошо это, потому как улица Водопроводная – главная наша улица, её и уважили.

Московский тракт – он везде тракт, а Водопроводная одна.

Так-то, живёшь и не знаешь ничё.

БАЗАР

А базар наш был знаменит на всю Томскую губернию и дальше молва о нём ходила-славила до самого Енисейского предела. Базар-то богатым был и ранним, спозаранку торг начинался, потому как с вечера со всей округи люд крестьянский да торговый на базарную площадь съезжался и надежное место выбирал себе. А уже после войны народ обмельчал: часов с шести зачинался торг, а в последние времена совсем лениво просыпаются, до девяти утра не растолкаешь. Ослаб люд, будто не емши живёт. На Советской улице, супротив рынка, здесь ещё до большевиков ресторан был «Ялта» – богатое питейное заведение, и томские купцы не гнушались в нём откушать. Это тебе не буфет придорожный, а двухэтажный терем, бревно к бревну... потом к нему ещё угол пристроили, но это уже после гражданской, под школу ресторан приспособили. В этой «Ялте» во время войны детский дом из Ленинграда гостевал, потом школа начальная, номер не припомню, десятая, кажется, стар я стал номера в голове складывать.

Ну а уж потом это здание под спортивную школу отдали, а теперь уже нет этого сооружения, сгинула «Ялта», разобрали ресторан.

К Лохань-стороне на базарной площади живностью всякою торговали, а более хрюквой, наши хохлы – сибирские-морозоустойчивые, хорошую свинину рОстили, визгу было на всю округу... Лошади добротные, опять же, птицы много, крутобокие коровы-первотёлки и тёлочки – всё было в достатке, но дорого... да, дорого, но на то он и базар!

К улице Калинина – барахольный ряд: столы длинные и с одной стороны скамья для продавцов во всю даль, тряпье и прочая рухлядь, есть одежда новая, но больше ноше-

ная. Народ-то мрёт, а одёжа сносу не знает, вот и продавали живым.

Посередь базарной площади – крытые хоромы-прилавки для дорогого товара: сапоги точёные, ножи булатные, косы острые, сбруи кожаные, а краше всего пимы болотнинские – ух, пимокаты у нас славные были!.. И тут же мясные лавки: и мясо, и сало, и буженина-окорока, да колбасы по стенам. И мёд, и орех кедровый из Бибеева, и брусничка с клюковкой из Чёрного, и огурчики, и грибочки солёные из Корнилова, а водочка доморощенная, горькая и хмельная из Ачи, и холодная, будто из родника черпана! И цыгане тут как тут, ох и вороватый народ... Бесплезно с ними дело иметь, всё одно обманут.

Ну а если дождь случался – всё, все по самый зашей в грязи, все – и покупатель и купец. Кто с телегой или в кибитке, тем легче, есть куда скрыться, а прочим туго приходилось, а если ещё ветряк нападёт, тогда всю душу выхлещет. Вот так, нальёт воды дождевичок – всё чвакает, охает, крихтит и стонет, но опять-таки цена уступчивее становится, купец добрее.

Грязь грязью, а и выгода от того всё ж была...

ЛОХАНКА

Лоханка – это гордость наша – пруд, но краше озера. А лоханью прозвали за схожесть, что лохань под бельём, что лог у базарной площади – всё единая фигура. А народ-то наш, он всё примечает, так и прозвал пруд Лоханкою, а когда дамбочку малую сделали, да водою наполнили, красота появилась. Было дело, хотели переименовать по-благородному, но не прижилось, потому что с древних времен у ручейка имя было – малыш – по-татарски – Бала.

Однако, надо сказать, что прозвище – Лоханка, появилось ещё запруды не было. Запруду сделали уже после революции – комсомольцы. Собралась молодёжь, и дамбу отсыпали, с тем умыслом чтобы Бала-ручей родниковый, что из Лохани вытекал, перекрыть. Перекопали, перерыли, навозили, построили – да инженерного расчёта не имели: весной рвануло дамбу и вместе с внешней водою пару огородов, что пониже, снесло-сдуло, как пушок с лысины, за милу душу, поток такой могучий был, что и изгородь прихватил, и нужником не побрезговал – всё в водокачку снёс. Нужник потом по волнам два дня кувыркался, пока к шандоре не прибило.

А должен я вам сказать одну важную вещь, что в прежние времена Боженька на нашей болотнинской горе озоровал: бывало, такие облака нагонит, с такой тяжестью и жутью, а потом как даст во все ноздри, столь воды ливнем сольёт, что сразу понятно – вот он какой, этот Судный день будет! Шутковал Царь Небесный, поди, от скуки. А громы! Это не сегодняшние пукалки, а как даст по шарам, в голове тёмно становится, детки под лавку, бабы в обморок прячутся, а потом громы в сапогах по всей болотнинской земле бегают и землю сотрясают. Так-то!

Пимокатная артель тут же была, на берегу Лоханки нашей, однажды дождь ТАК ливанул, как сейчас помню, как даст, едрёна корень, прости, Господи: вода по колено, как ещё грянет – уже по пояс, вода дождевая в Лоханку стекать не успевает, и где-то кислотную дрянь от пимокатов смыла, да всё в прудок! Ну и чё ты думаешь? Утром вся рыба вверх брюхом всплыла, всё отравили, всё сдохло начисто! Народ ходит, рыба-то – вот она, да травиться кому надо?.. Так и протухла задарма, неделю по всей округе вонь гоняло.

А уже позже на Лоханке придумали лыжные бега организовывать в честь великого человека – Героя Социалистического Труда Татьяны Игутовой, той, что из Светлой Поляны. Пригласят гонщиков из Юрги, свои подтянутся, самовары вместо призов на столе посередь Лохани стоят, а спортсмены вокруг на лыжах бегают. Выйдет люд на берег, смотрит-дивится, и что это они меж мусорных отвалов угольного шлака, вмёрзшего в помои, мотаются, или чистый берег Загородного Бора надоел?

Свинства, конечно, у нас всегда было много, вот, может, в последние времена как-то не так погано, может, от того, что газ провели, а может, от того, что вдруг совесть проснулась?

Пооди пойми этот народ: то поёт, то врёт, то смел, то трус, то чист, то пьян, а то гадит где ни попадя, как собака бездомная. Беда с нами, и не понять, как это совесть-то в одном теле с бестыдством уживаются...

КОЛБАСНИК ЖУРАВЛЁВ

Дом строить на Линеинной затеял ещё отец Журавлёв, да помер несчастный, а за ним и старуха поплелась. Каково бабе без мужика на свете жить... Сын Пётр в отца, крепкий хозяин, жмотистый, но основательный. Была у Петра Журавлёва жена и два сына-погодка, сыны под стать отцу – небольшие, но крепенькие, будто груз-дочки – один к одному. Строил он долго, крепко строил, аж до 1909 года. У дома под полом сушь от того, что рубероид расстелил на земле и шлаком засыпал – и от влаги, и от мышей изолировал. Потом ложный пол из листвяку, поверх них шлак крупный да пористый, по кругу дома – продушины, а поверх того половица из плахи сосновой. Сам дом на сваях листвяка стоит, которые будто тумбы каменные, не всяк обхватить сможет, на весу, будто на руках, весь дом над землёй держат. По такому полу дитя без штанов ползало и не студилось.

Под домом подпол, как и положено, под три метра глубиной, а под погребом ещё один погреб для хранения продукта.

А на улице погребок имелся глубины немереной, и там продукт хранился, а и ледник был путёвый, в нём мясо месяцами свежаком лежало.

Добротный хозяин, продуманный, одно слово – колбасник Пётр Журавлёв.

Творил он колбасу тут же, на усадьбе скотину бил, разделывал, обрабатывал. Механизм был наподобие мясорубки, но с секретом: какую резку заказал, такую и нарубит, ну а крутила баба его, здоровая, сама как лошадь. Крутанёт, бывало, ручищей своей, на весь дом треск – маховик хрящи с хрустом перемалывал. И колбаска получалась от-

менной, а что более всего, так это свежесть, пахучесть и сочность. По первости на станции продавали, пройдёт разок отсель досель, на второй круг уже колбаски нет, пассажир слюну заедает и хвалит.

Богател Журавлёв, глазья завистливые видел, беспокойство имел и для порядку или острастки волка купил, ко двору привязал, сам с лопаты кормил – зверюга, она и есть зверюга. Но и для воров отстрастка.

Поуспокоился Журавлёв, но тут низы пролетарские зашуршали, а верхи боярские струсили. Думу думал и сказал: «Ну, жена, сынки у меня подросли, надо подумать о спасении».

«Это о каком спасении? – спрашивают жена. – На церковь жертвовать что ль?»

«Ход мы будем копать подземный, если налёт случится, мы тиканём из дома, а золотишко уже готово к побегу будет, в пояс зашью».

Дом Журавлёвых

«Ой, – говорит жена, – какой же ты у меня умный. Правильно, ройте, а я землю по огороду ссыпать буду».

И пошло дело, сыны да отец роют, мать по огороду, как подсыпку, землю носит-рассыпает, за год земля в огороде с домом ровень стала, а никто не видит, мало ли у кого какой огород, ну и что? Когда с обыском к Журавлёву пришли, раскулачивать, дома никого не оказалось, печь топится, в стакане пар парит, а хозяева как сквозь землю провалились.

В погребе второй погреб с колбасой нашли, а подземный ход не обнаружили. Так и пропали неведомо куда колбасник Пётр Журавлёв со всеми домочадцами. Сгинули, будто и не было их.

Брошенный дом сначала под двухклассную школу Министерству железных дорог определили, потом разделили на два хода и по какой нужде людей селили, но на время, а потом уже и в квартиры сдали насовсем. И никто бы не узнал про подземный ход, но новые хозяева уголь завезли да в ограду самосвал загнали, чтобы не возить уголь-то, а токо скидать в углярку. Вот этот самосвал вместе с углём под землю и рухнул, заломал подземный ход.

Так-то, основательно люди жили, наперёд думали. А дом этот и теперь стоит на Забабонова, 23.

ДИКОСТЬ

Ну, как ты понял, до самого 1816 года села Болотнинско-го даже в мыслях ни у кого не было. А как француза побили, нюх лягушатнику прочистили да сами слегка очухались, Царь-батюшка, Император Александр I озаботился устроить наше село.

Не было железной дороги, но село уже появилось, и строились дома по одну и другую сторону Московского тракта, а место для кладбища определили недалеко от села, тут же, за огородами. И кто бы знал, что железная дорога пройдет по огородам – ровно между селом и кладбищем. Считай, восемьдесят лет на этом месте людей хоронили. Все первые жители Болотной на нём покоятся. Провели-разделили, а позже железнодорожные власти, эти самые кладбищенские земли выкупили и недолго думая, но с расчётом, построили Кондукторский резерв – двухэтажное здание аж с тремя входами, в котором всё поместилось: и контора, и столовая, и магазин, и склад, откуда одежда и фонари кондукторам выдавали, и даже душевая была, доселе в Болотной невиданная вещь – без пару-жару мылся трудовой железнодорожный люд.

А кондуктор – это человек, и было их два вида, первый – главный кондуктор в грузовом составе, он ездил на тормозной площадке второго от паровоза вагона, а был ещё и старший кондуктор, тот ездил на тормозной площадке последнего вагона. И следили они за порядком, и чтоб аварию не допустить. И в мороз, но в тулупах, и в жару, все в пыли – ездил по свету, а если что, фонарём сигнал машинисту подавали. Если по кругу фонарём крутит, то, значит, тормози – лихо пришло.

Для болотнинских покойников новое просторное место определили – с западной стороны, около железнодорожного переезда и стало оно самым большим и вторым по счёту.

Прошли годы, лет пятьдесят, и задумалось железнодорожное начальство, а что это у нас большая часть старого кладбища пустует. И приняли решение жилой городок на том месте строить.

Ставили дома двухэтажные, четырёхквартирные прямо на старых могилах, и в каком году дом строился, тот номер ему и приписывали, а номера там по ряду 44, 45, 46, 47 и 51. Сортиры четырёхочковые у каждого дома заботливо поставили. А как же, куда-то жильцам гадить-то надо. И до сего дня, кто если погреб копает, где косточку, где череп обнаружит...

Время шло, наше село резко начало строиться по Московскому тракту в сторону вокзала всё дальше и дальше от западного кладбища. И власти решили третье кладбище организовать, чтобы покойника по пять верст через всю Болотную не таскать. Кто в какой стороне помер, тот на ближнем кладбище и покой находил. Умно.

Московский тракт искривили, чтобы для железнодорожного хозяйства место появилось. Но при строительстве Московской-угловой чуть было третье восточное кладбище не зацепили, но удержались и стороной прошли.

К тому времени уже и дома ставили ровные, добротные, а купеческие – те и вовсе двухэтажные, да с резными наличниками, да с воротами из толстого листвяка, во дворах конюшня, и опять же флигелёчек для прислуги – всё чин-чинарём, прям по-барски, по доходу и расход.

Растет Болотная не по дням, а по часам, грузопоток увеличился, крестьяне ожили, кустарники о заводах задумались – хорошо. Росло село, будто на дрожжах, и третье восточное кладбище скоро среди домов оказалось. Нехорошо. Покойник, он должен сам по себе жить, а человек сам по себе – раздельно. И кладбище закрыли. Решили пусть будет одно – западное, у переезда, не графья, покойника

донесёте. И потянулись длинные процессии по Московской каждый день, село-то уже большое, как город выросло.

Прошли годы, и опять зачесалось у начальства, но уже городского, что место кладбищенское без дела стоит, пропадает. И решили на том кладбище школу соорудить. Дело-то благородное, о будущем думать надо – так решили и построили двухэтажную, деревянную. Некоторые могилки под школу ушли, а прочие разровняли и будто не было их. Теплицу соорудили, спортплощадку. Стояла школа, кому двойки, а кому и пятёрки раздавала, да вдруг под самую ночь вспыхнула-загорелась.

Видел я тот пожар, на Линеинной жил, со второго этажа всё видать было, да и проснулся-то от света яркого. Гореть начала с крыши – знать, спасти не удастся. Ну и понятно, что подожгли: или по злему умыслу, или по случайности, но школу сожгли начисто. И тут все вдруг вспомнили, что на костях школа покоилась. И пошло-поехало, мол, духи подожгли, бесчинства не выдержали. Но ничему нас жизнь не учит, и райком партии постановил дать бой мракобесию

и новую школу, уже каменную, опять на том же месте построить. Пока новый фундамент копали, пацаны черепами играли-тешились, а обнаруженные кости куда-то потом свезли вместе с лишней землей.

В 1978 году в ночь на Ивана Купала решила наша болотнинская молодежь пошалить, собственно, так шалили каждый год. Как стемнело, прокрались на Западное кладбище, повыворачивали кресты и вдоль дороги и около остановки расставили. И в ближайшие дома кому в палисадник крест воткнули, кому у ворот оставили, чтобы хозяев повеселить-порадовать. Надоели эти шалости милиции и народу, и выловили вандалов. Руководил облавой товарищ мой – лейтенант молоденький Андрей Ведерников, он в ту пору возглавлял работу с несовершеннолетними преступниками. Родителей нашли, всех собрали и вот пошли строем на кладбище парни с крестами, да среди народа. А солнце яркое, день прям радуется, а люди хмурые вдоль дороги стоят, молчат. А что говорить, на кого кричать, в кого плевать? В себя? В свое отражение?

С того раза будто что случилось с людьми, как прозрели, в тот же день пошли люди на кладбище прибираться, и кресты восстановили и мусор сожгли, очистились. А мой крест не вернулся. Да и могилка моя – чуть холмик видать, а зимой у всех ровно. Память и уважение не покойнику нужны, а вам, чтобы вы себя уважать научились.

Время было такое, что рушили кресты, вроде как можно – мракобесие, а теперь звёздочки с памятников сбивают. Дикость и то и другое. На границе между Здвинским и Куйбышевским районами могила лежит красным партизанам ещё со времен гражданской войны, более сотни ополченцев полегли от беляков. Так отпилили недавно тамошние умельцы звёздочку на памятнике и крестик прилепили. Вот это зачем? Вот чем тот администратор лучше болотнинских пацанов-вандалов? А в Кольвани ещё дальше пошли, там монастырю земельку прирезали вместе с братской могилой, так ведь не удержались православные, сбили звёз-

дочку и молчат. Вокруг памятника плотненько кустами обсадили, как землёй прикопали. Хотели люди звёздочку на место вернуть, ну куда там, монахини насмерть встали. И тут у меня вопрос: Как же тот священник, который монахинь благословил вандализм совершить, жить после смерти собирается? Это как он Бога не боится или не верит, а потому и не боится. В администрацию люди обратились, а там такие же вандалы сидят. Вандалы-дикари! Первобытные люди, духовные получеловеки, недоделки – одним словом. Правильнее было бы собрать монахинь, попка впереди поставить, руководителей районной администрации к ним же пристроить, и прогнать по всей Колывани со звёздочкой, как в Болотном с крестами когда-то сделали, может, тогда в мозгах у людей что-то светлое мигнёт?

Для чего я это всё рассказал? А для того, чтобы ты узнал, что у слова дикость – в основе – кость – мёртвая основа, то есть то, что не обросло нравственной силой, или то, что стало трупом, который потерял эту силу духа, потому что дух покинул тело. Дикий – это грубый, костный человек, не образованный, не имеющий полноценного, то есть полного образа человеческого достоинства.

Как можно имея столь глубоко смысловой и образный язык, который сам и есть дорога к высокой культуре цивилизованного, то есть высоконравственного человека, как можно оставаться дикарём – символом первобытности, мощами кощя – сказочным символом недочеловека – имея такой глубокий и умный язык? Как смеем мы оставаться дикарями через столько лет испытаний, в которые спасало нас – людей, только проявление высоких нравственных чувств. А всякая дикость губила!

Доколе будем слышать слова и не понимать смысла их: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» или «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Всё это сказал великий Пушкин своему глухому до правды и совести народу двести лет назад. Сколько же горя вам ещё надо выхлебать,

!◆!◆!◆!◆!◆! Николай Александров

люди мои любезные, чтобы стать человеком добрым, честным, любящим. Какие слова и какой поэт ещё тебе должен сказать, чтобы ты понял: пока ты гадишь на могилы своих предков, плюешь на их жертвы, даровавшие тебе великую страну, презираешь их жизнь, дела и идеалы – ты недочеловек, ты – мёртвые мощи, на которых такие же нравственные мертвецы непременно построят свой новый дом и будут мучительно и долго умирать в нём – собственно, то что сейчас и происходит.

СТОЛЫПИН

Вот ты кочевряжишься, думаешь, и что там дед Арфа может рассказать-поведать, а я тебе скажу так – многое. Вот, к примеру, ты знаешь, что летом в самом что ни есть 1910 году в нашу Болотную сам Пётр Аркадьевич Столыпин приезжал? Вот, нос задираешь, а сам ничего не знаешь.

А дело было так. Поехал, значит, Пётр Аркадьевич инспектировать Сибирь, проверить, как там чиновники и прочий служивый народ делом занят. Едет себе, едет, к губернатору в Томск направляется, а по дороге станция Болотная. Паровоз чёрный, от лоску блестит, и четыре вагона за ним, а третий особый – бронированный, с апартаментами царскими. Там и столовая, и кухня с посудой, разумеется, по нужде место есть и ванная с водой горячей. А откуда в вагоне вода горячая? Правильно, от титана. Никто его, этот вагон бронированный, среди других не различит, а я могу, потому как в ту пору осмотрщиком вагонов работал и был за правильное мышление и добрые навыки определён на осмотр состава поезда самого министра правительства Столыпина. Впрочем, мне Егор Потапыча дали в помощники, он местный пристав, видимо, чтобы диверсий каких не случилось.

Пропыхтелся паровоз, отцепился и за водичкой по рельсам уплыл, а я с Потапычем ходовую часть осматриваю. А сам думаю, вот, Столыпин по Сибири ревизию наводит, а я его вагон ревизию. Идём мы вдоль вагонов, молоточком стук, а звон должен быть как у колокола-подголоска – то-нюсенький и непрерывный, значит, трещин или иных каких вредительств нет. Потом крышку буксы крючочком открыл, уровень масла проверил, по надобности из маслёнки ливанул и дальше идёшь, а сам всё видишь, как оно

там вся ходовая часть настроена. С одной стороны прошли, на перрон забрались и дальше стук да бряк. А тут это и случилось. Вдруг дверь вагона открывается, и слышу я голос:

– Пётр Аркадьевич, не планировали мы на этой станции прогулку совершать!

Выходит на перрон мужчина высокий и лысый – он – сам Столыпин, а за ним Кривошеин главноуправляющий по земле всей Российской. Что это Кривошеин, это я после узнал, а так смотрю – барин, сытый такой, холёный. Из соседнего вагона охрана хлынула, саблями гремят, Столыпина в плотное кольцо взяли.

– Нельзя вам, – причитает Кривошеин, – опасно Пётр Аркадьевич.

А и то верно, к тому году на Столыпина уже десять покушений было. Я хоть и в Болотном живу, а что они там творят-ладят, из газетки «Народная летопись» знаю.

А Столыпин стоит, эдакий орёл, высоченный – вылитый Император, не зря Николашка – царь наш – нервничал – ни того ума, ни того росту.

– Да не пойду я никуда, – махнул Столыпин рукой, – здесь постою, ноги разомну. Что за станция?

К нему кинулись разом волостной старшина и начальник станции, а Столыпин, как увидел их холуйский прыжок, так рукой махнул в сторону, мол, уйдите с глаз долой, и ко мне поворачивается.

– Скажи-ка, любезный, как станция называется?

– Болотная! – встал я во фронт и руки по швам, а в правой молоток на длинной ручке, а в левой – маслёнка с носиком гусиным. И вдруг кто-то сзади у меня молоток хватить, и маслёнку тоже отобрал.

Я обернулся, говорю офицеру:

– Верни струмент, я за него в отчёте, а тебе без надобности! Да ещё измажешься ненароком, – а тут и понимаю всё, и такой на меня смех напал, ну и Пётр Аркадьевич вместе со мной засмеялся.

– Не обижайся на них, – говорит мне Пётр Аркадьевич. – Скажи лучше, как вы тут в вашей Болотной живёте? – И смотрит на меня эдак внимательно.

– Хорошо живём, спокойно, вашими молитвами, Пётр Аркадьевич!

– Моими, говоришь, молитвами, ну что, Александр Васильевич, если дерзит, значит, не врёт. Кто врёт – тот хлудствует. – И опять ко мне повернулся, – откуда сам-то?

– Здешний я, болотнинский.

– Это понятно, родом откуда?

– А, местный я, всегда здесь жил, уж и не помню сколько, но очень давно. Ещё до великого мора.

– Ты смотри что, – удивился Столыпин. – А Чингисхана помнишь?

– Нет, ваше благородие, сыну его Ибаку – хану Большой Орды, когда дань везли, я проводником был, да меня шатун помял, так и не повидался с ним.

– Прямо-таки шатун? – не поверил Столыпин.

– Как есть шатун, ваше благородие, я таких крупных более не видел, – я снял форменную фуражку: от самого темечка по затылку шли три бурундучьи полосы, оставленные когтями зверя. На них никогда не росли волосы.

– Ты смотри-ка! – опять удивился Столыпин.

– А Кучума я видел, но издалека, а с его старшим сыном достопочтенным ханом Али разговор имел. Хороший юноша, он на лечении у нас состоял.

– На лечении, говоришь... его что, тоже медведь помял? Велики чудеса твои, Господи! – Пётр Аркадьевич перекрестился и все, кто слышал, грохнули единым смехом.

– Как звать тебя, любезный?

– Арефий я.

– Работай, Арефий, не будем тебе мешать. А байки складывать ты хорошо умеешь! И послушайте, ведь все имена знает! А если и работает так же складно, как врёт, то цены такому нет.

– Лжец не достоин памяти потомков, – сказал мне хан Али. – Я не лгу, ваше высокоблагородие. Завтра кому ска-

жу, что с самим Петром Аркадьевичем Столыпинам беседа вел, мне не поверят. Скажут уверенно, что лгун я отменный. Не так ли, Пётр Аркадьевич?

Министр задумался, и тишина наступила, даже охрана саблями греметь перестала.

– А ведь молодец, сукин ты сын, Арефий, а! А как точно подметил! А что ещё сказал хан Али?

– Он сказал, что лгут только трусы и предатели своего народа.

– Вот! – тряхнул кулаком Столыпин. – Вот это должен знать и помнить денно и нощно всякий член Государственной Думы! Вот именно! «Лгут трусы и предатели» – как это верно. Изолгались господа наши, только мошну свою неумемную набить да гордыню потешить. Не то что Родину продадут – мать по миру пустят! Вот так, Александр Васильевич, я начинаю верить в реинкарнацию. А ты хотел, чтобы я в вагоне сидел, а я тут, в Болотной, чуть ли не с Христом встретился. Прощай, Арефий, не будем больше тебе мешать, – и прочь пошёл, за ним все.

– А пойдём-ка, брат, – услышал я, как Столыпин Кривошеину говорит, – глянем за кулисы. Я, понимаешь ли, заядлым театралом стал, люблю за кулисы заглядывать.

И пошли они всею оравой за вокзал, в самую Болотную, ну, думаю, наконец-то дороги отремонтируют, а то с перрону и прямиком в грязь. Вон как получается, без моего догляду – вагон не пойдёт, а без его догляду – в грязи утонем.

А потом начальник станции меня с вестовым зазвал, и червонец даёт, и говорит, мол, от Столыпина благодарность. А сам я вижу, что недоволен начальник станции, что не с ним, а со мной Столыпин разговор затеял. Долго я эти деньги хранил, а потом добротный тулупчик у знакомого крестьянина сосватал, как раз за десять рублей. А Столыпина всё-таки убили, застрелили в театре, в Киеве, стрельнули и попали. Жаль мужика, хороший был человек, у меня глаз на хороших людей зрячий.

Имена существительные

АНОМАЛИЯ

(о писателях-земляках)

Писать о соратниках-писателях тем более земляках – дело крайне сложное уже потому, что всякий очерк содержит в той или иной степени оценочные интонации, а когда рассуждаешь о писателях, которых объединяет столь малая территория как Болотнинский район, бремя ответственности становится просто невыносимым. Но всё же, не писать о необычайном явлении земли болотнинской ещё больший грех.

Называя писателей-земляков явлением необычайным, я нисколько не утрирую, и это восклицание не есть гиперлитературный образ красного словца ради. Этот необычный факт явился исследователям истории Болотнинского района так же неожиданно, как и вам, дорогой читатель. Но подготовив одиннадцать книг высокопрофессиональной литературы, которую создали люди, живущие на территории одного сельского района, я убедился, что явление это из ряда вон выходящее, и нисколько не преувеличивая, свой очерк я назвал аномалией – творческой, литературной – как хотите, но явлением, безусловно, сверхъестественным.

Мы ничего не знаем о тех литераторах, которые жили на нашей земле до 1920 года, не было ни газет, ни иных литературных источников, которые могли бы сохранить до нас строки, написанные нашими предками, я имею ввиду не фольклорные песенно-сказовые опыты нашего сибирского уникального по своему национальному составу народа, я говорю и далее буду писать только о сугубо авторских работах.

Благодаря первой газете «Пролетарская мысль» мы узнали о поэте, драматурге и комсомольском активисте **Александре Огурцове**, который не только сочинял очень уверенные стихи, но и создавал пьесы-монологи, сам был актёром. И должен сразу пояснить неопытным читате-

лям, что создать пьесу, а ещё и для одного действующего лица – это труд невероятный и требует не только литературного вкуса, но и недюжинного ума. Более того комсомолец Огурцов сам играл главную роль, вот тут-то и рождается второе чудо – это писатель-актёр. Не всякий даже современный профессиональный актёр сможет удержать внимание зала литературным монологом в течении целого часа. Вот одно из стихотворений Александра Огурцова:

Но пришло и наше время. Цепи рабства мы порвали,
Мы свободны, точно ветер... Мы хозяева земли.
Нас заставить быть рабами, кто осмелится едва ли?
Для себя теперь мы сами золотые короли.

В этих строках я слышу интонации Песни Буревестника:

... Чайки стонут перед бурей, – стонут, мечутся над морем
и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.
И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно
наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.
Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах...
Только гордый Буревестник реет смело и свободно
над седым от пены морем!..

По свидетельству Натальи Борисовны Карнеевой, из записок, которые вышли в её авторской книге «Решающий фактор», мы узнаем, что в тридцатые годы в деревне Александровка, что недалеко от Большеречки и Корнилово, жил учитель словесности, который, представьте, тоже писал пьесы и рассказы, более того создал учебник белорусского языка и погиб, когда поехал вербовать в Белоруссию учителей для Сибири, по дороге подхватил какую-то заразную болезнь и умер. К сожалению, ни его творчества, ни его учебника не сохранилось. И сколько ещё таких героев было среди наших земляков, мы только с гордостью и величайшим уважением можем представить.

Сама **Наталья Карнеева** после окончания Саратовских высших курсов (читай университета), дворянка, знающая в совершенстве русскую и зарубежную литературу и три языка – немецкий, английский и французский, приезжает в Болотнинский район в 1930 году по доброй воле, чтобы бороться с безграмотностью. У двадцатилетней девчонки уже написано несколько рассказов и один из них «Лето в Александровке», который тоже не удалось обнаружить в её архиве.

В 1951 году в СССР огромным тиражом в тридцать тысяч экземпляров выходит её роман «Школа», который становится любимым романом учителей и студентов пединститутов. Именно в Большеречке она встретила девочку третьего класса по имени Каролинка, которая и стала прототипом главной героини романа. Эта девочка прописана так естественно, с такими характерными особенностями, что вызывает удивительное чувство родства и желания её увидеть. Мы в 2020 году издали книгу Натальи Борисовны «Решающий фактор», в этой книге есть огромный раздел её воспоминаний, который интересен не только своим краеведческим содержанием о жизни Варламовки и Болотного, но и удивительной философией литературного художника. Литература высшего качества, высшего! Вчитайтесь в её строки и почувствуйте тот ещё, русский, не исковерканный язык.

В тридцатом же году из голодной России, Пензенской губернии, приезжает юноша – **Михаил Кубышкин**. Они две родные писательские души не могли пройти мимо друг друга, встретились, полюбили, поженились. Михаил Павлович хорош во всем: и в стихах, и в прозе. Но если быть объективным или постараться быть максимально профессионально объективным, то проза Кубышкина – это уровень Шолохова. Но почему же, если литературный уровень Шолохова, то заслуженной славы на весь мир нет? Ответ прост: во всём виновата проклятая война. Михаил Павлович в декабре 1941 года ушел добровольцем на войну, оставив жену и двоих малых сыновей, через несколько месяцев войны он

оказался в окружении, а дальше плен. Освободили наши войска, а потом пять лет работ в неволе. Сразу скажу, Михаил Павлович не любил вспоминать об этих годах, но никогда не говорил о несправедливости, потому что все, кто даже невольно копал окопы фашистам, строил им блиндажи и укрепления, служили врагу. Вот этот эпизод из жизни стал, по моему мнению, роковым в литературной судьбе уникального автора, великого писателя, несравненного, одного из классиков советской литературы. К слову скажу, что в ревнивой писательской среде к Михаилу Павловичу относились с удивительным почтением и, не взирая ни на что, его семидесятилетие отметили широко и громко в Малом зале Новосибирского оперного театра. Михаил Павлович – член Союза писателей СССР, выпустил тринадцать книг.

Семен Савельев работал озеленителем на станции Болотная, на войну не ходил из-за преклонного возраста, но написал книжку, маленькую, которая была в 1951 году издана двухсоттысячным тиражом и, кажется, не было в Советском Союзе детей, которые не прочли бы ее. В тридцатых годах вступил в члены Союза писателей Сибири. Редакционная коллегия издательства «Историческое наследие Сибири» совместно с редакцией районной газеты «Наши Новости» и Болотнинским краеведческим музеем собрали литературное наследие Семёна Савельева и в 2021 году выпустили его авторскую книгу «Первый полёт».

Если следовать хронологической логике своего повествования, то надо бы выделить поэтов и писателей-участников войны – это поэт **Алексей Петров** из Таганая и писатель **Евгений Осокин** из деревни Крутая. Возможно, когда-нибудь нам удастся сформировать авторскую книгу Алексея Петрова, тем более что архив его произведений сохранился и уже восстановлен, а вот книга прозы для юношества Евгения Осокина, знаменитая повесть «Тайна Зыбуна», готова к печати. К этой же когорте писателей-фронтовиков относится и легендарный и удивительно интеллигентный человек – **Михаил Денисович Сурганов** – член Союза

журналистов СССР, двадцать лет отработавший главным редактором районной газеты «Путь Ильича».

И если Алексей Петров не имел своих книг, Михаил Сурганов только одну, то Евгений Осокин издавался очень большими тиражами и имел около двадцати авторских книг и, конечно, заслуженно был членом Союза писателей СССР.

После войны, где-то в начале пятидесятых, при редакции районной газеты «Путь Ильича» было организовано литобъединение, благодаря которому нам удалось познакомиться с замечательным наследием **Николая Тельпухова и Владимира Романова**. Николай Иванович Тельпухов – член Союза журналистов СССР, к сожалению, не успел стать членом Союза писателей России, хотя в свет вышло десять авторских книг, но есть такое неписаное правило – в Союз писателей авторов-пенсионеров не принимают. В серии «Писатели-земляки» вышла замечательная книга Николая Тельпухова «Лебедь Чёрная». Судьба Владимира Павловича Романова иная, он стал известным в Сибири поэтом, выпустил более пятидесяти авторских книг, стал членом Союза писателей СССР и лауреатом многих литературных премий.

Особое место в литературной жизни Болотнинского района занимают два поэта, с творчеством которых земляки познакомились на рубеже веком – это **Евгений Остриков и Сергей Мелехов**. Но если Евгений Васильевич прославился как поэт-песенник, то Сергей Михайлович – поэт-лирик, удивительно тонкий и ироничный.

Евгений Остриков стал широко известен, когда на его тексты были написаны песни «Ты, Россия, во мне», «Балабала-балалайка», «Земля Российская», «У речки» и др., которые исполняли все известные и знаменитые академические и самодеятельные коллективы. Сергей Мелехов был удивительно любим в Болотнинском районе, обладал непререкаемым поэтическим авторитетом и слыл знатоком литературы. И нет ничего удивительного, что текст очень

красивой песни – гимна Болотного написал именно Мелехов. В серии «Писатели-земляки» вышла книга стихов Сергея Михайловича – «Мой берег».

В 2021 году в серии «Писатели-земляки» вышла книга **Тамары Хомченко** «Я здесь живу». Тамара Николаевна – профессиональный краевед, человек крайне трудолюбивый и неравнодушный, во многом именно благодаря ей существует районный музей в том замечательном и полном виде, каким мы знаем его теперь. Но оттачивала Тамара Николаевна своё художественно-публицистическое перо на просторных листах районной газеты. Краеведческая тема в её рассказах не только достоверна и исторически информативна. Её произведения художественны, пропитаны любовью к родному краю, к людям.

Николай Александров – это я, автор этого очерка, член Союза писателей России, член Союза журналистов России и лауреат многих литературных премий. Выпустил семнадцать книг. Главной темой творчества был и остаётся – поиск ответа на сложный нравственный вызов времени. В серии «Писатели-земляки» вышла книга «Я встретил себя».

Особое место в литературной жизни района, укрощении капризного Пегаса и завоевании Литературного Олимпа, занимают три удивительные девушки – **Нина Михайлова, Ольга Ёлгина и Татьяна Лысенко**. Они объединены одной строкой, потому что их талант проявился во время работы над Народной Летописью Болотнинского района.

Первой на себя обратила внимание Нина Михайлова, когда в редакцию Летописи из Новобибеева стали приходить художественно полноценные, увлекательные статьи, рассказывающие о событиях и людях района. Удивительно, но её рассказы были совершенны, нам стало очевидно, что пишет земляк-самородок, но каково было наше удивление, когда из Корнилова и Кунчурука пришли статьи Ольги Ивановны Ёлгиной и Татьяны Евлампьевны Лысенко. Статьи сначала печатались в районной газете и скоро читатели уже требовали новых рассказов этих авторов. И не

удивительно, что рассказы Нины Михайловой потом вышли в журналах «Сибирские огни» и «Енисей», вот почему было принято решение и в серии «Писатели-земляки» скоро выйдут книги этих замечательных авторов. Они очень разные: у Нины Ивановны – классический рассказ, образный и степенный; у Ольги Ивановны – задумчивая улыбка и трепетное, более, наверное, тревожное, отношение к своим героям; у Татьяны Евлампьевны – всепрощающая любовь, которая смешалась с комсомольским задором и неуёмной молодостью.

Много тысяч лет назад в двадцати километрах от Болотного в сторону Оби, где теперь живёт деревня Новая Поляна, шмякнулся метеорит весом более тысячи тонн. На месте удара образовался кратер диаметром семь километров, круглую форму которого можно легко найти на физической карте района. Возможно, что взрыв напитал нашу болотнинскую землю какой-то внеземной энергией, которая и способствовала появлению целой плеяды удивительно талантливых, самобытных, ярких, необычайно душевных писателей. Эту версию подтверждает ещё один факт: в сорока километрах южнее в селе Ташара, которое раньше было в составе Болотнинского района, работал ещё один писатель – Анатолий Иванов, именно здесь он написал свой великий роман «Вечный зов».

Все перечисленные самоцветы и герои художественного слова не дают полной картины литературного мира Болотнинского района, потому что за пределами моего рассказа осталось четыре десятка самодеятельных поэтов, лучшие произведения которых объединены одним сборником «Наш тёплый дом».

Вот такая литературная аномалия случилась и живёт на территории нашего района. И то ли ещё будет. Сам Создатель пометил нашу землю, значит, будут новые писатели, и они ещё порадуют нас своими творениями – яркими, душевными и умными.

БАРСКИЙ УДЕЛ

(о А. Чехове)

Избалованный барским происхождением, Антон Павлович Чехов, проехав по Московскому тракту до самого острова Сахалина, в своих дорожных записках писал: «В продолжении всего года дорога остаётся невозможной...». Это путешествие было предпринято им в 1890 году, тогда же и сделана сама запись. В начале апреля великий русский писатель и драматург после долгой подготовки и изучения Сибири пустился в путь.

Кстати сказать, кроме плохих дорог, Антона Павловича изрядно раздражал сибирский мужичок своим свойским и, как ему казалось, бесцеремонным отношением. Причина такого поведения наших сибирских предков, конечно, не в плохом воспитании, к писателю относились, напротив, очень уважительно и знали, кто он есть, но не было у наших мужиков холопского зуда, не гнули спину и не срывали в холуйском поклоне шапки с головы, а вели себя достойно и уверенно, а всё потому, что крепостничества в Сибири никогда не было. Негде было нашим мужикам услужливой робости набраться.

Вот как Антон Павлович описывает нашу ямщину: «Ямщики ругаются во всё горло, так что их, должно быть, за десятки вёрст слышно. Ругаются нестерпимо. Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имеющие целью оскорбить и осквернить человека во всем, что ему свято, дорого и любо! Так умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики...».

Раздражение сопровождало Чехова всю дорогу. В Колыванском районе в Красном Яру он долго ждал лодку для

переправы через Обь до Дубровино. Мужик, хозяин лодки, успокоил, мол, лодка прибудет позже, утром и переправим, поставил богато дышащий самовар на стол и по-хозяйски уселся напротив известного писателя, поговорить о жизни. Чехову всё это претило, и он с негодованием записывает: «От Тюмени до Томска 1500 вёрст, страшный холодище днём и ночью, полушубок, валенки, холодные дожди, ветры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война с разливами рек; реки заливали луга и дороги, а я то и дело менял экипаж на ладью и плавал, как венецианец на гондоле; лодки, их ожидание у берега, плавание и прочее – всё это отнимало так много времени, что в последние два дня до Томска я при всех моих усилиях сумел сделать только 70 вёрст, вместо 400–500; бывали к тому же ещё весьма жуткие, неприятные минуты, особенно в ту пору, когда вдруг поднимался ветер и начинал бить по лодке...».

Из Дубровино дорога шла в Ташару, Умреву, Ояш, и вот она, Болотная.

Как видим, писателю досталось особо крепко в наших благословенных болотнинских местах. А вот записка совсем о нашем районе: «Холодная равнина, кривые берёзки, лужицы, кое-где озёра, снег в мае да пустынные, унылые берега притоков Оби – вот и всё, что удаётся памяти сохранить...»

Антон Павлович Чехов

Каково? И каким языком унылым и язвительным писано, но я сейчас приведу цитату, и всё станет ясно: «Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поёт, не смеётся, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной, «жестка на ощупь». Когда в Сибири со временем народятся свои собственные романисты и поэты, то в их романах и поэмах женщина не будет героинею; она не будет вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности, спасать, идти «на край света».

Комментируйте сами, я не буду, понимая, что, видимо, получил классик оплеуху от нашей «жесткой на ощупь», забывая, наверное, барин, что он не с московскими податливыми «пеструшками» дело имеет, а с сибирячками, которые на своих плечах всю экономику страны во время всякой беды держали, а на край идти им некуда, потому как на краю живут.

Но вот вдруг пробивает моралиста лучом доброты, и он пишет: «Горница – это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. Стены белые, полы непременно деревянные, крашенные или покрытые цветными холщовыми постилками; два стола, диван, стулья, шкаф с посудой, на окнах горшки с цветами. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь – утонешь. Сибиряки любят мягко спать».

Высокая кровать и пуховики – это для тепла, холодны и долги сибирские зимние ночи, и этот уют и тепло создавали наши женщины, которые к прочим заботам успевали нарожать и воспитать по десятку детей.

Кстати, колыванцы гордятся тем, что Чехов проследовал через их город и даже воспользовался услугами почты, о чём и гласит табличка, намертво прибитая к пожухлой стене. Но Чехов проезжал и через Болотное, потом был

в Томске и во всех прочих городах, и везде останавливался, менял лошадей, кушал, но мы как-то не догадались к придорожному забору прибить табличку и написать, мол, здесь ступала нога Антон Павловича Чехова! Если уж идти дальше, то через Болотное проследовало много известных людей. Например, политические деятели различных государств: Мао Цзэдун, Хуа Гофен, Дэн Сяопин, Ким Чен Ир, Ким Ир Сен, Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин, Феликс Эдмундович Дзержинский, Михаил Иванович Калинин, Сергей Миронович Киров и многие другие. Писатели: Александр Твардовский, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Михаил Светлов, Александр Вампилов, Николай Рубцов, Михаил Тарковский и многие, многие, многие!

Вы теперь понимаете, почему колыванцы так трепетно оберегают память о приезде Антона Павловича Чехова? Правильно, потому что подавляющее большинство вышеперечисленных персон в Колывани не были, а в Болотном были.

Томские литераторы и потом иркутские, остались в крайнем удивлении от чеховского высокомерия и остро пикировались с ним в столичных и местных журналах. И должен сказать, что сибирские острословы ничем не уступали в колкостях столичному мастеру слова.

Но что остается неизменным, так это то, что Чехов – великий русский гений слова, классик на века. А Сибирь, что Сибирь, просто она не покорила барскому высокомерию. Сибирь, она требует терпения, силы, товарищества, взаимовыручки и любви – только такие способны увидеть и почувствовать всю её нежную и суровую красоту, преданность и глубину сердечных чувств.

ПИСЬМО С ФРОНТА

(о А. Ромашове)

Жил когда-то в Болотном хороший парень. Он мало отличался от своих сверстников, вот только, может, целеустремленностью и пониманием, чего хочет от жизни. Он начал трудиться монтажником Болотнинского радиоузла, но был замечен районной властью и переведён на комсомольскую работу. Затем учился на двухгодичных курсах подготовки работников народного образования в Западно-Сибирском коммунистическом университете имени Ф. Дзержинского и за одну зиму сдал полтора курса. После окончания университета в 1934 году служил в рядах Крас-

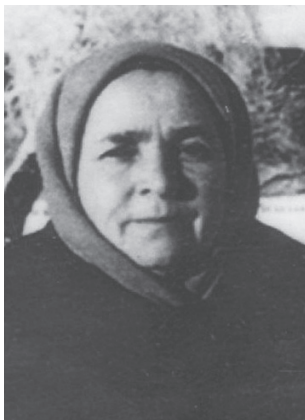

**Александр Яковлевич
Ромашов**

ной Армии, после демобилизации в 1937 году Александра Яковлевича направили на работу директором Карасёвской средней школы. А накануне войны был назначен заведующим Болотнинским отделом народного образования. На фронт ушёл с первых дней войны и уже в конце июня 1941 года был в бою.

Первое боевое крещение он принял под Псковом. В своем письме к другу, Ивану Хайченко, Александр Яковлевич пишет: «Особенное о нас напишут историки. Без нашей крови и пота, без наших лишений и стонов их предмет будет пресной и монотонной наукой. Именно мы сейчас делаем хронологические зарубки в истории и мы горды этим...

Сейчас нашим фронтом командует Ворошилов. Знали бы вы, с какой радостью мы узнали об этом... Болит душа за семью.

**Варвара Иосифовна
Ромашова - жена**

Особенно за мою выносливую и преданную Варю. Этот человек способен пережить любые невзгоды и даже «ах» не молвить. Поэтому, зная ее твердый характер, прошу вас, моих товарищей, оказывать ей посильную помощь. Ибо на свете нет большей мудрости, как мудрость товарищеской взаимовыручки...»

Варвара Иосифовна, или Варичка-Вариночка, как ее нежно называл Александр Яковлевич. Это о ней он так беспокоился, это её он любил так преданно и нежно, любил больше жизни. «Здравствуй, Вариночка, милая моя! Жив и здоров... Вчера был рад одному случаю. К нам в полк прибыли сибиряки. Среди них Баяндин и Курицин. С последним ты училась. Есть один из Болотного, ...фамилия его Гриневич. Знаешь, сибиряки ребята хорошие: из огня всегда вынесут... Целую тебя, моя милая. Твой Сашка».

6 января 1942 года Ромашовым было написано последнее письмо: «Здравствуй, дорогая Варичка, милые дети мои. С сердечным приветом к вам ваш Сашка. Вчера у меня был праздник: партия и командование доверили мне руководство уже батальоном. Это и городость для вас, и моя гордость, и моё верное служение Родине. Работа моя усложняется, увеличивается ответственность, растут масштабы, но я горд перед моими товарищами и рад тому, что я правильно понимаю партийные задачи и преданно их выполняю. Сейчас вообще перед нами усложнённые задания. К их выполнению мы готовы и ждём лишь сигнала. Когда получишь это письмо, мы уже выполним свой долг, и о нас через радио узнает весь мир. Я готов на всё! Будьте здоровы! Пожелайте мне успехов. Ваш Сашка».

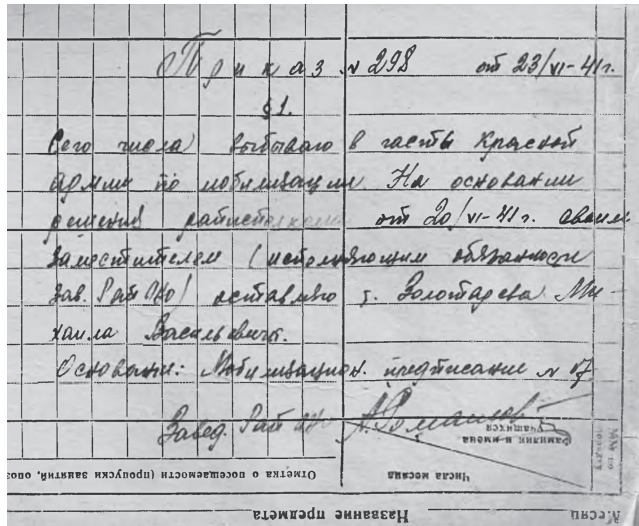
Сейчас нашим фронтом командует Ворошилов. Знали бы вы, с какой радостью мы узнали об этом... Болит душа за семью. Особенно за мою выносливую и преданную Варю. Этот человек способен пережить любые невзгоды и даже «ах» не молвить. Поэтому, зная ее твердый характер, прошу вас, моих товарищей, оказывать ей посильную помощь. Ибо на свете нет большей мудрости, как мудрость товарищеской взаимовыручки...»

23 февраля ему бы исполнился 31 год. Но в феврале 1942 года политрук Ромашов Александр Яковлевич пропал без вести. В письме он, очевидно, намекает на какое-то очень ответственное задание, которое и стоило ему жизни. В письме чувствуется тоска по дому, понимание всей сложности предстоящего боя и гордость за право умереть за Родину. «Когда ты получишь это письмо, мы уже выполним свой долг» – вот они, прощальные слова перед смертью.

После гибели своего мужа Варвара Иосифовна так и не вышла больше замуж. Всю жизнь она посвятила своим детям и школе в с. Карасёво, где когда-то работал директором её «Сашка». 30 лет она проработала учителем начальных классов, оставив добрый след в душах своих учеников и их родителей, которые до сих пор вспоминают её с любовью и уважением.

P.S.

К письму мы приложили копию приказа, написанного собственноручно заведующим районо А. Я. Ромашовым. Просим только обратить внимание, что решение райисполкома о мобилизации датировано двумя днями раньше начала войны.

СТИХИЯ

(о О. Титовой)

Боевой дух проявился с рождения! Этим отличался весь Бибеевский род Титовых, все, кто родился на этой благословенной болотнинской земле. Оля дралась со всеми, кто пытался ущемить её свободу, Валера защищал младшую сестру, потому что «старшой». И всем скоро стало ясно, что на свет народилась «стихия», с которой что-то надо делать. А делать особенно было некому, потому что папа – лётчик-истребитель морской авиации, боевой герой и орденосец, а мама под

Ольга Титова

стать папе – боевая радистка, и если для всех война как бы кончилась победой над фашизмом, для родителей она продолжилась и в Корее, и во Вьетнаме и потом в Египте. Семья на тот переломный момент оказалась в Новосибирске, и справиться с детьми

помог учитель физкультуры школы № 40 Ленинского района Иван Максимович, его приговор, тогда еще, в 1961 году, обжалованию не подлежал:

– В спорт, – сказал он родителям, – на стадион! У детей характер чемпионов.

Что Оля, что Валерий перешагнули нормативы юношеских разрядов за лето: Оля в толкании ядра и метании диска, а Валерий в метании копья. Все эти виды относятся

к высокотехничным – только силой не справиться, нужно подключать голову. И дети владели этим счастливым потенциалом.

Скоро Валера стал чемпионом Новосибирской области, потом выиграл чемпионат России по метанию копья среди школьников и сделал неожиданный ход – ушёл в десятиборье. Все легкоатлеты знают, что десятиборцы – спортсмены штучные, потому что в зачёт идут суммарные баллы по десяти дисциплинам: 100 метров, толкание ядра, метание диска, метание копья, бег на 1500 метров, прыжки в длину и высоту, бег с барьерами на 110 метров, прыжки с шестом и бег на 400 метров.

У Оли всё складывалось не столь романтично, она, что называется, «поймала» технику метания диска, и брат, видя её успехи, с благословения первого тренера, привёл её за руку к заслуженному тренеру России знаменитому Юрию Ивановичу Гусеву. Тренеру необычайного таланта, маленького роста, но твёрдого характера, который держал в «ежовых рукавицах» людей неуёмной энергии, направлял эту энергию в мирных целях и помогал каждому подопечному становиться личностью. За спиной, но очень уважительно его звали «шеф».

Норматив мастера спорта школьница Оля выполнила через три года, в 1964 году. А потом посыпались победы как горох: Spartakiada среди школьников России в Москве, Spartakiada школьников СССР в Минске.

Красивая, миловидная белокурая девушка метала диск за отметку 62 метра, отчего не ожидавшие такой пры-

**Медаль чемпионата
на фестивале молодежи
и студентов в Софии**

ти судьи в поле разбегались от свистящего снаряда в разные стороны. После преодоления 18-летнего рубежа пошла черед международных соревнований: памяти братьев Знаменских, Юбилейная спартакиада народов СССР, Кубок Европы в 1967 году в Киеве, на котором Оля заработала серебряную медаль. В эти же годы у неё появилось прозвище Зуська, потому что Оля удивительно была похожа на польскую актрису Полу Раксу, сыгравшую роль Зоси в популярном в те годы одноимённом фильме.

Мастером спорта международного класса Ольга стала в 1967 году и отправилась на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Софию, где подтвердила высокое звание и стала чемпионкой фестиваля в метании диска, показав результат лучше, чем Тамара Пресс на Олимпийских играх. В 1967 году Ольга становится членом сборной команды СССР по легкой атлетике, но юный возраст не дал ей возможности поучаствовать в Олимпийских играх.

Пока ехали в Софию, придумали спортсмены мериться с Олей силой на руках, и тут обнаружилось, что у нашей красавицы нет достойных соперников. В вагон заходили всё новые соискатели победы над девчонкой из Сибири

Ольга Титова на стадионе «Локомотив», г. Новосибирск

и были посрамлены, в это число вошли самые отчаянные легкоатлеты разных специализаций, баскетболисты, даже несколько смелых хоккеистов пытались победить девчонку из Бибеева. Когда слава о сибирячке дошла до хмельного вагона с артистами, с чемпионкой решил сразиться артист театра «Современник» Олег Табаков. Когда его поверженная рука легла на стол, он сказал, что «это не считается», мол, не успел подготовиться, вторая и третья попытка оказались столь же стремительно проигранными. Говорят, что артист отчаянно и обиженно «гулял» до самой Софии.

В этом же поезде Ольга встретила с другим знаменитым спортсменом из Болотного, тренером Спорткомитета СССР по тяжёлой атлетике Юрием Анатольевичем Сандаловым. Он специально пришёл к ней в вагон, чтобы познакомиться с легендарной землячкой.

Валерий закончил спортивные выступления и после окончания техникума физкультуры стал судьёй республиканской категории и надолго связал свою жизнь с хоккеем с мячом.

Рекордсменкой мира Ольга Титова стала в Берлине в 1968 году, а в 1973 году закончилась короткая, но яркая спортивная жизнь спортсменки, Ольга вышла замуж и стала Ольгой Богинской, ждала первенца. Жизнь продолжалась, на свет рвалась новая неуёмная «стихия».

ТЁТЯ СТЕША

На лыжной базе, на той единственной базе «Локомотив», которая пристроилась под косогором у самого уреза водокачки, жила тётя Стеша – женщина добрая, сильная, одинокая, с огромным родимым пятном на лице. Вот такое несчастье у человека, а для женщины особенно горестное. И свербит меня вопрос, откуда же такая несправедливость? Почему доброте с красотой так трудно встретиться? И чего же она, красота эта, всё по злюкам-змеюкам шастает? И почему человеку, чтобы доброту понять, надо горя хлебнуть, несчастья отведать, беду встретить?

База разместилась удобно – шаг шагнул, вот и мосток, с которого дамба начиналась, а под мостиком сливной канал, перегороженный шандорой из толстых горизонтальных листовых плах, которые, зажатые в пазах направляющего вертикального рельса, держали тысячи тонн воды. А поверх шандоры катила ровным валом лишняя вода...

Так было всё лето, но в дни обильного весеннего снеготаяния молодая и сильная вода меняла свой ровный нор, она клокотала, бесновалась, нахраписто и злобно набрасывалась на бетонную дамбу, беззубо кусала оголившуюся местами арматуру, и в конце концов, уместившись в бетонном проёме сливного канала, летела вниз с трёхметровой высоты, ударялась о деревянный настил и по-змеиному шипя и розово пенясь, скрывалась в зарослях грязного и ломаного ивняка. Тут же, недалеко от шандоры, у береговой отмели лодочная станция – сарай с амбарным замком, в котором хранились вёсла и спасательный круг; когда начиналась смена, тётя Стеша вывешивала спасательный круг на уличной стороне сарая. Рядом, но чуть в стороне, деревянный помост, удобно спускающийся под воду, к нему подтянуты упругой цепью лодки. Они, будто пойманная

рыба, нанизанная на сучок, неровными связками, слегка покачиваясь и тоскливо потираясь боками, лежали у причала. Лодки с деревянными бортами, но с лёгкими боками из толстого шпона – и все аккуратно пронумерованы.

С утра выстраивалась очередь, и тётя Стеша выдавала вёсла, записывала в журнал, отрывала билет, как в трамвае, а когда человек отказывался его брать, рвала и кидала в мусорное ведро. Членам Добровольного спортивного общества «Локомотив» лодки выдавались вне очереди. Поэтому членами ДСО «Локомотив» хотели стать не только железнодорожники.

Детвора часами могла смотреть на водопад сливного канала, бросать щепки и наблюдать их несчастную судьбу. Да что детвора, редкий прохожий имел силу пройти равнодушно мимо шумного водопада, иная баба, и та, перегнувшись через перила, любовалась блестящим водяным языком, мол, вот бы мне такой, всех бы переговорила, никогда бы не умолкла!..

Много встретил я людей разных, и с характером, и с необычной судьбой, много прочитал книг, но всегда вспоминаю тётю Стешу, если речь заходит об отзывчивости и доброте.

Как-то при ней я пожаловался на головную боль, которая донимала беспощадно и каждый день. Она остановилась напротив, глянула мне в глаза, будто проверяя, а не пришла ли мне в голову мысль обманывать людей, потом показала палец и попросила, чтобы я смотрел на него, отвела его в сторону, а потом заключила:

– Приходи после семи, полечу, раньше не могу, у меня база до семи работает. Я пришёл из любопытства, а что же будет потом, после вот этих манипуляций перед глазами. Но и не только из любопытства, я уже слышал от людей о её знахарских способностях. Лечение она начала не мешкая: взяла уже приготовленный шнурок, приставила один конец к моему лбу, а вторым завела сбоку за затылок с одной стороны, а потом с другой.

– Сотрясение у тебя, милоч. Вспоминай, когда упал или ударился. Лечить будем.

Лечить начала тут же. Обернула мою голову скрученным в жгут ситцевым платком, в узелок вставила палочку и стянула до такого чувства, что я думал: ещё секунда, и моя голова лопнет, как раздавленное куриное яйцо! Собственно, я ей об этом своём ощущении и сказал.

– Сиди уж, – улыбнулась она, – вылечим мы твоё куриное яйцо, но потерпеть надо. Мужик ты или не мужик? – И ушла.

Я сидел и через окно видел, как мой лечащий врач ходила с ведрами воды, потом колола дрова. Более нелепой ситуации я не мог припомнить. Доктор уже мёл двор, а пациент всё сидел с намертво скрученной головой. Полчаса длилась эта пытка, когда она наконец-то вошла. Я сделал вид, что не обижен, мне просто уже хотелось быстрее уйти и не успеть за это время наговорить человеку гадостей. Я ушёл, небрежно буркнув «спасибо».

Утром я собрался на работу и только уже по дороге понял, что у меня не болит голова. Когда я пришёл к ней на вечерний сеанс, она опять меня измерила шнурком и только сказала:

– Вот что значит хороший организм и мужество, а то вечно мужики стонут.

Потом уложила на спину и, пристроившись у моей головы, взяла её в руки и, мягко манипулируя, стала слегка сжимать с разных сторон, а потом, довольная, хмыкнула:

– Хорошие косточки, мягкие, податливые.

– А что вы делаете? – поинтересовался я.

– Косточки разминаю, чтоб подвижными были меж собой, – она встала и светло, даже как-то блаженно улыбнулась. – Вот и всё. Ко мне можешь больше не приходиться.

Я предложил ей деньги, она отказалась.

– Медицина у нас, молодой человек, бесплатная.

И тогда я приволок ей со станции, с первой разгрузки, крупный астраханский арбуз. А она, увидев его, вместо того

чтобы обрадоваться, начала сетовать и беспокоиться за мою спину. Но арбуз приняла с благодарностью.

Жила она совсем одна, но я знаю, что приходили к ней мужики – тут же насосная станция была, которая воду на станцию для паровозов качала. Зайдёт, бывало, кочегар от безделья и водки и эдак гусаком пред нею пройдётся, вот, мол, пришёл осчастливить тебя. А она с понимающей усмешкой спросит:

– Ты как, нужду справить или серьёзно поговорить хочешь?

Уважали за серьёзность её кочегары, о своих бесславных походах сами же и рассказывали, стойкой бабой гордились, потому и помогали: за водой с флягами ходили, дрова кололи, уголь в углярку загружали за так, из уважения к человеку.

Прошло много лет, очень много, нет в живых тётки Стеши, уже нет лодочной станции и лыжной базы «Локомотив», но осталась память о доброй женщине, и я понимаю, что и в благодарность, и в память я должен написать о ней, чтобы люди одни вспомнили, а другие узнали про тётю Стешу и порадовались, что такой человек жил среди нас, ходил с нами по одной земле, дышал одним воздухом, только вот фамилии её теперь уже никто не помнит.

Квартиру тёте Стеше, уже по старости, выделили железнодорожные власти, и она с радостью переехала жить в залинейную часть Болотного. С тех пор я больше её не видел.

ПОКРОВ ДЕНЬ

(о В. Калугине)

С Калугиным я познакомился во дворе Литературного Института, что на Тверском бульваре. Он стоял в кругу студентов, его задорный смех «от души» немного удивил и понравился. Может быть, потому, что я сам смеюсь громко, меня успокаивало очевидное: этот недостаток не только мой. Я подивился, что не был знаком с ним, хотя ничего удивительного, всего вторая сессия. Прозвенел звонок. Помню, то было первое занятие по практической грамматике, я по школьной привычке широко разместился на последней «парте». Растворилась дверь, на пороге появился Калугин. Я замахал рукой и позвал: «Старик, подгребай, отсюда видней». «Старик» вдруг смутился, прошёл на кафедру, ответил: «Мне здесь удобнее будет вести урок». Студенты рассмеялись.

Василий Васильевич попытался сбить нашу весёлость, вызвал меня к доске. Я сделал необходимые ошибки, и последующие годы учёбы прошли в тяжёлом единоросте с грамматикой, но я завоевал, увы, не знания, но уважение.

С Калугиным наладились отличные отношения, какие только могут быть у преподавателя и студента. На четвёртом курсе я, рассерженный на своих литературных оппонентов, пришёл на кафедру, встретил там Василия Васильевича и потребовал стилистического анализа своих рассказов. Рассказы Калугину понравились, и он рекомендовал плевать на всех и не обращать внимания на «происки врагов». С тех пор я равнодушен к критике.

Объём институтских заданий на год физически невыполним, поэтому мы, уже опытные студенты, выбирали, как нам казалось, самые важные и нужные предметы, изучали их, а остальные – только бы сдать экзамен. Учебник стилистики я не открывал весь семестр. Ну, во-первых, потому что предмет сам по себе замороженный, а во-вторых, стилистику принимал Калугин. И, что греха таить, после столь лестного отзыва о рассказах я чувствовал себя «классиком». А зачем «классику» стилистика?

За несколько дней до экзамена, как опытный студент, я подошёл к Василию Васильевичу и наплел невесть что про трудности жизни. Растроганный моей историей преподаватель вынул из портфеля конспекты лекций, вручил мне: так он, наивный человек, пытался помочь. Но дело было сделано: студент подготовил почву и уронил семя надежды. Лекции Калугина взхлёб читались однокурсниками, вдруг обнаружившими жажду знаний, а я готовился к следующему экзамену. Правда, стоит признаться, накануне что-то дрогнуло во мне, и я выучил пятый билет – так, на всякий случай.

И вот экзамен! Я – один из первых, захожу в аудиторию, смело беру билет, сажусь, готовлюсь. Сценарий был продуман заранее и позволял с честью выбраться из трудного положения не только мне, но и преподавателю.

Праздник начался. Я перед Калугиным вещаю содержание пятого билета.

– Позвольте, – вдруг прерывает мою песню Василий Васильевич, – Николай, а какой у вас билет?

– Пятый, – не моргнув глазом, отвечаю я.

Калугин глянул в свой блокнот.

– Николай, у вас двадцать седьмой билет.

Так классно придуманный сценарий рушился на глазах, я чуть слышно попытался исправить положение:

– Какая разница, Василий Васильевич, это же не принципиально, поставьте мне троечку, и делу конец.

Калугин опешил. С трудом, честно сказать, не сразу, но наконец он понял, что о стилистике говорить со мною не надо.

– Хорошо, Николай, отложим билет, в конце концов, это действительно не принципиально. Расскажите тогда, как вы понимаете...

– Боже упаси, Василий Васильевич, – шёпотом возопил я. – Да поставьте же мне тройку!

Калугин надолго задумался. Я пододвинул к нему свою зачётку.

– Поставьте троечку, – смиренно, превозмогая позор, со стыдом и мольбою заканючил я.

– Хорошо, – вдруг очнулся Калугин, – в конце концов, главное – сдать экзамен. – Он наклонился над зачёткой и написал: «отл».

– Ты что делаешь! – вырвалось у меня.

– Вы, Николай, хотели оценку. Вы получили что хотели.

Если бы мы были в кабаке и пьяные, я бы его ударил. Я встал и вышел вон. Трепещущие студенты кинулись ко мне, выхватили раскрытую с невысохшими чернилами зачётку и, как лёгкие пощёчины, зашелестело:

– «Отлично», «отлично», Калугин поставил «отлично»!

В тот день я поклялся выучить стилистику. Прошли годы, но я не сдержал слово.

— А, Прокопий, — князь чуть уловимым движением руки позволил приблизиться слуге. — Подивись, кругом красота-то какая, вот он — Храм Божий, лучшего не сотворишь. Вишь, луна как неровно

резана, точно хлеба ломоть, звёздочки в чёрной сини веселятся, там Господь наш Праведный, взирает на нас и радуется. Как разумеешь, аль печалится, глядя на нас, грешных?

— Отчего ж Ему не возрадоваться, вона ты каких хором понастроил, всю Русь церквами украсил. Ты, батюшка, повсечасно о Боге печёшься, почто Ему гневаться? Это я, супостат, всё по молодкам, морок меня не берёт. А ты — Божий человек, Боголюб.

Приятна князю лесть Прокопия, знал, что от души, знал, что любит его холоп, то и было ему оправданием. Огорчали проделки Прокопия: не мог тот без бабьего люда, остёр становился на слово, ловок в ухажёрстве, дерзок до непослушания, а ведь не молод давно, лыс да морщ ликом. «Отправлю в монастырь тебя, собака!» — ругался князь, но то напускное всё, любил Прокопия, терпел шалопаистого.

— Слышь, Прокопий, а ведь уж десять лет тому, как на княжество шёл, стал тут лагерем, — князь простёр руку в сторону Боголюбова, — и решил тогда: жить мне на этой земле. Жить!

Последние слова его прозвучали так торжественно и сильно, будто не с холопом речь вёл. Вдруг почувствовал единство своё с окружающим миром и небом.

— Жить! — повторил он, а повернувшись к Прокопию, приказал: — Здесь ныне ночуем.

— Помилуй, батюшка, в болотине этой, а до хорм пять вёрст.

Князь строго глянул:

— Ставь лагерь. А баб до завтра забудь, целей будут.

Прокопий поклонился и прочь заспешил, ведая, что отшучивался князь единожды, потом — гроза.

Помнил про крутой норюв, не раз лечил синяки от его крепкой руки.

Князь шёл полев, сухая трава шелестела, туго ударяясь о кожу саюг. Память растревожила его. Вспомнилось, как уехал из Вышегорода, не предупредив отца, знал наперёд волю Долгорукого, но всё чуждо было ему в Южной Руси, не стерпел более царства алчущих власти, гнездилища злодейств и грабительских междуусобиц. Распри от скудоумия казались ему заслуживающими гнева Божьего. Горестью болела душа за отца, не понимающего бесплодия борьбы за власть с единокровными братьями своими, не желающего видеть бед людских и ненависти. Чужал иное своё предназначение, не хотел более бороться с тягой к родному краю.

Не понимал князь Андрей, за что прогневался Бог на Русь, на весь род людской, почему не слышал мольбы его.

— Господи! — прошептал он, остановившись среди поля, — Господи, знаю, наступит час, и я паду ниц пред Тобю, знаю, не уйти от ответа ни лукавством, ни мольбою. Но ещё здесь на земле нашей грешной хочу понять: зачем такова жизнь? Отец, надоумь, подскажи, открой суть страдания, людской злобы, искушений и безнадёжности! При жизни открой истину греха дум моих. Ты наградил меня заботами о хлебе, радением о близких и борьбою с горем. Кому нужна боль моя? Я могуч, надоумь же, как исцелить мир от проказы греха! Прости, дерзок я, но роптать буду, как откроешь врата и вступишь меня в Обитель Свою. Но ещё не переступив порога Твоего, прошу: поведай мне, зачем испытываешь терпение Своё? Почему недостойный люд дорог Тебе? Распри, битвы, кровь, сироты, голод и разруха — зачем лишил разума нас? Ад бытия моего в поисках Тебя, Господи. Скажи, зачем метущаяся душа моя? Боль моя?

Князь был слаб только перед Богом, молился истово — искал убежища душе своей. И ночью поднимался с постели, истерзанный думами, падал перед иконой Святой Богородицы, просил открыть путь к жизни без греха, по завету Божьему, знал — Истина у Бога.

...Недавно я был в Москве в совершенно удивительный день. Погода шокировала: то лил проливной дождь, то начинало припекать близкое, июньское солнце. В этот день на собрании кафедры ректор настоял не продлевать с Василием трудового договора на следующий учебный год. Иначе говоря, мой друг оставался без работы. И ничего в том удивительного, потому как Калугин обладал не только великими знаниями, но и строптивым характером, вкусив который редкий начальник продлит договор. К сожалению, я не понял его бурную, трагическую реакцию на это решение. Абсурд был столь очевидным, что я не смог прочувствовать его горя. И, слава Богу, думалось мне, знать, вырос Василий из этих штанов, пора по-настоящему, всерьёз заняться наукой.

В тот день моего приезда, день его увольнения, Василию предстояло принимать экзамен у одной из очных групп. Я, маявшийся в ожидании, забрёл к нему на экзамен. Расстроенный Василь Васильевич собрал студентов в аудиторию, оглядел их тоскливым взглядом и спросил: «Кто знает на тройку? Давайте сюда зачётки». Меня, сидящего в стороне, обалдевшие от радости студенты чуть не смели со стула. Василий надолго склонился над столом. Когда наконец-то с зачётками было покончено, он оглядел оставшихся: «А кто знает на четыре?» С места не тронулось пять «наглецов», остальные со сдержанным спокойствием подошли к столу преподавателя. С новой партией зачёток Василий справился достаточно быстро. Я радовался гениальному ускорению приёма экзамена, я понимал, что Василию теперь уже, по большому счёту, всё равно, да и не в том он был состоянии, когда можно было вытерпеть одному такую пытку: с биле-

тами, подготовкой и бредовым лепетом. Но я не угадал, сценарий вдруг изменился, и Василий разложил на столе билеты. Полтора часа он принимал экзамен у «отличников». Не зря я недолюбливал этих зубрил ещё со школы.

В тот вечер Калугин много пил, был саркастичен и едок, сильно переживал. Его уязвлённое самолюбие было так чисто, его негодование так по-детски откровенно, что вызывало только удивление: как можно, дожив до сорока лет, сохранить в себе столько наивности?! Настоящие, действительно великие учёные воистину – большие дети, они ни фига не понимают в интригах, подставках и закулисной мышиною возне бездарей у власти, да, у власти, пусть это всего лишь институт, но страсти здесь те же, что и на вершине государственного олимпа. Василий слишком талантлив, чтобы уметь подличать, пресмыкаться и угождать. А если ещё и правду – в глаза, то и жизнь складывается интересно.

Мы не задержались в Москве ни на час, как только выяснили, что под забором вот уже год стоит новенькая «Волга» – память об умершем муже Галины Александровны, декана заочного отделения.

Решение было принято в тот же миг. И вот я веду тяжёлую машину, а Василий с Галиной Александровной сидят на заднем сиденье и всё спорят про институтские дела. Васька кричит, что всё бросит, уйдёт, а Галина Александровна, как мать родная, утешает его, убаюкивает, хвалит, ругает всех Васькиных обидчиков, – хороший она человек. Сколько помню, она со всеми прогульщиками, пьяницами и двоечниками была удивительно терпелива. «Они такие талантливые», – заступалась она, в очередной раз отстаивая провинившегося «классика», как всегда, под свою ответственность и, как всегда, на свою же шею.

Мы с трудом пробиваемся через автомобильные пробки, суетный пригород. Хороший хозяин был муж Галины Александровны, добротный мужик, Царство ему Небесное, машина ухожена, послушна, в багажнике запчастей – новую собрать можно.

Землица центральной России так себе, никчёмная: песок да глина рыжая. Это не наш сибирский чернозём, в руках – как сливочное масло, жирный, лоснится отливом, упругий, на вкус попробовать хочется. Но люблю Подмоскowie за берёзовую прозрачность, широту изумрудных полей, за золото воздушных маковок церквей, проплывающих вдоль дороги на Владимир. А Василий всё рычал, полупьяный от пива. Я расспрашивал о церквях, Галина Александровна рассказывала, отвлекая моего друга от тяжёлых дум, ошибалась в датах, и тогда Василий вступал в спор, стыдил Галину Александровну, не подозревая о нашей игре, а она всё баюкала его, пестовала, как дитя малое, капризное, была тонка, податлива, мудра. Поклон тебе, милая женщина!

Не доезжая двадцати километров до Владимира, мы свернули влево, прокатились грязным после дождя полем, свернули в узкую щель в берёзовом колке, и вот он, дом-крепьш, дача Галины Александровны. Мы топили печь, садили картошку, парились в бане, пили пиво и много говорили: я про свои командировки на Сахалин, а Василий всё пенял, что приехал я не вовремя, в такой его «чёрный день». Но я-то знаю другое и, конечно, приеду ещё в светлый Васькин праздник, какие наши годы. Там мы и обменялись нательными крестами, побратавшись уже навеки.

...Когда утром князь вышел из шатра, то невольно прикрыл глаза рукою. Вся даль полевая, повозки, деревья – всё в снегу. Белое великолепие сияло. Снег и теперь валил, снедаем томной рекой и крупами несёдланных лошадей. Прокопий слепил снежок и засунул зазевавшемуся конюху за ворот.

– А, ты сучий сын, собака... – но, увидев князя, осёкся мужик, молча извиваясь, вытряхнул из одежды снег.

– Балуеть всё, – довольный князь зачерпнул горсть, смял с удовольствием, по пальцам стекла холодная влага.

– Покров день, батюшка, Господь с нами, – Проконий трижды перекрестился. – С праздником, Государь.

– Да, Покров, – задумчиво вторил князь. – Знать, услышал Боже мою молитву, знак верный. Защищает нас Покров Богородицы от недугов тяжких и ворогов лютых.

И стал вдруг князь, будто вкопанный, вспомнил, как вёз из Вышегорода полюбившуюся икону Святой Богородицы, как молился, вглядываясь в печальные очи Матери Божьей. Как искал защиту и поддержку в них, веровал и поднимался с колен с новой силой.

– Что, батюшка, – подскочил Проконий, почуяв неладное, – хворь, бледен-то ликом стал?

Но отстранил его князь и сказал:

– Быть здесь церкви во славу Божию. И наречена будет – церковью Покрова на Нерли!

И долго молился князь, стоя на коленях в снегу, и люди его поклоны клали без устали. А снег валил и валил, и лошади мерно жевали овёс, и таял снежок на их тёплых спинах.

Весь следующий день мы кочевали по Владимирской и Суздальской земле. Василий, великолепный знаток русской старины, провёл самую длинную в своей жизни лекцию. Я, учившийся как-никак шесть лет, не подозревал о его уникальных знаниях: он наизусть читал летописи. Я просмотрел самый живой фильм, когда стоял во дворе кремля и слушал его рассказ о поворотах и трагедиях русской истории на старославянском языке Летописца. Обязательно, по возможности, конечно, загляните во двор полуразрушенного монастыря или войдите в церковь, где хранится дух русичей, прикоснитесь к святыням нашим – и почувствуете, как вольётся в вас сила и укрепитя смущённая вера. Там вы поймёте не своё одиночество, но связь крови вашей и

души с тысячелетней историей, с миллионами русских, со всей Святой Русью.

Не всё запомнил я из рассказов Василия, и невозможно было, не под силу памяти, но прикосновения к белокаменной стене церкви, тягучий, далеко уплывающий тонкий голос колокола над туманным от морозящего дождя полем, гвалт испуганного воронья, тихую Нерль, томящуюся в травяных берегах, – всё помню. Помню лики святых в сумеречных церковных сводах, замершее пламя свечи в руке, молитву свою помню. Отшумел, откипел и Василий мой, отбурлила обида в нём и негодование, остудилась душа, загустели чувства, задумчив стал. Умом, может, он тогда ещё и не понял всю ничтожность своих переживаний, но душа уже окрепла, наполнилась. И кто знает, в какой миг, рассказывая историю Русскую, ощутил он единство и обрёл силу. Никто не знает. Но я видел перед собою уже другого человека – готового жить дальше.

ЗЕЛЁНЫЙ ЧАЙ

(о Н. Тельпухове)

Из окна моей детской комнаты, с высоты второго этажа, хорошо был виден заснеженный просторный двор, высокий сеновал напротив, а под ним тёплые бревенчатые стайки, но только в нашей, самой крайней справа, жила корова Зорька. А если расплющить нос и посмотреть направо, то была видна труба Красного уголка Дистанции пути, а слева за одноэтажной бревенчатой Вечерней школой две водонапорные башни.

Наступал 1961 год. На улице бушевала вечерняя и обильная метель, а в доме вихрилась и путалась своя суета – готовился новогодний стол, уже подходили гости с подарками и в моём укромном углу, как и у старшей сестрёнки, копилась конфеты и душистые апельсины. Потом пришли гости, и с клубами пара в коридор протиснулись девочка, основательно укутанная шалью, и мальчишка в шапке с опущенными и завязанными под подбородком ушами. Мама начала помогать им раздеваться, а взрослым крикнула, выглянув на лестницу:

– Там веник в углу, обметайтесь.

Женщины все время смотрелись в зеркало, которое отец недавно прикрепил к стене в коридоре. Они украшали себя блёстками, кокетничали и смеялись. Но вот отец пронёс в гостиную комнату огромную чашку с парящим картофелем и все, как по команде, расселись за праздничным столом.

– Наливай! – командовал отец и откупорил бутылку водки, ловко сорвав с горлышка пробку в виде металлической бескозырки.

– Хлеб! – всплеснула руками мама. – Опять про хлеб забыла!

Она умчалась на кухню, а я хочу признаться, что всю последующую жизнь она всегда забывала поставить на стол хлеб.

– А что, Тельпухова не будет?

– Николая Ивановича редактор в Кандереп отправил, срочный репортаж в первый номер.

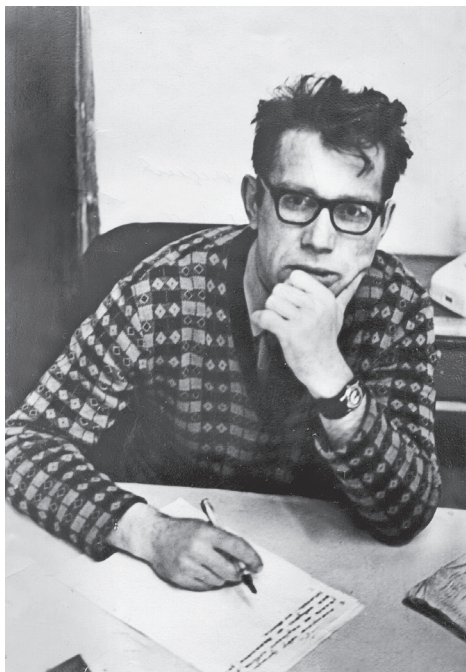
– А на чём он в такую метель?

– Он, на райкомовской кошёвке*.

– На кошёвке – это полегче? А что другого дня не нашлось?

– Товарищи, да что вы волнуетесь, в Кандерепе он новый год встретит, не дурак же он в такую метель ехать – перемело даже по нашим улицам, а в поле и подавно.

Мы играли в детской комнате, потом в просторном коридоре, потом на печи и полатах, но самое интересное, конечно, разыгрывалось за столом. Гости уже шумели и наперебой предлагали тосты. Отец решил похвастаться новым приобретением – радиолой «Рекорд» и поставил пластинку с модной песней: «Течёт река Волга, а мне семнадцать лет». Но на него нашумели и сказали убрать музыку. И опять тосты, и уверенные разговоры о новом счастье и достижениях. И вот наступил торжественный момент Нового года: вклю-

**Николай Тельпухов за рабочим столом.
27 ноября 1969 года**

---

* Кошёвка – легкие сани с плетёными бортами.

чили радиолу и все встали в ожидании Кремлёвских курантов. Но дверь вдруг отворилась, и в дом ввалился Тельпухов, весь в снегу. Он сорвал шапку ушанку, обрызгал нас холодным снегом и закричал:

– Я приехал, ребята! Я прорвался!

– Коля! Ты?!

В это время приёмник ударил куранты.

– Один! Два! Три! – считали все хором, а Тельпухов уже скидывал тулуп, под которым оказалось ещё и пальто. – Четыре! Пять! Шесть! – для его прибора разгребли место на столе, тут же шумно раздвинули стулья для табурета. – Семь! Восемь! Девять!

– Коля! Держи! – мама протянула Тельпухову фужер:

– Десять! Одиннадцать! Ура!!! – И гимн! Самый лучший гимн в мире, самой счастливой страны – Советского Союза.

Тельпухов нам очень понравился, он был самым смешным. Он бурно рассказывал, как Кандерепские мужики проводили его, пробивая, как трактором, дорогу своими тяжёлыми санями, перед его легкой кошёвкой до самой Турнаевской развилки, и только потом отпустили одного ехать в Болотное. Задание он выполнил, передовиков сфотографировал, интервью взял и теперь в первом Новогоднем номере газеты «Путь Ильича» будет обширный рассказ о героях Кандерепа.

Мы с сестрой и малыми гостями сидели под праздничным столом и шалили. Нас пару раз уже выгоняли, но мы по-партизански пробирались опять в комнату и прятались под столом. Вдруг Тельпухов отодвинул свой табурет и сказал:

– Ребята! Я такое стихотворение сегодня написал! Хотите, прочту? – и, не дожидаясь согласия гостей, он встал на табурет и в его руке чудесным образом появился тетрадный лист бумаги, и он начал читать:

Вы пили чай,
Заваренный смородиной,
Побегами почти с загаром девичьим
И листьями, как башенки, зубчатыми,
Прохладными от утренней росы.

Николай Иванович не читал, он кричал свое стихотворение, делая удивительные акценты, то возвышая голос до громогласного, то понижая, чуть ли не до шёпота:

Встревоженные,
Лягут вам в ладони,
Пахнут в лицо лесной глубинной свежестью.
Потом, в реке промытые, повиснут,
Покорные,
Смиренно и бессильно.

Я слушал и не понимал, почему если это стихотворение, то такое не складное. Я уже знал несколько и они все читались легко и в рифму:

Молитвенно сложив ладони листьев
Над котелком с клокочущей водой.
И на минуту ярь смилив кипенья,
Вдруг одарят нежнейшим ароматом,
Таким исконно русским,
Что с другими
Его не перепутать никогда.

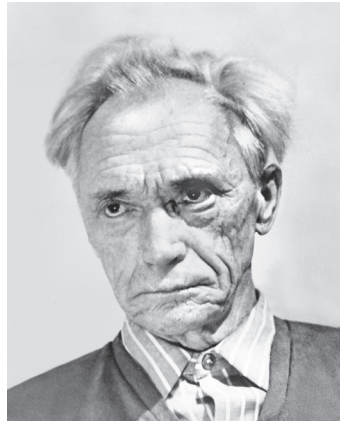
Мне показалось, что комната наполнилась запахом смородины. Тельпухов спустился с табурета со счастливым видом победителя и все разом и вдруг захлопали в ладоши.

А я понял, что к нам домой пришёл настоящий поэт.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(о М. Кубышкине)

О Михаиле Павловиче Кубышкине я узнал ещё в раннем детстве от друга нашей семьи – журналиста и поэта Николая Ивановича Тельпухова. Тельпухов был холост, энергичен и очень громко пел романсы и арии из опер и всем очень хотелось его женить. В редакции в начале шестидесятых работали корреспондентами Олег Бочков и Ольга Теплова – по уши влюбленная в Николая Ивановича, но Тельпухов был непобедим. Именно благодаря этому обширному знакомству, я впервые увидел Кубышкина на втором этаже редакции. В тот день вся редакция светилась солнцем, льющимся сквозь многочисленные окна и молодостью, и только Кубышкин там был стариком худым и крайне строгим, его пристальный взгляд пугал. Впрочем, он имел вид довольно добродушный.

Михаил Павлович
Кубышкин

Прошло несколько лет и моего отца перевели на работу в Новосибирск. Квартиру нам выделили в удобном месте, ровно между Железнодорожным вокзалом и Оперным театром и все болотнинские знакомые непременно заглядывали к нам. В тот день Тельпухов вихрем ворвался к нам в квартиру, спросил про родителей, которые естественно были на работе. Тельпухов грустно задумался, но потом решительно рубанул:

– Колька, а Румынская есть? Грамм пятьдесят, ну, сто пятьдесят – неважно!

Николай Иванович упрямо вот уже несколько лет Посольскую водку называл Румынской. Я достал спрятанную от отца початую бутылку и Николай Иванович с удовольствием не отказался от угощения. И вдруг он всплеснул руками:

– А ну, Колька, пошли со мной! Мы с Кубышкиным договорились в Центральной гостинице встретиться! Ты знаешь, какой это поэт! Эх, Колька-Колька, и не черта ты не знаешь!

До гостиницы идти было пять минут спокойного хода, и вот в просторном холле на третьем этаже в богатом кожаном кресле я вновь увидел худого и строгого старика. Мы деловито познакомились. Я сел в сторонку на диван, Тельпухов плюхнулся в свободное кресло напротив Кубышкина, и скоро у них завязался горячий спор. Кубышкин что-то втолковывал Николаю Ивановичу о стихах и литературе. Михаил Павлович много цитировал, огромные тексты наизусть, он не говорил Тельпухову, хороши у того стихи или плохи, он как бы исподволь пытался подтолкнуть Николая Ивановича к очевидному и добровольному выводу. Мне показалось это крайне занудным, нет чтобы сказать, мол, вот тут – хорошо, а вот тут – плохо – и все дела. И вдруг Кубышкин помянул Горького, а мы в школе как раз проходили Горького, и я решил встрять в разговор и со знанием дела, и на чистом глазу высказался, что Горький писатель так себе и если бы не революция, никто бы о нём и не знал. Наступила недоуменная пауза, я сидел наглый и одухотворённый, потому что на равных смог поговорить с поэтами.

– А что вы, молодой человек, читали Алексея Горького? – спокойно спросил Кубышкин.

– Ну, – я уверенно задумался, – эти, сказки старухи Изергиль и роман «Мать»!

Сказать по-честному, роман этот я начал было читать, но потом выспросил сюжет у дотошного одноклассника и на том успокоился.

– Иначе говоря, – так же спокойно продолжил Михаил Павлович, – вы мало знакомы с наследием Алексея Максимовича. Предлагаю вернуться к этому разговору, когда вы прочтёте хотя бы половину собрания сочинений Горького.

Я был унижен, и мне захотелось домой. И я ушёл.

Да, я сильно обиделся на этого неуклюжего, высокого старика, но всё же, это не помешало мне прийти в библиотеку и за последующий год я прочитал практически всего Горького. И, о чудо, Горький стал моим любимым писателем.

Третья встреча с Кубышкиным состоялась через пару лет, но по дороге в Дзержинский район города Новосибирска, куда из Болотного переехал тогда Кубышкин, я узнал, что «жена его тоже писательница и автор знаменитого романа «Школа», «женщина с характером, из чистокровных дворян. Знаешь, она какая? Ух! И только держись». Что такое «ух» и почему «только держись» Николай Иванович не пояснил, а потому дальнейшее путешествие для меня прошло в тревоге.

Когда мы поднялись на третий этаж, дверь нам открыла, как мне показалось, пожилая женщина, которая, оставив дверь открытой, молча ушла в квартиру. Странная женщина, подумалось мне, и я совсем оробел. В коридоре показался высокий старик:

– О! Николай Иванович, проходи!

Мы вошли, меня неловко представили хозяйке дома, которая, видимо, не очень довольная появлением громогласного Тельпухова, скоро оделась и покинула пределы квартиры.

Поэты и я с ними, разместились в маленькой кухне, где уютно жарили картошку на сале и строгали салаты на электроплитке, прочно обосновавшейся на газовой плите. Пожилая чета панически боялась пользоваться газом.

Впрочем, мои новые друзья, обременённые предельным возрастом, не дожидаясь картофельного деликатеса, уже начали пить Московскую, которая была добыта хозяином из тайного, но крайне остроумного места.

Меня же нетерпеливо подмывало поговорить о Горьком, но Кубышкин, видимо, забыл о том нашем разговоре, и читал наизусть Льва Толстова, целые страницы из Войны и Мира! Когда водочка, как ртутный столбик в термометре, опустилась к нулевой отметке, они запели. Господи! Какие это были чудесные голоса, как слажено они интонировали. Кубышкин пел низким третьим, неимоверно сильным голосом, Тельпухов слегка вибрировал и взял чуть выше, а потом я не выдержал и тоже вступил, но очень звонким и высоким голосом. Три голоса сплелись в тугую песню, Кубышкин, удовлетворённый, слегка кивнул, и из приоткрытого окна на тускнеющий проспект Дзержинского полился «Вечерний звон», когда допели до колоколов, Михаил Павлович показал нам рукой, мы стихли и покатилося, будто каменный шар, кажется, по всему Новосибирску и до самой родной Болотной низкое, полное любви и крайне печальное: Бом-Бом!

То был чудесный день, в конце Михаил Павлович подарил мне маленькую книжечку в тонкой обложке с поэмой «Кисельные берега», которую я сохранил, но взять автограф ума не хватило.

ОТКРЫТЫЕ СТРАНЫ

(о Н. Карнеевой)

Роман «Школа»

Работа над книгой «Народная Летопись Болотнинского района», которая началась в 2018 году, заставила вспомнить многих наших славных земляков, в том числе и Михаила Павловича Кубышкина, но когда мы уже сверстали книгу, я вдруг вспомнил о его жене и её романе. Я помнил только название. «Школа» – легко запомнить, однако на мой запрос Интернет молчал, в районной библиотеке пожали плечами, но я продолжал искать, не мог же роман исчезнуть бесследно и чтобы его никто не запомнил, но вдруг узнаю, что ее фамилия не Кубышкина, а Карнеева, однако и после этого уточнения Интернет не дал никакой информации. После долгих расспросов выяснилось, что только один специалист районного музея слышала о ней, а несколько изрядно поживших жителей Болотного даже читали когда-то этот роман, но никаких документальных и достоверных сведений о писательнице больше не было.

Книгу с романом «Школа» Натальи Карнеевой я нашёл в Новосибирской областной научной библиотеке. В тот же вечер я с чувством мореплавателя, находящегося на пороге великого открытия, принялся за чтение.

Первое удивление пришло сразу, когда я только познакомился с содержанием обложки, фамилия автора была написана с очевидной ошибкой – Карнеева, через букву «А», но книга 1953 года – это эпоха внимательной корректуры и крайне щепетильных редакторов, которые по устоявшемуся мнению, «никогда не ошибались». И потому я только удивил-

ся, но не усомнился в правильности написания фамилии автора, и пока музейные работники искали хоть какую-нибудь информацию о таинственной писательнице из Болотного, я приступил к основательному прочтению романа.

Ожидания сбылись, я читал настоящую, мощную прозу, язык образный, лёгкий, эlegantный. Моя душа пела и ликовала! «Болотнинцы! – мысленно восторгался я. – Вы понимаете, как и какие люди рядом с нами жили и писали о нашем районе!» Теперь поиски информации о писательнице продолжились с особым рвением.

Тираж книги «Школа» огромный – 30 тысяч экземпляров!

Расследование

Совместно с Краеведческим музеем района мы продолжали по крохам собирать разрозненную информацию о Наталье Борисовне Карнеевой, и скоро я узнал, что родилась она на станции Вырица, недалеко от Ленинграда, а детство её прошло в Саратове, даже нашлись фото, где она на руках кормилицы, а потом и фото родителей.

Как Наташа Карнеева оказалась в Сибири, никто не знает. Сначала она работала в Болотнинской семилетней школе, потом в Большереченской школе, потом в Варламовской, а после уже в Болотнинской вечерней школе – эту информацию наскребли работники районного музея. Друг Кубышкина – Николай Тельпухов умер, дети у Карнеевой были – два мальчика, и оба тоже давно умерли, и родственников и знакомых никого в живых нет, да и как им быть, если с того времени прошло более шестидесяти лет, а сама Карнеева родилась 7 октября в 1910 году. И ещё одна загадка: Карнеева вышла замуж за Михаила Кубышкина, но осталась на девичьей фамилии. Видимо, и этому решению есть объяснение, но мы его пока не знаем.

Роман «Школа» сканировали в редакции Издательского Дома «Историческое наследие Сибири» целый месяц,

правили, сверяли с подлинником. Но вот раздался звонок из Болотного, звонила Тамара Николаевна Хомченко.

– Коля, привет, – взволнованным голосом приветствовала меня Тамара, – у нас появился архив Кубышкина, понимаешь, две коробки с его дневниками и документами.

– Архив Кубышкина? Откуда? Тамара! Так не бывает!

– К нам позвонила Городецкая, помнишь, главврачом в ЦРБ работала?

– Да, Валентина Филипповна.

– Они купили домик на улице Октябрьской, под дачку, а сосед ей говорит, мол, лежит у меня на чердаке две коробки бумаг, вот не знаю, то ли сжечь, то ли нужны кому. Говорят, тут какой-то поэт жил. Я отправила по адресу своих сотрудниц Тамару Егорову и Любу Кириченко. Они пришли, посмотрели и ахнули. А мужик видит радость и говорит, мол, так не отдам, только за пузырь «беленькой». Девчонки наскребли на полторашку пива и с коробками бегом в музей. Вот сиюю теперь перебираю.

– Тамара! Всё брошу, все дела и завтра буду у тебя! – резюмировал я наш разговор.

Прошёл час или два, и опять звонок от неё.

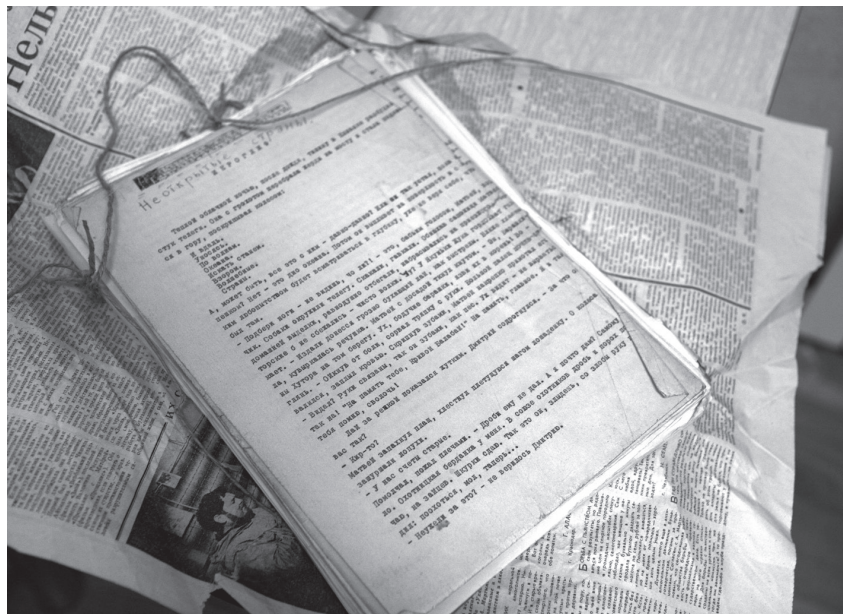
– Коля, передо мной рукопись, обернута газеткой и перетянута бечевой, мне кажется, это то, что ты ищешь, – вторая часть романа «Школа».

Я приехал в Болотное на следующий день к вечеру, музей сдавали на сигнализацию. На столе Тамары Николаевны лежала рукопись, завёрнутая в пожелтевшую газету.

– Коля, я без тебя не стала вскрывать, побоялась.

– Давай ножницы! – с нетерпением и решительно попросил я.

Мы перерезали тугую бечеву, газету развернули, перед нами лежала машинописная рукопись, но название неизвестное: «Неоткрытые странья», и фамилии автора на первой странице не было. Я начал читать, я понимал, если это то, что ищу, то скоро встречу имена любившихся героев, но имена были чужими. Я закрыл рукопись.

– Тамара, дашь рукопись с собой, в гостиницу? Не могу понять, не могу вот так, с лёту, вчитаться надо. Знакома и интонация, и стилистика, но надо читать.

– Хорошо, бери, но завтра она должна быть здесь, – пригрозила мне Тамара Николаевна. – Да, я совсем забыла, посмотри, в одной коробке я нашла письмо от Новосибирского книжного издательства, – она положила передо мной официальный бланк.

В гостинице, не мешкая ни минуты, я завалился на кровать и начал читать рукопись. На двадцатой странице (наконец-то!) стали появляться знакомые сюжеты, потом просочились и имена, вот они: Каролинка, Агриппина, Малуха! «Здравствуйте, девчонки мои!» – ликовала душа.

К утру мне стало очевидно, что передо мной романа «Школа», но какой это вариант, однозначно ответить я не мог – окончательный или первый, самый черновой? Почему у главного героя иное имя, только отчество осталось, почему роман потерял такой объем, так сильно поху-

дел? От переработки? Вопросов стало ещё больше, чем было до находки рукописи.

Тамара Николаевна разрешила увезти рукопись с собой, потому что у меня в редакции есть оборудование, способное считывать полуистлевшие тексты, и программы, способные их распознавать. В тот же день я собрал специалистов, и Владимиру Ивановичу Кирпиченко было поручено сканировать рукопись.

Но уже утром меня ждала неприятность, Владимир Иванович сообщил, что в рукописи отсутствуют некоторые страницы.

Судьба

Наталья Борисовна родилась в семье дворянина, отец занимался, по выражению самой Натальи Борисовны, «любимым делом» – агрономией. Невзирая на наступившие смутные времена, революцию и Гражданскую войну, Наташа успела получить не только хорошее воспитание, но и образование, и с 1926 по 1930 год закончила Саратовские курсы иностранных языков. Таким образом, она получила Свидетельство о высшем образовании и профессию учителя немецкого языка и переводчика-корреспондента французского языка, кроме этих языков, она в совершенстве владела ещё и английским языком. Наталья Борисовна прекрасно знала русскую и зарубежную литературу, была человеком начитанным и в высшей степени образованным. Уже позже я узнал, что она знала наизусть сотни страниц из произведений Толстого, Тургенева, Пушкина и пр.

Как и по каким причинам ещё совсем юная Наталья Борисовна проехала всю Россию до Дальнего Востока, а потом оказалась в Сибири, нам выяснить так и не удалось, но уже в 1932 году, в 22 года, в провинциальном сибирском посёлке Болотное рождается первенец – сын Алексей. Её мужем стал подающий литературные надежды, интеллигентный, начитанный сын бедного пензенского крестьяни-

на Кубышкин Михаил Павлович, родители которого живут в Болотном.

Обосновавшись в Болотнинском районе, Наталья Борисовна Карнеева начала работать учительницей немецкого языка. Потом мужа, Михаила Кубышкина, переводят в соседний Коченевский район, где он начинает работать учителем математики, а потом его приглашают в редакцию районной газеты. И вся семья на несколько лет, с 1937 по 1942 год, уезжает из Болотнинского района. Уже в Коченёво в 1938 году у Натальи Борисовны родился второй сын Владимир.

Наталья Борисовна Карнеева

В январе 1942 года Михаил Кубышкин добровольцем уходит на войну. В июне 1942 года умирает его отчим, и Наталья Борисовна с двумя детьми возвращается в Болотное, где живёт свекровь. Не мешкая, она устраивается контролёром на Болотнинской электростанции, а через месяц приходит сообщение, что под Харьковом рядовой Кубышкин Михаил Павлович пропал без вести.

Живёт Наталья Борисовна Карнеева с детьми в доме свекрови на улице Ремесленной, живут тяжело, за дровами ходят с двухколёсной тележкой в Загородный бор по Павинскому мосту, на котором часто дежурит милиционер и проверяет, чтобы люди собирали только хворост, а деревья не рубили. Загородный бор во все времена тщательно охранялся. В августе 1942 года Наталья Борисовна получает направление в Варламовскую школу учителем русского языка и литературы и долгое время работает там.

В январе 1945 года пришло известие, что Михаил Павлович освобождён нашими войсками из плена недалеко от польского города Калеша. Последующие годы он отбывал срок наказания на тяжёлых земляных работах в северных районах Советского Союза. Вернулся домой в 1950 году.

Семья соединилась вновь. Но беды не отпускают. После десятого класса у сына Алексея, который окончил школу с золотой медалью и отличался удивительной эрудицией и энциклопедическими знаниями, проявляются признаки психического расстройства, а сын Владимир попадает в тюрьму. Выяснить детали случившихся бед нам не удалось, да и не ставилась такая задача, приняли как данность.

После выхода в 1953 году в Новосибирском книжном издательстве романа «Школа» издательство предложило Наталье Борисовне поторопиться и подготовить вторую часть романа к переизданию в 1957 году, но роман по неизвестным нам причинам не вышел. Михаил Кубышкин устраивается на работу в районную газету «Путь Ильича», много пишет и издаётся. Наталья Борисовна преподает в Болотнинской вечерней школе. В 1960 году для местной газеты она пишет «Историю вечерней школы Болотнинского района».

Рука мастера

В одной из коробок архива мы обнаружили несколько невзрачных ученических тетрадок – «Записки» Натальи Борисовны Карнеевой за разные годы. Эта чудесная находка открыла нам многое из жизни замечательной землячки.

Когда вы будете читать роман «Школа», обратите внимание, как тщательно выписаны характеры героев, предложения идеальны, и каждое слово на своём месте. Главный персонаж романа – Сергей Иванович Суханов, двадцати лет от роду, который после ускоренных педагогических спецкурсов едет в далёкое село «учительствовать». Вот упоминание о нём в «Записках» Карнеевой:

18 июня, 1942 год

... «Бережно укладываю каждый листок... Рукописи – проза и стихи (Саратов). Наброски о школе и школьниках Большеречки, начатая до войны повесть, или роман, или что, тоже сельская школа, куда приезжает симпатичный мне прототип Петра Ивановича Климович, моего бывшего ученика в Болотнинской ШКМ, а потом коллеги 19 лет, на пять лет моложе меня».

Искренний, трудолюбивый, полный планов и надежд, он приезжает в Елшанку, прототипом которой стало село Варламово, в те годы это село называли Варламов Падун, а в просторечье – Варламовка. Я увлёкся романом, потому что по страницам текла череда ясных, как звёздочки на чистом небе, характеров и образов деревенских детей, разворачивалась панорама сельской жизни: люди активно и увлечённо строили новую жизнь, трудно, а порою и неумело. Радовала правдивость и реалистичность описания жизни! Не в плоскости идеологической заданности, чего, скажу честно, я опасался, потому что роман описывает бурные тридцатые годы прошлого столетия. Но литературное полотно романа создано в объёме жизненной противоречивой правды, наполненной горем и радостью, любовью и ненавистью, всем чёрным и грешным, и всепобеждающим светом человеческой души!

Как мелодичен белорусский говор, и как знает этот язык автор. Хорошая литература, но это всегда редкость, и когда вдруг открываешь талантливую автора, душа начинает петь, настроение плещется радостью. Подкупает особая авторская искренность, она обворожительна. Как нам не хватает сегодня этой простой и ясной искренности!

Удивительны детские характеры, особенно десятилетней девочки – Каролинки. Вот что пишет сама Карнеева об этом персонаже:

...«Но главное в той рукописи – девочка 10 лет. Её образ давно и прочно сложился в моём представлении и живёт: восприимчивая, живая и чуткая, до обидчивости, остро

чувствует несправедливость не только по отношению к себе, но и к другим, рвётся навстречу всему новому. Я только не знала, как её зовут. Но однажды в Большеречке выдавала книги детям из библиотеки, то есть из шкафа в коридоре. Старенький учитель Киселёв, белорус по происхождению, очень хлопотливый и старательный, топтался тут же, выстраивая своих второклассников за книгами. И вдруг укоризненно окликнул: «Каролинка! Куда же ты поперёд? Стань на место». Каролинка! Вот как зовут ту девочку – больше никак...»

Чувствуется, что автора переполняет, давит невысказано большой объём информации, и она не справляется с ним, а выплёскивает его на страницы романа и путает читателя. Да, такое количество действующих лиц способно только запутать.

И ещё... Догадка, предположение, интуиция! Читая роман «Школа», сам сюжет, развитие событий, предполагал, что учитель-энтузиаст, великий созидатель и холостяк дожждётся взросления Каролинки – и вот она – идеальная пара! Но нет! Карнеева придумала какую-то несуразную девушку, которая так же несуразно покидает Сергея Суханова, и тот остаётся один. Да, очевидно, Карнеева сама была влюблена в своего героя Сергея Суханова – в того «ученика, а потом и коллегу» Петра Климович и не могла она отдать его никому на свете, так и остался он холостяком до конца романа. Так это или нет, трудно сказать, но если вспомнить её запись, там есть отгадка: «на пять лет моложе меня!» Понимаете, она свой возраст примеряла к его юности с сожалением и разочарованием. Вот и думай теперь! На подкорочке это у неё, как оговорка. Она в тридцать первом выходит замуж за Кубышкина, а в тридцатом она ещё свободна, она преподаёт в ШКМ, там готовят ускоренным курсом учителей для глубинки. Женская душа потемки! Но скоро появился Михаил Кубышкин, на два года старше её.

Роман «Школа» вечен, он будет интересен и через столет, потому что честно, правдиво и талантливо отразил

трудное, но счастливое время строительства великой страны. И искренне переданное настроение ожидания счастливого будущего есть основа любого созидания, сотворения самого важного нравственно высокого в жизни человека, а потому и вечного.

Роман «Школа» вышел в 1953 году, но вдруг через двадцать лет Наталья Борисовна, уже в преклонном возрасте, возвращается к нему и начинает писать тот же роман, но заново, на страницах знакомые персонажи и тут же новые, старые коллизии и новые сюжетные линии, та же Варламовка, Ясногорск и Металл-лес, но очевидно, что это новый роман с новой идеей, а потому и под другим названием. Зачем? Ответ один: идёт переосмысление прошлого и настоящего. Роман называется «Неоткрытые страны». Читаю с не меньшим удовольствием, чем роман «Школа», потому что на передний план выходят вопросы не становления школы на селе и коллективизация, а роль учителя в образовательном и воспитательном процессе. Роман стал тоньше, драматичнее и ярче. Появляется политическое осмысление роли коммунистической партии в жизни государства. Она, дворянка, всегда сдержанная и отстраненная от дел политических, вдруг становится, если не коммунисткой, то человеком всей душой поддерживающим социалистический строй. Почему она коснулась темы социальной справедливости? Я долго удивлялся этому, пока не понял, что Наталья Борисовна почувствовала смертельную опасность разложения и исчезновения, по ее выражению «общего дела» – социалистического строя как высшего достижения человечества, как того, ради чего она жила. Для неё было бесспорным, что именно общее дело стало причиной рассвета всей страны, выхода нищего населения из землянок и подвалов, появления лучшего в мире образования. И это всё были достижения социализма.

В главе об августовском совещании учителей в Ясногорском, читай Болотнинском районе, где начальник образования с известной в Болотном фамилией Рудковская

сообщает о том, что ЦК партии и правительство осудило нововведения, уменьшающие роль учителя в воспитательно-образовательном процессе, она ярко и глубоко, с реальным примером показывает пагубность этого процесса. И поражает то, что её идея сохранения роли учителя как решающего фактора актуальна сегодня как никогда прежде, в современный период сплошной и повсеместной цифровизации!

Цифровизация образования – это абсолютно новый термин, который появился в связи с введением государственной программы «Цифровая экономика РФ» 28.07.2017 г. Её цель – данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, включая научно-образовательные сообщества. Образование как вид экономической деятельности (услуги!) призвано формировать конкурентоспособных профессионалов, готовых работать в условиях цифровой экономики. Термин используется для обозначения процессов информатизации и компьютеризации образования, а также, и вот тут очень важный, если не самый главный момент, этот термин используется ещё и для описания трансформации (замены) аналогового (физического, в аудитории) ресурса на цифровой (удалённый, дистанционный). Аналоговое обучение существует за рубежом как элитное и дорогое наряду с цифровым, общедоступным, в процессе которого изменяются функции преподавателя (воспитателя) на функции тьютора (консультанта, сопровождающего учебный процесс). Эта подмена и есть не что иное, как начальный этап по переходу на платное образование.

Советские дети во всех городских или сельских школах имели элитное, аналоговое образование, вот почему страна была впереди планеты всей, а теперь такое образование останется только для тех, кто готов платить, а в капиталистическом обществе готовы платить, как правило, не очень честные люди, люди с очевидно сомнительной нравственной репутацией, люди, для которых, где их деньги – там и родина!

То есть, цифровизация в том виде, в котором она сейчас вводится в нашей стране, грозит лишением государственного суверенитета и установлением полного контроля извне. Именно этот процесс пресекли руководители Советского государства в 1931 году.

Кризис нравственного, социально ориентированного государственного строения, омещанивание и идеологическая инфантильность населения стали причиной появления нового–старого романа «Неоткрытые страны». Наталья Борисовна почувствовала опасность разложения общества, его нравственную деформацию ещё далеко до государственного переворота 1993 года, и подспудно, интуитивно пишет роман опять о школе и учителях и об их решающей роли в образовательно-воспитательном процессе. Она всем романом криком кричит и предупреждает читателей о грядущей беде, как это делал Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Но ни Достоевский, ни Карнеева Русский мир от очередной смуты не спасли. Но гений их в предвидении!

«Записки»

Найденные тетрадки датированы 1941–1944, 1965–1967 и 1971–1973 годами – это записки Натальи Борисовны. Именно «Записки», так определила она жанр на форзаце одной из тетрадей, она датирует свои записи и тем придает «Запискам» образ личного дневника, но обращается при этом к стороннему читателю, отчего становится понятным, что эти «Записки» она писала для общего пользования.

Роман «Яблоко и черви», повесть «Степь», наброски «Село Солёное», «Осень в Александровке», «Школа» – книга первая и вторая – неполная библиография писательницы Натальи Борисовны Карнеевой. Как выяснилось из «Записок», вышеперечисленные произведения только часть её литературного наследия. Говорят, что «рукописи не горят». Это ложь, бравада, намёк на что-то запредельное. Горят, и ещё как горят, потому мы не можем найти ни второй части

романа «Школа» и ничего из вышеперечисленного... только первая часть романа «Школа» и несколько рассказов, когда-то опубликованных в районной газете «Путь Ильича».

А теперь прервусь, чтобы сообщить любопытную информацию для будущих исследователей: в 1930 году Наталья Борисовна работала в Болотнинской семилетней школе и преподавала немецкий, русский язык, литературу и в это же время написала рассказ «Осень в Александровке»; примечательно то, что в это же время в той Александровке работал учителем Стась Олисевиц, великий подвижник, активный селькор и драматург, он написал несколько пьес (воистину, Болотнинская земля благоволит литературному таланту) и создал учебник на белорусском языке. Это село белорусское, кстати, жители Большеречки и других близлежащих деревень сплошь белорусы. К сожалению, он умирает от болезни в 1931 году, но, чуёт мое сердце, «Осень в Александровке» не случайное произведение, потому что в прозе Натальи Борисовны всегда человек-подвижник, человек-созидатель. Эх, найти бы этот рассказ, а ещё бы пьесы Олисевица и его учебник на белорусском языке. Эх, найти бы всё, что было создано пытливыми и пылкими умами наших славных земляков-писателей!

Удивительно богат Болотнинский район на писательские таланты: в те же двадцатые – тридцатые годы в Болотном живёт некто Огурцов, который не только пишет пьесы, но и ставит их на новой сцене клуба им. Октябрьской революции. Тут же учащиеся 21-й школы ставят сатирические сценки «Живой газеты», подсмотренные из жизни болотинцев.

Но «Записки» Натальи Карнеевой, по моему убеждению, стали самой важной частью её литературного наследия, потому что они «золотым ключиком» открывают дверь в удивительную страну – её творческую жизнь.

Наталья Борисовна в своих «Записках» естественным образом освобождается от рамок и законов литературы, а литературные законы, как мы знаем, бескомпромиссны

и жестоки. Сам жанр «Записок» – это свобода общения с нечаянным читателем, и назвала она эти тетрадки «Записками», чтобы освободить людей от нравственного препятствия, не позволяющего читать письма или личные дневники. Но ведь Пушкин знал, что его письма к Наталье Николаевне будут читать и изучать! «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастёт народная тропа...», он знал, что его литературное наследие, а в том числе и эпистолярные упражнения, будут изучать пытливые потомки. Потому и писал их тщательно и с улыбкой над собой и читателем. И эта серьёзная и ответственная улыбка угадывается в «Записках» Карнеевой.

В своих «Записках» Наталья Борисовна делится впечатлениями, размышляет и пытается осмыслить происходящее. И если её муж Михаил Павлович Кубышкин был замечательным писателем-художником, то Наталья Борисовна, безусловно, писатель-философ.

Смысл жизни

Всегда интересно, в чём человек находит свой смысл жизни. Особый интерес вызывают суждения людей необычной судьбы или большого таланта. В «Записках» Натальи Борисовны есть слова, датированные 16 октября 1965 года, но надо помнить, что за девять дней до того, то есть 7 октября, ей исполнилось 55 лет, и она стала пенсионеркой, для женщины серьёзной – это трудный психологический рубеж. Но именно эта запись раскрывает очень многое: её человеческое достоинство и некоторые принципиальные нравственные скрепы, форма этой записи – скорее, притча, она как искра нечаянно и вдруг, на один лишь миг, освещает часть жизни, и боли и смысла жизни замечательной писательницы. Синтаксис авторский.

– Человек! Хотел бы ты родиться из небытия в возрасте 55 лет, на этот короткий срок?

– Почему же нет? Хотел бы!

– Да, но есть ещё некоторые условия. У тебя тяжёлое несчастье, несчастье всей жизни, неизлечимое горе.

– Согласен переносить. Ещё что?

– Два горя. Оба – неизлечимы.

– Согласен. Ещё?

– Наружность у тебя будет не ахти – невзрачная. Сердце не выдерживает большой нагрузки. Зубов кое-каких не будет. Немного ревматизма и радикулита...

– Чепуха. Руки у меня будут? Смогу я ими облегчать жизнь себе и своим близким?

– Да.

– И глаза? Я буду читать книги, видеть деревья, небо, картины художников, осенние листья, детей, снег, звёзды?

– Да.

– И я смогу сколько-нибудь работать, что-то делать для людей нужное, участвовать в общей жизни?

– Да. Но твоего личного горя не облегчит никто и ничто.

– Всё ясно. Согласен! Рождаюсь.

Мне кажется, что комментировать вышеприведённый текст излишне, эта запись сильнее любого покаяния, это субстанция нравственного подвига души, в этих строках заключен ответ на наш риторический вопрос, а в чём смысл жизни человека, отдавшего себя служению людям? Конечно, в людях! И ещё эта фраза: «участвовать в общей жизни!» Как это важно Наталье Борисовне, человеку достаточно замкнутому и одинокому. Вот почему не надо спешить осуждать человека и обижаться на него, потому что человек – это всегда загадка.

Алексей

Всё как-то необычно в моей жизни, я всегда оказывался в самых жарких точках и становился свидетелем исторических бифуркаций или встречался с людьми, которые потом вызывали у окружающих интерес. С сыном Карнее-

вой Натальи Борисовны и Кубышкина Михаила Павловича – Алексеем я встретился летом 1977 года. Но всё по порядку...

Директором Болотнинской спортшколы в ту пору работал Николай Андреевич Моршнев. Николаю было под сорок и чтобы не платить налог за бездетность, он добыл в нашей больнице справку о том, что не может иметь детей, и сдал это признание в бухгалтерию районо. Новость о том, что Коля – импотент, тут же разлетелась по всему учреждению и почему-то вызвала к Николаю очень большое женское внимание. И скоро к нему в дом пробралась инспектор районо, молодая женщина лет тридцати пяти по имени Людмила Александровна. Потом, я знаю, она забеременела от Николая, сильно обиделась и стала посещать его значительно реже. Кстати сказать, скоро забеременела и главный бухгалтер районо, отчего Коля тут же и беспощадно был лишен налоговой льготы.

Людмила Александровна, не помню, по какому случаю, пригласила меня, как она сказала, «к очень интересному человеку», к сыну знаменитого писателя Алексею Кубышкину. Я с радостью согласился. Но Людмила Александровна тут же предупредила, что Алексея иногда несёт, что у него психическое расстройство и чтобы я был осторожен в словах. Это сообщение вызвало у меня ещё больший интерес. И уже вечером после работы и магазина, в котором я купил еды и водки, мы оказались на ул. Октябрьской, 22. Алексей встретил Людмилу радостно и даже восторженно, но когда увидел меня, насторожился и его настроение резко изменилось. Мы объяснились, но на Алексея наши слова мало действовали, он нам не верил и откровенно ревновал Людмилу Александровну ко мне. Позже нас несколько примирило моё признание, что для Алексея она в самый раз, а для меня – двадцатилетнего – старовата. Алексею на тот момент было сорок пять лет. Но когда вернулась в комнату Людмила, он демонстративно поцеловал её.

Речь зашла о литературе, и я эдаким асом и знатоком высокой литературы развалился в старом и протёртом до дыр кресле. Алексей читал свои стихи о вечном – любви. Строки складывались ровными рядками, рифмы сцепляли четверостишия и превращали в бетонный монолит; сравнения, гиперболы, метафоры и прочие литературные средства изображения использовались виртуозно и даже чересчур многообразно и мастеровито. Это была классика! Нет, это могло быть классикой, но автор, очевидно, увлекался ассоциациями. Он начал с посвящения Людмиле Александровне, и стихотворение было, конечно, о любви, он коснулся сравнения с цветами и тут же улетел на поляну, благоухающую ароматами и травами, которые косил косец, и литовка скашивала тысячи травинок, как смерть скашивает тысячи людских жизней, повествование очутилось на кладбище у креста – этого страшного орудия казни, и вот уже христианство косит, и языческие идолы плотной чередой пронеслись перед глазами, и взор поверженных богов устремился в небо, во вселенную и Млечный Путь, и повел нас невесть в какую даль, мы блуждали по всем закоулкам вселенной и человеческой грешной души, но на поляну цветов и любви мы так больше и не вернулись.

Тайное общество

Я продолжаю разбирать архивы, все подряд: истлевшие, дрожащие от худобы тетрадные странички рукописей, непонятный, островатый почерк Михаила Кубышкина, каллиграфический – Натальи Борисовны, размашистый и неумный почерк их сына Алексея. Но вот письмо, я пытаюсь понять, оно Алексею! Я начинаю читать и понимаю, что Алексей из Болотного на одной волне с Алексеем из Томска, у них одни интересы и дела. Вот это письмо:

Дорогой тёзка!?

Три дня с нарастающим волнением вникал в доставленного «Колдуна», торжествую, что интуиция не подвела -оные Кавья-Кави (Kavis, ы – слагатели ведических гимнов, творцы брахманизма в Индии и основатели царских династий в дозораострийском восточном Иране) с их варунической (греч. Урану) теологией, предшествующей дева-асурскому (небесно-хтоническому) дуализму, ... точно соответствуют инвентарю и ритуальной символике? (графические изображения двух собак и т. д.) камерных могильников с отверстиями для души и бороздчатой керамикой, археологическое движение которых точнее хронологически прослежено от Атлантики – IV тыс. – тия до центральной Европы начала III тыс. – тия...Причем, игральные кости в могильниках южной Германии, на Кубани и в средней Азии идентичны друг другу и описаниям в Бахманах и в Махабхарате!

Об этом писали археологи Клейн и Резепкин, но я сразу подумал, что следы мегалитической теологии... не могли не сохраниться в Ведах и в Авесте. Отыскались жреческие кави – «кавешии» у лидийцев и кабиров и правовые «кавео» и «коен» у латинов и греков.

Ты же в позавчерашнем письме не довольствуешься «лишь индоевр. элементами» штудий Ив и Топ. Относительно связей Велеса – Валы – волхвов (волибы, волшебный), но игнорируешь древность вепск. Volh, финск. velho tagus, морд. Velen ras и т. п., а также основательное мнение П. Н. Третьякова о финском характере восставших волхвов, хотя призываешь и в письме и эссеисе учитывать финский элемент. Поскольку же финно-угры набрались велесовой радиации от ирано-скифов, как и славяне, то не учитывать «иранский элемент» просто методически абсурдно, ибо именно в центральной и северной Руси представления о Велесе- Волосе стали подлинно народной (крестьянской) религией, и лишь горожане-дружинники-торговцы-колонизаторы, поклоняющиеся Перуну и Хри-

сту (или Магомету), могли по чистой отрицательности дуализма связывать Велеса с хтоническими или космическими пресмыкающимися?я лесных пуць и озер.

О каких-либо связях между иранцами и финно-уграми с одной стороны и «кетондами» говорить можно, лишь исчерпывающе изучив сей вопрос (а тем более с чукчами и американцами). О диффузии сухопутной Сибири и Америки мыслимо предполагать в потепление – IV – III тысячелетий. Теплынь тогдашняя конечно оставила хтонические следы у всех народов северного полушария... в форме «низшей зоолатрической ступени интеллекта», но вот что-то крылатых змеев ни у североамериканских индейцев, ни у финнов, ни у арийцев не отмечено, лишь у южан, мексиканцев и китайцев, оставшихся в «зоатрических» джунглевых климатах.

Я не против полётов мысли, но за разграничение полетов и имперической науки. Методическая чёткость только и может хоть как-то различить научный порядок от эстетического беспорядка.

Короче, я хочу лишь научно упорядочить твой эссеис, дабы он мог представить интерес не только для «просто читателей» (советско-эстетской шпане), но и для людей гуманитарной научности в самом ... узком смысле – Топорова, Аверинцева и т. п., ставших академиками лишь в этом году, людей глубоко... религиозных.

Я бы спокойно устранился от иного редакторства... если бы был уверен, что эссеис в его исходном виде всерьёз заинтересует серьёзных людей. Если ты сомневаешься в моей компетентности – напиши, и Стах завезёт тебе эссеис для авторской доработки, – я подкину тебе кучу актуальных конспектов и книг. Смотри сам, но в наличном виде эссеис не заинтересует ни один даже самоиздательский журнал.

Переведи недели за две заключение Колдуна. В конце ноября, в начале декабря, и к тебе заедет кто-нибудь, возможно, Стах.

Приготовь стопку, чтобы не забыть, Мирольо, «Синдром Маугли», «Язычество древней Руси» и Латинский словарь (очень ворчит Людмила Семёновна), и Бегуна о масонах.

Будь здоров!

Привет Н. Б.

Закину что-нибудь почитать.

Пиши по делу, не ворчи. Может, придёт в голову название для эссеяса?

С чаем туго, – тяни или можешь?, я гоняю вторяк.

Подпись Алексей Камбалов. Адрес отправителя: Томск 634004; Пирогово 15; кв. 19. Письмо датировано 12 ноября 1989 года.

Понимаю, что Алексей Кубышкин создал эссе, которое назвал «Колдун» (с удовольствием прочитал бы это произведение ещё одного болотнинского писателя-философа) и отправил его на экспертизу своему товарищу Алексею Камбалову в Томск. Я пытаюсь найти хоть что-нибудь об этом загадочном философе из Томска. И вот успех: выясняется, что в 70–80-е годы в Томске существовала группа интеллигентов, которая создала «самиздатовский» журнал. Именно в эти годы самиздат процветал, это явление появилось в противовес цензуре, которая не давала «свободы слова лицам, имеющим иные политические взгляды». В эту группу входили преподаватель университета Александр Казаркин, Владимир Прок, Владимир Ширяев и Владимир Тупицин, а также сын известной писательницы Марины Халфиной Алексей Камбалов и наш покорный слуга и сын писателей Натальи Карнеевой и Михаила Кубышкина – Алексей Кубышкин. «Самиздат» скоро вычислили товарищи из КГБ, и дело закончилось банальным, но показательным судом, на котором три человека были осуждены на срок, от трех до трех с половиной лет, один осуждён условно и один определён в Томскую психиатрическую больницу. Привлечённые в качестве свидетелей, в том числе и наш Алексей Кубышкин, отделались «лёгким испугом» – допросами

и обысками. В «философском самиздате» распространялась, в основном, отсутствующая в открытом доступе литература по восточной, русской и современной западной философии, мистике, религии и богословию. Особый вклад в «самиздат» внёс поэт-философ из Болотного Алексей Михайлович Кубышкин своими высококачественными переводами А. Камю («Миф о Сизифе»), Ж. Дюмезиля, К. Г. Юнга и др., которые предоставлял для «самиздата» через сына томской писательницы Марии Халфиной Алексея Камбалова.

Сохранилось единственное фото Алексея Кубышкина. Очевидно, ему за сорок, на лацкане пиджака вузовский поплавок, значит, всё-таки Томский университет Алексей закончил, собственно, там, видимо, и познакомился с будущими заговорщиками «самиздатовского журнала».

Прошло много лет, многие подробности забылись, но только теперь мне стала понятна истинная причина нервной настороженности к моей персоне, появившейся у Алексея в тот июньский тёплый вечер в доме на Октябрьской, 22, он опасался слежки КГБ, он видел во мне пронырливого «сексота» – секретного сотрудника. Но я был слишком прост, искренен и безграмотен, отчего он скоро принял меня, и чуть ли не до утра читал свои лирические стихи, а потом мудрёные пятистопные вирши и подражания Данте Алигьери, Франческо Петрарке и Себастьяну Бранту, а после чтения стихов я смотрел в окно на приплюснутую слегка луну и пел высоким и чистым голосом русские печальные песни. Алексей и Людмила Александровна слушали меня, сидя обнявшись, Алексей вздыхал и, будто после очередной рюмки водки, изредка кряхтел: «Хорошо!»

Позже до меня дошел слух, что Алексей женился и даже усыновил ребенка, чему я был искренне удивлён. Но теперь думаю, что мы плохо понимаем их – высокоэрудированных, многознающих и творческих, у них иная шкала и мера, у них горе от ума, а у нас горе чаще от недоумия, но что лучше или хуже – трудно сказать. Могу утверждать только одно: умным и талантливым живётся значительно

труднее, я это видел, и не один раз. А мы думаем, что они не от мира сего, они от нашего мира, но только обитают не рядом, а очень высоко.

Смерть

В конце шестидесятых Михаилу Павловичу Кубышкину выделили однокомнатную квартиру в Дзержинском районе города Новосибирска, куда он и переехал вместе с Натальей Борисовной. Бывшие хозяева Николай Самохин – замечательный прозаик вместе с женой Татьяной переехали в трёхкомнатную квартиру, поближе к центру. Маленькая квартира на третьем этаже уже пожилой чете понравилась, прежние хозяева оставили краску, приготовленную для ремонта, показали, как пользоваться газом. Но ни Наталья Борисовна, ни Михаил Павлович так и не смогли переступить страх перед «вонючим» газом и на газовые горелки прочно утвердили обычную, но такую привычную электроплитку.

Сын Алексей остался в доме родителей на улице Октябрьской, 22, Наталья Борисовна периодически приезжала, прибиралась, готовила пищу для сына. В один из таких дней, когда супруга уехала в Болотное к Алексею, Михаил Павлович присел к кухонному столу и умер. Похоронили его в Новосибирске.

Овдовев, Наталья Борисовна практически всё время жила в Болотном всё в том же доме на Октябрьской, 22. Летом 1990 года в возрасте 80 лет она умерла. Алексей поехал в Новосибирск за припасёнными на «чёрный день» деньгами в квартиру Натальи Борисовны, но не вернулся. Хоронили её, так и не дождавшись сына, в складчину, на деньги, собранные учителями. Теперь уже трудно будет найти могилу Натальи Борисовны, но, может быть, когда-нибудь и найдётся маленький холмик над кладбищенским прудом.

Алексея начали искать после похорон и выяснили, что он умер в тот же день, когда приехал в Новосибирск

за деньгами, он стоял в очереди за продуктами «на поминки», и сердце остановилось. Думаю, он понимал, что жизнь его кончилась вместе с жизнью матери, и сердце остановилось. Его похоронили как «неопознанного».

Так прервалась нить жизни замечательных людей, наших земляков. Вечная им память и наши слова благодарности за рассказы, повести, романы, поэмы и стихотворения, которые они оставили нам в наследство.

Удивительное, талантливое литературное наследие обрело вторую жизнь с выходом серии книг «Писатели-земляки». И это хорошо, потому что жизнь должна продолжаться и прошлое должно шагать с нами рядом всегда.

И в заключение

Теперь, познакомившись с жизнью и литературным наследием Натальи Борисовны Карнеевой, прочитав её «Записки», понимаю, что этот человек не мог лукавить. Помните, я усомнился в правдивости описания директора школы – бездельника и пьяницы, которого исправила Советская власть. Теперь я уверен – исправила, так оно и было, потому что Наталья Борисовна на ложь, а тем более политическую ложь не способна.

И опять обращаюсь к будущим исследователям творчества этой замечательной писательницы, найдите могилу, она на Болотнинском кладбище, искать надо там, где хоронили в девяностые годы. Найдите и поставьте красивую стелу, устремлённую ввысь, к совершенству, куда всю жизнь стремилась наша землячка Карнеева Наталья Борисовна. Для неё всегда было самой высокой целью в жизни служить будущему.

ВЛАДИМИР КАРПОВ И «БОЛОТНИНСКАЯ БЫЛЬ»

(о В. Карпове)

Я прочитал замечательную статью о Владимире Николаевиче Карпове, которую написала Козина Людмила Викторовна, и с облегчением выдохнул, мол, значит, мне писать не надо. Прошло буквально два дня, и опять это чувство недосказанности поскребло душу, но у меня веские аргументы, я мало знал Карпова, я практически его не знал, потому что познакомился, только когда приступил к работе над книгой «Болотнинская быль».

Нет, не так. Я знал его раньше, но то было шапочное знакомство, которое позволяет только поздороваться при встрече. А позже, действительно, наше знакомство началось со ссоры. Я вдруг случайно узнал, что в Болотном принято решение о создании книги по истории района. Узнал, потому что мне позвонили ребята, которые заключили с администрацией района договор на книгу, но обратились ко мне, мол, дай людей. Я выпытал всю информацию у нерадивых исполнителей и позвонил Карпову как главному представителю заказчика. Я разговаривал с ним вспыльчиво и грубо, я говорил, что дело не в заказе и деньгах, а в том, что именно у меня самая профессиональная редакция исторического профиля и что именно я должен был создавать эту книгу, потому что родом из Болотного. Я бросил трубку и не жалел, что только что оскорбил человека. Обида клокотала и не давала мне успокоиться.

Прошло два месяца, и вдруг позвонил Карпов и предложил делать книгу. Я сильно удивился и обрадовался его звонку, спросил про сроки. Он ответил. Я ругнулся, но на следующее утро был уже в Болотном. Я не помню, когда я так горел работой. Я не помню, когда и над какой книгой мои редакторы, дизайнеры и корректоры работали

с таким азартом. Видимо, я заразил их этой своей увлечённостью. Всё кипело, крутилось и работало, любой вопрос Карпов решал мгновенно, влёт, в одно касание, будь то вопрос транспорта, людей, поиска информации или фотоматериала. Взаимодействие, а главное, взаимопонимание было просто безукоризненным, и когда мы редактировали уже собранные материалы, Карпов стал одним из самых принципиальных и вьедливых экспертов; конечно, ему помогло образование историка, но он был ещё более требователен и зануден, чем я. И я не удержался и спросил:

– Чего ты хочешь от книги?

– Я хочу, – ответил он, – чтобы она была честной.

– А я хочу создать такую книгу, – в свою очередь сказал я, – которая стала бы образцом для других районов, чтобы культура книгоиздания краеведческой литературы поднялась на новый рубеж. Книга должна стать современной – интересной и красивой.

– Красивой! – повторил Карпов. – «Красота спасёт мир», – сказал Достоевский, а знаешь, почему он так сказал? – Карпов улыбался и испытующе смотрел на меня, а потом продолжил: – Потому что красота – это стремление к совершенству. Так-то, товарищ писатель.

– Слушай, Владимир Николаевич, – мне неудержимо захотелось дохнуть перчиком в его сторону, – ты же родом из Ордынки?

– Да.

Я поднял увесистую рукопись:

Владимир Николаевич Карпов

– А чё надрываешься, будто твоё?

– Моё, – сдержанно и немного с обидой ответил он.

Карпов обладал той разумной сдержанностью, которой Бог не дал мне, он как-то умело и терпеливо мог отвечать на мои дерзкие и провокационные вопросы «невпопад». Но Болотная – это моя родина, я родился и жил на Линейной, а он из Ордынки... Но, что было очевидным, Карпову Болотная тоже стала родиной. Почему и за что он её любил, я не знаю. Но азарт, восторг от работы, который мы испытывали, и такая увлечённость и равнодушие, честность и бескомпромиссность бывает только у тех, кто любит.

Мы сдали книгу в типографию, и вот он, первый сигнальный экземпляр! Я мчусь в Болотное и, как нечто драгоценное, кладу книгу ему на стол. Он смотрит и медлит взять, потом садится и начинает листать, вдруг наклоняется и нюхает книгу. Я тоже нюхаю книги, только что вышедшие из типографии. Мы посмеялись над этой нашей общей причудой, пожали друг другу руки, и я уехал.

Уже вечером, дома, я налил себе вина и открыл свой сигнальный экземпляр «Болотнинской были», и тут зазвонил телефон. Это был Карпов. Он тоже сидел с книгой и перед ним стоял фужер вина, мы поговорили, подняли бокалы и выпили. И вдруг он сказал:

– У нас книга 640 страниц, а по договору 300.

– Этой книгой, если что, быка можно свалить с ног, – не очень ловко пошутил я. – Володя, ты же знаешь, что на Родине не зарабатывают, Родине служат.

– Спасибо, Николай. Мы сделали большое и очень важное дело. Я люблю тебя.

– Тебе спасибо, старик, – ответил я, – и что обиду на меня не держал, спасибо. Я тоже люблю тебя.

Мы не стали друзьями, мы просто любили Родину и готовы были служить ей до конца дней своих искренно и честно. Через год Карпов неожиданно умер, а книга осталась.

НА РОДНОМ БЕРЕГУ

(о В.А. Ламине)

День рождения

Мне Ламин близок тем, что он родился в деревне, в Абрашино Ордынского района, на берегу Оби. Я не хочу сказать, что городские пацаны чем-то хуже, и среди них есть хорошие ребята, но деревенский мальчишка – это особая статья. Не успел научиться ходить, а его берут в поле и на грядки вместе с женщинами полоть, и только успели немного окрепнуть колени, уже идёт управляться по хозяйству, кормить животных, пилить, колоть, добывать и следить. И пока отец на работе, сын – хозяин и в ответе за всех баб, и старых и совсем сопливых. Бывает, что мать хлестанет мокрой тряпкой, но это так, для острастки, отцу бывало тоже доставалось за шалопайство, но на то он и мужик, чтобы чувствовать себя вольным.

**Владимир Александрович
Ламин**

Когда Володе было около семи, он уже лихо всё умел, но не научился плавать, пытался, но не держала его обская скорая на расправу вода. Однажды деревенские мальчишки на лодке переплыли на остров, тот, что был напротив деревни, теперь он под водой Обского водохранилища, пацаны постарше решили, что Ламину пора научиться плавать и оставили его на острове одного, мол, захочешь «жрать» – переплывёшь. Прошёл день, начало смеркаться, вечерний бриз погнал заметную волну, на родном берегу маячила коротко стриженная голова «разведчика», который должен был доложить старшим, переплыл Вовка или утонул.

Уже в темноте, бултыхаясь в поднятой ветром волне, Володя добрался до родного берега, отблевал обскую мутную водичку, лежа на песчаном берегу, и качаясь и падая от слабости, уже в ночи добрался до дома. Он молча перенёс упрёки матери за то, что «носится невесть где», «совсем от рук отбился», уснул, чтобы утром проснуться другим человеком. Вроде бы тот же отчий дом, тот же трудовой быт, но только детская хрящевая хорда, в одну ночь окостенела, окрепла уже на всю жизнь. В эту ночь в Абрашино родился мужчина, с сильным и непокладистым характером.

Издательство

Я познакомился с Ламиным двадцать лет назад, когда мы – группа литераторов и промышленников организовали Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», решили создать Библиотеку Сибирского краеведения. Наша идея родилась не случайно, полным ходом шла перестройка, рушилось всё: экономика, образование, вся социалка, но больший размах принял «либеральный» поход на историю СССР. Мы понимали, что решался главный идеологический вопрос – уничтожить историческую память, замарать, исковеркать, вызвать неуважение к своей Родине, а потом разрушить государство. В этом наши «заклятые зарубеж-

ные друзья» и самовыращенные предатели за прошедшие тридцать лет сильно преуспели, сегодня более трети молодых людей планируют уехать жить за границу. Мы понимали, что против федерального и зарубежного ресурса, вложенного в разложение умов наших детей, средств у нас мало, но и отсиживаться дома мы не могли, а потому организовали издательский «партизанский» отряд. И я поехал в Институт истории за подкреплением.

Меня встретила милая секретарша Яна, от одного её вида мне захотелось стать учёным и остаться в институте навсегда. Аудиенцию мне назначили загодя, а потому принят я был незамедлительно. Большой кабинет директора, полнейший бардак на рабочем столе, невиданные флаги в углу кабинета и несколько брошюр на журнальном столи-

ке у дальней стены. Навстречу мне из-за стола поднялся человек неопределенного возраста, по-командорски сковал мою руку, сел обратно в кресло и посмотрел на меня суровым взглядом, и потом, в будущем он всегда смотрел пристально, слегка исподлобья и пронизательно. Я тогда ещё не знал, что передо мною мастер спорта по туризму, с которым мы проедем тысячи километров в жару и холод, в дождь и в грязь, и он будет валить деревья под колёса застрявшей машины наравне с нами, а где-то и ловчее нас, сноровистее нас разжигать огонь под проливным дождём. Однако, в тот миг первой встречи он зачем-то произвёл на меня впечатление согбенного и злого старика. Но, мне был пофиг его грозный вид, я тоже уже повидал немного жизнь, поучаствовал в разборках девяностых, ездил на «стрелки», меня не раз «кидали», но и сам я тоже не плошал. Я начал с заискивающего признания, что, мол, мы решили заняться вот таким благородным краеведческим делом, но создавать книги без научной экспертизы не считаем правильным и не хотели бы пополнить ряды проходимцев, которых и без нас расплодилось столько, что хоть пруд пруди.

Моя ровная и образная речь длилась минут тридцать, я энергично и увлечённо рассказывал о наших планах создать и Историю Новосибирска, которой почему-то до сих пор нет, и Историю промышленности, и фотоальбомы, и образовательные фильмы – весь набор краеведческих фантазий. К концу своего монолога я понял, что человек, сидящий напротив меня, не поверил ни единому моему слову, после пары ответных вопросов и моего быстрого и эмоционального ответа, я убедил почтенного человека, что перед ним сидит типичный «городской сумасшедший». Взгляд Ламина наполнился равнодушием, и он согласился с нами сотрудничать. Опытный администратор решил меня дослушать и отправить с миром, дабы не затеваться с санитарной бригадой из «психушки» и не отвлекать вдумчивых учёных криками сумасшедшего, порчей мебели и разбитыми окнами.

Воодушевлённый я вернулся в редакцию, сообщил своим «классикам» – писателям, редакторам и публицистам, какой матёрый «зверюга» этот директор Института истории, мимоходом обмолвился о секретарше и работа началась! А начали мы действительно с создания полной истории Новосибирска. Даже сама история «не создания» была удивительной, потому что впервые создать такую книгу решили наши предшественники еще к 50-летию города, но началась война. Вторая попытка была предпринята к восьмидесятилетию города, но что-то не срослось, и решение горкома партии 1973 года не было выполнено. Сама судьба благоволила нам и давала возможность написать и издать такую книгу, что мы дерзко и со вкусом сделали в 2005 году.

Параллельно началась работа по созданию уже необычайно сложного, но не имеющего аналога в России труда – пятитомной Истории промышленности Новосибирска и Новосибирской области. Потом собрали коллекцию Новониколаевских газет, затем создали уникальный историко-литературный фотоальбом, серии общественно-политической литературы «Русская книга», «Воспоминания», «Современная Сибирская Литература» (ССЛ), «Детская литература». А в 2008 году презентовали трехтомную Историческую Энциклопедию Сибири. Понятно, что без интеллектуального потенциала Института истории, без безупречного авторитета среди учёных Сибири Ламина Владимира Александровича никто бы не смог объединить историографическую науку Сибири от Урала до Тихого океана, чтобы создать такую глыбу!

Сотни проектов за двадцать лет! Мы подарили библиотекам Новосибирской области краеведческой литературы на 24 миллиона рублей. Однажды мы делали это вместе с Владимиром Александровичем в Доме Ленина на празднике Культуры, на который собралось около четырехсот библиотекарей области. А последнюю акцию совершили совсем недавно, передав безвозмездно школам Новосибирской области 800 экземпляров нашей трехтомной Энциклопедии.

За прошедшие двадцать лет мы приняли участие во множестве мероприятий, конференций и круглых столов, мы сами организовывали собрания краеведов и историков, участвовали в международных встречах, симпозиумах и соборах как в России, так и за рубежом. Однажды мы принимали международную делегацию историков из 15 стран ближнего и дальнего зарубежья в Колыванском районе Новосибирской области. наших «друзей» очень интересовал вопрос межнациональных отношений. И мы, по предложению Ламина повезли целый автобус зарубежных историков в деревню Юрт-Акбалык Колыванского района – древнее поселение сибирских чатов. нас радушно встретили директор школы Мавлютов Вильюр Рафикович и председатель Поссвета Ишмаков Николай Алексеевич. Мы познакомились с бытом и жизнью сибирских татар, потом нас угощали... Как нас угощали! Столь чистый и вкусный самогон могут гнать только вдалеке от цивилизации. Национальные блюда от Хатимы Маликовны были просто неповторимы.

После усердных закусок я хотел, чтобы меня усыновил Юрт-Акбалык и выдал метрики чатского татарина, а индусские историки вдруг дружно подхватили татарскую песню, в это же время местные пацаны-татарчата навтыкали международной команде футболистов-историков кучу голов на поляне под разлапистым кедром. Рыжий англичанин не хотел уезжать, но мы его не оставили и торжественно забрали с собой обратно в Англию.

Мы сделали очень много, немисливо много для сравнительно маленького «партизанского отряда», который не получил ни копейки из бюджета за все эти двадцать лет? Ответ прост, скажу образно, не все участвовали в «распродаже» Родины, много у нас честных и самоотверженных людей и в промышленности, и в бизнесе, и в науке, и среди творческой интеллигенции. Нас много, мы на полуправильном положении, но мы вместе, среди нас есть и либералы, и коммунисты и беспартийные. А объединило нас – таких разных и, кажется, непримиримых – уважение к своим родителям, предкам, их историческому выбору, их самоотверженному труду, их подвигам и ошибкам, которые выстрадали для нас богатую и счастливую страну. Проще говоря, в наш партизанский отряд собрались те, кто отказался гадить на могилы предков, кто склонил свои гордые головы с благодарностью, с почтением и почитанием, как и подобает поступать благородным детям благородных родителей.

Не буду рассказывать, как придумывались новые проекты, как умеет увлекаться Ламин, как мы совершенно сдружились, а однажды на своем дне рождения я рассказал, как Ламин посчитал, что я сумасшедший, на что тот тут же ответил: «А я своего мнения, уважаемый Николай Александрович, не поменял до сих пор». Мы с этим очень не простым, умным, мягко скажу – характерным человеком ни разу не поссорились. Только однажды, когда уже дело шло к завершению Исторической Энциклопедии Сибири, я почувствовал нечто неладное, ко мне начали приезжать

некоторые учёные мужи и очень умело втягивать меня в какие-то внутриинститутские интриги. Я выслушивал очередного визави, провожал и забывал всё, что мне только что наговорили, и мы с институтом продолжали плодотворно работать, но наступил острый момент, и я поехал к Ламину. Он молча выслушал меня, я не называл имен и подробностей всяких сплетен, а просто сказал, что «действительно не понимаю, что происходит, но обмануть себя не позволю, а просто нажму кнопку компьютера, и энциклопедии не станет. И плевать мне на затраченное время и деньги, хочу остаться мужиком, а не лохом». Я попросил рюмку коньяку, Ламин достал бутылку из сейфа, налил мне полстакана, я выпил и уехал домой.

В итоге мы закончили проект единой и дружной командой учёных и издателей, промышленников и бизнесменов – уникальный проект, который, кстати, тоже затевался в прошлые века дважды, но, видимо, тогда людям чего-то не хватило, чтобы совершить чудо. А мы совершили чудо, потому что Ламин, как и многие учёные института, не утратил понятия о чести и справедливости, и эта нравственная основа помогла победить конъюнктурщиков, которые, расписывая ужасы прошлого, по большей части выполняют заказ воров, застрявших во властных структурах, которые ничего так не боятся, как возмездия, справедливой тюрьмы и лагерной баланды.

Абрашино

Несколько лет назад мне позвонил Владимир Александрович, он просил меня поучаствовать в акции по защите Караканского бора, для этого нужно было ехать в село Нижнекаменка. В сельском Доме культуры собрались люди из разных деревень, много молодежи, выступил с речью Владимир Александрович, а я прочитал только что написанный рассказ «Клоун», рассказ о любви, о силе любви, о всесии любви.

Оказавшись недалеко от родной деревни Ламина, мы, конечно, не могли не доехать до Абрашино. Владимир Александрович показал место на возвышенности около вековых сосен, где стоял его дом детства, потом мы долго сидели на берегу Обского водохранилища, развели костер, сочинили чайку, закусили бутербродами, которые заботливо приготовил сам Ламин. Там на берегу он и рассказал мне о том случае из детства, как переплыл с острова бурлящую протоку. А потом попросил, чтобы, когда его кремируют, чтобы мы – его друзья и товарищи, привезли его прах на это самое место и рассыпали по воде вдоль берега, давшего когда-то ему жизнь вечную. Я удивился изобретённости ламинской придумки, но пообещал, что если переживу его, то обязательно сделаем всё, как он просит.

Шторм

Паром на Ордынск был переполнен, очередь машин насчитывала километры, люди возвращались домой после выходных, и мы решили ехать напрямки, через Караканский бор, по дорогам, которые выдавили лесовозы. Мы не проехали и нескольких километров, как вдруг и сразу нечто громыхнуло над головой и сотрясло машину и бор, и тут же начался ливень. Нет, это был не обычный дождь, лило не просто, как из ведра, лило сплошной стеной, глубокая колея наполнилась водой, я умело вёл машину и старался, чтобы та не соскользнула в глубокую колею. Дорога шла то вверх, забираясь по песчаному склону, то резко вниз, а внизу всё пространство на глазах заполнялось водой. Слева и справа высоченные сосны, бежевые стены походили на отвесные скалы. Ламин сидел спокойно, сосредоточенно смотрел на дорогу. Я открыл боковое окно, чтобы лучше видеть обочину, к которой прижимался, когда машина въезжала в очередную низовую лужу. Мне стало весело! Бушевала ливневая стихия, похожая на океанский шторм.

– Ламин, держись крепче! – перекричал я барабанную дробь дождя.

– Не гони волну! – ответил Ламин, мы в это время как раз въезжали в огромное озеро, которое образовалось в очередной низине, и вода поднялась до капота.

Я старался не «гнать волну», где-то бурчала под водою выхлопная труба, ливень бешено и оглушительно лил на крышу воду, ветки и холодные капли влетали в открытое окно.

– Ламин! А если застрянем, как ты думаешь, через сколько дней по этой дороге пойдет очередной лесовоз?

– Выживем, – ответил Ламин, – ты главное, не гони волну, чтобы двигатель не захлебнулся.

Мой Рав, конечно, хорошая машина, герметичные дверки не пропустили в салон воду, вездеходная резина гребла уверенно, но вода всё-таки попала в воздушный фильтр и окна вмиг запотели. Я не остановился, а высунулся в окно, чтобы видеть дорогу, но всякий раз прятался в салон, чтобы увернуться от прибрежных веток и коряг. Ламин широкой и решительной рукой смахивал передо мной пот со стекла.

– Хо-о! – восторженно заорал я, когда капот вдруг скрыла вода.

– Не гони волну! – как заклятие непоколебимо приказал Ламин. – Дальше пойдет ровная дорога.

– Ты уверен? – с облегчением спросил я, лихо поднимаясь по песчаному склону.

– Я тут каждый бугорок знаю, – уверенно ответил он.

Когда мы выехали на искитимскую пыльную трассу, я спросил Владимира Александровича:

– Вот скажи мне, вот что это сейчас было, там в Каракане? Почему здесь сухо, а там шторм?

– Что было, – пробурчал старик, – Родина!

ПРИМА

(о Л. Гершуновой)

У моей мамы было огромное количество подружек, которые работали в самых непривлекательных местах в нашем технически сложном и очень умном городе. Была тётя Неля – буфетчица из цирка, и мы всегда имели доступ в центральную ложу для высокопоставленных гостей, другая подружка – Людмила Александровна распоряжалась путёвками в Облсовпрофе, от неё тянулись всепроникающие нити во все самые потаённые склады и отделы, обеспечивающие жизнедеятельность миллионного города. А вот Мария Александровна Скворцова стояла чуть в сторонке от широкой дороги потребительского рынка, она была лишена материального значения, состарившаяся балерина осталась работать администратором в Новосибирском театре оперы и балета. И возможно, что именно эта бесплатная прихоть так увлекла нас и скоро мы стали завсегдатаями и театральными балето-

Любовь Гершунова

манами. Пригласительный билет мы получали в окошечке администратора и, миновав просторный холл, фойе, назидательного и непримиримого вида дежурную с программками в руке, располагались в средней лодочке – так называли балкончик, нависающий над зрительным залом.

Я полюбил Оперный театр за обстановку праздника, роскошь бархатно-бордовых кресел, огромную двухтонную люстру, которая, как замок распирает и тем поддерживает свод главного купола, кстати, самого большого купола во всем необъятном Советском Союзе. Московский так называемый Большой театр с потрохами поместится в нашем Оперном.

Мы с мамой посещали только балет, несколько попыток слушать оперу увенчались полным провалом, я не понимал, как ни силился, о чём так громко поют наши оперные дивы. А вот балет – это самое моё, во-первых, в балете много девушек, во-вторых, я занимался спортивной акробатикой и мне понятны были великие труды щуплых, совершенно обезжиренных девчонок.

Скоро я влюбился. Понятно, что моей избранницей стала не соплюха из кордебалета, в котором подвизаются новички только что окончившие хореографическое училище, и не рядовая, но уже заносчивая балерина, а солистка – красивая и лёгкая, как пушинка, грациозная, страстная и удивительно лиричная – Любовь Гершунова. Правда, были и непредвиденные обстоятельства, Люба вышла замуж за артиста балета, знаменитого Анатолия Бердышева. Я его ненавидел, хотя он был красив, как бог, строен, мускулист и, невзирая на обтягивающие его ноги трико, было очевидно всем, что он достойный мужчина. Но все его вызывающие достоинства не поколебали мою любовь к Любови Гершуновой, я ходил на все спектакли с её участием, а потом, когда он уехал в командировку танцевать с Майей Плисецкой, я вообще возомнил, что он уже больше не вернётся, я успею подрасти и жениться на ней. Но то были мои юношеские фантазии троечника из 8 «в» класса 22-й шко-

лы. Бердышев всегда возвращался, а потом вовсе забрал мою возлюбленную, и они уехали гастролировать по всему Миру.

Прошли годы, прошло много лет, я стал издателем, авторитетным и маститым, как потёртый кожаный диван в холе академической библиотеки. В 2001 году нам пришла идея создать книгу «Созидатели», в которую вошли бы очерки о наиболее деятельных людях нашего города. В процессе отработки списка знаменитых и достойных горожан, вдруг мелькнула знакомая пара – Гершунова-Бердышев.

Любовь Гершунова... сердце заволновалось. Очерк о балетной паре взялась написать известный балетмейстер-режиссер, одноклассница Гершуновой, Наталья Викторовна Соковикова. Но я всё-таки решил познакомиться с прямой и наконец-то объясниться.

Любовь Васильевна встретила меня на Красном проспекте недалеко от Дома быта. Я не узнал её, маленькая, худенькая женщина, морщинистое лицо и мне показалось, что она была немного выпивши. Меня тоже не узнают те, с кем я встречался последний раз сорок лет назад. Ничего удивительного, прошла целая жизнь.

Мы шли медленно, потом так же медленно, с трудом поднимались на этажи. Её мучила боль, страшная позвоночная боль.

– Знаешь, Коля, – она легко перешла на «ты», – диски стёрлись, суставы болят, не сплю, совсем не сплю. Всё время на обезболивающих.

В небольшой квартире нас встретил Анатолий Васильевич Бердышев, а вот его я узнал сразу – такой же красавец, стройный, широкоплечий, плотная шевелюра с проседью. Мы разместились в небольшом зале, в креслах, а Бердышев на диванчике. Скромная обстановка, около стены старый тёмный комод с ручками-раковинами. У нас тоже был когда-то такой, но он остался в детстве. Я рассказал про книгу и попросил разрешения задать несколько вопросов.

– Любовь Васильевна, я начну с банального вопроса, как вы оказались в хореографическом училище?

– Брела по городу, смотрю написано большими буквами Хореографическое училище. Если есть слово «хор» – значит, подумала я, поют, а я очень петь любила, и мама моя пела хорошо, я зашла и записалась.

– Отличная история! А вы? – я обратился к Анатолию Васильевичу.

– Мне было уже одиннадцать лет, мы переехали в Новосибирск, на Первомайку, из деревни Дмитриевка Алтайского края. Места в домике не хватало, жили очень тесно,

мне приходилось спать со старшей сестрой на одной кровати, валетом. Она ворочалась, повернётся, а я с койки падаю. Она смеялась, говорит, если я по ночам летаю, то значит расту. Я сбежал из дому, а тут в Хореографическом училище кормят и кровать отдельная.

Разговор шёл свободный, но Бердышев больше молчал, говорила Любовь Васильевна. Я тоже по привычке был изрядно раскован и прост.

– Люба, а скажи, как на духу, в театре много женщин, а у тебя муж красавец, как ты справлялась с соперницами?

Любовь Васильевна продолжительно, будто вспоминая, посмотрела на мужа, сжала кулачок и погрозила кому-то:

– Он знает, что я с ними делала!

Я не смог сдержатъ смех, мне показалось забавной решительность этой маленькой женщины и совершенно спокойное поведение её мужа. У него даже глаз не моргнул, он

так же полуразвалившись сидел на диване. Я окончательно освоился и сказал:

– Люба, а я в тебя был влюблен!

– Да ну! – удивилась она, и морщинки на её лице вдруг и буквально на миг исчезли. – Придумал уже!

И я рассказал всё: и как ходил на её спектакли, как любовался ею, её красотой, лёгкостью и искренностью её танца. Она была не просто лёгкой как пушинка, она была невесомой, не Бердышев подхватывал её, а она сама летала вокруг него. Она была прекрасна, как белая и прозрачная бабочка. И при этом она сама наслаждалась своим танцем, она жила в нём, отдаваясь эмоциям полностью и до предельного конца, и умирание или воскрешение происходило на глазах зрителей, и зрители умирали и рождались вместе с нею. Казалось, что она танцует какой-то свой танец, и нет ей дела до зрителей, спектакля и режиссера, она просто танцует, потому что ей так хочется. О, какое это было сладостное, гипнотическое очарование, и какое восторженное удовольствие, и как потом аплодировал благодарный зритель, люди непроизвольно вскакивали, и грохот и крики, огромная люстра над головою звенела хрусталём, а купол глож от оваций.

Любовь Васильевна слушала меня внимательно, даже взволновано, странно, но объясняться в любви великой приме и уставшей больной женщине в присутствии её мужа мне было легко. Я так раскрылся, и был взволнован собственным путешествием в молодость, что если бы он вызвал меня на дуэль, я сам засадил бы себе пулю в сердце.

Любовь Васильевна с 1967 по 1990 год танцевала, репетировала и опять выступала на сцене, работала и работала, истязая себя новыми нагрузками, чтобы всегда быть в форме, в высшей физической форме, которая даёт в полной мере выразить своё мироощущение в танце – именно эта вольница делала её неповторимой. Именно за этот титанический труд Медаль за доблестный труд, и Государственная премия, и орден Трудового Красного Знамени, и звание

Народной артистки России! Этой удивительной и звёздной паре рукоплескали более пятидесяти стран мира, среди которых Япония, Канада, Австралия, Франция, Бразилия...

Какое это было великое государство Советский Союз, который подхватил послевоенных детей, накормил и помог стать кому-то великими артистами, кому-то олимпийскими чемпионами, а кому-то летописцами.

– А меня все забыли, – вдруг сказала Любовь Васильевна, – только театр Гранд-опера из Парижа до сих пор присылает поздравления с Днём рождения.

– Вы не правы, мы же книгу пишем, и там будет очерк о вас и про Анатолия Васильевича. Никто вас не забыл. Вы не правы, – я замолк в некоторой растерянности, потом попросил. – Для книги нужны будут ваши фото, у вас есть фото?

– Открой комод, – сказала она мне.

– Какой ящик?

– Любой.

Я выдвинул самый нижний, он битком был заполнен черно-белыми фото. Я открыл следующий, а потом ещё один – они все были забиты фотографиями, старыми, выцветшими, с поломанными и оторванными уголками. Я выбрал всего три фото и вернул их Любе уже вместе с двухтомной книгой «Созидатели» в 2003 году. Всё на том же пустом углу Красного проспекта около Дома быта. Она меня ждала. А ещё через три года Гершунова Любовь Васильевна умерла. Она прожила всего пятьдесят девять лет.

Она не права, мы её не забыли, как не забыли и Анатолия Васильевича Бердышева, который умер в 2015 году и похоронен рядом с женой на Заельцовском кладбище.

Мир вам, великие труженики, не пожалевшие себя, ради только одного нашего удовольствия прикоснуться к прекрасному, полюбить это прекрасное и попытаться рассказать будущим поколениям о тех, кто научил нас видеть и творить красоту.

ЗАГЛОТЫШ

(о Н. Должикове)

Должикова Николая Григорьевича прислали на должность директора Болотнинской швейной фабрики, на тот момент крупнейшего предприятия города, на фабрике работало более тысячи человек. Мы привыкли, что фабрикой руководили женщины, которые обладали безупречными волевыми и деловыми качествами руководителя, они были органично впаяны в женский коллектив, и нам стало удивительным, что теперь этим огромным коллективом женщин начнёт управлять мужчина!

Должиков был действительно молодым руководителем, слегка за 30, за плечами комсомольская юность, опыт работы на крупнейшем в Западной Сибири предприятии им. ЦК Союза Швейников (ныне фабрика «Синар») в должности главного механика. Одним словом, очень заметная фигура во всех смыслах на фоне провинциального городка. Понятно, что подавляющая часть женского коллектива тут же и беспощадно в него влюбилась. Но он оказался женатым, и ропот разочарованного негодования скоро стих.

Я работал председателем Комитета по физической культуре и спорту при Болотнинском райисполкоме, мой друг Александр Федюк – председателем добровольно-спортивного общества «Урожай». До фабрики нам было мало дела, тем более, что там работал инструктор по физкультуре и спорту и взаимоотношения наши носили отточенно деловой характер. Молодой руководитель был очень энергичным, внушающим доверие и потому именно под его деловую репутацию министерством легкой промышленности был выделен лицензионный поток по производству джинсовых брюк из импортных тканей, а между прочим, таких

Сборная команда Болотнинского района. 1979 год

потоков в стране было не более пяти, а во всей Сибири и Дальнем Востоке – он был один единственным. Должиков для стопроцентного успеха приложил максимум усилий, чтобы привлечь специалистов-технологов с высшим образованием, ездил в Институт лёгкой промышленности и приглашал старшекурсников на работу в Болотное, рассказывал о перспективах, обещал и обещания выполнял. И в течении трёх лет приехали сначала Наталья Чибирькова, чуть позже Валентина Кузнецова и Надежда Ступина, потом Надежда Мелехова, а поскольку все они были знакомы и дружили еще в институте, из них получилась хорошая, надёжная команда, способная не только работать, но и возглавить общественную жизнь фабрики. До этого на фабрике работал только один человек, за плечами которого был Институт народного хозяйства – это Валерий Загородний – заместитель директора по снабжению и сбыту. Кроме того Валерий любил волейбол и зачастую заглядывал на районные соревнования и помогал нам осуществлять объективное судейство.

Отрабатывая вопрос кадров, Должигов сыпал новые инициативы: началось строительство детского садика и жилого дома на паях с лесхозом. Главным строителем этих объектов стал Лёва – армянин, который со своей «дикой» бригадой калымил по всему району. А привёз Лёву вместе со своим назначением из Здвинки первый секретарь райкома партии Н. Д. Бурдыко, за что многие к Лёве отнеслись с подозрением. Лёва был деловит и хваток, любил дисциплину подчинённых, при этом умел угоднически улыбаться и заискивать перед начальствующими лицами. Но самый великий шум случился, когда молодой и, безусловно, дерзкий директор начал модернизацию цехов: выкидывались старые станки ещё дореволюционных времён и завозились современные, технологичные, способные работать с материалами различных сортов и качества. В Болотное стала приходиться американская джинсовая ткань, и новое оборудование приступило к пошиву безумно популярных у молодёжи тех лет джинсовых брюк и костюмов!

С Должиковым мы познакомились на сессии районного Совета народных депутатов, подошли, представились, пожали друг другу руки и узнали, что он любит играть в волейбол и даже играл за какую-то студенческую команду. И мы с Александром Федюком поняли, что связь установлена, и теперь мы сможем добывать дефицитный спортивный инвентарь, меняя его на дефицитные джинсы. Но мы ошиблись, модные джинсы купить на фабрике было невозможно и нигде не возможно, весь дефицитный товар уходил в неизвестном направлении. Однако пару раз нам удалось выполнить заказ работников Облспорткомитета в чьих руках были лимиты на спортивный инвентарь, но вся эта операция была столь сложной, что мы просто отказались от этой затеи на будущее. Дверь швейной фабрики закрылась для нас, только поманив радужной перспективой – Должиков был непобедим и даже груб. Когда однажды я обратился к нему с письмом о выделении джинсовых костюмов для сборной команды района, он откинул в мою сторону на край стола заявление и изрёк:

– Пан спортсмен, ты не понимаешь, что просишь, – на этом и закончился наш дружеский диалог.

После Олимпийского 1980 года, нашего советского триумфа, а я посетил Олимпийские игры, посмотрелся всякого и, вернувшись из Москвы, уже

Должиков Н.Г.

не мыслил команды района без парадной формы. А тут вожаденная джинса, из которой можно былошить модных костюмов, в самом Болотном! Мне казалось, что звёзды сошлись в одном и именно джинсовом месте. Я уснуть не мог, перед глазами всё шли и шли мои спортсмены в костюмах, а стадион зрителей и соперников плакал горячими слезами зависти. Я не мог уснуть, потому что мой фантастический парад никак не заканчивался, а всё наматывал и наматывал изнурительные круги по стадиону, пока я обесиленный засыпал уже за полночь.

Мы понимали, что идти к директору бесполезно, и тогда я придумал и пошёл к Валерию Загороднему – заместителю по снабжению швейной фабрики, и высказал ему свою мечту.

– А вам не нужна джинса, – спокойно заявил Загородний.

– Это почему? – удивился я. – Ты разве не понимаешь, как это будет красиво!

– Джинсовые брюки любят длинноногих, вот тебе такие брюки не подойдут. И будете вы смотреться, как колхозники в этой джинсе.

Для меня это был удар, просто наповал, рухнула мечта, но не верить... я не мог. Видимо, я посинел или пожелтел, потому что Валера решил спасти меня и позвал за собой:

– Пойдем, я покажу, что вам нужно. Но, чур, я тебе ничего не показывал и ты меня не видел.

Я пожал плечами, мол, какой вопрос и, с напрочь испорченным настроением, поплёлся за Загородним.

На складе было темно и душно. Воняло то ли пылью, то ли какой химией, а может, и антимолю. Мы подошли к стеллажу, поперёк которого плотно лежали тела рулонов с тканью. Он вытянул белый, бросил его поверх и распахнул полу. На складе будто белая птица пролетела, совершенно белая, ослепительно белая, и чудо открылось! – полотно фактурной ткани лежало передо мной, такой ткани я не видывал сроду, даже мне, полному и окончательному дилетанту в швейных и модных делах было ясно, что передо мной чудо-ткань.

Моя джинсовая мечта ослепла от белого свечения. Валера записал название и артикул ткани и подал мне записку.

– На костюм в среднем уходит три метра, посчитай, насколько человек тебе надо, пиши заявление и иди к Должикову. Лучше, если это письмо подпишет председатель или заместитель председателя райисполкома. И ещё, чтобы уж наверняка, у Должикова проблема – у него 47 размер обуви, если бы ты нашёл кроссовки такого размера...

– Да таких размеров в природе нет! – безнадежно удивился я.

В тот же день письмо было готово, его без проволочек подписал заместитель председателя райисполкома Меркулов Георгий Иванович, но я понимал, что для полной и

окончательной победы не хватает дополнительного аргумента – кроссовок. И я позвонил в Облспорткомитет.

– Есть, – равнодушно ответили мне в спорткомитете, – года три лежат, пылятся на складе. Берите доверенность и приезжайте забирать.

Вечером я уже возвращался на электричке в Болотное, в обычной авоське я вёз коробку, в которой лежали кроссовки фирмы Адидас 47 размера. Я не мог поверить, что вопрос решался так легко, периодически доставал кроссовки и рассматривал их. Время было около шести – конец рабочего дня, но я рискнул и побежал на фабрику. Когда я ворвался к Должикову в кабинет, у него сидел Лёва и что-то вдумчиво и виновато бубнил.

Я смело вошёл, положил перед Должиковым письмо и, вынув из коробки красно-бордовые с тремя полосками фирменные кроссовки, аккуратно примостил их на краешек стола.

Должиков глянул в письмо, ухмыльнулся и продолжил разговаривать с Лёвой. Я чтобы не торчать посередь кабинета, присел на стул у стены. Минут через пять Должиков взял в руки кроссовки, повертел перед глазами и поставил обратно на край стола. Лёва продолжал гундосить, он что-то накосячил и теперь терпеливо оправдывался. Прошло ещё минут десять, я сидел нагло и уверенно, понимая, что если он не выгнал меня в первые минуты, значит, разговор впереди.

Должиков вдруг резко встал, разулся, обул кроссовки, прошёлся по кабинету, снял кроссовки, уложил в коробку и наконец-то выдохнул в мою сторону:

– Ну и заглотышь! – и оставил на моем письме размашистую резолюцию. – Выделить!

У ПОПА СДАЧИ НЕ БЫВАЕТ

(о А. Старостенкове)

О докторе Старостенкове я узнал, когда работал токарем на заводе «Сибсельмаш», он начал принимать в общезжитии завода, около шестой проходной. Я отстоял очередь на лестничной площадке, которая тянулась от первого до третьего этажа. Пока стоял, узнал, что доктор – ученик знаменитого «костоправа» Касьяна с Украины. Скоро я вошёл в кабинет, меня встретил крупный мужчина с грозным видом и жутко чёрной бородой.

– Раздевайся по пояс, да побыстрей, не томи!

Я быстро разделся, лёг, как было приказано, поперёк кушетки. Бородач в белом халате сел рядом со мной на кушетку и впился пальцами в мой позвоночник, он прощупывал его, перемещаясь от позвонка к позвонку, одновременно рассказывал, что и как у меня болит и про онемение в левом плече, и о болях седалищного нерва, о частом поносе и головной боли и о ещё многом, о чем даже неудобно рассказывать.

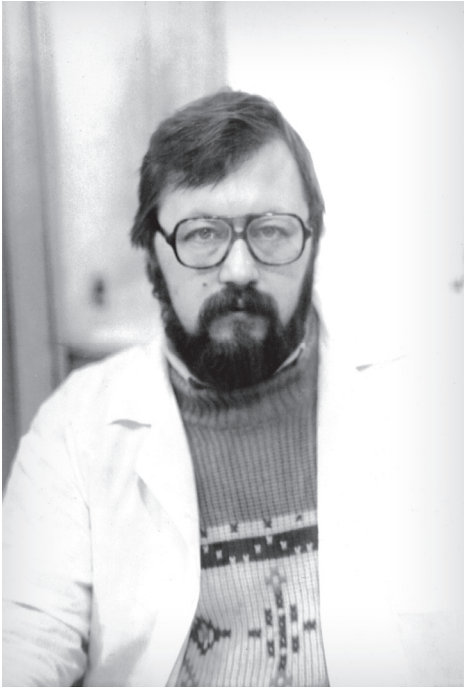
Честно сказать, после такой диагностики я был слегка смущён и поверил доктору навсегда. Потом бородач, несколько не церемонясь, а даже вызывая грубо, отколотил меня по спине, бокам, дважды свернул шею, а в заключении дёрнул вверх так, что все позвонки дробной поступью собрались в моих просторных трусах.

– Завтра придёшь, – буркнул недовольный доктор, – принял от меня деньги и сунул в карман халата.

– А сдачу? – удивился я.

– У попа сдачи не бывает. Я же сказал завтра придёшь.

Я пришёл на следующий день, он прошёлся по позвоночнику въедливо и даже укоризненно жёстко и хмыкнул:

– Отлично! – потом нащупал грудной позвонок, хрустнул им, и завершил сеанс резким встряхиванием, отчего позвонки потекли привычным маршрутом.

Я протянул деньги, но уже с загодя подготовленными купюрами, он привычно положил их в карман белого халата.

Жмот, – подумал я и решил не ходить к нему больше никогда.

Так я познакомился с доктором мануальной терапии Александром Витальевичем Старостенковым.

Вновь у Старостенкова я появился осенью. Отстояв очередь, но уже со знанием дела и как опытный пациент, разделся по пояс и лёг поперёк высокой кушетки. Александр Витальевич прошёлся пальцами вдоль позвоночника и присел рядом.

– Чё делал? – грубо спросил он и закурил.

– Днями копали картошку, потом погрузил на машину, думал, пройдет...

– Слышь, садовод, – я очень удивился такому бесцеремонному обращению, потому что я был старше его, а он продолжил, – ты развернул позвонок со смещением. Вот так, – и он показал, поставив кулак на кулак. – В следующий раз, когда соберёшься копать картошку, сядь и внимательно посчитай, сколько стоит твоя картошка, и сколько денег ты принесёшь мне. Понял?!

С того случая я начал беречься, но разве предусмотреть всё, если дом большой, семья, дача...

Однажды я заполз к нему в кабинет чуть ли не на четвереньках.

– Что случилось? – привычно грубо и с насмешкой спросил он.

– Не поверите! Нагнулся вилку из розетки выдернуть, мы же сейчас все модными стали, розетки у пола ставим. Дёрнул, и заклинило спину, намертво, будто штырь проглотил.

Действительно боль была адской, каждое его прикосновение пробивало от головы до пят, и когда он начал ставить выскочивший межпозвоночный диск, в глазах у меня потемнело, и я неожиданно высказал всё, что думал о докторе в тот момент. Мой страстный монолог был лишён лексической и нравственной цензуры.

Выслушав мою тираду, доктор сел на кушетку, закурил, глубоко и сосредоточено вдыхая дым. Я притих, понимая, что сказал крайне много лишнего и не осмотрительно оскорбительного.

– Вот что, – он ткнул пальцем в позвоночник, – если я давану здесь, у тебя писюн отвалится навсегда, а если здесь, – он тыкнул чуть выше, – то ты, как шелудивая кошка, будешь гадить во всех углах. Понял?

– Я больше не буду, доктор. Больно было, простите, пожалуйста.

Доктор докурил, основательно вдавил окурок в пепельницу на столе, отчего я даже зажмурился, помыл руки и продолжил сеанс, но уже аккуратно и даже бережно.

С того случая мы и подружились. Я периодически посещал доктора Старостенкова, потом привёл к нему жену, после поздних родов страдавшую поясницей, потом многочисленных

родственников и друзей. Саша приезжал ко мне на дачу, ездили на рыбалку, просто разговаривали. Меня поразила его доброта, открытая и очень широкая душа, по-русски широкая и бесконечно добрая. Когда все доктора и появившиеся в нашем городе мануальные врачи подняли цены до полутора тысяч, у Старостенкова тариф было неизменен – шестьсот рублей. При этом профессионально его никто так и не превзошел. Но всякий раз, когда я переступал порог его кабинета, он радовался и непременно ухмылялся, мол, что, опять «картошка», потом лечил, ругал бесцеремонно, а иногда и крепким словом, и никогда не отдавал сдачу.

Он умер на 55 году жизни, сахарный диабет, гангрена. Жаль, совсем ещё пацан... Но оправдывает его смерть только то, что он успел выучить своему волшебному мастерству сына – доктора Старостенкова-младшего, который, а я это знаю не понаслышке, превзошел своего отца.

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

(о соседях)

И все-таки зря переименовали улицу Линейную. Нет, я ничего не имею против нашего знаменитого земляка, легендарного командира стрелкового батальона, первым форсировавшим Дунай и погибшим, когда до конца войны рукой подать. Вечная память. Но всякое имя улицы, номер школы, название города или села имеют историю, которая всегда и навсегда связана в людской памяти с его историческим именем. Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург или Акмолинск – Целиноград – Астана – Нур-Султан – в названиях одного города ощущение порванной истории, но с каждым из них связаны славные и трагические годы.

Сколько попыток было переименовать нашу Болотную, каких только предложений не поступало, а в романе нашей землячки Натальи Карнеевой Болотное она назвала Ясногорском. Как красиво! И ведь как точно подметила, наш город на возвышенности, много простора, воздуха и света. И пусть он этот Ясногорск останется в романе, а нам здесь и сейчас название – Болотное роднее, ближе, а когда Михаил Кубышкин написал: «Всяк кулик свое болото хвалит, хвалим мы Болотное своё», разговоры сразу все стихли и уже не поднимались, потому что все поняли, что не благозвучие, а конкретные дела и боевые и трудовые подвиги земляков наполняют всякий город, село или государство, той славой и тем достоинством, которые вызывают уважение и почитание. У меня сосед был – Игнат Трусов, когда он одевал все свои боевые награды, солнце меркло, соседи отступали и в пояс кланялись, потому что в те годы люди понимали цену тем орденам и медалям, что сверкали на груди старого солдата.

В одном городке новомодный глава администрации решил упорядочить номера школ, и с тех пор не стало порядка, потому что у всех школ теперь два номера – прошлый и новый. Но в одной школе, в той, в которой директор оказался человеком, что называется, с характером, он отстоял позицию педколлектива, и номер школы для маленького городка остался необычно большим – 176.

Исторически так сложилось, что железнодорожное ведомство в России считало себя самостоятельным «государством» в государстве. Эта высокомерная обособленность проявилась и в Болотном. Вот вам первый пример. На всех улицах, как повсеместно заведено, слева чётные, справа нечётные, а на улице Линейной иначе – все дома железнодорожников пронумерованы по порядку и посчитаны в один ряд. Естественно, что поселковым властям пришлось эту порядковую систему распространить и на противоположную сторону улицы.

А вот второе недоразумение. Наш город назван по имени реки Болотной, она и сейчас значится на дорожном знаке около моста в сторону Карасёва: «река Болотная» – так и на древних картах, так изыскатели и топографы придумали назвать её. Но питерский чиновник, не знавший, как обозначить на карте будущее село на «спрямлённом» Московском тракте, узрев недалекую речку Болотную, недолго сомневаясь, написал «село Болотное». Прошли годы статус изменился, из села Болотное превратилось в город, но название осталось – Болотное. Так железнодорожники, нет чтобы сохранить единство в названии с городом, назвали станцию по своему: Болотная. Навроде, вы там безграмотные, щи лаптем хлебаете, а мы кость белая, благородная. С прежними железнодорожниками такая беда случалась.

В доме № 1 на улице Линейной помещался Дом культуры Дистанции пути (теперь в этом здании Краеведческий музей), а в нём – библиотека. Хотя напротив, за дорогой и спортивной площадкой, находился клуб КОР – Клуб

Улица Линейная, дом 3

Октябрьской революции, который тоже был в ведении железнодорожников, однако моя нога впервые ступила в Дом культуры Дистанции пути. Я оторопело и с благоговением, входил в зал, где показывали весёлое кино про дерущихся музыкантов и страшное – про войну, а в самом дальнем и тихом пределе Дома культуры возвышались до самого потолка стеллажи с книгами – библиотека.

В библиотеку я не ходил, потому что читал в ту детскую пору ещё по слогам и не уверенно, а вот на концерты бегал с удовольствием, и не только на концерты, но и когда началась репетиция, и хор железнодорожников через открытые окна, громогласно прошивал нашу улицу слаженным ором, мы с пацанами бежали в Дом культуры и рассаживались перед высокой сценой.

На сцене плечо к плечу стояли крепкие женщины в длинных и совершенно одинаковых платьях, а за ними несколько мужиков, и одного из них я знал точно: он жил

на нашей улице и работал начальником всей нашей станции Болотная – Мысик Пётр Филиппович.

ЖИТЕЛИ УЛИЦЫ ЛИНЕЙНАЯ

Дом 1

Клуб Дистанции пути станции Болотная. Нынче Краеведческий музей.

Дом 2

Кв. 1. Работники ОРСа (Отдел рабочего снабжения).

Кв. 8. Трусов Игнат, жена Стеша, сын Володя Бокач – председатель ДОСААФ района, дочь Таня Бокач и сын Саша Трусов – машинист электровоза, секретарь комсомольской организации Подменного пункта станции Болотная.

Дом 3

Кв. 1?

Кв. 2. Ильиных, дочь Ирина. Он – начальник отдела кадров станции Болотная.

Кв. 3. Аржанов Михаил и Катя, дочь и сын Анатолий.

Кв. 4. Чуховской Александр Фёдорович, Анастасия Ивановна, дочь Наташа, сын Николай, дочь Неля. Он работал следователем в ж/д милиции, она – дежурным по вокзалу.

Дом 4

Кв. 1. Гойманас Людмила с мужем. Она – директор железнодорожного д/сада № 15.

Кв. 2. Савельев Семён Кириллович – озеленитель ж/д (писатель, журналист), Савельева Светлана – учительница, дочь Светлана.

Кв. 3. Александрова Мария Митрофановна – доктор ж/д больницы, сын Юрий Павлович – тренер спортшколы, заслуженный тренер России.

Кв. 4. Спичаков – начальник ж/д милиции, владелец редкой машины Москвич 408. Его жена Анна Яковлевна – учительница школы № 21.

Дом 5

Кв. 1?

Кв. 2. – Долгих – руководитель на ж/д, жена и был у них сын Сергей.

Кв. 3. – Китаец – зубопротезник, очень богатый, было следствие из-за золота для зубов.

Дом 6

Кв. 1. Мысик Пётр Филиппович – начальник станции Болотная, будущий первый зам. начальника ЗСЖД, Председатель совета ветеранов ЗСЖД.

Кв. 2. ?

Кв. 3. – Шахов Евгений, мать – директор ж/д столовой № 7, отец – работник партпроф. структуры на ж/д станции.

В доме № 13 жил Дорогой Г. П. – начальник Дистанции Пути. Его сын Сергей – авторитет болотнинской шпаны, сестра и мать.

История.

Люди.

Судьбы

ИСТОКИ

В 1581 году снаряжённый купцами Строгановыми отряд вольных казаков во главе с атаманом Ермаком шагнул за Камень – Урал, вторгся в пределы Сибирского ханства и двинулся на восток. Присоединяли новые земли как придётся, где кнутом – с применением оружия, где пряником – подкупом и сладкими обещаниями, вполне воспользовались неоднородностью и противоречиями, существовавшими среди сибирских племён.

Сибирь поразила первопроходцев своей суровой красотой, изобилием и бескрайностью. Летописец монах Савва Есипов писал: «Дивно убо есть, какими божьими судьбами рекам тамо бысть. Вода камень тверд раскопа и бысть реки пространны и прекрасны зело. А на исходящих их дёбрь плодовита на жатву».

За короткий срок русские прошли всю Сибирь – от Урала до Тихого океана. По подсчётам известного норвежского исследователя Ф. Нансена, начиная с XVI в. «русское государство в среднем увеличивалось приблизительно на 128 квадратных вёрст в день, или на 46800 квадратных вёрст в год, что в семь лет составляло пространство, равное по величине королевству Норвегия...»

Нельзя сравнивать «скальпирующую» колонизацию Северной Америки европейцами и Сибири русскими, которые происходили приблизительно в одно и то же время. Для европейцев коренное население было конкурентом, а для русских отношения с местными народами складывались иначе. Дело в том, что в середине семнадцатого века «сибирская рухлядь» приносила ежегодно в казну русского царя по 600 тыс. рублей, или треть государственных доходов. Фискальные интересы государства заставляли действовать относительно коренного населения «не жесточью, а лаской».

«Так складывалась своеобразная система покровительства «туземцам», – замечает алтайский историк Н. С. Модоров. – Этого не было в практике западноевропейских колонистов. Если для Москвы туземец служил источником дохода, а потому подлежал охране, то для западных искателей земель и промысловых угодий туземец-дикарь был опасным конкурентом и подлежал уничтожению. В Сибири всё было наоборот. Численность, например, алтае-саянских народов за два века выросла более чем в шесть раз».

Присоединение огромной территории, развитие торговли и промышленности поставило перед Московским царством вопрос о транспортных путях. Но прежде, чем рассказать о начале строительства Московского тракта, или, как его изначально называли, Большого Московско-Сибирского тракта, крайне необходимо упомянуть о существующем с древнейших времён водном пути через всю Россию, по которому, собственно, и шёл Ермак со своим войском. Именно по этой причине Енисейск основан в 1619 году, а Красный Яр только в 1628 году. Вот этот путь: с Волги через Каспийское море, в реку Урал, немного волоком до реки Тобол, из неё в Иртыш, из Иртыша в Обь и далее через Колпашево по реке Кеть – притоку Оби, до реки Кас – уже притоку Енисея. Между этими притоками существовал, а позже он был реставрирован (1884), Обь-Енисейский канал протяженностью 197 км. На восстановлении, а по сути, строительстве канала работало более 1200 человек, а руководил строительством томский инженер – барон Б. А. Аминов.

Долгие разговоры о начале строительства железной дороги сопровождались возражениями именно из-за существующего водного пути. И некоторые советники царя предлагали не строительство железнодорожного пути, а усовершенствование водного, и реально это строительство шло параллельно, а в действительности конкурировало. Более пятидесяти лет шла полемика и горячие споры, и только в 1882 году начались работы по сооружению железной дороги Екатеринбург – Тюмень, то есть тогда, когда Обь-

Енисейский канал уже действовал. Но сухопутный путь, его целесообразность уже не вызвали ни у кого сомнений.

С 1730 года началось сооружение Сибирского тракта – сухопутной дороги от Екатеринбурга до Иркутска и далее по двум направлениям – на Якутск и Кяхту. Значение тракта было очень велико. Ведь недаром его называли «государевой дорогой». К 1760 году строительство дороги в основном завершилось. Это была самая протяжённая в мире трансконтинентальная магистраль, созданная трудом тысячи крестьян и каторжников. Появление тракта привело к развитию гужевого транспорта, который для многих при трактовых деревень стал весьма прибыльным делом. Именно вдоль транспортной артерии стали появляться новые поселения.

Тракт, который проходил по территории современного Болотнинского района до 1815 года, делал большой крюк, он проходил через д. Старая Чебула, Карасёво, Зудово и далее – на Большечёрную. Нужно было спрямить тракт так, чтобы это был более короткий и безопасный путь. Ещё в 1810 году зелеевскими крестьянами предлагался вариант изменения направления Большого Московско-Сибирского тракта, он затем с некоторыми поправками почти полностью совпал с реальной дорогой. Однако, война с Наполеоном, длившаяся почти три года, и голодные неурожайные годы (1812–1814) отсрочили эти изменения.

В мае 1815 году вышел Указ Его Императорского Величества земскому управителю Богданову, к которому прилагалась «Роспись о почтовых станциях и о содержании на оных курьерских и почтовых лошадей», в которой приводились все станции в пределах всего заводского ведомства и число лошадей на каждой станции. По тракту от Тобольска к Томску назывались станции в следующем порядке: Колывань – Красный Яр (на территории нынешнего Колыванского района) – Дубровино – Ташара – Ояш – Болотная – Проскоково (в некоторых документах Проскаково) – Зелеево – Варюхина – Калтай. На каждой из названных

станций должно было содержаться по 6 курьерских и 20 почтовых лошадей – наибольшее число из всего списка, приведённых в росписи станций приходилось на Болотное – место ответвления дороги на Барнаул. Там станции шли в следующем порядке: Болотное – Кайлы – Гутово – Агафоново и т. д.

Как видим, после станции Ояшинской направление Московского тракта изменялось, и станции старого направления – Елбацкий, Елизаровский и Черновский «станцы» в росписи на 1816 год не называются.

Окончательно почтовая и прочая ямская гоньба по новому изменённому направлению Большого Московско-Сибирского тракта на перегонах от станции Ояш через станца Болотная и Проскокова до станца Варюхино, сформировалась и вошла в эксплуатацию в начале 1816 года.

Дорога требовала постоянного ухода. Работа на дороге называлась прокопами, количество вёрст было закреплено за каждым поселением. Но несмотря ни на что, поездка по тракту не доставляла удобств.

И вот, в результате «спрямления», в 1816 году образовалось село Болотнинское, которое существует до настоящего времени уже в статусе города. Этот милый сердцу уголок России – наша малая родина.

Много ратных и трудовых подвигов совершено болотнинцами за эти годы! Много прекрасных и интересных событий связано с нашим хлебосольным краем, много замечательных имён зажглось на небосклоне нашего города и украсило корону Российской империи!

РЕФОРМА И ЛЮДИ

Заселение Сибири с самого начала интенсивного освоения, ещё с шестнадцатого века, являлось делом государственной важности и носило политический характер. Более пяти веков население Сибири медленно, но неуклонно росло, и только в конце прошлого столетия, в связи с рядом неудачных правительственных реформ, наметился отток населения из Сибири, который продолжается и сегодня. В настоящее время за Уралом проживает 24 млн человек. В начале же прошлого столетия министр правительства Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин начал реформу, которая должна была решить сразу несколько задач: заселить пустующие территории Сибири, улучшить положение российских крестьян, а также оживить предпринимательскую и хозяйственную жизнь страны.

Реформа Столыпина подразумевала глубокую реорганизацию социальной, политической и экономической жизни государства. К концу XIX века стало очевидным отставание России от европейских государств во всех видах жизнеустройства, в том числе в технико-экономическом, промышленном и сельскохозяйственном отношении. Необходимо была повсеместная и глубокая индустриализация, в противном случае России грозила участь сырьевого придатка Европы, повторив печальную участь Турции и Ирана. Волнения 1905 года стали первыми вестниками глубокой болезни слабеющего государства, в 1906 году Столыпин начал решительные преобразования сразу по нескольким направлениям.

Для осуществления земельной реформы в Сибири земли выделялись безвозмездно всем желающим. Кабинет министров всячески стимулировал переезд крестьян на восток страны и развитие там инфраструктуры. Более того, пере-

возка крестьян-переселенцев по железной дороге осуществлялась специальными поездами, состоящими из вагонов IV класса, которые с 1908 года стали заменяться вагонами новой конструкции, имевшими печи, титаны для кипятка и туалеты – так называемые «стольпинские вагоны». В 1909 и 1910 годах плата за проезд с переселенцев не взималась.

Всем желающим устроить свою жизнь в Сибири достаточно было получить Проходное переселенческое свидетельство, которое становилось волшебным в решении всех насущных вопросов: получения ссуды, переезда, получения земли, инвентаря, а в некоторых случаях и домашних животных.

Остановочных пунктов для переселенцев функционировало 11, из них 8 вдоль линии железной дороги на станциях Татарская, Каргат, Новониколаевск, Болотная, Тайга, Томск, Мариинск, Боготол. Здесь переселенцы получали приют, совет, медицинскую помощь. В 1909 году на переселенческих пунктах детям выдавали бесплатную пищу, для взрослых были устроены специальные столовые с ценами значительно ниже существующих. Предполагаем, что некогда железнодорожная столовая № 7, которая располагалась в тридцати метрах от вокзала, выполняла функцию обслуживания переселенцев, для этого служил обширный зал, способный принять сразу до сотни посетителей. И поговаривают, что ещё с тех незапамятных времён на стене висела огромная картина Василия Перова «Охотники на привале». Ходили слухи, что копию сделал некий болотнинский умелец. Но глядя на главного «враля»-охотника на этой картине, верить в эту легенду не хочется. Но то, что у многих посетителей столовой первая встреча с живописью произошла именно там и за вкусным обедом – сомнений нет.

Иного объяснения наличия сразу двух мест питания – достаточно просторного буфета с горячим питанием на вокзале и соседствующей столовой у нас нет. Но традиционная выпечка, которая горами лежала на раздаче, а особенно вкусные пончики с повидлом и жаренные в масле калачи

с неровной дыркой, сохранились в ассортименте железнодорожной столовой до её закрытия.

В Болотном переселенцев встречали специальные агенты, которые были уполномочены помочь нуждающимся оформить льготы, получить юридическую консультацию, а при необходимости и бесплатную медицинскую помощь.

Скоро реформа стала называться Столыпинской, но очевидно, что эти преобразования не устраивали реакционную часть придворной элиты и западные страны. За период с 1906 по 1911 годы на Столыпина было совершено 11 покушений, последнее стало роковым, и от тяжёлых ранений Пётр Аркадьевич скончался. Столыпинские реформы имели огромное положительное влияние на жизнь государства, но прекратились в связи с его смертью и началом глупой, бесполезной и кровопролитной Первой мировой войны.

МАСЛО

Железная дорога действительно стала решающим условием в бурном промышленном развитии Сибири: кузбасский уголь потёк по всей стране, алтайский хлеб шёл через Болотную в Китай в большем количестве, чем в европейскую Россию, из-за дополнительного налога, который пролоббировали московские капиталисты. Железная дорога, конечно, имела военно-стратегическое значение. Однако для болотнинцев одной из весомых статей дохода стало сливочное масло. С приходом железной дороги в Болотной появилось новое оборудование, в том числе и сепараторы, которые позволили уйти от кустарного и начать промышленное производство сливочного масла. А наше сибирское масло – масло особо полезного качества и пользовалось огромной популярностью в Европе. Экспортировалось, в основном, топлёное масло высшей категории.

И скоро по Транссибу побежали вагоны-ледники, прототипы современных вагонов-термосов и рефрижераторов. Для них на узловых станциях были организованы ледники – хранилища льда, который использовался в вагонах-ледниках, более того, льдом пользовались и пассажирские поезда для хранения продуктов питания. С западной стороны вокзала на станции Болотная, на полпути от вокзала до элеватора, между путями и улицей Вокзальной до семидесятих годов функционировал склад льда, который хранился под открытым небом всё лето, но укрытый толстым слоем опилок. Зимой из специального крана в морозы намораживалась гора льда, которой потом пользовались до новых морозов. И должен сказать, весь лёд за лето использовать не успевали. Представляете, какая гора льда возвышалась на станции? А мальчишкам была радость отколоть кусочек и сбежать от нерасторопного железнодорожника. Ледяные

хранилища были не только в Болотном, но и на других станциях, расстояние между которыми не превышало 200–250 километров.

Проводники или работники, обслуживающие вагоны-ледники, приходили с алюминиевыми ведрами овальной формы литров на двадцать и накалывали лёд, иногда в помощь шли багажные тележки.

И в Болотном появились дельцы-посредники, которые скупали масло и отгружали потребителю. Не всегда, однако, предоставлялась возможность отправлять масло по железной дороге сразу и без задержки. Но на станции Болотная так и не было организовано хранение масла, ближайшие «пакгаузы-ледники» находились в Новониколаевске.

Средняя скорость «масляных» поездов значительно превышала скорость обычных грузовых. В советское время система была взята под государственный контроль и сбоев не имела. Опыт рефрижераторных поездов получил начало ещё в то, дореволюционное время, уже тогда формировались поезда из вагонов-ледников, которые имели приоритет даже перед пассажирскими поездами и перемещались по России с огромной по тем временам скоростью. Этот опыт скоростных составов использовался железнодорожниками во время Русско-японской войны. После была проведена модернизация, и уже к 1941 году наши поезда могли преодолевать расстояния до 900 километров за сутки. Вот почему железнодорожникам удалось уже на третий день Великой Отечественной войны наладить новый, то есть скоростной график передвижения поездов с военной техникой и эшелонов с бойцами. И мало кто задумывался, какую роль в этом сыграло наше сибирское масло.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Преодолев разруху после Гражданской войны 1918–1922 годов, молодая Советская власть начала укрепление государства и, в первую очередь, – Вооруженных Сил, понимая, что капиталистические страны не смирятся с появлением на карте мира страны равноправных людей и социальной справедливости.

Для этого, в первую очередь, в аграрной стране необходимо было изменить систему производства сельхозпродукции, уйти от личного хозяйствования с той лишь целью, чтобы увеличить производство сельхозпродукции посредством индустриализации сельского хозяйства. В то же время коллективизация позволяла высвободить людей из аграрного сектора в промышленное производство. И крестьяне пришли в промышленность, строили мощные электростанции, новые рудники и шахты, крупнейшие в мире металлургические заводы. Без коллективизации осуществить планы экономического прорыва было невозможно. С этой же целью и в это же время реализуется Ленинский план ГОЭЛРО. С 1932 по 1937 годы (2-я пятилетка) ежедневно входят в строй по три промышленных предприятия. Ежедневно!

В эти же годы в неграмотной стране строятся тысячи школ, появляются сотни вузов, которые готовят инженеров для металлургии, конструкторов, технологов, химиков, моторостроителей, радиоинженеров и т. д.

Требовались военные кадры – и в СССР появились сотни военных школ и училищ, которые готовили строевых командиров, лётчиков, танкистов, артиллеристов, военно-морских специалистов, радиоинженеров, сапёров. В каждом крупном городе в парках выросли парашютные вышки – для обучения будущих десантников. Для юношей считалось неприличным появляться в общественном месте

без значка ГТО, «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим» или значка парашютиста. Считалось модным после работы и учёбы заниматься парашютным спортом, учиться летать на планерах, обучаться вождению тракторов (читай – танков) и владеть стрелковым оружием.

Коллективизация в Болотнинском районе, как и во всей стране, началась в 1929 году, а уже в 1930 году в районе было 248 колхозов, из них 30 – национальных меньшинств. На этот период в Болотнинском районе, который объединял земли, которые позже отошли Мошковскому району, было 210 населенных пунктов и проживало в них 82 425 человек, из них в Болотном – 10110 человек.

На стадионе около элеватора постоянно проходили футбольные матчи, в Бору – соревнования по лыжным гонкам и мотоспорту, в недавно открывшемся тире ДОСААФ не смолкала канонада соревнований болотнинских стрелков, там же при ДОСААФ работали различные секции, в том числе по подготовке лётчиков и радистов. Именно в нашем ДОСААФ Марина Васильева (Попович) почувствовала вкус неба, продолжила обучение в Новосибирске и стала 103-кратной чемпионкой мира по авиаспорту.

Болотнинский район вносил свою посильную лепту в укрепление обороноспособности страны. Без коллективизации и без индустриализации сельского хозяйства представить независимое будущее нашей страны невозможно.

В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН

Кажется, ничто не предвещало беды. Только что прошла Московская Олимпиада – триумф советских спортсменов, безукоризненная организация. Американцы бойкотировали Олимпийские игры 1980 года, но на общем настроении это никак не отразилось, люди остались равнодушными к этим ожидаемым недружественным выпадам заокеанского соседа. Следующая Олимпиада проходила в Лос-Анджелесе, на неё команда СССР тоже не поехала. Теперь мы сожалеем о том, что опустились до уровня американцев, так же считаем, что нельзя было опускаться до уровня «белого флага» на Олимпийских играх 2018 года в Пхёнчхане. Этот наш извечный поиск здравомысленной середины периодически оборачивался разочарованием.

Истоки очередного разочарования, начавшегося в 1985 году, надо искать в далеком 1952-м году. Только что была опубликована работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он размышлял о хозрасчете, о новой ценовой политике, подводя к мысли о рыночных отношениях в стране социальной справедливости. Как известно, Сталин собственные статьи по экономике или языкознанию писал самостоятельно, при этом проявлял удивительные знания предмета, а при написании стихов – литературный талант.

Он давно пришёл к очевидному выводу, что партия хороша только в кризисных ситуациях, когда требуется её идеологическая сплоченность, мобильность и высокая дисциплина. Роль партии в Гражданской войне и Великой Отечественной войне никто не оспаривает и сомнению не подвергает. Слова красноармейцев, идущих в атаку: «Прошу считать меня коммунистом!» – не случайные слова.

Сталинская работа по модернизации экономики специально вышла накануне XIX партсъезда, и, собственно, съезд собирался для решения накопившихся проблем. И скажу, забегая вперед, если бы Сталину удалось провести те экономические реформы и отстранить партийную номенклатуру от руководства страной, то не было бы ни перестройки, ни приватизации, ни развала СССР.

Отношение Сталина к роли партии было достаточно умеренным, в подтверждение приведу его слова: «Товарищи забывают, что коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частицей народа. Подавляющее большинство населения, народ, считают своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами, за которых проголосовал народ».

То есть Сталин открыто говорил, что партия не есть руководитель страны. На съезде он высказался ещё прямее: «Стране и партии нужны проверенные, преданные нашей идее и нашему делу люди, патриоты и профессионалы. А не те, кто с помощью членства в партии заботится о своей карьере...» Тогда же Сталин высказался против роста численности членов партии. Очевидно, что Сталин считал роль партии в мирное время неэффективной. Более того, в мирное время партноменклатура стала развращаться: пьянство, материальные преференции, взяточничество, любовницы, откровенный разврат. Проще говоря, партноменклатура стала превращаться в «барствующее сословие».

В то же время наступило время диктата партийного секретаря. Очень неожиданно и ярко это проявилось в жизни Болотнинского района. В 1977 году руководители хозяйств района, возмущённые некомпетентностью и волюнтаристскими наклонностями первого секретаря райкома партии, поставили вопрос ребром: или мы, или он. Первый секретарь обкома партии, а тогда работал Горячев Ф. С., сначала наотрез отказался выслушать «забастовщиков». «Будут они мне указывать!» – возмутился Горячев, но потом остыл

и в конфликте сторон поручил разобраться специальной комиссией. Комиссия скоро сформулировала рекомендации: перевести первого секретаря Болотнинского райкома партии на работу в Новосибирск, а в Болотное отправить первого секретаря райкома партии Здвинского района Бурдыко Н. Д. Что и совершилось в конце 1978 года. Руководители хозяйств добились снятия неугодного секретаря, но принципиально в районе ничего не изменилось.

После войны и до самой «перестройки» повсеместно осваивалась система дипломатичного молчания — деликатной «политкорректности» и полного и безоговорочного подчинения партноменклатуре, по сути своей малограмотной, но амбициозной. И об этом говорил И. В. Сталин: «Они не хотят учиться...» Одна из самых часто употребляемых поговорок «застойного» времени: «Слово — серебро, молчание — золото».

С 1982 года началась череда похорон Генеральных секретарей ЦК КПСС — 1982, 1984, 1985 годы. Собственно, такой исход предположить было легко, пожилые члены Политбюро естественным путем и в глубокой старости уходили из жизни. В 1985 году избрали самого молодого среди членов Политбюро, крайне тщеславного, но малограмотного Горбачева М. С., который был вначале принят народом с энтузиазмом, и в первые два года его правления даже наметился экономический рост. Далее пошло разрушение государства: как оказалось, предложенная перестройка не имела плана. Советский писатель Юрий Бондарев сравнил перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, построен ли аэродром в пункте назначения. Образно говоря, самолёт рухнул и раскололся на пятнадцать независимых государств. Величайшее в мире государство Союз Советских Социалистических Республик прекратило свое существование. В Беловежской пуще три бывших партноменклатурщика, а на тот момент уже руководители новообразованных «суверенных» государств подписали Беловежское соглашение, которое в народе было принято как

подписание пакта о добровольной и безоговорочной капитуляции.

Бунт председателей хозяйств на Болотнинском корабле был последней попыткой вернуться к коллегиальному решению вопросов жизнеустройства. Сегодня уже не секрет, что «барствующая» партийная элита при бездействии Комитета государственной безопасности совершила тот государственный переворот, который закончился стыдливым спуском советского красного флага в ночь с 25 на 26 декабря 1991 года. «Демократический» расстрел Дома правительства в 1993 году завершил фазу затянувшейся интриги. Из-за спины бывшего первого секретаря Свердловского обкома партии, секретаря ЦК КПСС, а затем самого ярого антикоммуниста – Ельцина Б. Н. выглядывали молодые реформаторы, в рядах которых оказались 1200 американских консультантов из ЦРУ.

НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Новая революция

В ночь на 26 декабря 1991 года был спущен флаг над Домом Правительства в Москве. Флаг над Болотнинским райисполкомом гордо реял до Рождества Христова и вызывал у жителей района робкую надежду на то, что «всё обойдётся». Не обошлось. Восьмого января флаг исчез, остался голый флагшток, упрямо поддерживающий тяжёлое, серое зимнее небо.

США и его союзники из Европы действовали не силой, а новыми информационными технологиями, и скоро изящная манипуляция сознанием – «помощь за границу», помогла новой политической поросли убедить народ в том, что свершившийся государственный переворот вовсе и не переворот, а сознательный выбор самого советского народа на пути к своему светлому будущему.

28 октября 1991 года в девять часов утра через Восточный переезд в Болотное въехала зелёная перламутровая Тойота-Корона «Марк II», примерно час она простояла около дома Геннадия Андреева на улице Восточной, 63, а после стремительно помчалась по Московскому тракту к Западному переезду. Прохожие удивленно оборачивались, с любопытством провожая необычную для здешних мест машину. Никто и не подумал, что по территории района пролетела первая ласточка – символ наступившего беспредела – «рыночной экономики».

В Болотнинский район «перестройка» ступила ещё в конце восьмидесятых: вдруг разрешили жить и проявлять инициативу без согласования с райкомом партии, вплоть

до самостоятельного решения организовывать собственное коммерческое предприятие или кооператив.

В Болотном появились первые платные: видеотека, дискотека и концертно-развлекательные программы. Первое желание у власти было вернуть всё на прежние хорошо натруженные рельсы, и видеотеку скоро закрыли. Но свободу нельзя было уже остановить.

Нынче уже не помнят, что на территории между Болотным и Дивинкой появились крупные коммерческие предприятия «Каскад» и «Энергия». «Энергия» успела построить кирпичный завод, гостиницу и даже бассейн. Но прошёл слух, что появилась директива, в которой предписывалось ужесточить контроль над коммерсантами. Скоро слух подтвердился, несколько налоговых проверок, огромные штрафы и крупных фирм не стало. Кирзавод, гостиницу и бассейн разобрали.

6 ноября 1991 года решением Президента России Б. Н. Ельцина была запрещена Коммунистическая партия, она распускалась, а имущество компартии национализировалось. Все ждали перехода коммунистов на нелегальное положение и партизанскую борьбу, но этого не случилось. Объявленная свобода позволяла всем заняться и реализовать свои амбиции в коммерческой деятельности, чем и занялись многие секретари комсомольских и партийных организаций.

Следом за роспуском райкомов вдруг и разом перестали выплачивать зарплаты бюджетникам: учителям, воспитателям, врачам, библиотекарям, милиционерам и пожарным. В Болотнинский райисполком потянулись делегации с требованиями, просьбами и слезами. Но райисполком не был готов решать самостоятельно подобные вопросы, не было ресурса, и самим работникам РИКа зарплату тоже выдать было нечем. Именно в эти годы произошёл отток лучших, наиболее деятельных специалистов из бюджетной системы, люди пошли искать заработок, чтобы прокормить семьи.

В 1993 году принимается новая Конституция, проходят радикальные преобразования, названные самими реформаторами «шокотерапией».

Следующая беда не заставила себя долго ждать: рухнула финансовая система, а за нею и способность вести хозяйственную деятельность. Появилось незнакомое явление – бартер. В эти же дни промышленность поразил кризис неплатежей.

Спасая предприятия, руководители вынуждены были увольнять людей, отказываться от содержания детских садов и других объектов соцкультбыта. В Болотном произошёл всплеск безработицы и сопровождающей её преступности.

Два крупнейших предприятия Болотного: Швейная фабрика и Говфротарный завод, – меняли свою продукцию на всё что угодно, а для реализации товаров, приобретённых по бартеру, организовали сеть магазинов. Кроме того, чтобы выжить, Швейная фабрика создала дополнительные производства: хлебопекарню и мясоперерабатывающий цех, что позволило выдавать рабочим зарплату деньгами, а не товаром. Говфротарный завод, продукция которого пользовалась повышенным спросом, пошёл по пути модернизации производства, построил новые цеха и закупил новое оборудование.

В эти же годы сельхозпредприятия района учились выживать без помощи государства, они начали самостоятельно заключать договоры по реализации своей продукции, но без господдержки в режиме свободных цен и инфляции 1 % в день им выжить было нереально.

Разорение колхозов и совхозов района привело к автоматическому закрытию молкомбината, элеватора, мясокомбината, Межколхозстроя, Мелиоводстроя, Сельхозтехники и др.

Уместно сказать, что массовое разорение сельхозпредприятий наблюдалось не только в Болотнинском районе, из 89 регионов России в 86 случилось то же самое, в дей-

ствительности произошло повальное уничтожение сельского хозяйства России.

Сокращения, невыплаты зарплат создали обстановку беспрецедентного психологического стресса, который стал причиной ранней смерти целого поколения людей, тех, кто родился в шестидесятые и семидесятые годы.

Поезд следует без остановки

Началась реформа железной дороги. 19 декабря 1996 года к Западно-Сибирской железной дороге присоединили Кемеровскую железную дорогу. Обновленную дорогу возглавил В. И. Старостенко – человек высокопрофессиональный, жёсткий и бескомпромиссный. В условиях рыночных отношений для железнодорожников главным приоритетом стал «не план, а прибыль». Руководство Западно-Сибирской железной дороги поставило перед собой новые задачи, и прежде всего требовалось добиться дальнейшего повышения производительности труда, наращивать темпы снижения эксплуатационных расходов, без каких-либо послаблений продолжать внедрение ресурсосберегающих технологий. Надлежало с новых позиций оценить и штатное расписание, поставив количество задействованных в трудовых процессах людей в жёсткую зависимость от объёма перевозок. Новые экономические условия требовали гибкой тарифной политики, комплексного развития системы связи, телекоммуникаций, вычислительной техники. Из состава дороги необходимо было вывести предприятия и подразделения непрофильной сферы деятельности. Это только беглый перечень первостепенных задач, которые поставили перед собой руководители Западно-Сибирской железной дороги. Только объединение дорог высвободило более 1400 человек и позволило получить реальный годовой эффект в размере 108 миллионов рублей.

Перестройка железной дороги велась по двум направлениям: слияния, выделение предприятий или реоргани-

зация их в обособленные структурные подразделения с лишением статуса юридического лица. В апреле 1999 года реорганизация предприятий была завершена.

На станции Болотная ломка началась, как и по всей сети дорог, с приходом к власти Б. Н. Ельцина. Резко упали грузоперевозки, железнодорожники перешли на бартер, началась задержка выдачи зарплат. Некоторые железнодорожные организации начали развивать подсобную вспомогательную деятельность: ремонт вагонов вне плана, изготовление гаражей из списанных вагонов, изготовление бань из контейнеров, на одну баню уходило два пятитонных багажных контейнера.

Станция Болотная

После объединения дорог крупная железнодорожная станция Болотная превратилась в станцию, на которой перестали останавливаться поезда. Скорые поезда мчались мимо знаменитого вокзала, чуть сбросив скорость на входных и выходных стрелках. Но вот что писали сами железнодорожники: «Ликвидация междорожных стыковых пунктов Болотная, Тогучин позволила увеличить участки обращения локомотивов и работы локомотивных бригад». Теперь поезда ходят от Инской и Новосибирска-Главного до станции Тайга или Белово без остановки, именно это дало экономический эффект.

Сокращение поездных бригад на станции Болотная было радикальным, более 90 человек приняло Вагонное депо. Машинистов и помощников машинистов переучивали в сварщиков, слесарей по ремонту подвижного состава, дефектоскопистов и т. д.

На станции Болотная прекратили существование железнодорожные организации: пропарочный пункт, НГЧ и СМУ. Произошло сокращение штата в организациях: ПЧ – связисты и среди энергетиков.

Кроме организационных и технологических преобразований железнодорожники поставили перед собой еще одну задачу, а именно – избавиться от «социалки». С 1997 года ЗСЖД приступила к передаче жилья, объектов коммунально-бытового назначения, здравоохранения и отделов рабочего снабжения муниципальным организациям. В итоге выгода от этих манипуляций получилась колоссальной, но нищие муниципалы, получив непосильный объём вдруг свалившейся на них дополнительной социалки, вынуждены были закрывать некоторые из них, а высвободившиеся здания продавать. Из трёх детских садов, принадлежащих железнодорожникам станции Болотная, остался только один.

Но в 1999 году по результатам отраслевого соревнования за первый и четвертый кварталы Западно-Сибирской железной дороге были присуждены первые премии Мини-

стерства путей сообщения и Центрального комитета профсоюза.

Новый этап перестройки 1993–1994 годов ознаменовался ваучерной приватизацией. Произошло беспрецедентное в мировой истории перераспределение бывшей общенародной собственности крупнейшего в мире государства узким кругом лиц (отечественных и зарубежных) с помощью крупномасштабной ваучерной кампании.

В 1994–1996 годах начался основной этап денежной приватизации. Большинство обладателей «ваучеров» были в полной растерянности, не знали, что с этими «ценными бумагами» делать, и практически никакого влияния на процессы перераспределения собственности оказать не могли. В Болотном некоторые остроумные люди обклеивали стены туалета ваучерами, некоторые продавали. Один ваучер стоил бутылку водки.

С некоторым опозданием в приватизационную гонку включились директора предприятий, которые благодаря этой акции превращались из наёмных работников государства в хозяев промышленных предприятий, колхозов, совхозов, а также довольно многочисленный номенклатурный слой. Они и составили социальную базу и движущую силу процесса приватизации.

НЕ НАДО ВРАТЬ

По одной из версий, слово «врун» происходит от древнего русского слова «выра», то есть говорящий напраслину. Говорить-врать-вор-ворог-враг – однокоренные слова. Если человек врёт, значит, ворует правду, а если он ворует, то очевидно, что он враг, который должен быть непременно наказан по закону военного времени, потому что мирного времени в природе не существует. Войны, как известно, бывают кровопролитные, холодные, биологические, информационные, а нынче против России ведётся гибридная война. Нет мира, но есть время нашей жизни, которая проходит в борьбе за настоящее и будущее, за право жить нам и нашим детям честно, счастливо и богато.

И сейчас речь пойдёт о том, почему нашего счастья и богатства, и, собственно, самих нас с каждым годом становится меньше, но прежде – несколько иллюстративных сюжетов из истории района.

Как, каким образом и почему все удобные земли вокруг Колывани оказались в частных руках, теперь уже никто толком не скажет, и кто совершил это беззаконие, конечно, промолчит, но после череды выборов и смен Глав нашего района Губернатор предложил на эту должность землеустроителя из Новосибирска Виктора Аверина, который сделал попытку вернуть хотя бы часть земель Колывани.

Аверин был настойчив, но проиграл все суды и, уже обессиленный, обратился к Губернатору, мол, у нас очередников на землю немерено, а земли нет, Колывани развиваться некуда. Василий Алексеевич Юрченко – на тот момент Губернатор нашей области, умел решать вопросы жёстко и конкретно, и скоро Колывани вернули 20 гектаров, и именно тех земель, которые когда-то планировались под жилое строительство. После этих событий многие заува-

жали нового Главу, который выступил последовательным защитником интересов района и его жителей. Но, к сожалению, человек слаб, и соблазн был велик, Аверин не удержался и продал добытые гектары коммерческой фирме под строительство цехов для выращивания мяса индейки.

Узнав про индюшатник, на защиту Кольвани поднялись общественники, они выступили против такого строительства, предлагая отдалить место строительства, и на то были серьезные основания: проданная земля находится с подветренной стороны от Кольвани, в водоразделе реки Чаус и над водяной линзой, питающей районный центр. После двухлетней борьбы справедливость восторжествовала: областная прокуратура узрела нарушение сделки, отменила договор купли-продажи, и земля вернулась под юрисдикцию района.

Дорога из Кольвани в Малый Оёш.
Справа от дороги место под стройку будущего индюшатника, слева
расположены водяные насосные станции, ниже них течет река Чаус

Вновь присланный Глава района, уже из Татарска, Евгений Артюхов энергично взялся за обустройство депрессивного района, и скоро этот злосчастный, но единственный свободный кусок земли опять оказался всё у той же коммерческой фирмы по выращиванию мяса индейки! Но теперь уже не в собственности, а в долгой аренде и совсем бесплатно! Вот так: экология, подветренная сторона, близость подземной линзы, доминирующий наклон к реке Чаус, усилия инициативных общественников, обращения в прокуратуру, к губернатору и президенту – это не причины для перенесения экологически опасного бизнеса на иной, более подходящий для этого участок – капиталисты хотели именно этот участок, даже если люди задохнутся и захлебнутся в индюшачьем дерьме.

Однако в этот раз организаторы сделки все юридические сусеки зачистили, земля по Генплану сменила своё назначение и уже оказалась промзоной, появилась хоть и сомнительного свойства, но положительная экологическая экспертиза, и уже не важно, какого она качества. Пока жители будут разбираться, писать и судиться, а экологи вести умные и долгие споры, индюшатник успеют построить, а если вдруг бунт на корабле, Глава – бывший силовик и юрист – пригласит доблестных бойцов Росгвардии, и они умело и очень доходчиво расскажут, кто в доме хозяин.

Наблюдая за историей Кольванского района за последние двадцать лет, я невольно думаю, что ни от какой беды Кольванский район не получал столько вреда, сколько от руководителей района! Чтобы понять логику выше приведенных событий, а похожими экологическими сюжетами изобилует новейшая история нашего Отечества, нужно понять, почему так происходит, где эта собака зарыта, которая никак не позволяет нам наладить нормальную жизнь по правде и по совести?!

Пытаемся разобраться. Существует две системы государственного строительства: в одной правит Диктатура народа, в другой – Диктатура капиталистов. И отличия

принципиальные: в одном случае во главу угла ставятся интересы народа, во втором случае – интересы капиталистов.

Простая логика подсказывает, что если у власти капиталисты, то вся система государственного контроля, исполнительная власть, законодательная, судебная и прочие госструктуры обслуживают Диктатуру капиталистов. И неважно, кто и какие люди работают в административных органах, они в системе услуг Диктатуры капиталистов, и, независимо от своих личных качеств, политических убеждений или нравственных ориентиров, они вынуждены служить в угоду капиталистам. Надо понимать и другое, Диктатуре капиталистов медицина, образование и прочая «социалка» вместе с пенсионерами не нужны – это балласт, расходная и не эффективная часть бюджета, значит, его надо минимизировать или ликвидировать полностью. Но уменьшение социальных расходов, так же, как и повышение цен, нужно делать, как советуют некоторые политтехнологи, постепенно – удавка должна затягиваться медленно, народ должен привыкать к ней.

Иной случай, когда в государстве Диктатура народа, понятно, что народная власть решает насущные для народа вопросы: бесплатная медицина, образование, бесплатное жилье, обязательная работа, армия и милиция народные, и вся система исполнительной и законодательной власти плоть от плоти народная и решают вопросы народа. Но необходимо оговориться: случались воровы и при Диктатуре народа, – да, конечно, и воруны, и карьеристы, и взяточники, и прочие нехорошие люди. Но их было мало, с ними эффективно боролась милиция и прокуратура, а судьи давали справедливые сроки заключения всем расхитителям социалистической собственности. Воруны, они же враги народа, благополучно работали на лесоповале или на зоне верхонки шили.

Всё, о чём я сейчас пишу, в нашей стране уже было, мы это уже проходили. В феврале 1917 году царя-батюш-

ку свергли именно капиталисты, среди заговорщиков были даже родственники царя. Диктатура капиталистов умудрилась за восемь месяцев, до Октябрьской революции, высосать все соки из народа и угробить экономику страны. Сейчас же иные сроки, вот уже тридцать лет трудолюбивая Диктатура капиталистов выкачивает из страны богатства, но справиться не может – и это говорит лишь о том экономическом потенциале, который был создан советским народом за семьдесят пять лет народной власти.

Между двумя диктатурами существует принципиальное, непреодолимое нравственное противостояние. При диктатуре капиталистов такие нравственные ориентиры, как доброта, любовь, отзывчивость, милосердие, взаимопомощь, честность противоречат сущности капитализма – добыче прибыли, ради которой они собственно живут и работают не покладая рук. Но Диктатуре капиталистов совершенно не мешают качества, которые называются пороками: жадность, накопительство, эгоизм, властолюбие, бесцеремонность, беспринципность, готовность обидеть, обобрать, украсть, обмануть, убить. Более того, капиталисту выгоден человек-потребитель – немного грамотный (вот для чего ЕГЭ и дистанционное образование) и много трусливый (вот для чего коронавирус и не проходящая борьба с терроризмом), человек-эгоист – ориентированный на себя и на свои меркантильные потребности, человек, лишённый высшего смысла своего существования, то есть, человек сомнительных нравственных ориентиров. Вообще-то для капиталистов идеальным человеком является «человек-корова», которую можно держать в стойле, кормить всякой гадостью и при этом ещё и доить. А лучше, если этим будет заниматься искусственный интеллект.

Сегодня и сейчас надо чётко понимать: если не будет Диктатуры народа, то будет Диктатура капиталистов, если нет приоритета общего интереса, будет приоритет частного интереса. Иного не дано: или плюс или минус, или юг или север, или добро или зло. Собственно, что мы и доказали

на простом примере непобедимого индюшатника в Колыванском районе.

К сожалению, государственный переворот 1991 года принёс нам беду – капитализм в самой вульгарной и непотребной форме – колониальный капитализм. Наша Родина стала сырьевым придатком самых агрессивных стран мира – наших извечных врагов. Итоги деятельности нынешней Диктатуры капиталистов: уничтожены промышленность и сельское хозяйство, уничтожены образование и наука, медицина, отданы чужеземцам монополии и природные богатства, уничтожены великие социальные достижения – всё перечисленное если и существует, то в остаточном количестве.

Страной все тридцать лет руководят люди, которые после отставки уезжают жить на свою новую Родину, перед которой немало послужили – в Лондон, Тель-Авив или Вашингтон. За примерами далеко ходить не надо: Михаил Горбачёв, Михаил Касьянов, Владимир Якунин, Андрей Козырев, Елена Скрынник и прочие бывшие «патриоты». Более того, многие действующие государственные деятели имеют недвижимость за границей, и дети многих министров и депутатов Госдумы уже живут и учатся за рубежом.

Но главные потери нашего народа находятся в сфере нравственной самодостаточности. Диктатуре капиталистов противоречит всё, что близко народу! Диктатуре капиталистов крайне опасны традиция, нравственность и историческая память. Вот почему уже тридцать лет главным оружием Диктатуры капиталистов стало откровенное вранье о нашей истории, нашей культуре, нашем народе! Уже тридцать лет осуществляется социальный заказ власти капиталистов на создание ужасающего образа нашего прошлого, поставлена задача: смешать с грязью даже достойнейшее, уничтожить память о Советском Союзе, его достижениях. Вы, надеюсь, понимаете, что речь идет о вранье на государственном уровне, а не о мелкой повседневной прихоти человека, склонного для красного словца немного оправдаться или приукрасить, речь идёт о стране, о народе, о мире.

Прошлое – вот камень преткновения и объект ненависти современной Диктатуры капиталистов, вот почему все центральные, то есть подчинённые Диктатуре капиталистов СМИ заняты одним и тем же – созданием образа страшного прошлого Советского Союза. Вот почему очевидны нестыковки того, о чём говорит и к чему призывает Президент России, и что происходит на самом деле. Враньё – это главное оружие Диктатуры капиталистов. На фоне многословия о важности духовно-нравственного и патриотического воспитания – открытое воровство правды, предательство прошлого, наших родителей, предков, всего самого дорогого – нашей Родины. Все хорошие намерения в «Основах государственной культурной политики» или «Федеральном Государственном Образовательном Стандарте», наштапованных умными словами о важности патриотизма, – не более чем фэйк, дымовая завеса Диктатуры капиталистов. Никто осуществлять все эти благие планы не собирается и даже не помышлял о том.

Вот почему большой проблемой для Диктатуры капиталистов являются старики, они не только балласт, потребляющий невозвратный материальный ресурс, но и носители исторической памяти, те, кто сохраняет и передаёт будущим поколениям правду истории. И не случайно именно Коронавирус был выбран не только главным средством запугивания и подчинения населения, средством уничтожения и без того слабого промышленного потенциала, поводом для ускоренного сбора личных данных для последующей чипизации, но и средством умерщвления стариков – носителей исторической правды. Кроме перечисленных задач, коронавирус решает и экологический вопрос: по мнению Диктатуры капиталистов, людей на земле слишком много и, как заявил «любимец публики» господин Чубайс, вторя Биллу Гейтсу, нас на Земле должно остаться из семи миллиардов не более полутора, пять с половиной миллиардов человек лишние. А мы удивляемся тому катастрофическому уменьшению населения нашей страны, области, района.

В чём незавидная участь Глав сельских районов и небольших городов России? Ответ прост: в отсутствии ресурса. Даже если Глава, прошу прощения за ненаучный термин, «сопрёт» весь годовой бюджет района, а это несколько сотен миллионов рублей, он не будет принят в ряды акул капитализма, для них он останется презренным мелким воришкой, карманником, которого для видимости борьбы с коррупцией могут даже посадить в справедливую тюрьму – это первая причина.

А вторая причина трагедии – в опасной близости к людям, к тем простым людям, которые и есть народ, к их проблемам, которые из-за этой опасной близости надо решать. Росгвардии на всех не хватит, их всего триста тысяч дубинок и столько же прочих полицаев, омовцев, но и их всех вместе не хватит усмирить сто сорок миллионов голодных и доведённых до отчаяния людей. Да и надо признаться, в органах служит много порядочных людей, любящих и свою Родину и свой народ. Армия же стрелять в народ никогда не станет. Но и мы не должны допустить гражданской войны. Мы не должны совершить того, на что нас толкает Диктатура капиталистов. Мы не должны опять потерять самых лучших из нас.

Что же нужно сделать, чтобы мы вновь услышали детское счастливое многоголосье на наших улицах и дворах? Первое, для начала совсем немного – перестать врать, то есть, надо научиться говорить правду и слышать правду, узнавать правду, интересоваться правдой, добывать правду. Да, с непривычки это мучительно и раздражает, но зато как потом легко жить с чистым сердцем и с радостным чувством достойной жизни. Второе – бороться всеми законными способами за наше прошлое, настоящее и будущее и помнить, что идет война не на жизнь, а на смерть, и отсидеться в окопе никому не удастся.

КУРОЧКА РЯБА

Никто не будет спорить с тем, что русские народные сказки – есть наше великое духовное наследие, которое, собственно, и сформировало тот уникальный характер, над которым кто-то восторгается, кто-то презирает, кто-то посмеивается, а кто-то и боится – вот такой противоречивый и, безусловно, исключительно самобытный характер, проросшего из самой глубины таинственного славянства, основанного на обожествлении матушки-природы, воспетой сказочной мелодией ведической культуры, политой потом неистового труда и кровью отважных воинов.

Без Бога, без чуда, без глубокого смысла, без улыбки над собою трудно представить русского человека, а чтобы не оказаться очередным пустопоющим хвалебные песни, поделюсь размышлениями над глубоким значением самой известной и любимой малышами, да и взрослыми тоже, сказки про Курочку Рябу.

Говорят, что Миром правят символы – мудрая мысль. В названии сказки особое место имеет слово Рябая – то есть пестрая, разноцветная, в полоску, созвучно словам ребро, рябчик. И символизирует Курочка Ряба в народном творчестве Судьбу. А какова судьба, такова и жизнь – вся в полосочку, то тёмная она, то белая, а то и не поймёшь какая, а глянешь со стороны – пёстрая! Бог ли в том виной, провидение какое, а может, и мы сами руку приложили, да дров наломали. Но так ли то или иначе, но подарила Судьба мужчине и женщине яичко не простое, а Золотое, которое, по нашему разумению, символизирует любовь!

А дальше сказка просто и доходчиво рассказывает читателю нашу обыденную, привычную и очень увлекательную жизнь: была бабка, была это яичко – не разбила, однако

и дед не сидел сложа руки – прикладывался, колошматили они яйцо Золотое со всею, присуще русскому человеку дурью, да не разбили – крепка была любовь, всё вынесла.

Но то была ещё не сказка, а присказка, всё началось, когда появилась серая мышка, как неприметная молва-сплетница, современным языком можно сказать – информация, хвостиком махнула – яйцо в дребезги. И нет больше любви, а есть серость бытия, толерантность отношений, которые нет-нет, да и пыхнут боевыми действиями, потому что у всякого терпения есть предел, это у любви, как у Бога, нету предела, а у толерантности – есть. И тут уже пошли в ход и скалки, и чугунная сковорода, и чугунок не менее крепкий, и скоро боевые действия местного значения перерастают в побоище значительное и беспощадное, потому как нет любви, которая только и способна дурь человеческую унять, да приструнить. Так-то! Мудрая сказка – Курочка Ряба.

А вот иная сказка Гуси-лебеди – сказка-загадка, потому что в ней некоторые привычные символы выполняют не свойственную им функцию. Некоторые персонажи, скажу честно, ведут себя опрометчиво и не подумавши. Однако с Бабой Ягой всё понятно – это символ зла, который крадёт детей, а те спасаются благодаря матушке-природе, которая и укроет, и накормит, и напоит. Все символы, олицетворяющие природу: и яблонька, и печка, и река молочная с кисельными берегами – все на месте, и дело своё знают правильно. И даже мышка выполняет свойственную ей функцию информатора, которая предупредила девочку Машу о злых намерениях Бабы Яги. Но что же делают Гуси-лебеди в этой сказке, почему они служат Бабе Яге и беспрекословно выполняют её злую волю? В то же время мы знаем, что лебеди всегда символизировали светлые силы души. Так что же помutilо разум символу светлой души? Однако напомню, что в русских народных сказках ничего случайного или лишнего не бывает, поскольку предшествовала тысячелетняя редакторская правка: из уст в уста, из

поколения в поколение передавались сказки, наполняясь народной мудростью.

И вдруг догадка, что так было не только тысячу лет назад, но так происходит и сегодня, когда добро начинает вдруг служить злу! И эта догадка пришла неожиданно и даже курьёзно, после проведения трехдневных выборов в Государственную Думу России в 2021 году, и в частности, в нашем Колыванском районе Новосибирской области. Но при чём тут выборы, прости Господи, спросите вы, и где та сказка и где выборы? Нет ли какой натяжки, не пытаешься ли ты пришить ухо к пятке?

Поясняю: закончились выборы и всем стало ясно беспредельная фальсификация результатов при подсчёте голосов, не важно кого или в пользу кого – это действительно не важно. Дело не в названии политической партии, а в желании этой партии служить народу, но таковых партий в России сегодня не существует, есть только партии личных интересов. Много было разговоров и про загадочное электронное голосование в Москве, и про три дня выборов, и про передвижную избирательную урну, в которую проголосовало «на дому» чуть ли не половина избирателей, и много что ещё, но главное, что это безобразия осуществили бюджетно зависимые люди – учителя, библиотекари и работники домов культуры. Из-за страха? Из-за денег? Ответа у меня нет. Но в Колывани, как в капле воды, отразилась вся Россия!

Но в России всегда символом светлой души и бескорыстного созидания был учитель, библиотекарь и работник культуры – спорит моя душа. Они реальные, а не сказочные Белые лебеди, хранящие и несущие будущим поколениям вечные истины добра, любви и справедливости! Смысл их жизни и труда в сохранении традиционных нравственных скреп, кода идентичности, ядра культуры, формирование народа патриотичного и безупречного – святорусского человека – защитника всех униженных и оскорблённых на планете Земля!

Однако берут меня сомнения. Так сложилось не вчера, что подавляющее большинство избирательных участков находятся в школах, библиотеках или в Домах культуры, а потому и в комиссиях сидят люди, которым мы доверили воспитание своих детей. Все логично, а почему бы и нет. Но гуси-лебеди пусть в сказках служат Бабе Яге, а в жизни-то должно быть иначе. Не иначе...

А мир-то он тесен, совесть-то она как зубная боль, покоя не дает, и потянулись ко мне мои белые «гуси-лебеди» с покаянием. Я им говорю:

– Я вам не поп лукавый, чтобы за мзду продавать место в Царствии Небесном, и не вездесущий Бог, чтобы простить грехи, я сам грешный, знаю, как тревожится и стонет душа от совершённой неправды, а потому только пожалеть могу, да поплакать вместе с вами.

– Понимаешь, вечером лягу спать, – рассказывает одна из несчастных, – а сама думаю, тварь я старая, что же это я творю! А утром звонок из администрации, и я опять творю!

– Ничего страшного, – отвечаю, – сейчас Чёрт тебе брат, а завтра ты в школу пойдёшь, в библиотеку, в дом культуры и будешь проповедовать вечные истины добра, любви и справедливости. Бог увидит твои старания и, возможно, всё обойдётся.

Вот такие Гуси-лебеди у нас. Ну а что жизнь складывается неказистая, и жирные мышцы по подоконникам пешком ходят, и что яйца наши золотые пораздолбали, а больше растащили по своим жадным норам – эти все страдания во искупление нашего греха, потому что личного греха не бывает, оно наше общее, как судьба, как Курочка Ряба – одна на всех. Это как одна клеточка в нашем теле заболела, вроде живём, справляется организм, а когда много клеточек, тогда и помереть можно. Не бывает личного греха, не бывает. Если один заболел, значит все заболели.

Вот и грустная разгадка пришла нашей сказочной загадке, можно сказать, тайны русской души. Теперь понятно нам, отчего это у нас такая национальная забава – рвать на

себе исподнее да каяться, нагадить, а потом опять каяться. Однако, как теперь нам стало очевидным, на Руси с древнейших времен Гуси-лебеди на службе у зла подвизаются. Сколько же детей мы отдали Бабе Яге за эти годы? Считали ли кто?

А я всё по наивности своей мечтаю, что вот-вот да вознесётся над головой, как яичко золотое, раннее солнышко света, добра и справедливости, и дети и весь народ русский перестанут прятаться по кустам от «символов добра», а будут мирно играть на берегу чудесного озера по имени Россия, по глади которого поплывут милые сердцу белые Гуси-лебеди. И мы счастливы и знаем, что Баба Яга не украдёт у нас духовные ценности, которые и есть сущность нашей культуры и главное оружие в борьбе со злом, которое только и мечтает лишить нас защиты – наших нравственных основ и взять в полон. Не святые храмы строят, может и нам удастся придумать себе оправдание.

Вот такой простой и ясный смысл сказки: борьба за нравственные ценности – это не есть борьба прошлого и настоящего, это есть борьба за будущее. Пока мы сохраняем свои духовные ценности, мы не просто непобедимы, мы – неуязвимы, потому что нами нельзя манипулировать, мы – защищены. И никакие мыши на подоконниках ли, на компьютерных ковриках ли – нам не страшны.

Мудрые русские народные сказки, в них ответы на все вопросы научной философии и на главный: смысл жизни человека в борьбе за право стать лучше, добрее, справедливее.

Гуси-лебеди! Где вы? Вы с кем? И определитесь наконец-то, какому Богу молитесь, какому Чёрту кланяетесь! А то детям тоскливо сидеть в кустах яблони и не знать своего будущего!

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ

По свидетельству некоторых лингвистов и знатоков русского языка корень слова «русь» переводится как «свет», а в учебнике Ефросинина Л. А. словосочетание «поставить цветок на русь» – значит «поставить его на свет». В исследовании Марины Кулаковой к этому значению прибавляется: «сделать ставку на Русь» и верить в Русь как в неподотчетную «властям» высокую шкалу ценностей». Для нашего текста это очень важное замечание. Далее ещё интереснее «Русское слово «святой» своим происхождением связано со словом «светлый». У разных народов слова с подобным корнем означают свет, мир, день, а также нечто белое, чистое, светящееся. Интересно, что одна из основных версий происхождения слова «Русь» также построена на сближении его с понятием «светлый», ведь даже в современном русском языке сохранилось древнее слово «русый». И не случайно в начале XVII века в отношении «литовских людей» возникает именование «белорусцы» (белорусы). Тогда же понятие «Белая Русь» было окончательно закреплено за Западной Русью и в 1654 году внесено в официальный титул русских царей».

Русы безусловно уникальная цивилизация, само название определило её сложный путь на поле брани с силами тьмы, а это непростая судьба, это судьба героев.

Война предполагает победы и поражения, сегодня мы живем в стране, оккупированной воинами Золотого Тельца. Простодушный и обманутый русский народ добровольно отдал на разорение страну с выстраданной поколениями предков социально-ориентированной общественной системой, **позволяющей человеку максимально развить и реализовать свои таланты.** Страну, богатую природны-

ми ресурсами и красотой. Страну, научившую бережно относиться друг к другу русских, украинцев, белорусов, татар, ненцев, якутов, бурят и еще почти двух сотен национальностей и этносов, которые в итоге за тысячу лет постепенного объединения, образовали многонациональный русский народ.

Благодаря нравственному развитию, понятие «русский» приобрело наднациональное значение: какой ты человек? – Русский, то есть светлый, чистый, благородный, очевидно, что произошло смещение акцента: не кто ты по крови, а какой ты по духу? В новом наднациональном образе приоритетной стала нравственная природа человека. Но при этом осталось крайне важным сохранить национальную культуру во всех ее подробностях, потому что именно многообразие культур украшает человечество и наполняет его глубоким содержанием.

Опыт **многонационального русского народа** станет прототипом будущей всепланетарной цивилизации, в которой сохранение культурных, духовно-нравственных традиций и равенство этносов будет естественным, а не толерантным. У дружбы, как и у любви, нет предела, а у толерантности – есть.

Безусловно, проект СССР спас мир от европейского фашизма, стал причиной фантастического научного рывка и освоения космоса, а в последующие годы, как утверждает профессор И. Н. Острецов: «Именно под прикрытием Советского Союза поднялись из нищеты и запустения великие народы Китая и Индии, и варварская идея «золотого миллиарда» была нейтрализована». Теперь этот проект геноцида уже не осуществим, интеллектуальный потенциал народов мира достиг такого уровня, что никакими вирусами и прочими агрессивными и смертельными провокациями его не свести до средневекового состояния. Хотя именно сейчас осуществляется, может быть, самая жестокая попытка уничтожения так на-

зываемого «лишнего» населения земли. Уже в ближайшие месяцы, а возможно, и годы, мир захлестнет череда биологических атак массового заражения людей, искусственно созданными болезнями.

Николай Зиновьев – наш поэт и современник, предсказал новый и очередной бой:

Как ликует заграница,
И от счастья воет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени,
Помолиться перед боем...

Капитализм как политическая система экономического и социального устройства прожил свой век, и сегодня уже стал тормозом на пути прогресса и дальнейшего развития человечества. Отживающая система не способна достойно ответить на вызовы настоящего времени, и в первую очередь, решить экологический вопрос, не разоряя промышленный и научный потенциал, не убивая людей любыми возможными средствами.

В то же время, исчерпавшая себя политическая система не способна объединить людей для нового научного рывка, потому что по сути своей эгоистична. Капиталист глуп, потому что весь его интеллектуальный потенциал подчинен получению материальной прибыли, капитализм примитивен, потому что ему достаточно потребительского рынка, капитализм безнравствен, потому что ему всё равно чем торговать, что производить, не считаясь ни с качеством и пользой, ни с нравственной основой божественной сущности человека.

Очевидно, что для решения дальнейшего обустройства жизни на планете, построения социально справедливой социальной системы, и, в том числе, решения экологической проблемы необходимо сконцентрировать не только научный потенциал народов, но и материальные средства. Прошло время, когда достаточно было прутика и чертежа на песке или только компьютера для научного прорыва, теперь

необходимо сложнейшее и дорогостоящее оборудование, которое стоит больших средств, непосильных одному государству. И робкие попытки объединения межнационального интеллекта мы наблюдаем в современном сотрудничестве физиков, химиков, биологов, в космосе. Капиталисту же не нужны затраты, если нет гарантийной прибыли в ближайшей перспективе, он – капиталист, и всё общечеловеческое его мало интересует, его интересует только прибыль. Глобалисты ещё проще, примитивнее и беспощаднее, они ненавидят людей, им вообще ничего не нужно кроме власти на Земле.

Как бы не глумились над миром сегодня неонацисты, захватившие власть во многих странах мира, впереди новая форма цивилизации социальной справедливости, мир неумолимо развивается, скоро появится более совершенное и защищённое общество, в котором социальная справедливость и талант человека будут цениться выше всех благ земных, и вопрос только в том, какое участие в созидании будущего примет каждый из нас – людей, получивших право и честь жить сегодня.

Опыт СССР станет фундаментальной площадкой для формирования новой цивилизации и межнациональных отношений. Главное в предстоящей работе не потерять из виду ориентир – цель – идею создать общество, которое позволит проявить и развить свои таланты, оптимально развить свои физические и умственные способности для активной общественной жизни.

На первом этапе строительства общества социальной справедливости большую помощь может оказать религия, но только на первом этапе, потому что коммерческая сущность религии не позволит ей отказаться от прибыли.

Человек – величайшее достояние и ценность на земле, именно ему поручено создать **цивилизацию нравственного интеллекта**. Для этого Создатель подарил человеку способность к прогрессу и свободному пользованию землёй, в недрах которой есть всё для решения перспективных вопросов бытия. Для Создателя человек важен так же, как и для человека важен Создатель, потому что они существуют только в осознании друг друга.

Мы и Создатель одной иррациональной духовной природы, наша душа вечна, потому что соткана в тонком мире и только на время жизни нам дано тело, как скафандр космонавту или водолазу, чтобы, явившись в мир физический, мы могли внести свою лепту в развитие **научно-нравственного потенциала человечества, конечная цель которого в возможности самому стать Создателем новых Миров**. Вот сколь высокая цель человеческой жизни, для этого и даровал Он нам инструмент – слово, благодаря которому мы не только храним информацию, но и передаем знания и опыт будущим поколениям. ЧеЛЮВек, это тот, кому дано право ЛЮВить информацию. В самом слове сЛОВО разгадка человеческой интеллектуальной сущности. У слова божественный корень, и способность пользоваться словом есть самый дорогой подарок Создателя.

Интеллект человека – инструмент на творческом пути к Высшему. Вот почему не существует «искусственного» ин-

теллекта, интеллект по природе своей иррационален, то есть живой – творческий, самовоспроизводящийся, и может принадлежать только человеческому иррациональному уму. Человеку нужен только ориентир на вольном пути к Высшему, тернистая и счастливая дорога, которая способна воспитать просветлённого – светлого человека.

Наша цель – Бог, наша задача – создание общества нравственного интеллекта, наш инструмент достижения цели – вольный, волевой и творческий поиск и познание истины.

И никаких стандартов, регламентирующих творческую волю, которые на деле являются техусловиями, которые ведут к изменению природы человека и к закономерному итогу – духовной деградации и физической смерти. Стандарт – это лукаво, хитрость, которая служит оружием в корыстных руках, корыстными целями и чьим-то корыстным интересам.

Современная наука вплотную приблизилась к рубежу, за которым находится тонкий мир, мир, живущий по зако-

нам духовной природы. В нём не действуют законы физического мира, он нам ещё неведом, ученые только прикоснулись к нему, но прежде чем явиться в иррациональный мир Создателя человеку предстоит оставить за порогом свои грязные башмаки, к которым прилипли комья социальной несправедливости, нравственного порока и умельцы создавать «искусственный» интеллект. **Без объединения всего многомиллиардного человечества идеей нравственного совершенствования научного интеллекта, постичь Высшее никому и никогда не удастся.**

Как долг путь человека, созданного по образу и подобию Создателя, в новый мир бытия, зависит полностью от нас. Мы можем найти в себе мужество и сказать нет системе порока, в которой прозябаем нынче, и двери дома Создателя откроются перед нами, а можем пойти долгим путём, приспособляясь к существующей системе противоестественной духовной лжи. Наш Создатель обладает высшей степенью гуманности, он создал нас свободными в выборе собственного пути. И когда мы решимся оправдать его доверие, зависит полностью, исключительно и только от нас. Не надо ждать, что Создатель начнёт за нас полы мыть и конюшни чистить.

Впереди возвращение на Русь, в мир светлых людей, наполненных благородным чувством человеческого достоинства, людей нравственного интеллекта, способных осуществить мечту и соединиться с Создателем.

Впереди время великих открытий: скоро человек сможет продлить свою жизнь на сотню лет, начать перемещаться в пространстве без пилотируемых аппаратов, не болеть, не есть месяцами, освоить Луну и иные планеты, но это будет возможно только при условии накопления интеллекта. Только при условии нравственного совершенствования и наполнении себя человеческим достоинством, то есть тем, что ценно, а ценна в человеке – его иррациональная душа, полная любви, доброты, смелости, честности и тяги к справедливости; мы способны будем через просвещение

Виктор Васнецов. Витязь на распутье

освятиться и увидеть Создателя. И только духовное просвещение даст возможность использовать научный интеллект во благо, в противном случае, всегда будет опасность, что наука окажется в нечистых руках людей, отягчённых не очень добрыми помыслами.

Жизнь очень интересна, потому что впереди нас ждёт возвращение на Русь – возвращение на светлый путь, ведущий в счастливое будущее. А счастье – это и есть сопричастность Создателю, воплощение в Нём.

В РОССИИ, как в капельке РОСЫ – светлой и чистой, хранится сила, воля и вера. Да не оставит нас вера в счастье будущего века, и светлая и святая Русь явит пример великого нравственного подвига на пути к Богу.

В тени прошедшей войны

НОВОСИБИРСК? – УНИЧТОЖИТЬ!

В 1940 году Георг Томас – генерал и начальник военно-экономического управления вооруженных сил Германии разработал и предложил план по захвату Сибири через устья рек Оби и Енисея. Экономист понимал стратегическое значение природных запасов и промышленного потенциала сибирского региона, а также решающее значение Транссибирской магистрали. Томас предлагал в самом начале войны против СССР перерезать Транссиб в районе Новосибирска, и таким образом отсечь Сибирь от Восточного фронта.

Теперь с высоты прошедшего времени понятно, насколько генерал-экономист был прав, но Гитлер не поддерживал этой инициативы, хотя генерал просил всего несколько судов и пятьдесят тысяч десантников.

О плане захвата Сибири Гитлер вспомнил весной 1943 года, когда была уже проиграна Сталинградская битва, именно с этого момента Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР Иосиф Виссарионович Сталин повёл советские войска в наступление. Немцев могло спасти теперь только чудо.

К сожалению, не все шпионы и предатели были выявлены и ликвидированы в довоенные годы, а потому немецкая разведка докладывала Фюреру, что заводы Новосибирска дают фронту *«27 % снарядов и мин, десять видов боеприпасов, начиная от винтовочных патронов, снарядов разного калибра, авиабомбы, а также реактивные снаряды для «Катюш».* Новосибирский завод *«Чкалова»* производит *половину самолетов-истребителей.* Завод *«Кузьмина»* даёт *более 217 тысяч тонн проката, предприятия лёгкой промышленности – одежду и обувь.* А также Новосибирск *изготавливает пулемётные тачанки, керосиновые фонари, обозы, полевые кухни, котелки, подковы – всего более 70 наименований.* Кроме того, в Барабинске изготавлива-

ют бронепоезда, в Болотном ремонтируют санитарные поезда, в Коченевском небе обучают лётчиков-истребителей, на Тогучинской верфи изготавливают боевые катера, а в Колыванском районе изготавливают лыжи для красноармейцев, специальные лыжи для пушек, приклады для автоматов, а также собирают лечебные травы для госпиталей!» И это еще не весь отчет! Продовольствие стекается как огромная лавина по дорогам области и по притокам Оби к железной дороге, которая обеспечивает пробег эшелонам на Восточный фронт со скоростью 900 км в сутки!

– Сибирь? Обь? Новосибирск? – Уничтожить! – Фюрер приказал уничтожить Новосибирск.

Очевидно, Гитлер был ошеломлен разведанными, вот когда он смог по достоинству оценить способности своего опального генерала-экономиста Георга Томаса. Вот когда Гитлер понял, что чудо, которое может его спасти – это перерезанная артерия Транссиба и уничтоженный промышленный гигант – Новосибирск, а по ходу и Барнаул, и Томск, и Красноярск, и Омск!

Но того довоенного ресурса у Германии уже не было, а потому приказ Гитлера с охотой принялся исполнять комбриг Красной Армии – перебежчик Иван Бессонов. Его надежды были на заключенных ГУЛАГов, которые размещались в устье Оби. По сведениям всё той же шпионской сети он знал, что в заключении около Салехарда содержится несколько тысяч предателей, дезертиров и уголовников. Также Бессонов хорошо поработал среди пленных, набрал несколько сотен человек, они двинулись по северным морям к Обской губе. Но прежде он познакомился с планом Томаса. Изучив его, Бессонов составил свой план, в котором предполагал войти в устье Оби на немецких и захваченных советских судах и, продвигаясь к Новосибирску, уничтожить города и села, заводы и фабрики – всё живое на берегах Оби.

К сожалению, у нас нет точных данных о событиях и количестве жертв, но Бессонову не удалось взорвать Новосибирск, в 1945 году он попал в плен к американцам, но был передан советским властям, осужден и скоро расстрелян.

О тщательной подготовке немцев к войне на севере нашей страны говорят множество находок – это немецкое оружие и патроны, пуговицы со свастикой, которые находили у ненцев, уже после войны случайно обнаружили хорошо замаскированную базу ремонта и дозаправки немецких судов на берегу Обской губы, а также в устье Енисея и Лены. Обнаружены в районе Карского моря несколько немецких метеостанций. Были на севере и вражеские аэродромы со взлётной полосой из металлопластин, которые назывались аэродромами «подскока». Много ещё белых пятен в истории Великой Отечественной войны, они ждут своих исследователей.

Но есть свидетельства коренного населения, вот как передаёт свою встречу с местными жителями историк-краевед Геннадий Зайцев: «Беседовал с Тусида Иваном Алеечем, он рассказал мне, что его дядя Сэрпиво Левала как-то вот сидел, хороший день был, штиль. Курил трубочку, думал о ненецкой жизни оленевода... И вдруг, он услышал свист, вой. Фонтаны начали всплывать. Его охватил страх. Как он говорит, подумал, что Дух воды всплывает».

Более того, как только надежда на прорыв к Новосибирску по Оби была потеряна, «немецкая подводная лодка U-639 VIII, построенная на верфях Гамбурга, с экипажем из 47 человек под командованием 24-летнего обер-лейтенанта «цур зее» (морского флота) Вальтера Вихмана во время своего четвёртого и последнего похода выставила минное заграждение ОМИ-98. 1 августа 1943 года в Печорском море установили 16 мин и 20 августа – 24 мины на мелководье Обской губы. В обоих случаях глубина погружения составила 22–27 метров» («Эхо войны в Обской губе». Игорь Ермаков). Это стало известно после того, как эту подлодку в надводном положении подстрелили наши подводники сразу тремя торпедами. На месте подрыва, из масляного пятна, выловили вахтенный журнал, в котором обнаружили запись о минах. Полностью разминировать Обскую губу удалось только 2012 году. Но и нынче на некоторых участках Обской губы нашим геологам не разрешено проводить исследования из-за опасности пострадать от фашистских мин.

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ. ПОПЫТКА ОБЪЕКТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Последние годы в СМИ усиленно обсуждается тема о насильственном переселении поволжских немцев, начавшимся осенью 1941 года. В действительности проблему взаимоотношения национальностей надо рассматривать шире, и увидеть, как нашу многонациональную лодку пытаются раскачать наши общие враги. По немцам мнения столь противоположны, что мы решили посмотреть на эту тему поближе и сделать не только попытку объективного осмысления, но и поделиться информационной квинтэссенцией:

1. Как выяснилось, немцы, переселившиеся на плодородные земли Поволжья при Екатерине II, с 1760 года не ассимилировались, а продолжали жить относительно изолированно от русского мира. Многие немцы на момент начала войны не знали русского языка.

2. Очевидно, что тема Поволжских немцев изучалась, обсуждалась и продумывалась на самом высоком государственном уровне, и решение о переселении немцев – это не прихоть одного или нескольких человек. И об этом свидетельствует очень серьёзный документ. Указ правительства о переселении немцев лучше привести полностью:

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 28 августа 1941 года

О переселении немцев, проживающих

в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в райо-

нах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населённых немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в Республике немцев Поволжья или прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землёй районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороне предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землёй и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль

28 августа 1941 г.

Приведенный документ особых комментариев не требует, потому что достаточно подробно объясняет причины и условия переселения.

3. Важно знать значения слов широко употребляемых относительно Поволжских немцев:

а) В документе говорится о переселении. Переселение – это изменение места жительства людей (добровольное или принудительное) или животных.

б) Часто употребляется слово депортация. Депортация – это (лат. *deportatio* «изгнание, высылка») или выдворение – принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно – под конвоем.

в) В последние годы относительно немцев употребляют слово репрессия. Репрессия – это карательная мера, наказание, обычно применяемые государством.

Ознакомившись со значением этих слов, приходим к выводу, что Поволжские немцы не были репрессированы, потому что это была не карательная операция – они были переселены или депортированы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

ОРГАН ОБКОМА ВКП(б), ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ, ЭНГЕЛЬСКОГО ГОРКОМА ВКП(б) И ЭНГЕЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.

№ 204 (4713) | Суббота, 30 августа 1941 г. | Цена 15 коп.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ПОВОЛЖЬЯ

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья советским властям не сообщал, – следовательно немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль
28 августа 1941 года.

Будьте бдительны, в словах может скрываться много неправды.

4. Организацию переселения осуществляли отряды НКВД. В эшелоны, в которых только что отвезли солдат на фронт, грузились немецкие семьи с небольшим количеством вещей и запасом пищи. Трое суток в дороге, с короткими остановками на перегонах. На крупных станциях по вагонам разносили в вёдрах суп или кашу. Слабые умирали, беременные рожали тут же в вагонах. От железнодорожной станции кому-то предстояло ехать ещё на пароходах вверх и вниз по течению Оби. От пристани и станций по деревням немцев разводили спецпредставители от деревень, они довозили переселенцев до места. Расселяли в свободные дома, на квартиры к малосемейным, а кому-то пришлось копать землянки. Кстати специалисты эвакуированных заводов жили первый год в землянках. Теплую одежду собирали у населения, как правило давно ношеную. Мужчин-немцев, тех, кто принимал участие в организации заговора, осудили и расстреляли. Работающие немцы наравне с местным населением получали по 600 граммов хлеба в день, иждивенцы – 400 граммов в день. В тоже время, необходимо заметить, что некоторые эшелоны останавливались, немцы выгружались и их отправляли на уборку урожая. По воспоминаниям очевидцев, так было в Колывани. В сентябре привезли немцев, те отработали на уборке урожая (мужчины были на войне), а после председатель колхоза в малом Оёше выдал дополнительно каждой семье мешочки с крупами. Вот почему в некоторых воспоминаниях немцев иногда встречаются слова о том, что до места назначения добирались больше месяца.

Трудармия – не было такого понятия, был трудовой набор, призыв на эвакуированные заводы. Более 90 % призывников были из русских девушек, несовершеннолетних юношей и мужчин непризывного возраста, тех, кому за 50 лет. Немцы, как и прибалты, из-за утери доверия не призывались в действующую Красную армию, а призывались

к станкам. Оплата и условия жизни, как и у кадровых рабочих.

5. В воспоминаниях труженников тыла, детей войны и Поволжских немцев часто упоминается такой факт, что весной ходили по полям и собирали прошлогоднюю мёрзлую картошку, потом из неё делали «драники» или «тошнотики». Да, картошки на полях в зиму осталось много, потому что при посадке рассчитывали, что её будут убирать вместе с мужчинами.

6. Но труднее всего переживались не материальные проблемы, а моральный климат. Но если трудолюбивые взрослые немцы скоро завоевали авторитет и доверие среди населения, а это было непросто: соседи получали похоронки на мужей и сыновей, то у детей, особенно у мальчиков, жизнь складывалась сложнее.

7. Но мы задались ещё одним вопросом: «А как там, в «цивилизованном» мире государств-участников войны? Происходило ли нечто подобное у них?»

И вот несколько фактов:

США. У американцев антияпонские настроения сложились задолго до 1941 года. Поэтому после объявления Японией войны 7 декабря 1941 года японцы, а вместе с ними и немцы, и итальянцы были объявлены в Соединённых Штатах «враждебными иностранцами» по этническому принципу (имеющееся гражданство не учитывалось). Президент Франклин Рузвельт 19 февраля 1942 года подписал Чрезвычайный указ № 9066, который разрешал перемещать вышеуказанных граждан в «зоны выселения». Большинство, так называемых, «спецлагерей» построили на землях индейских резерваций. Очевидно, что американцы не изобретали ничего нового, а шли давно и надёжно протоптанной тропой искоренения индейцев континента. В итоге, насильственному переселению в «спецлагеря»

подверглось более 120 тыс. человек. Их имущество было изъято. Интернированных разместили в «бараках простой конструкции, покрытых толью, без канализации и кухонь». Лагерь окружили, по всем законам военного времени, колючей проволокой и вышками с вооружённой охраной. Выход за пределы лагеря был запрещён.

В 1944 году Верховный суд США подтвердил конституционность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость».

Великобритания. К началу войны на туманном Альбионе находилось около 80 тысяч немцев и австрийцев. Подавляющее большинство их было арестовано и перемещено в концентрационные лагеря. Чуть позже тоже самое произошло с 19000 итальянцев, проживавших в Британии. Большинство лагерей находилось на острове Мэн.

Германия. О жёстких мерах, предпринятых немецким правительством сразу же после прихода к власти нацистов в 1933 году, в первую очередь к инакомыслящим немцам, а потом евреям и прочим и прочим, рассказывать нет смысла, эта информация достаточно подробно отражена в различных документальных источниках.

8. Наш текст не имеет цели оправдать какую-либо власть. Наша цель донести объективную информацию о необходимости жёстких мер по отношению к Поволжским немцам в соответствии с военной ситуацией. Но я не знаю, как бы поступили мы с вами, дорогой читатель, окажись мы перед угрозой полного истребления нашего народа. Нельзя судить о событиях в отрыве от реалий конкретного времени. Но вместе с тем, мы, конечно, знаем, каким страданиям во время войны подверглись все советские люди, как они выживали – работали, голодали, мёрзли – страшно даже представить. Тем более – переселенцы, оказавшиеся в чужом краю без жилья и одежды. А выжили они благодаря помощи окружающих людей.

8. Скажу более того: переселение Поволжских немцев спасло их от гибели. Легко представить, что могло случиться, если бы в Поволжье появились отряды немецких партизан, то есть – в глубоком тылу Красной армии, когда фашисты стояли уже под Москвой. А такая опасность, по донесениям спецслужб, имела основания. Тогда никто бы уже не церемонился, а прошлись бы ковровой бомбёжкой по всем немецким сёлам, и никто бы уже не выжил в ту лютую зиму 1941–1942 годов: ни мужчины, ни женщины, ни дети.

9. И в заключение. В молодости я ухаживал за Ирмой Пауль, но она уже была влюблена в одноклассника Александра Карпова, за которого потом вышла замуж и живёт с ним всю жизнь. Я наконец-то встретил свою Ирину, женился на ней и счастлив до сих пор.

10. С Владимиром Эйснером – известным кинорежиссёром-документалистом, лауреатом Государственной премии, мы создали десяток популярных учебных фильмов по истории Родного края, он потомок поволжских немцев насильственно перемещённых на Алтай.

На многие книги по истории Сибири средства выделяет бизнесмен Гиберт Корней Корнеевич, он потомок поволжских немцев, которых насильственно переселили в Казахстан, а издавать эту книгу «Народная Летопись Новосибирской области» будет Александра Лихтенвальд – очаровательная директор типографии «Деал», потомок Поволжских немцев, которых когда-то насильственно переселили в Новосибирскую область. Они мои друзья и, надеюсь, такими будут всегда, и никакие враги, ни дальние, ни ближние не способны нас посорить.

СХРОН

Я много читал о героизме советского народа во время Великой Отечественной войны, о массовом походе добровольцев на фронт, о мальчиках-подростках, которые целыми улицами убегали воевать с фашистами, о школьницах, которые после ускоренных курсов радистов и медсестёр уходили на фронт. Массовый героизм народа – чудесная особенность советского народа, проявленная в Великой Отечественной войне.

А те, кто остался в тылу – Второй фронт – с удвоенной силой работали в поле, на заводе, в Трудармии – на самых тяжёлых участках: в шахтах, у мартеновских печей, у токарных станков, за штурвалом тракторов. Только великий народ мог добиться великой Победы.

Но я практически ничего не знаю о дезертирах и предателях, о них никогда не поминали, и Владимир Высоцкий будто вторил этой традиции: «Здесь о таких не поют». Хотя ещё в детстве я вдруг услышал разговор взрослых о нашем соседе, его называли обидным словом «грыжевик». Я сильно удивился, на что мама пояснила, что во время войны некоторые мужчины, чтобы не попасть на фронт, обзаводились справками о том, что у них грыжа – то есть расщепление мышечной ткани на животе. Это сейчас грыжу лечат легко, а тогда эта болезнь была поводом получить отсрочку и не ходить на войну.

Потом я забыл о грыжевиках в шуме победных салютов, в звоне отцовских наград и рассказах фронтовиков. Но прошло ещё несколько лет и тема уклонистов и дезертиров опять напомнила о себе.

В Колыванском районе есть тёмный Кашламский бор, в пятнадцати километрах от райцентра. Недалеко от села Пристань Почта мне показали ямы, которые оста-

лись от землянок дезертиров со времен войны. Как я выяснил, всех их потом поймали и отправил добывать известь в Искитимский район. Мало кто из них дожил до конца войны, вредное производство отразилось на здоровье легких. Случилось всё по-честному, погибли на поле боя, добывая стратегически важный минерал для страны. Но в 1991 году дезертиры вдруг были реабилитированы, а Ложок – место захоронения дезертиров объявлено святым.

Люди, совершившие государственный переворот в 1991 году, начали переписывать историю и поливать грязью подвиги наших предков: и коллективизацию, и индустриализацию, и борьбу с врагами, и саму Великую Отечественную войну. Они реабилитировала общим списком осуждённых праведным судом предателей, воров, вредителей и прочих преступников как пострадавших от «сталинских репрессий».

Ещё через некоторое время я оказался в командировке в районе ровно в противоположной от Колывани стороне – в Карасукском районе. После рабочего дня мне предложили поехать за грибами, мол, второй слой белых пошёл. И вместо того, чтобы маяться в гостинице, я помчался с группой грибников в недалекие берёзовые колки.

Хороша прогулка после толчеи школьников, учителей, гама и напряжённых выступлений. Грибы действительно росли в незатейливом, прозрачном, наполненном чистым воздухом березняке. И вдруг я наталкиваюсь на череду глубоких ям, огляделся, но ни остатков построек или крапивных островков, которые вырастают на месте домов, исчезнувших деревень, не было.

– Это схроны, – пояснил директор местного лицея, – землянки дезертиров ещё со времён войны.

– Опять схроны, – удивился я. – И всех дезертиров в 1991 году реабилитировали?

– Нет, – ответил директор, они поубивали здесь друг друга. Поссорились и за ножи схватились. Когда пришли их жёны, принесли еду, последний истекал кровью. Не выжил.

СПРАВКА:

Закон в годы войны предусматривал наказание за дезертирство – высшую меру (статья 193, п. 7–10 Уголовного кодекса РСФСР). По данным, к которым склоняется большинство авторитетных исследователей, за весь период войны дезертирами стало 1,7 миллиона человек, уклонистов – 2,5 миллиона. Всего же за годы войны за дезертирство было осуждено почти миллион человек, расстреляно более 150000.

От несения воинской повинности уклонялись по разным причинам: по мировоззренческим – ненавидели Советскую власть, по религиозным – нельзя убивать людей, но более всего из-за страха за собственную жизнь.

Для того, чтобы военнообязанный мог легально находиться в тылу, необходимо было получить бронь – документ, освобождавший от отправки на фронт. В первую очередь бронь давали высококлассным специалистам в стратегически важных для обороны отраслях промышленности и хозяйства, также бронь распространялась на некоторых представителей науки, культуры, искусства и спорта.

Нередко благодаря недобросовестным чиновникам бронь получали люди, не имеющие на это никакого права, но обладающие достаточной суммой денег или положением. Больше всего «забронированных» было в Москве – около 45 % от общего числа военнообязанных. Но не торопитесь клеймить москвичей, помните, что в Москве были собраны все выдающиеся деятели Советского Союза, что, конечно, не исключает подделку документов. Для сравнения в городах Западной Сибири их количество не превышало 28 %, а в сельской местности – 5 %.

Дезертирство стало благоприятной средой для процветания бандитизма: 56 % всех разбоев и грабежей во время войны – дело рук дезертиров. Огромное количество вооруженных группировок действовало на ещё не оккупированной территории СССР, грабя крестьян, нападая на продовольственные обозы и склады. В связи с чрезвычайными условиями военного времени отделы НКВД, а позднее «СМЕРШа» наделялись особыми полномочиями, в том числе и правом расстрела изменников на месте. Самая масштабная операция по розыску и поимке дезертиров была проведена летом и в начале осени 1944 года. Тогда в результате усилий НКВД, НКГБ и «СМЕРШа» было арестовано 171 тысяча беглецов. Их них около 104 тысяч отправлено на фронт. Такая милость объясняется тем, что не хватало живой силы на фронтах, и власти предпочли отправлять дезертиров на передовую, чем держать их в тюрьмах. Более того органы «СМЕРШа» прекращали дела тех военнослужащих, которые особо отличились в боях и тем реабилитировали себя.

Подонки (от слова «по дну», то есть осадок), трусы и предатели были во все времена, но смелых и отважных, беззаветно любящих свою Родину мужчин, готовых отдать жизнь, защищая родные рубежи, близких и родных, было несравненно больше. Трусы растворялись во времени и человеческой памяти. И так должно быть: «Здесь о таких не поют».

Но что же стало с нами, мужчинами сегодняшнего «мирного» времени, когда границы, которые защищали наши отцы и деды порушены, заводы разграблены, поля заросли, а народ нищенствует. История извращена, памятники нашим героям по всему миру сносятся, учебники глупые, песни и речь иностранные, пища отравлена, в души детей, как в карманы, сыплются мещанские идеалы. Власть полнится бюрократической пошлостью и ложью!

Где вы мужчины? Где вы, мужественные люди, которые должны и обязаны защищать территорию, здоровье, жизнь и душу своего народа?!

Где вы, мужчины?! Или так обезволили, что затаились за справкой «грыжевика», в диванный схрон спрятались, а глаза водкой залили, чтобы не знать, не видеть и не слышать страдание поруганной страны – жён, матерей и детей своих?!

Где вы, святоотеческие мужчины?! Или страх победил русский дух, волю, ум, сноровку, сообразительность, выносливость и устремлённость к высшему, ясному и чистому?!

Юноши! Спасите нашу Родину, ваши будущие жёны ждут сильных мужчин, чтобы возродить страну мужественных людей.

СОРВАННАЯ РЕЗЬБА

Я родился после войны. Моё детство было бедным и радостным, потому что вокруг меня жили счастливые люди, они много улыбались и всегда были вместе: на сенокосе или если соседу помочь дом поднять, или если на каток, или в кино, и всегда с нами – многочисленной мелюзгой. И нас, детей, было очень много, не было детских площадок, но дворы кипели детским гомоном и суетой, и всё наше детство проходило где-то на задворках в огромных лопухах, которые росли между вечерней школой и Отдыхаловкой для машинистов на улице Вокзальной, на старых ранетках, что росли в саду интерната всё на той же Вокзальной, или в играх «в сопку», «в войну», «в Чапая», или на катке КОРа, или на санках на склонах Лоханки. Или на велосипеде, единственном на всю улицу велосипеде, который мне купил отец, вопреки беспощадным, как прокурорский приговор, доводам мамы, а потом ещё у нас появился телевизор, и все соседи по вечерам собирались смотреть кино у нас дома.

Мне, ещё совсем мальчишке, запомнилось общее настроение жизни, никогда я более не видел людей с такой жадной жизни. Отец сидел за учебниками, а мать подталкивала нас прочь из дома на улицу, мол, не мешайте папке учиться, у него скоро экзамены. И мне казалось, что этот неведомый экзамен сродни какой-то неистовой попытке, допросу или даже казни. Когда собирались фронтовики, а они кучковались всегда вместе, было много смеха, и они помогали друг другу во всём и безоговорочно. И ещё вот этот возглас: «Махнёмся не глядя?!» и менялись часами. У отца всегда были новые часы, а однажды даже без механизма внутри, только стрелки. Но это был не обман, это у фронтовиков была такая игра в обман. И они неустанно чем-то махались

друг с другом. Фронтовик – это всегда был знак качества на работе, честнее и ответственнее людей ты не встретишь.

Много инвалидов в Болотном появилось через несколько лет после войны, потому что им пришлось долго лечиться в госпиталях, они осваивали новые профессии: чинили обувь, одежду, часы, изготавливали деревянные маленькие бочонки, столитровые кадки, корыта, а более всего я любил деревянные игрушки. Фронтовики-инвалиды, не помышлявшие о творчестве, вдруг раскрывали в себе такие тонкие таланты художников, что некоторым профессионалам и не снилось такое. У нас был один инвалид, который вязал пуховые шали, рукавички, свитера и много пел. В те годы люди много пели, и не только во время застолья, а даже старшие девчонки в школе на переменах сидели на подоконниках в коридоре и пели.

Мы сейчас не умеем любить своих детей – нет у нас того мудрого терпения, каким обладали наши родители. Мы, кажется, всегда были рядом и вместе с родителями, и в гараже, и на покосе, и в огороде. И к нам относились не как к детям, а по-взрослому, поручали дела важные и самостоятельные, чем приучали брать ответственность на себя. И у всех было много детей, в каждом дворе по несколько детей, хотя жили бедно. Я эту бедность запомнил по одежде, которая передавалась от старших к младшим. Родители менялись детской одеждой на нашей улице, и мы не стеснялись этого. Нищета не была препятствием для появления на свет нового ребенка, никому не приходило в голову оценивать жизнь будущего человека своим благополучием.

Мы жили, как и вся улица Линеинная, да и вся Болотная, и, подозреваю, что и вся Советская страна, очень бедно, но счастливо, потому что мы жили ожиданием лучшего и собственными руками создавали это лучшее. Даже мы, сопливые первоклашки, знали, что Родине важно, чтобы мы получали пятерки. Каждая пятерка, как точный выстрел по врагу, а двойка, как предательство или трусость.

Но не любил я, когда отец и дядя Толя с первого этажа пили водку. И тот и другой прошли тяжёлый путь войны, однако наступал момент, когда после душевного разговора и мужицких песен лились солдатские слёзы. Вот к чему я никак не мог привыкнуть, так это к слезам взрослых мужиков и к слезам тёти Кати, которую позже жестоко избивал пьяный дядя Толя. Отец спасал её, борол соседа. Потом дядя Толя стоял перед тётей Катей на коленях и просил прощения. Я ненавидел водку, потому что она рождала неистовую, невиданную, нечеловеческую жестокость. Я ещё не знал, что дело не в ней, не в водке, а в войне, с которой вернулись наши отцы победителями, но с ранеными, порванными напрочь нервами.

Цоканье костылей, посвистывание подшпишников инвалидских тележек, натруженный скрип кожаных протезов – привычные звуки детства. Особенно много инвалидов было в воскресенье на базаре. Меня не пугали пустые рукава, пришитые к карманам пиджаков, у нас директор 23 школы был инвалидом войны – высокий, интеллигентный, но без левой руки. Меня поражали безногие колясочники, они сидели на тележках с маленькими колесиками, а в руках у них были деревянные кулаки, которыми они опирались в землю и толкали себя вперёд, а на лесенках с невероятной ловкостью и силой перемещали свое тело вверх. Я запомнил одного, который поднимался на эстакаду через железнодорожные пути у вокзала, ведущую в Чётный Парк, он шёл на руках, неся своё тело без ног на весу. Он шёл боком, сначала одну руку ставил на верхнюю ступеньку, потом другую, а люди расступались, пропуская его вверх. Я и после видел его, он ездил в пригородном поезде до Новосибирска с гармошкой на груди и пел жалостливые песни:

Дорогая жена, я калека,
У меня нету правой ноги,
Нет и рук, они честно служили
Для защиты родной стороны.

На обрубках ног лежала серая в крапинку кепка, в которую сердобольные пассажиры кидали мелочь. Иногда поездной милиционер выгонял инвалида из поезда, а тот не ругался, выходил, но уже на перроне какого-нибудь полустанка, вдруг рвал меха гармоники и неистово допевал куплет:

От жены я письмо получаю,
С ней я прожил всего восемь лет.
Она только в письме написала,
Что не нужен, калека, ты мне...

Особое впечатление осталось от посещения железнодорожной бани, той, что стояла между церковью и Вагонным депо. Ведь в те времена люди массово ходили в общественную баню. Вход в женское отделение был с одного торца бани, а в мужское с другого. Когда я впервые зашёл в мочечную, то увидел просторный зал с двумя рядами бетонных скамеек и по периметру такие же толстенные бетонные плиты, каждая скамья разделена неглубоким желобком на два места. Банная «шайка» громыхала колокольно, а по залу гоняло из угла в угол нескончаемое эхо. На скамьях сидели мужики, и среди них было неожиданно много людей в шрамах. Выцветшие швы неровной резьбой впивались в руки, ноги, грудь. Но больше поразили инвалиды без рук и ног. У них тоже были швы, неровно стягивающие на торцах култышек кожу – уродливые обрубки. Я смотрел во все глаза, пока отец не подтолкнул и не заставил мыться, но я всё равно через мыло в глазах смотрел на изуродованных людей, и любопытство перебивало страх и брезгливую оторопь. Вот только когда я почувствовал всю беспощадность прошедшей войны.

Как в каком-то кошмарном сне, безрукие и безногие шли в парилку. Из кипящего котла с неистовым гулом стартовавшего самолёта в парную врвался густой пар, из-за него ничего не было видно, один хлёт и крик, и периодически крик: «А ну-ка, поддай-ка!», «Пару! Пару, сынок, не жалеи!» И кто-то вновь открывал кран, и пар с угрожающим рыком наполнял парилку нестерпимым жаром.

После бани, тут же, в предбаннике, небольшой буфет, мне покупался вкуснейший лимонад, который готовил наш Пищеккомбинат на улице Водопроводной, а отцу кружка пива из деревянной бочки, доставленной из Тогучина. В Тогучине главным пивоваром на заводе работал немец, депортированный ещё во время войны с Поволжья, он готовил лучшее в нашей области пиво.

Ненавистное спиртное продавалось везде. Я ещё не знал, что это специальная мера государства в помощь фронтовикам, я не знал, что спиртное служило успокоительным, снимало нервное напряжение у тех, кто прошёл военное поле смерти. Вино продавалось вместе с фруктовыми соками. На стойке стояли огромные конусы с вишневым и томатным соками и вином. Я пил томатный, потому что вишневый был дороже, а отец стакан вина. Но можно было купить и рюмочку водки, но в нагрузку шёл бутерброд с подсохшим и неловко прогнувшимся сыром или с тусклой килечкой. Без закуски водку не продавали. Только в шестидесятые годы вдруг пришёл негласный запрет на свободную продажу спиртного, и конусы с вином исчезли, остались только соки. Зато появилось мороженое, по десять копеек за стаканчик. Мороженое делал наш молкомбинат, очень вкусное мороженое.

А ещё около гостиницы, недалеко от Центральной площади, был Погребок, где продавали пиво в огромных гранёных кружках. Там всегда былолюдно и до потёмок накурено. Мужики в полинялых гимнастёрках, позвякивая орденами и медалями, стояли вокруг высоких и совершенно круглых столов, пили пиво и разговаривали. Их было много, но когда заходил колясочник, он подкатывал к стойке, голова его еле была видна продавщице, но он всегда получал свое пиво без очереди, и мужики смирялись и не мешали ему. Я ненавидел драки, потому что мужики дрались не как мы – до первой крови или «лежачего не бьют», а неистово и жестоко. Дерущихся тут же разнимали соседи по столику, у особо ярых отбирали финки, немецкие финки с орлами

и зловещей свастикой, и все возвращались к неторопливому поглощению пива. Я запомнил ещё одну удивительную особенность: фронтовики никого и ничего не боялись. Если кто-то начинал орать, безумно угрожая окружающим, никто не пасовал перед угрозой или ножом, забияку скручивали и выкидывали вон из Погребка – «освежиться». Эта смелость свойственна только тем, кто готов был к смерти и привык смотреть в её чёрные глаза. Не было страха ни за свою, ни за чужую жизнь. Страх остался там, на войне.

Разговоры шли всё о ней, о войне. Я сидел на широком подоконнике под сводчатым потолком оконного проёма в пивном полуподвале и слушал о неведомой и невиданной жизни – о войне, тогда я ещё не понимал, что главной бедой в те годы была глубокая и непрерывно саднящая душевная рана. Люди, прошедшие войну, люди, не один раз поднимавшиеся в атаку, люди, десятки раз хоронившие друзей, смотрят на жизнь и видят жизнь иначе, по-другому. Я не понимал как, но чувствовал, что по-другому. Значительно позже, уже взрослым, я понял, что в том Погребке собирались фронтовики – люди без кожи, люди с оголёнными нервами. Они убивали на войне людей и слишком часто видели смерть, чтобы скоро научиться жить мирной жизнью и бережно относиться к чужой жизни. Есть статистика Героев Советского Союза, есть данные об орденосносцах, но нет данных о тех вернувшихся с войны солдатах, которые скоро угодили в тюрьму. Они тоже жертвы войны – люди с оголёнными нервами. Много лет наши воины учились засыпать без кошмаров, без криков и стонов во сне.

Любая война – это вечно заживающая рана, и это горькое послевоенное заживление вынес наш народ, наши милые, терпеливые, неистово сильные женщины и, конечно, мужественные и героические мужчины. И не дай Бог нам оказаться в такой переделке, как война, и потерять кожу, оголить нерв, не зарастающий, не умирающий нерв скорби, горя и жестокости.

Вечная память героям.

ВЕРНИТЕ МНЕ МОЮ ПОБЕДУ

Мой отец, чтобы попасть на фронт, исправил год рождения в комсомольском билете, видимо, заметно подтёр цифру, а потому его прежде отправили учиться на связиста и только потом воевать с японцами. Два года в любую погоду, под свист пуль и вой снарядов бегал отец со своим другом дядей Пашей Смирновым с тяжелой катушкой для кабеля полевого телефона между частями – налаживал связь. И рассказывал иногда о тех днях:

– Ждали связистов все, молились на нас и никого так беспощадно не материли, как нас, – смеялся отец. – Мы же – связь, любой ценой – дайте связь! Мы – нервы армии! В кино правильно показывают: кто обеспечивает взаимодействие войск? – Правильно – мы. Без нас все как котят слепые.

В минуты доброго настроения, которое непременно случалось в День Победы, после законных фронтовых стаграммов, после обязательного дружеского разговора с дядей Пашей по телефону, который жил и работал в Москве, отец вдруг вспоминал боевые будни:

– Вот представь, сынок, бежишь с катушкой, десять кило, между прочим, эта катушка, тянешь связь, и не знаешь, где тут растяжка. Или провод где-то перебило. Бежишь искать порыв, а не знаешь, то ли снарядом его перебило, то ли специально перерезали, и тебя ждёт засада, или ты уже на мушке снайпера. А японские снайпера прежде в пах стреляли, а потом, из милости, в голову. А кого-то так и оставляли умирать и истекать кровью. Трупы связистов по проводам находили. Хотя, какие трупы, если на мину налетел бедолага – кишки по берёзам висят, а ты скрутил порыв и дальше бежишь, связь восстанавливать, потому что

мы – боги войны, мы – связь, без нас никак нельзя. Поганая работа.

Но и живы мы, помню, остались благодаря случаю, бежим с Пашкой, я впереди, он на расстоянии – метров двадцать сзади, ну это если один на растяжку напоролся, второй мог порыв найти и связь восстановить. Так вот, бежим, а и не знаем, что наших уже плотным миномётным огнём накрыло, половину угробили, и всё это совершили свои же, по ошибке. Вот такой дури у нас тоже много было, не умели мы воевать, пока с Западного фронта несколько эшелонов с опытными бойцами и офицерами не прибыло. А как те приехали, весёлые, все в орденах, так мы японцу сразу хвоста накрутили.

После войны отец окончил школу милиции и его боевой путь продолжился, но теперь он боролся с бандитами. Об этом времени он тоже рассказывал мало, но охотнее:

– Здесь, в тылу, за время войны всякий уголовный элемент голову поднял, безнаказанность почувствовал, ведь мужики на фронте, а эти по лесам прятались, в землянках, дезертиру что терять? Трудно было после войны милиционеру работать, огнестрельного оружия почитай у каждого фронтовика, рюмку выпил и давай палить куда ни попадя. Прибежишь на вызов, машин-то не было, свяжешь стрелка, а самому его, дурака, жаль, ведь по этапу пойдёт. До кадушки дотащишь, мордой в воду, притопишь слегка, глотнёт воды, очухается немного, на колени валится, прости, мол, сол-

дата! Прощал я, сынок, таких дураков. Пригрозишь хорошенько, жене настраиваешь, что если опять, прям ко мне, я ему на суде и эту пальбу вспомню. Поклянётся, побожится солдатик, и отпускал я фронтовиков, жалел. Лет десять мы у них оружие отбирали, правительство амнистии объявляло, тем, кто сам сдаст, потом уже полегче всем жить стало.

Жил мой отец до восьмидесяти двух лет, болел сильно, астма его мучала, но с того дня, когда вместо красного полотнища над страной подняли триколор, отец на парад в День Победы ходить перестал, и не от того, что душила его эта астма.

– Моя страна – Советский Союз, я ему присягал, и под чужим флагом бойцу Красной армии ходить негоже.

С тех пор будто замкнулся в себе, обиделся. Оденет свой серенький пиджачок с орденами и медалями, выйдет, около дома прогуляется. Молодёжь к нему с гвоздикой, фотографироваться, а он и счастлив. А дома уже бутылочка беленькой и законные сто граммов фронтовых, а потом скушая мужицкая слеза.

– Верните мне мою Родину! Почему вы ворами страну мою отдали?! – спрашивал меня и кричал, – Труссы! Предатели! Верните мне мою Победу!

Катились крупные слезы по глубоким морщинам, он изредка их смахивал потемневшей и костлявой рукой, и скверно ругался.

Он умер в 2009 году, и хорошо, что не дожил нескольких месяцев до того дня, когда его родную милицию переименовали в полицию.

ПИСЬМО ГИТЛЕРУ

1.

Мой отец вернулся с войны, и после учёбы был распределён на станцию Болотная следователем в транспортную милицию. Мама трудилась здесь же дежурной по вокзалу. И однажды, а было мне лет около одиннадцати, я услышал папин пересказ истории своего сослуживца, который во время войны работал в НКВД. Папа рассказывал маме, а я слушал их взрослый разговор, сидя на теплых полах в душно натопленной кухне, так топят в сильные сибирские морозы, чтобы утром подольше поспать, и не вставать посередине ночи подтопить громоздкую печь. Теперь я их понимаю, они были еще совсем молодые.

Отец рассказывал про девушку Машу, старшеклассницу, которую вызвали в НКВД – Наркомат внутренних дел – был такой центральный государственный орган для организации внутреннего административного управления и охраны общественного порядка. И причина вызова девочки стало ее письмо Гитлеру.

В начале октября 1941 года в Болотном организовали эвакуогоспиталь, и скоро пришел первый состав с ранеными, в основном с переломами костей. Госпиталь организовали в 21-й школе. В ясный и по-летнему теплый октябрьский день пришёл первый эшелон, начали разгружать раненых бойцов: кого везли на телегах, кого несли на носилках, кто сам прыгал на костылях. Жители ближайших домов помогали добраться раненым до школы. Маша насмотрелась на изуродованных людей и в тот же вечер написала письмо Гитлеру. На конверте указала адрес: Германия. Берлин. Адольфу Гитлеру. И опустила в почтовый ящик.

Сотрудника НКВД заинтересовал не сам факт письма Гитлеру, в те годы к Гитлеру были обращены все взоры ненависти, все слова проклятий всех людей на Земле. В письме не было ругани и оскорблений, а было праведное негодование, мольба и даже попытка усостыжить, мол, что же вы делаете, господин Гитлер, зачем убиваете людей, зачем так много Божьего и народного гнева не боитесь? Как вам не стыдно?!

Девочка оказалась такой искренней и наивной, столь чистой душой, будто не от мира сего, создавалось впечатление, что она никогда не встречалась не только с горем, но и простой бытовой ложью.

– Блаженная, что ли? – спросила мама.

– Нет, – задумался отец, а потом неожиданно сказал: – Это подвиг, понимаешь, отчаянный подвиг честного человека. Таких, как она, мало, они погибают первыми...

Мама ничего не ответила папе, потому что он прошёл войну и знал многое, мирным людям неведомое.

2.

Я, может быть, и не вспомнил этот растворившийся во времени не самый яркий случай, если бы не рассказ другой Маши – Марии Алексеевны Зотовой (Обыденновой), которая была в дивизии генерала Панфилова медицинской сестрой в составе 242-го отдельного медико-санитарного батальона. Она и сейчас жива! 100 лет! Она рассказала, как наши солдаты защищали Москву – перекрыли Волоколамское шоссе. Это случилось в октябре-ноябре 1941 года, почти в те же дни, в которые прибыл эшелон с ранеными в Болотное. В те дни фашисты стояли уже под Москвой.

«Фашистские танки, как огромные чёрные муравьи, – рассказывала Мария Алексеевна, – ползли на нас, а наши мальчишки поднимались им навстречу со связкой гранат и подрывали себя и танк, они кидались под танк, хотя могли бы бросить гранаты из-за бугорка или ворон-

ки и остаться живыми, но они боялись промахнуться и совершали свой отчаянный подвиг».

И опять эти два слова – отчаяние и подвиг сказаны вместе! Но мы привыкли, что подвиги совершают мужественные люди осознанно и смело, а тут – отчаяние. Это значит – от безысходности, как у последней черты, но которую определял сам солдат, не война и не обстоятельства, а сам солдат. Пусть будет так, как будет, а я сделаю, что должен! – вот, что двигало наших солдат под танки. Они не рассуждали, а отчаянно бились и погибали. Вот как об этом написала Мария Алексеевна:

«Мы с Ваней Вдовиным ездили за ранеными на передовую на автомашине, а тут – самолёты. Все попрыгали кто куда, я с размаху в воронку. Земля же была замёрзшая, жёсткая, вот и получила, как уже после войны обнаружила, перелом шейных позвонков. Всю войну думала, почему шея болит, и только в 1975-м, работая рентгенологом, сделала себе снимок и обнаружила...»

Немцы тогда остановились, они были ошарашены массовым героизмом наших. Они впервые видели, как люди бросаются под танки. Они говорили, что против них воюют какие-то дикари со странными глазами, у нас же много казахов-киргизов было, которые смерти не боятся».

Дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова формировалась летом 1941 года в Алма-Ате, но в дивизии было несколько сотен сибиряков, в том числе уроженцев Новосибирской области.

3.

В 2014 году в газете Комсомольская правда вышла статья, имя автора не назову – велика честь, в которой он поделился сомнениями в истинности подвига Панфиловцев 16 ноября 1941 у разъезда Дубосеково. Не будем отвлекаться на всякие глупости и спорить с диверсантом, что-то сопоставлять, доказывать – это ни к чему, не буду «бисер метать».

**Зотова Мария
Алексеевна,
242 омсб, лейтенант**

Подвиг панфиловцев никто отрицать не может – дорога на Москву на Волоколамском шоссе была закрыта намертво, жизнями миллионов красноармейцев, погибших за первые пять месяцев войны, и десятками миллионов женщин и детей, открывших второй фронт в глубоком тылу, обеспечивая армию продуктами питания, одеждой, снарядами, танками и самолётами. Прочитала эту статью Мария Алексеевна и не выдержала этой вопиющей неправды и начала писать всем и криком кричать, защищая погибших бойцов, и пошли её письма Президенту, в

Министерства и даже в ООН.

Для меня же в этой истории остаётся один только вопрос: для чего и кому в угоду газета «Комсомольская правда» спровоцировала эти сомнения? Заговорщики хорошо знают, что стоит поднять даже абсурдный и нелепый вопрос и часть населения, самого малоинформированного и неустойчивого – а это – дети, они начнут думать: дыма без огня не бывает! Что-то там не то и не так. Дальше разбираться им некогда, но семя сомнения уже проросло. Значит, – делают они скорый вывод, – и на войне подвиги дутые. И столь скорые выводы юнцов подтверждает очевидный и сегодняшний день – в стране практически все успехи «дутые» – и в экономике, и в

**Зотова
Мария Алексеевна**

культуре, и в космосе, и в заботе о стариках. Главная цель статьи – поставить под сомнение массовый подвиг советского народа. И для этой диверсии была использована одна из самых крупных информационных площадок современной России – газета с самым советским названием «Комсомольская правда». Как дьявольски изобретательны и коварны наши враги!

А кто сказал, что те же наполеоновские генералы или немецкие и прочие всяких мастей, уверовавшие в свою «избранность», кто сказал, что они дураки? Кто сказал, что современные провокаторы и неонацисты глупцы? Главное посеять сомнение и вполне законным путём, то есть посредством «демократической» дискуссии, достичь главного – посеять в сердцах молодежи неуважение к Родине.

4.

Нынче ложь потоком льётся на нашу историю из всех средств массовой информации. Что только не оболгали?! Лгут и льют грязь на наш народ за то, что поддержал Октябрьскую революцию, а когда белые при поддержке стран Антанты начали гражданскую войну, встал на сторону большевиков, и за то, что провёл коллективизацию и индустриализацию не только сельского хозяйства, но и промышленности, подготовился к войне – это всё совершили одни и те же люди – наши предки, родные, в них текла наша горячая кровь, в нас течёт их горячая кровь! Они же победили в этой войне, а потом, всего за семь лет после войны, восстановили экономику страны! А вот про космос и прочие научные и производственные успехи стараются забыть. А некоторые СМИ и высокие государственные деятели их даже отрицают, мол, ничего не делали, не умели и не могли – лаптем щи хлебали. И эта ложь нас почему-то не смущает, не приводит в негодование, не вызывает протест?

Да что там ложь о нашей истории, загляните в Интернет и вы увидите, какой массив материалов размещён

на многих сайтах о подвигах и смелости немецких фашистов на нашей земле. Как они смело воевали и совершали подвиги – риторика самая возвышенная. Вот и дожились, когда всемирная паутина запела восторженные песни палачам – как они искусно терзали свою жертву, как профессионально расстреливали и жгли, какими умелыми мучителями, налётчиками и карателями были. И красивыми, и сильными – просто супер герои! И памятники погибшим советским войнам наши заклётые «партнёр», которых освободила Красная армия, сносят «из-за ветхости».

Но! Палачи смелыми не бывают!

Уверен, что любой человек, мягко говоря, «удивился бы», если б в современной символике России стали использовать священный для всего человечества на протяжении многих тысячелетий Коловрат. Конечно, скажете вы, – потому что к этому древнему символу, в том числе – и славян, прикоснулась рука фашистов, превратив его в сознании людей в ненавистную фашистскую «свастику».

Так отчего же торговый флотский триколор, несмотря на то, что его использовали фашисты РОА (Российской освободительной армии) генерала-предателя Власова, стал вдруг государственным флагом Российской Федерации? А на параде Победы его теперь несут впереди Знамени Победы.

Как мне, психически здоровому, здравомыслящему и законопослушному человеку, относиться к Государственному флагу России? По закону я обязан уважать государственные символы, а по совести? Как мне теперь надо умудриться отделить в своем сознании два символа – государственный флаг и фашизм? Почему нравственное беззаконие стало государственным законом? Лично я ответить на этот вопрос не могу. Но ведь эта идея кому-то пришла в голову, и этот кто-то пролоббировал «власовский» триколор в Государственной Думе? Кто эти умельцы?

Мой отец отказался ходить на празднование Дня Победы, потому что «негоже, – сказал он, – красноармейцу под чужим флагом быть». А перед смертью, насмотревшись

государственных каналов по телевизору, плакал: «Верните мне мою Победу», «Зачем мне моя жизнь, если Родины нет». И мне ответить ему было нечего.

Всё, к чему прикоснулся Иуда, – проклято, и не только тридцать серебряников, но и его поцелуй Христа. Слёзы Иуды прокляты и его самоубийство проклято. Но, как видим, не у нас.

5.

Наши милые девочки – Маша из Болотного и Маша – медицинская сестра – своими горячими письмами явили пример подвига!

Нам дан короткий срок для того, чтобы каждый успел совершить нечто важное, что сделает его больше чем человеком! Бог дал людям жизнь, а человек способен отдать свою жизни другим – эта жертва обожествляет человека, вот почему каждому из нас надо непременно прозреть, открыть глаза, увидеть совершающиеся сегодня беззакония, чтобы успеть стать героем. Другой достойной причины жить не существует.

Победа, великая победа – она одна осталась и стоит сегодня, как скала на пути наших врагов, вросшая до самой глубины земли. Но и её начали постепенно и с дьявольской последовательностью подмывать волнами лжи. И власть являет поразительный пример толерантности и молчит, будто онемела, будто язык отсох!

А мы не позволим! Не позволим гадить на могилы своих родителей, а кто посмеет, тому – по мордам! От отчаяния? Да! Мы, как панфиловцы, не будем прятаться за бугорок псевдонима, если бить, так – наотмашь и от души, и чтоб уж наверняка. А от отчаяния или нет – это уже другой вопрос. Мы сделаем то, что должны, а там будет – как будет.

Не верит медицинская сестра Маша Зотова официальным ответам из администрации Президента, различных министерств и ведомств, не верит и близким своим, которые убеждают её, что память жива и что все чтут подвиг панфи-

ловцев. Не верит, потому что видит, как с экранов, газет, из интернета ползут и ползут, будто чёрные муравьи, волны лжи о нашей истории, как поражают гусеницы фальсификаций сознание наших детей.

Кануло в Лету время, когда мы гордились космическими достижениями, лучшим в мире образованием, передовой наукой, высокой культурой, целеустремленностью к нравственной чистоте и социальной справедливости. Наступили иные времена – времена уныния и разочарования, повсеместного разорения, нравственной смуты и власти денег, но именно в такое время Мария Алексеевна пытается не только защитить мёртвых, но и своими трудами помочь молодым людям обрести нравственные ориентиры и сохранить желание построить великую и счастливую страну.

И не знает она иного способа борьбы и протеста – продолжает писать Президенту, в Министерства и в ООН. Она из последних сил, отчаянно и гордо борется за правду прошлого, за тех, кто остался там, на полях сражений и отдал жизнь за счастье будущего века. У неё мало времени и только – вот эта связка писем и отвага, и не прячется она за бугорок столетнего возраста, льготной пенсии, нарочитого почёта и юбилейных поздравлений. Ей, как и отчаянным бойцам-панфиловцам нужно, чтобы враг горел в аду и гнил в земле.

Мы думали, что фашизм побеждён навсегда. Но как выяснилось, мирного времени не бывает, перемирия между добром и злом не бывает, они всегда бьются насмерть. Бог подарил Марии Алексеевне долгую жизнь, и мы можем с уверенностью сказать, что она оправдала Божье доверие и прожила жизнь с честью и достоинством. Теперь вопрос только к нам: сможем ли мы повторить её подвиг?

6.

Как трудно оказалось Марии Алексеевне Зотовой жить сто лет в сознании и при полной памяти и видеть и слышать всю эту ложь о своей Родине, когда уже почти не слышно

русских песен и не видно фильмов о русской культуре и традициях. Почти не показывают нынче наши детские и юношеские фильмы о настоящей дружбе, беззаветном подвиге, смелости, достоинстве свободного человека. Ещё недавно лучший в мире советский кинематограф вдруг исчез. Целый культурный слой великого столетия оказался в архиве, на тёмных полках. И это исчезновение из разряда всё той же лжи, предательства, подлости.

Современные дети не знают песню «Солнечный круг» – детский гимн за мир во всём мире! Но они изучают «творчество» предателей и фальсификаторов и одним из них, и наиболее ярким, является, по мнению ведущих историков России, господин Солженицын. Вот он, один из тысячи примеров, как чёрные муравьи лжи захватили стратегические площадки центральных средств массовой информации, школьные программы, издательские планы, кинематограф.

Мария Алексеевна не понимает, как можно праздновать День Победы на Красной площади, предварительно и тщательно задрапировав могилы маршалов победы, которые покоятся под стеною Кремля? Как можно забыть имя генералиссимуса Сталина, приведшего советский народ к победе в Великой Отечественной войне?

И ещё один пример: наши дети, да и мы, не ахти как знаем историю своего Отечества, не всякий сможет перечислить города-герои, но если вы любопытствуете, то обнаружите, что в том списке уже нет Ленинграда и Сталинграда, их называют Санкт-Петербургом и Волгоградом! Но не присваивали звания города-героя ни Питеру, ни Волгограду, думаете, эту нелепость поправили тем, что в скобках указали старые названия городов? Нет! Будто и не было этих городов – вот пример фальсификации, такой как бы безобидной, не прихотливой, слегка только стыдливой, но очень подлой фальсификации. Вот так вымарываются из нашей памяти даже имена городов-героев и, возможно, что уже скоро в каком-нибудь учебнике истории появиться не Сталинградская битва, а Волгоградская. И не надо

удивляться тому, что этого никто не заметит, мы же не замечаем, мы же молчим, мы уже сдались лжецам и предателям, мы уже стали их соратниками в своём молчаливом согласии. Когда-то наши предки учились писать: «Мы – не рабы. Рабы – не мы». Видимо, этот ликбез (ликвидацию безграмотности) предстоит повторить.

Вы теперь понимаете, почему старая женщина-герой не верит ни властям, ни близким людям. Теперь вы понимаете, что она права в своем недоверии, мы позволили глумиться над нашей славной историей и гадить на могилы наших предков. Это мы отдали своих детей на нравственное растление врагам нашего Отечества. Это мы не совершили своего отчаянного подвига. Это мы спрятались за уютный бугорок сладкого мещанства. Такого уютного и непрехотливого нравственного мещанства!

7.

Мы разучились видеть большое и великое, мы ради мелкого и ничтожного готовы жертвовать главным и истинным только по одной причине – личного, пусть малого, но благополучия и уюта, в котором, как червь, завелась прихоть не замечать лжи, предательства и соблазна, думая, что беда обойдёт нас стороной, будто не видеть её уже и есть защита. Будто, по мановению волшебной палочки, дети наши сами вырастут героями и честными людьми, просто им не надо в этом мешать.

Нет, мы не наивны, не глупы, мы – трусы и предатели. Мы Родину предали, предков, их подвиги, их смерти ради нас. Мы предали детей своих! Мы будем жить в страхе всегда, пока не вспомним о своём предназначении на земле – совершить свой отчаянный подвиг.

Думаю, уже родилась девочка, и назвали её Машей, и скоро она напишет письмо, и обратится в том письме не к Гитлеру, не к Президенту, а ко всем нам, к тем, в жилах которых течёт горячая кровь победителей, и задаст только один вопрос: Где моя Родина?

**«0 бедном гусаре
замолвите слово»**

ЧТОБЫ ПРОДОЛЖИЛОСЬ

Николай Александров мой друг ещё со времён Литературного института, мой собрат по сибирской доле, а самое главное – человек, с которого мне хотелось брать пример и который, явив мне образ русского подвижника, во многом определил и мои жизненные устои, и мою судьбу.

В юности так представляется образ писателя:

Солидный, несколько полный господин с щеками и бакенбардами. Он только проснулся и в халате бродит по обширной квартире с большими окнами. Возможно – на парк. Пьёт на ходу кофе или курит трубку. Главное в его состоянии – полное отсутствие какой бы то ни было спешки и озабоченности чем бы то ни было. Вволю побродив, наш классик садится за огромный, покрытый зелёным сукном стол и какое-то время творит, прерываясь на задумчивые проходы по квартире. Далее возможна прогулка. Потом обед, после которого обязателен полуторачасовой сон. Потом кофе или чай. Прогулка. Ужин. К вечеру стол и книги.

Николай Александрович – другой. Его распорядок неизменен на протяжении пары десятилетий. Нижеприведённое впечатление о нём – из первых, давнишних, хотя сейчас почти ничего и не изменилось, кроме, пожалуй, автомобиля.

Коля вставал в шесть утра, по чёрной мгле мчал на тридцать первой «Волге» на работу в Новосибирск, где руководил Издательским Домом «Историческое наследие Сибири». По морозу под сорок. По асфальту в чашах дыр. Мимо бетонного забора ТЭЦ-2 с косыми рёбрами устойчивости и невидимой во тьме колючкой поверху. Примчав в издательство, проведя разнарядку и отзвонясь, тут же мчал куда-

нибудь на «ОбьГЭС», «Мелькомбинат», «Горводоканал» или «Патронный завод». Просить денег на книги по истории области или на издание какого-нибудь поэта, например, Николая Зиновьева из Краснодарского края (не путать с песенным Зиновьевым). Потом – переговоры, библиотека, архив, звонки, ездитня. К вечеру – в Колывань. Кормёжка куриц и огребание снега. И вопрос к Николаю: «А когда же ты пишешь?» И ответ: «А всегда пишу. Мои рассказы они внутри как камушки точатся, гранясь друг о дружку. Потом я их высыпаю на бумагу и живу дальше, никого не мучая».

Каждое гостевание в Колывани оборачивалось встречами со школьниками, выступлениями на Рождественских чтениях. Приехав отдохнуть, гость попадал в обмолот.

Александров никогда не уподоблялся издателям, для которых издательская деятельность – средство обогащения и которым нет разницы «чѐ клепать» – кнопки, пиво или книги. Книги, которые он считал особенно нужными – просто раздавал. «На двадцать миллионов библиотекам отдал. Мне ж «лауреатство» дали – «Меценат года»! Издал «Историческую Энциклопедию Сибири», разработал и внедрил программу семейного чтения «Мудрые дети», включѐнную в образовательный план области. По области провѐл под сотню семинаров по «Мудрым детям» и ни одного творческого вечера со своими книгами. Любимый писатель – Макаренко. Рассказы Александрова нашло питерское издательство «Русская симфония» и предложило издать книгу. Отдал безгонорарно. Зарядил «Народную летопись», которую люди сами пишут. Сотая часть дел... Но тут даже не дела, а дух отношения, которому счастье вторить. Как-то так... И снова вопрос: «Когда же ты пишешь?»

И ответ с каким-то умудрѐнным, но не усталым видом:

– Это уже и не важно. Есть вещи, не принадлежащие одному человеку...

Всѐ это уже было, и на горло собственной песне наступали, и ради будущего пахали как проклятые. И все боятся

повторить, обегают это место, как отравленное, мол, хватит, проехали! А этот наоборот туда и метит, мол, в том и сила, что было, чтоб продолжилось! А все корят, даже пишущий журналист из районной, кажется, газеты пытается, но безуспешно: «Николай и сейчас живет расчётливой и до подробности продуманной суетой: планёрки, кучи писем и бухгалтерских отчётов, вымаливание денег на книги. Всё бы протестовало против такой расточительности, если б в его рассказах не угадывались глубинные потоки русских предков-писателей – Толстого, Достоевского и Бунина, которые и дали жизнь этому скромному, но живительному роднику сибирской педагогической прозы». Наверное, это подтвердят и серый бок ТЭЦ-2, и остов «Сибсельмаша», и усаженный Колиными ёлочками и сосёнками склон Колыванского угора. И эти строки:

«Я знаю, что когда-то и совсем скоро здесь будут стоять разлапистые высоченные сосны, гудеть вековечно и трубно на ветру и янтарно блестеть весенней смолой. А кто-то полюбуется на них, посидит и задумчиво помечтает, прислушиваясь к тишине позднего вечера или к шуму дождевой капли, в которой, я знаю точно, будут отгадываться крупные удары моего отгулявшего сердца...

...Так и книги и написанные, и изданные, мои... и наши книги, и все дела прочие, большие и малые, обязательно прорастут заложенной в них любовью к будущему.

Я успею посадить ещё несколько сотен сосен, и дай Бог успеть увидеть следы своих дел. Ведь так хочется верить, что каждый след твой нетленно красив».

Михаил Тарковский

ЧУВСТВО КРАСОТЫ

«Николай Александров – личность очень харизматическая. Лобастая голова мыслителя на торсе гимнаста, с усилием через очки вникающий в собеседника взгляд интеллигента, и при этом не особо прячущаяся в усах чуть саркастическая улыбка человека бывалого. А как это внешнее многообразие обаяния усиливается-умножается его литературным дарованием!

Десять лет назад, раскрыв его сборник «Шальная жизнь», я с первых строк был покорён писателем Александровым. И эта моя подчинённость его обаянию с годами только крепчает. «Венькины свадьбы», «Русский легион», «Тайна счастливой жизни» – тончайший психолог, добро видящий и мудро понимающий, прекрасный мелодист, фонетически точно создающий колорит описываемого. Александров настолько легко перекатывается с пейзажа на конфликтный диалог, с исторических конкретностей на лирические переживания, что у читателя невольно создается иллюзия авторской игры, вот, мол, всё само собой получается. Но профессионал-то понимает, что в данном случае мы имеем классический пример для утверждения: талант, дарованный человеку Богом, ответно должен ограняться-оправляться-облачаться в ремесло.

Хотя сам Николай Александров любит побравadniчать своей скорописью, не признаваясь в том, что редактирует-переписывает свои тексты по многу раз, но чтобы так – в два легчайших касания – создать столь пронзительный образ: «Туманная сырость сменилась косым снежным дождём: крупные хлопья скатывались вниз, расчерчивая всё видимое пространство, и исчезали, едва касаясь земли. Устроившись на сеновале, Генка разглядывал обледеневшие ветви яблони. Ему было жалко их за покорную безза-

щитность», – нужно очень даже немало потрудиться до того, заранее, так, как школьнически упорно трудятся японские и китайские каллиграфы, в одно касание дерзкой кисти к восприимчивому шёлку смещающие в зрительском сознании понятия границы текста и живописи.

Врождённое чувство красоты и гармонии только через упорный подготовительный труд может столь свободно и околдовывающе призывно расплескаться певучим лиризмом – лиризмом, уникальной особенностью нашей русской культуры. В этом русском лиризме ключ к тому, как Александров за юмористическими зарисовками, и в нравоучительных апофегах, и жёстких бытописаниях одинаково чистосердечен. Что позволяет ему в самых болезненных моментах видеть всё проходящее бесстрашными от этой внутренней чистоты глазами ребёнка: «Грузовичок затрясся, заскрежетал и нехотя тронулся в сторону кладбища. Бабки тревожно и дружно заголосили, словно соперничая с надсадным воем двигателя, и принялись бросать ветки под ноги идущим во след. Генке вдруг захотелось поднять одну из них с ароматными шишечками, но отец грубо одёрнул его, а навстречу, из домов, выходили люди, снимали шапки и крестились».

Да, и ещё Александров – сибиряк. Это не простая констатация факта, что, мол, человек родился и провёл детство на берегу Оби. Это означает, что в него изначально заложены, а затем развиты и закреплены некие особенные, невозможные в иных краях качества характера, особые восприимчивость и реакции. Это вне национального. Это именно земляческое. Прежде всего здесь – размах жизни, простор восприятия пространства и времени, полноты мира телесного и высоты духовного. И отсюда реализм сказочных строк:

О, Сибирь страна ты бескрайняя,
Здесь тайга, поля, горы дивные.
Енисей и Обь, Ангара-река,
Сёла дальние, безымянные.

«О бедном гусаре замолвите слово» ❖❖❖❖❖❖❖❖

В ночьку тёмную, да морозную,
Родила-то мать Сына дюжего,
Ой, да, дюжего, силой сильного.
Понесла крестить, а купель мала...

Написать былинку в диктатуру фэнтези! – совершенно в силе сибирского характера. Непрогибистость под дух временности, нераболепствование рыночным или иным ситуминутным тенденциям – это по-нашему, по-вольному, и это совершенно достаточная ясная деталь в характеристике автора. Так что же ещё мне сказать-добавить о писателе и человеке Николае Александрове? Поговорить о неутомимости в пропаганде его немалой Родины через многолетнее издание огромной по объёмам и обработанным материалам исторической и энциклопедической литературы про Сибирь? Рассказать о том, что известный и не имеющий аналогов, Издательский Дом «Историческое наследие Сибири» – это его рук дело. Или о его азартности в просветительстве столь глубоко воспринятого им в уже зрелые, разумеющие годы Православия? Но чего ж мне выписывать то, что вы прочувствуете, ощутите сами, раскрыв, влиставшись в эту книгу, и через её «простые истины» обретёте для себя совершенно родного, душевно созвучного собеседника. Радостного и светлого вам знакомства!»

Василий Дворцов

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

Писать об Александрове Николае Александровиче легко и в то же время трудно, потому что он само противоречие. Легко, потому что добр и живёт открыто, что называется, для людей, но в то же время требователен не только к себе, но и к окружающим. Мягкий и тактичный, и тут же категоричен и бескомпромиссен относительно любой неправды, особенно если это касается власти – в нём обнаруживается отсутствие какой-либо политкорректности. Редко встретишь человека с таким тонким юмором и самоиронией, и с необузданной работоспособностью, которая подчиняет себе всё окружающее. Живёт, вроде бы и открыто, но личные проблемы старается скрыть. Как-то я ему посочувствовала, на что он с оптимистической ноткой в голосе ответил: «В бедствии рождается здоровая человеческая сила», а потом подумал и добавил: «Видишь ли, Оля, жизнь – это испытание, счастливая трудность».

Противоречивое чувство меня не покидает и теперь, мне трудно понять, когда он организован и как он организован, потому что иногда кажется, что у него всё в кучу, но позже выясняется, что всё было сделано в срок. Как отличить суету от продуманного плана, и есть ли он, этот план, у Александрова? Я до сих пор затрудняюсь сказать однозначно, но выходят книги, такого качества и такой толщины, по его же словам, которыми «быка можно свалить с ног», что понимаешь, без плана, жесткой самоорганизации и дисциплины, такие книги создать невозможно.

Но всё по порядку. Первое знакомство с Николаем Александровичем состоялось в Центральной районной библиотеке. Быстрым шагом в аудиторию вошёл мужчина неопределённого возраста, можно сказать «в расцвете сил», спортивного телосложения. Было очевидно, что оратор

он опытный, потому что с первой же минуты расположил к себе участников семинара. Смешно было наблюдать, как время от времени Александров менял очки (из-за особенности зрения менял одни на другие). И когда в очередной раз хотел зачитать текст, не обнаружил нужных, улыбнулся:

– Не те глаза обул!

И пока все соображали как можно «обуть очки», он нашёл потерю. А я поняла, что он использовал неловкую ситуацию, превратив её в разрядку для уставших слушателей. Однако, говорил лаконично, в каждое слово вкладывал глубокий смысл, скорее мудрость жизни, которую приобретают только те люди, которым пришлось много думать и пережить. Но с особым азартом Николай Александрович рассказывал о предстоящей совместной с нами реализации нового проекта – создании Народной Летописи Болотнинского района. Запомнились его слова, что он мечтает получить такую книгу, которую бы «с интересом прочитал даже троечник, а прочитав, был готов защищать свою родину».

Позже произошло знакомство с творчеством писателя Александрова. Говорят, что ничего случайного не происходит, наверное, это правда, потому что прочтение книги «Тайна счастливой жизни» совпало с моей личной трагедией – смертельно заболела подруга. В рассказе «Клоун» я нашла ту нравственную поддержку, которая помогла мне пережить смерть близкого человека, и осознать, что «... смерть надо воспринимать как часть жизни». И еще: «Да, смерть сильнее жизни, но любовь сильнее смерти!»

Когда читала рассказы Александрова, то не было и тени сомнения в том, что всё, о чём он пишет, и всё, что происходит с героями рассказов, он, так или иначе, пережил сам. И еще, его рассказы не могут не затрагивать души людей, будь то взрослые или дети, потому что они о главном, о вечных ценностях: о дружбе, милосердии, доброте, любви. А созданная им библиотека «Мудрые дети» – неоценимая помощь в работе учителям, воспитателям и родите-

лям. Его методику использую и я на авторском спецкурсе «Грамматика нравственности» для 6–7 классов.

Каждый раз, когда во время чтения или прослушивания аудиокниги с рассказами Николая Александровича, слышу смех или вижу слёзы на глазах детей, а в конце занятия детскую просветлённую благодарность, я в такие моменты мысленно благодарю автора.

В одном рассказе мальчик возит тележку с коробом по городу, над которым давно не вставало солнце, и будит людей, выкрикивая одну и ту же фразу: «Солнечный лучик! Солнечный лучик!». Это мальчик мне чем-то напоминает самого Александрова, в его непревзойденном упорстве и желании жить.

Реализацией проекта «Народная летопись» Николай Александрович был просто одержим. Он все-таки очень хороший организатор: всё кипело, вертелось и работало вокруг проекта. Любой вопрос Александров решал мгновенно, как любят говорить мужчины, «в одно касание». Звонил, ехал по всем сельским администрациям, занимался поиском информации, респондентов, фотоматериала, и при этом очень много писал сам. Понятно, что он был не один, половина администрации района работало на Летопись. Всем работы хватало, а кому-то и с лихвой досталось.

Он придирчиво относился к каждой строчке текста, фотографии, запятой, его требовательность, иногда граничила с упрямым занудством. Честно сказать, мы премного натерпелись от него, иногда даже плакали. Но что подкупает в Александрове – это искренность, и беспощадность к себе в первую очередь, именно поэтому невольно принесённая им обида быстро забывалась. Иногда он рассылал нам свои статьи и просил высказать наше мнение. Замечания слушал внимательно, спорил, иногда соглашался и правил, а то и полностью переписывал собственные тексты, что случалось, правда, крайне редко. Мы не понимали, зачем ему это нужно, а он потом открыл тайну, сказал, что объём текстов большой, а сроки поджимают, и нет времени, чтобы

дать тексту «отлежаться», в этой ситуации выручало мнение других. Скажу откровенно, мы его не очень-то жалели, все говорили, как на духу, даже немного с добавочкой. Не то чтобы мстили, но помнили и его заботу.

Однажды я не сдала во время свой текст, он позвонил и начал меня «строить», я сослалась на занятость – семья, работа и, вообще, настроение не то, не до творчества мне было в тот момент.

– Оля, – благодушно и совсем по-отечески вздохнул Александров, – для волшебного пенделя у меня нет ни силы, ни времени, сам сижу в родильне. Так что иди и пиши! Завтра твой текст должен пойти в вёрстку.

Позитив получен, я поняла, что Александров сам вечно «беременный», и у него тоже семья и настроение, и планы, а тут ещё каждый лезет со своими проблемами, а то и капризами.

Знаю, что за три года Александров проехал с семинарами по всем районам и городам Новосибирской области, и его семинары посетило более трёх тысяч учителей. Кроме того в Колывани, где он живёт, ежегодно проводит Конкурс ораторов среди школьников. Однажды Александров пригласил к себе домой тех, кто много работал над Летописью. Мы увидели, как он живёт: правильно живёт, трудами. Но, глядя на его большое хозяйство, на один вопрос я так и не нашла ответа: когда же он успевает писать? И я же не утерпела и задала ему этот вопрос, а он ответил:

– По Маяковскому: «Землю попашем, попишем стихи».

Недалеко от его дома заброшенный лог, который он мечтает превратить в Ореховый парк, и посадить в нём Маньчжурского ореха и кедрочей. Я спросила:

– Александров, тебе что, больше всех надо?

Он посмотрел на меня и вдруг очень серьёзно ответил, будто сердце распахнул:

– Настоящее создает будущее. Понимаешь? Мы сегодня закладываем это будущее. Если бы наши родители

**Презентация книги «Народная летопись Болотнинского района»
15 марта 2019 года**

огромным и жертвенным трудом не создали тот военно-экономический щит, который они создали, нас бы уже не было. Они думали о нас, о своем будущем и жили будущим.

– Александров, ты всегда всё усложняешь, надо жить здесь и сейчас! Радоваться и наслаждаться этой жизнью!

– Именно так! И это счастье – жить! Но, видишь ли, Оля, если народ не живёт будущим, он умирает – это закон природы. А законы нарушать нельзя. Тебе может и не нравится зима, но она есть, и нравится она тебе или нет – это не важно, но с морозами приходится считаться, если ты собираешься, конечно, жить в собственной и свободной стране.

И я поняла, что Александрова нет среди нас, он среди наших детей и внуков и тех, кто ещё не родился, он в будущем. Это удивительно! Он здесь, но жить будет потом!

Презентация книги «Народная Летопись» стала настоящим событием к 95-летию Болотнинского района для всех его жителей. Когда дали слово Александрову, он выразил признательность всем участникам проекта. Нашёл слова каждому, поблагодарил всех авторов за колоссальную работу, проведённую в сжатые для такого объёмного проекта сроки, и в заключение сказал:

– Много сделано. Но главное – качество и новизна, мы разработали и реализовали новый жанр художественно-краеведческой литературы, нашу книгу будет интересно читать детям! Нет другой такой книги в России, и никогда ещё не было, мы – первые, значит, мы стали полезны сразу всей стране!

А потом, когда председатель Райсовета Олег Валерьевич Королёв начал говорить добрые слова в адрес Николая Александровича, тот непринужденно и как-то незаметно нейтрализовал внимание к себе и перевёл разговор на другую тему. И я опять подумала, что Александров всё-таки мастер манипуляции, я давно его в этом подозревала.

Время от времени мы забегаем в Краеведческий музей. Мы – это те, у кого в процессе создания книги о Болотнинском районе заполнился душевный вакуум светом творчества, одной целью и общим делом, которое приносит пользу, в первую очередь, себе и, конечно, другим людям. Много болтаем и смеёмся, вспоминаем Александра, что называется «перемываем ему косточки». А недавно пришли к единому мнению, что он вовсе и не «крутой», а просто наивный романтик, который считает, что обязан спасать всех и каждого, что в ответе за всё, что происходит у нас в стране. Он искренне верит, что каждый из нас в ответе перед будущим. Вот, наверное, почему, когда думаю о нём, невольно вспоминаю мальчика из рассказа, который тянет за собой тележку с коробом, в котором до времени спрятался свет будущего, и упорно пытается разбудить людей, выкрикивая: «Солнечный лучик! Солнечный лучик!».

В заключительной статье к «Народной Летописи», Александров написал удивительные слова, которые я запомнила, наверное, навсегда: «Понимаете, как это важно – отдать самую сильную и верную любовь, всю, без остатка, Родине!» И я опять почувствовала где-то под сердцем щемящую тоску и вместе с этим испытала чувство радости, что есть люди, способные вот так бескорыстно, беззаветно любить свое дело, свою Родину, отдавать всего себя «без остатка». В этом весь Александров! И мы такие же, как он, мы все в одном строю, потому что любовь к Родине нас объединила, и мы, и каждый из нас, в своем городе, селе или деревне, напоминает людям, что солнце светит только тем, кто хочет жить – жить счастливо, и мы всё делаем для того, чтобы наше солнце светило вечно.

Ольга Ёлгина

«ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН»

Новосибирское бюро международного молодёжного туризма «Спутник» формировало группы для поездки представителей от районов НСО на XXII летние Олимпийские игры, которые проходили с 19 июля по 3 августа 1980 года в четырёх городах Советского Союза (главная арена находилась, конечно, в Москве).

В то время я работала первым секретарём Болотнинского райкома ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи) и была назначена руководителем одной из групп. В её состав входили передовики производства, новаторы, общественные активисты, творческие люди из разных районов и городов нашей области. За хорошую работу и высокие показатели наших спортсменов на областных сельских Играх бесплатную путёвку получил наш земляк, председатель Болотнинского спорткомитета – Николай Александров, активный член РК ВЛКСМ.

Каждый день Олимпиады был наполнен очень яркими, интересными мероприятиями – не только спортивными соревнованиями, но и встречами с другими делегациями в Интерклубе, экскурсиями по городу и многими другими.

Неизгладимое впечатление на нас произвели финальные старты наших легкоатлетов. Мы стали свидетелями побед нашего земляка Виктора Маркина на дистанциях 400 и 800 метров!

Н.А. Александров,
председатель спорткомитета района, 1980 г.

Но самое сильное впечатление мы получили, конечно, от церемонии закрытия Олимпиады, на которой мы присутствовали вместе с Николаем. Огромный олимпийский Мишка, символ советской Олимпиады, взмывающий в небо над стадионом в Лужниках, и песня в исполнении Льва Лещенко, Татьяны Анциферовой и ВИА «Пламя» не могли оставить нас равнодушными к происходящему на большой арене. Все сидевшие на трибунах стадиона сквозь слёзы махали вслед улетающему Мишке, ревели девчонки нашей группы, плакали даже иностранцы, так трогательна была финальная часть закрытия Олимпиады.

Но не только болельщиками и наблюдателями были мы на этом замечательном мероприятии. Для туристов организаторы Олимпиады проводили соревнования-забеги на «Олимпийскую милю» длиной 1980 метров. Старты проходили в парке Вернадского, недалеко от метро Вернадского. От нашей группы принимали участие несколько человек, в том числе и Николай. Скажу прямо, ему не очень-то хотелось бежать почти два километра и он слегка сомневался: я, мол, не бегал уже года два, и формы у меня нет, я что, в брюках побегу?

У меня же были свои доводы: кому же ещё бежать как не спортсмену?

Туристическая путевка на XXII летние Олимпийские игры в Москве

Но когда мы пришли на старт, я поняла беспокойство Николая. В числе стартовавших были люди в спортивной форме, по виду настоящие бегуны, перед стартом они разминались, как завзятые спортсмены. Впрочем, основная масса пришедших на старт была очень похожа на отступающих французов в 1812 году. Одеты они были не лучше Николая, кто в чём.

Каково же было моё удивление, когда Николай перед стартом втиснулся в первый ряд бегущих! Он что-то им сказал и застегнул ворот рубашки.

Раздался выстрел, и вся огромная масса участников забега рванула по аллее парка, зрители отступили на газон, пропуская бегущих. Николай ушёл со старта первым! Он промчался мимо меня, громко стуча по асфальту каблуками лакированных туфель.

Я как руководитель одной из групп, принимающих старт, стояла среди организаторов «Олимпийской мили» – сотрудников Московского БММТ «Спутник» и членов судейской коллегии. Через несколько минут, завершая первый круг, промчалась вся орава бегунов. К моему удивлению, первым бежал Николай! Он бежал с отрывом метра два, чуть прогнувшись и сильно работая руками, рубашка бабочкой летала за спиной, а за ним, преследуя рысью, гнались легкоатлеты в кроссовках, спортивных майках и атласных трусах.

– Это что за чудо такое? – спросил кто-то из изумлённых организаторов.

– Это наши, – ответила я, – из Новосибирской области.

– Сибиряк... – ответил судья, но уже уважительно и даже с почтением. – Не удержаться вашему парню, за ним чертановские бегут.

– Посмотрим, – ответила я, и в ту минуту мне очень захотелось, чтобы Николай победил, вот непременно сейчас важно было утереть всем зазнайкам нос, не дать обойти себя этим чертям чертановским! – Мы тоже не лыком шиты, – ответила я судье, – мы тоже из Болотного.

**Туристическая группа из Новосибирской области на Олимпиаде-80.
В первом ряду третий слева – Александров Н.А., во втором ряду
четвёртая слева – руководитель группы Голошевская Г.М.**

Николай не подвёл! Он первым коснулся финишной ленточки, пробежал по инерции несколько метров и растянулся на газоне...

Потом была церемония награждения, пьедестал почёта и золотая медаль победителя «Олимпийской мили».

Николай стоял бледный и счастливый, а на следующее утро мы поехали покупать ему новые ботинки.

Вот такая история об «олимпийском чемпионе» из Болотного.

Галина Голошевская

Обратная связь

ЗЕМЛЯК

«Время читать» – знакомый для меня конкурс, участие в нём я принимаю уже во второй раз. Когда я узнал, что в этом году мы будем писать рецензию на произведение новосибирского автора, то как-то сразу решил, что это очередной пиар бездарного провинциального писателя, у которого появилось немного денег на саморекламу. Современных русских прозаиков я периодически читаю, но фамилия Николая Александровича Александрова была мне не знакома. Я честно поискал его сборники на полках библиотек, не обнаружив, воспользовался интернет-ссылкой. Можно сказать, я был немного заинтригован. Все же автор – земляк, новосибирец! А вдруг что-то интересное будет и о нашем городе?! Ещё и название какое-то... «Клоун». Если это что-то про цирк, – извините, не моя тема. А если про историю? Например, как современная клоунская профессия выросла из древнеримской традиции карнавала? Тогда это мне интересно. Посмотрим?! Начал читать и... не мог оторваться! Так тронуло меня это произведение! Я понял, что был совершенно не прав в своих читательских предположениях, что с предубеждением отнесся и к автору, и к теме.

По крайней мере, от названия я ожидал чего-то весёлого, но «Клоун» оказался грустным, история трагичной, а сам рассказ бесконечно глубоким и надолго запоминающимся.

Что такое любовь? Как объяснить любовь мужчины и женщины? Сильнее ли любовь смерти? Эти вопросы – первое, что «цепляет» взгляд читателя. Особенно читателя-подростка, а мне кажется, именно ему адресовано это произведение. Думаю, и мои сверстники, и я, также как герой-рассказчик этого произведения, силятся найти ответы на эти «вечные» вопросы. До сих пор получалось слабовато, но «Клоун» на многое открыл мне глаза.

Композиция произведения – рассказ в рассказе. Главный герой – уже взрослый человек, с иронией анализируя свою жизнь, вспоминает историю из детства, когда ему было 13 лет. Из времени настоящего он углубляется в прошлое, чтобы, вернувшись, сделать выводы уже о своей современной взрослой жизни.

Кажется, что автор, герой и рассказчик слиты воедино, потому что повествование ведётся от первого лица. Много знакомых новосибирских деталей, интересных исторических подробностей, причём описанных с юмором. Чего стоит хотя бы описание «самой вежливой очереди» в автобус, следующий в интеллигентный Академгородок. А за кардиологической клиникой читатель легко узнает наш знаменитый центр имени Мешалкина, самого учёного – видишь в фигуре хирурга, уставшего после операции Нельки, «не за зарплату отдававшего толику своей жизни, оперируя маленькое существо». История кажется не просто автобиографичной, рассказанной с доверительной интонацией, а какой-то «про нас». И если это литературный приём, то он «попадает прямо в цель» – автору веришь!

О содержании. Знаете, такого от земляка я не ожидал. После первого прочтения мне казалось, что рассказ о любви, о том, как трудно её найти и легко потерять. А ещё о том, как трудно осознать, что любить «как дай Вам бог любимой быть другим» – это отдавать, отпускать любимую, делать что-либо во имя её счастья. Но потом я увидел, что история влюблённости героя в больную девочку Аню – это только третья часть рассказа. А остальное? Значит, смысл глубже.

Дело в том, что вспоминает свой детский опыт уже взрослый герой в очень важный, ключевой момент своей жизни. После всех невозможностей найти ответ на вопрос, что же такое любовь, и «прожив много лет», он – цитирую: «перестал искать ответа на этот вопрос, потому что я ... просто устал жить. Разочарование и усталость привели за руку одиночество и цинизм». Мне кажется, в этот момент он был похож на тех детей в кардиологической клинике из его про-

шлого. Когда человек «устаёт жить», он находится как бы между жизнью и смертью, у него мало жизненных сил и он отчаянно нуждается в помощи, в поддержке, в улыбке. Такой живительной «улыбкой» из прошлого и стала для героя забытая и возвращённая звонком мамы история Кольки – так звали героя в детстве.

Это произошло тогда, когда его тяжелобольную младшую сестру положили в больницу на операцию. В отделении, где лежала Нелька, запрещались свидания с пациентами. Но хитрый мальчик нашёл способ радовать свою сестру и её соседей по палате. Прямо на улице перед окнами он разыгрывал настоящие цирковые представления, чтобы детский смех помогал маленьким пациентам преодолевать болезнь. В отделении он нашёл свою первую любовь – Аню. Тут же осознал, что «смерть сильнее жизни», когда она умерла.

Жутковато было читать кульминационный фрагмент, когда Кольке «совсем неожиданно выдохнулось из какого-то дремучего прошлого, со слезою и болью, и почему-то с жалостью к самому себе: «Господи, как трудно жить!» И я уже точно знал, что веселить я не смогу, пусть дети не обижаются, пусть я плохой артист, но я не мог, потому что умерла Аня, самая красивая девочка в моей жизни...» Как велико его горе! И каким важным оказалось это испытание! Наверное, только страдая, мы можем научиться чувствовать чужую боль, как свою. Можем научиться любить...

Если бы на этом фрагменте или на том моменте, где к плачущему в снегу Кольке подходит «стройная женщина» (за ней угадывается образ смерти), автор поставил точку, наверное, рассказ был о трагичности первой любви. Произведение рассказывает не об этом, оно о «взрослых» философских вопросах и при этом написано совершенно «свойским» языком, как будто родственник или сверстник в доверительной беседе рассказывает тебе о сокровенном.

Ещё в самом начале рассказа, иронизируя над недомыслием своего «здравомысленного мозга», над невозмож-

ностью осознать заповедь Христа «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», рассказчик размышляет: «И с какого дуба надо рухнуть, чтобы всех их вдруг начать любить?». И только после личной драмы, несмотря на боль потери, он находит в себе силы дарить радость больным детям дальше, детям, как и он «пережившим горе и боль», потому что по-другому теперь просто не может. Колька, как и эти дети в больничном отделении, перед лицом смерти стал «мудрым и понятливым, как старики».

Мне кажется, что эта книга – открытие, что читатель вместе с рассказчиком по мере развития сюжета должен тоже «когда-нибудь понять, а что же это за чудо такое – любовь». А ещё, что это чувство больше, чем любовь мужчины и женщины, что оно похоже на самопожертвование. Это текст о любви «человеков к человекам».

«Я о том клоуне, который и сам-то был ребенком, но каким-то чутьём понимал важность детских улыбок и дарил им радость от своего пылкого и чуткого сердца. Он не знал и даже не думал о том, что любит людей, он просто старался для них, как мог...».

Автор подытожил свои размышления выводом о том, что его старания были безуспешны, что его любовь была отдана не зря. Хирург тоже смог многого добиться в жизни. А люди, зная, что он отдавал каждому пациенту толику своей жизни, отплатили ему любовью и признанием: назвали клинику в его честь.

Но всё-таки самыми важными в рассказе мне кажутся размышления автора о силе любви, о том, что она «сильнее смерти». Ведь вся эта искренняя подростковая история, вспомненная «уставшим жить» взрослым героем даёт ему живительный глоток смысла, даёт силы и уверенность жить дальше. И творить добро, вот хотя бы для нас, читателей, которые теперь понимают как это, «возлюбить ближнего» и что смерть можно победить любовью и бескорыстием.

Глеб Борисов,

8 класс МАОУ «Лицей № 9»

ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК С ЮНОЙ ДУШОЙ

Знаете, есть такие люди, познакомившись с которыми ты сразу хочешь что-нибудь изменить в своей жизни. Как будто они заряжают тебя какими-то новыми, ещё неизвестными тебе смыслами, заставляют думать о том, чего ты сам давно действительно хотел, но, может, не решался. И благодаря этим людям наша планета движется, продолжает крутиться наш маленький синий шар.

Именно таким человеком является Николай Александрович Александров. Он пришёл к нам в гимназию, чтобы пообщаться с молодёжью, как он сказал. Странно было слышать от такого человека, как он, слова о том, что пришёл он учиться у нас, а не научить чему-то нас самих. Нет. Он пришёл, чтобы снова почувствовать ту молодость жизни, которая течёт по нашим венам. На самом деле, когда видишь перед собой довольно-таки взрослого человека, думаешь, что сейчас ты не услышишь ничего нового, кроме как снова эти взрослые наставления, но нет.

Александров производит впечатление самого счастливого человека на земле. Его хочется слушать. С ним хочется общаться. Его рассказы хочется читать. Почему? Потому что он другой. На этой встрече я видела его не впервые в своей жизни, когда-то несколько лет назад мы уже встречались на презентации его книги о тайне счастливой жизни, экземпляр которой с его подписью занял почётное место на полке моих книг. Когда Александров вошёл в наш актовый зал, я сразу подумала: «Этот человек счастлив». Его окружала такая светлая аура, что появилось ощущение – в зале стало светлее. Как будто лучик солнца. Более того, он не стал хвастать своими достижениями, рассказывать, как, что и где он получил, а просто... Просто говорил

о том, что думает. Чего больше всего ему хотелось донести до нас. Он с первых же своих слов зарядил нас каким-то своим особенным настроением, что непременно захотелось срочно что-нибудь сделать такое... Вот чтобы земля перевернулась.

Из его биографии известно, что работал он... да кем только он не работал. И грузчиком, и сторожем, и дворником, и акробатом в цирке, и в спортивной гимнастике попробовал себя, побывал помощником машиниста электровоза и тепловоза, токарем... Смотрите, как много совершенно не связанных между собой профессий, и все их Александров примерил на себя. От того и говорим мы, что личность разносторонняя, как будто искал себя, и в процессе этого поиска находил новое вдохновение для своих рассказов. Ведь чтобы написать целую книгу, нужно много впечатлений, много историй, и, в конце концов, много душевных сил, чтобы твоя история была живой, а не плоской.

Удивительно было слышать от Николая Александровича о том, что он не чувствует своего возраста. У него уже и дети, и внуки, и скоро правнуки пойдут... А он всё ещё чувствует себя тем мальчишкой, который влюблялся когда-то на каждой остановке. Конечно, многое в жизни Александрова состоялось благодаря его жене. Если бы не она, говорит сам прозаик, «так бы и ходил на голове до сих пор», ведь он неиссякаемый источник энергии, тот, кто, повзрослев, так и не смог расстаться с детством. Про семейную жизнь он говорит с легкой улыбкой. С женой они прожили уже 35 лет, и вряд ли он представляет себе свою жизнь без неё. Может быть, именно жена, серьёзная религиозная женщина, способна понять все потаённые уголки его мальчишеской души. Рассказал он, как влюбился в жену, как до глубины души ревновал её, красавицу, ко всем, кто только посмел решиться познакомиться с нею. Но красота была важна только на уровне влюбленности. И теперь, через много лет Николай Александрович понимает, что любовь появляется только тогда, когда ты начинаешь видеть в

женщине нечто иное, «более глубокое и более ценное, чем прекрасные ее формы». И любовь эта... Это большая жертва. Истинная любовь строится на жертвах своими привычками, своим самолюбием. «И я не сразу с этим смирился, и сказать по-честному, всё в моей душе было против этого понимания, что любовь – это жертва. Почему жертва? Это же счастье. Но счастье через жертву».

И не только любовь между мужчиной и женщиной. Любовь родителей к детям, или... детей к родителям. Он заставил нас задуматься над тем, что вот эта наша людская семейная любовь к родителям никогда не позволит нам смириться с тем, что все мы стареем и когда-нибудь их, а потом и нас самих не станет. Ещё денек. Ещё недельку. Ещё годик... мы сделаем всё, что только будет в наших силах, отдадим всё, лишь бы провести с ними побольше времени. «Это разве не жертва? Жертва». «Можно заняться всем, чем угодно, но не любовью».

На этой встрече он много говорил о мужчине и женщине. Даже показалось, что своими словами он хочет, чтобы мы научились понимать свое резкое отличие от противоположного пола. И физиологическое, и психологическое строение женщины Александров сравнил с компьютером, а мужчины – с кувалдой. Вот такое резкое, неожиданное противопоставление. Но каждый выполняет свою важную функцию, поэтому роли не должны вдруг поменяться. Женщина должна быть мягкой, должна быть поддержкой для своего мужчины, ведь его мудрость во многом зависит от неё, в то время как он должен быть опорой, крепкой стеной, именно от мужчины зависит уверенность женщины в жизни. И никак иначе. А если иначе, то семьи не выйдет.

«Я понял, что очень тяжело жить женщине. А ещё тяжелее жить женщине с мужчиной. Мы до такой степени разные...». «Мы живём в смутном времени, – говорит прозаик, – это когда мы потеряли свою связь с прошлым и высший смысл своего существования. Я думаю, что мы сейчас

на пути приобретения этого смысла». Всю свою жизнь каждый ищет ответы на очень простые вопросы. Кто я в этом мире? Зачем я родился? В чём смысл моего существования? Почему есть смерть? Зачем я родился, чтобы потом умереть? И всё никак не может найти этих ответов. Но почему? Вопросы простые, но простой ли ответ? И речь даже не о том, что вопросы из разряда философии, и даже не о том, что единого ответа на них никогда не будет, а скорее о том, что каждый человек для себя отвечает на них, расставляет свои приоритеты.

Александров служит примером того, как надо строить свою жизнь. На кого надо равняться и что именно надо делать, чтобы постичь эту невероятную тайну счастливой жизни. И у него есть свои авторитеты. Ими были для него родители. «Они были очень честными, они были искренними, и это было самое главное, – задумчиво говорит Александров, и мы замечаем в его глазах грусть, – в них было много человеческого достоинства».

Начало своего творческого пути поэт начал с третьего класса. Именно в это время он впервые влюбился и начал писать стихи. Назначил первое свидание, волновался, как будто снова идет в первый класс, и написал об этом свой первый творческий опус. «Но я не люблю писать стихи», – говорит Александров. И я, как прозаик, соглашаюсь с ним. Он прав: хорошо писать – это трудно. Вообще всё, что нужно сделать хорошо, всё сложно (и тут я немного усмехаюсь, вспоминая, что пишу эту статью вот уже 5-й час). Просто написать что-то большое, налить много воды, развести целую лужу из одного предложения, завалить разум читателя ненужной информацией, всё больше вовлекая в тот мир, который создает больная фантазия некоторых авторов. Это имитация жизни. Но о настоящей жизни писать гораздо сложнее. Николай Александров правильно обратил наше внимание на это.

Сейчас многие пишут длинные романы, поэмы, потому что это легко. Но ни поэзии, ни прозы не может быть без

чего-то такого большего, чем просто много слов, капельки души автора, а то и всей души. А это уже настоящее искусство. «И вот это нечто и называется психология творчества».

И как же тогда отличить творчество от не творчества? «Если художественное произведение делает вас лучше, побуждает вас на хорошие поступки, а совесть ваша чётко улавливает это, вы всегда чётко знаете, что такое хорошо, что такое плохо, на уровне интуиции, это есть совесть, то от Бога, что в нас, и что нас отличает от животного, кстати, и смысл человеческой жизни в наполнении себя достоинством человеческим: это быть добрее, скромнее, смелее, доброжелательнее, честнее, научиться любить...»

И естественно, надо любить себя, для того, чтобы снова и снова открывать для себя мир, чтобы наполнять себя этим человеческий достоинством, чтобы быть настоящим человеком, а не жалкой копией. В поиске самого себя нам и помогает творчество, к этому подталкивает нас семья, и к этому мы стремимся, зарабатывая деньги. Ведь что такое деньги? Это лишь средства добычи для удовлетворения наших потребностей, и нельзя их использовать только для этого. Так важно понимать, чем мы наполняем наши души.

Знаете, кажется, я так много уже написала, и всё не о человеке, а, скорее, о его взглядах... но ведь из них и появляется образ человека в наших глазах. Мы смотрим на то, что он делает, как живёт, слушаем то, что он говорит, и составляем портрет. Александров – замечательный писатель, стоит только прочесть хоть один маленький рассказик, чтобы понять, что он вкладывает в свое творчество всю душу. И в поиске себя в этом странном мире Александров попробовал уже многое, из чего и родились эти идеи, эти истории, эти мысли, которые позже оставили след на бумаге, и благодаря которым мы теперь можем понять, что это за человек такой. Вот так, входя в зал, он показался нам простым весельчаком, но когда он рассказывал все это, создалось впечатление, что он прожил далеко не 60 лет, а все 120, ибо, откуда взяться такой мудрости жизни?

Он говорил, что у каждого человека должен быть авторитет. Пример для подражания, так сказать, и после нашей встречи я поняла, что хотела бы когда-нибудь также приходить на встречи в школы и просто говорить о том, что думаю, и чтобы меня слушали так, как будто всё это действительно имеет хоть какую-то ценность. Слушая его, я действительно захотела наполнять себя человеческим достоинством.

На самом же деле, Николай Александров хоть и взрослый, но настолько живой, что многим бы из молодых не помешал кусочек вот той энергии, которой он светится изнутри.

*Татьяна Душутина,
11 класс, гимназия № 17*

СЕРДЦА, ЧТО БЬЮТСЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Сомнений нет – рассказ Николая Александровича Александрова «Клоун» тронет вас до глубины души, заставит задуматься, в конце концов, неудивительно, если к финалу ваши глаза будут на мокром месте. И всё начнётся с того, что вы вместе с главным героем с первых же строк будете искать ответ на вопрос, который ни для кого уже не нов – что такое любовь?

Поначалу наш герой искал ответ на этот вопрос у разных поэтов, в книгах, в пышных высказываниях. Возможно, вы вспомните, что тоже шли по этому неверному пути поисков, но сейчас вместе с героем осознаете, что допускали ошибку: пытались понять любовь умом, а не душой. Но умом лучше понимать теорему Пифагора, в то время как душа способна на большее (да простит меня Пифагор!). Но о том, на что способна душа, мы узнаём гораздо позднее, не в тринадцать лет. Так и наш герой Николай узнал это спустя десятилетия. За все эти годы он много раз влюблялся, вроде бы даже определил суть взаимоотношений мужчины и женщины; с пониманием чувства любви к родным людям и к Родине у него тоже не было проблем. Вот только постичь значение слов «возлюби ближнего твоего, как самого себя» из Нового Завета герою было суждено лишь в зрелом возрасте, когда в сердце его уже поселились разочарование и цинизм. Но лучше поздно, чем никогда, и герою повезло, что открылось для него это таинство любви, иначе к концу жизни он чувствовал бы, что его жизнь прошла зря, тщетно и бессмысленно (а какие еще выводы можно сделать под гнётом разочарования в собственной жизни?). Но нет, не зря. Наш герой любил по-настоящему, возвышенно, беззаветно. Любил той любовью, которую славит Священное Писание. Вот только так любил он, оказывается, в далёкой своей юности, а осознал это спустя годы.

На воспоминания Николая наталкивает звонок мамы. И это неслучайно, что всё начинается с мамы, – самая первая и искренняя любовь, которую мы впитываем в жизни, исходит от матери. Герой вспоминает, как лежала в больнице его сестра, а он самозабвенно пытался помочь ей справиться с болезнью – каждый день навещал её, пытался развеселить и ободрить. Но не игрушками и апельсинами, а одним своим присутствием, даря минуты радости сестре и другим детям в больнице. Именно в эти дни для него стало открытием, что он может полюбить девочку, которую совсем не знает, и которая не соответствует принятым в обществе стандартам красоты (больничные условия требовали короткой стрижки, и девочки лишались своих красивых волос). Для Коли было странно и необычно открыть в себе такие чувства. И самое интересное, что несмотря на ее болезнь, он не испытывал к Ане чувства жалости, он всё находил в ней прекрасным. И он ждал. Ждал, когда сможет прикоснуться к её руке, услышать её смех и просто сидеть с ней рядом. Каково же было его отчаяние, когда он понял, что её больше нет, и никогда не сбудется то, о чём он мечтал. Звериный вой, который издал автор, – это крик души, когда она не может смириться с потерей любимого человека. И только для человека, способного искренне и по-настоящему любить, потеря близких всегда оставляет глубокую рану в душе. Слишком рано мальчик понял, что исхода нет, что смерть сильнее жизни.

Но человек может противостоять смерти, он может бросить ей вызов. И в этом плане важен образ хирурга, который оперирует сестру главного героя. Кто вызовется сказать, что это просто работа, за которую платят деньги? Нет, иначе этот врач после операции не был бы таким уставшим. Спасение жизни человека – это уже признание в любви к человеку. А настоящая любовь требует, чтобы её носитель отдавал себя целиком, отдавал себя всего людям. И здесь нет места размышлениям и холодному расчёту. «Любовь – это чувство не от ума, а от сердца, из самой глубины человеческой души – это жертва бескорыстная и счастливая...

– восклицает герой. – И именно потому, что это жертва ради кого-то, она и названа таким красивым словом – любовь!» И, как мы видим, только такая любовь может быть сильнее смерти.

После операции никто не ждал хороших прогнозов для Нельки, сестры главного героя. Сам хирург сказал, что она проживёт в лучшем случае до сорока лет. Но в рассказе ей уже за пятьдесят, и когда Николай звонит сестре, то слышит в ответ: «Колечка, это ты? Здравствуй, родной».

Сомнений нет – этот искренний и пронзительный рассказ заставит ваше сердце замедлиться или биться быстрее – неважно. Но если в вашей памяти появятся образы людей, которых вы любили или любите настоящей, «бескорыстной и счастливой любовью», то ваше сердце бьётся не зря.

*Максим Михайлов,
7 класс, школа №40*

МАМА

Нашей группе дали прекрасную возможность написать рецензию на одно из произведений нашего автора земляка Н. А. Александрова, и я подумала, что это хорошая возможность для того, чтобы познакомиться с его творчеством. Конечно, с его творчеством я могла познакомиться и раньше, ведь у нас в 2020 году была с ним встреча, но если честно, после встречи закружила меня суета, и я так и не прочитала ни одного его рассказа.

Говорят, что название произведения – это краткое его содержание. Исходя из этого, я предположила что будет рассказ о сентиментальной теплоте отношений, о заботе и родительской любви, но рассказ оказался грустным, глубоким и незабываемым.

Рассказ начинается со знакомства с семьей главного героя – рассказчика этой истории. Папа работал милиционером и совершенно не хотел найти себе подработку: «Как ты себе это представляешь? Днём я ловлю воров и преступников, а вечером иду калымить? Я – милиционер, и могу работать только в милиции», – именно так отец всегда отвечал матери на просьбу найти подработку, хотя денег в их семье не хватало. Совершенно не зависимо от ситуации, если отец видел преступника, он его ловил, получается, что он всегда находился на работе. Был случай, когда отец работал в огороде и в соседний дом пытался кто-то залезть, он его поймал – то есть выполнил свой служебный долг, а хозяева дома потом пришли его отблагодарить.

А вот мама героя совершенно напротив, очень много подрабатывала. Она делала «прекрасные цветы из гофрированной бумаги, потом окунала их в горячий жидкий воск, и они замерзали навечно в траурных венках и надгробной

окантовке». Мать работала день и ночь, пытаясь побольше заработать.

Самым грустным оказалась кульминация рассказа – в семье умерла двенадцатилетняя девочка. Каждый герой отреагировал по-своему. Но акцентируется внимание на матери: «Мама не плакала и цветы сплести не смогла, так без слёз и цветов похоронила дочь, только выцвела на утро мать добела, до самых корешков, потому что сил на горе не хватило, оно в самое сердце ушло, там и осталось».

Думаю, что только прочитав до конца, понимаешь, почему автор так назвал свой рассказ – «Мамины цветы» – выцветшая мама, она как цветок после смерти дочери выцвела «добела». Не нужно пытаться понять содержание рассказа по названию, хотя в нём заключено его краткое содержание.

Сомнений нет – рассказ Н. А. Александрова «Мамины цветы» тронет вас до глубины души, заставит о многом задуматься, и, в конце концов, неудивительно, если к финалу ваши глаза будут на мокром месте. Ведь это рассказ о горе и о маме.

Мария Солдаева
Болотнинский педколледж

ИНТЕРЕСНАЯ ИСТОРИЯ

«С^тыдно сказать, но нас опять обманули синоптики» – именно с этих слов начинается увлекательный рассказ Н. А. Александрова «Снегопад». С этих казалось бы простых слов начинается интересная история о ворчливом дедушке Анисиме и погоде. Сначала у меня не было особого желания читать рассказ, тем более писать рецензию, но потом я всё-таки решилась.

В произведении герой Н. А. Александрова не доволен погодой. Мол, снег ему не в радость, хотя все вокруг радовались появлению снега. А снег как будто специально шёл всё сильнее с каждым старанием деда. Если задуматься, то у всей этой ситуации две стороны: хорошая и плохая. В первом случае дети и пара взрослых людей радуются такому прекрасному явлению как снегопад. В другом же случае появление снега – это тяжёлая работа для дворника. Жизнь прекрасна и нужно во всем искать что-то хорошее, например, когда идёт снег, погода стоит теплая, само явление является красивым. Для детей – это лишний повод выйти на улицу и порезвиться в снегу, вместо того чтобы сидеть дома. Если же на эту ситуацию посмотреть со стороны деда Анисима, то становится его жалко. Всё происходящее вокруг как специально наказывает дворника, за его негативное отношение ко всему происходящему.

История очень интересно написана, я читала и не могла оторваться. Различные средства художественной выразительности, которые использует Александров, способствовали созданию моего читательского настроения: эпитеты: «неведомая сила», «снежинки сплошным ливневым потоком устремились в наш двор», «небесные старушки», метафоры: «окропил его», сравнения: «не просто тёмное от тяжести облако, а какой-то швейный цех по пошиву пуховых подушек.

❖❖❖❖❖ ❖❖❖❖❖ Николай Александров

Рассказ оказался очень увлекательным и смешным. Он произвел на меня хорошее впечатление. После прочтения этого рассказа мой взгляд на жизнь стал более светлым. Я поняла, что не стоит на всё смотреть с негативной стороны.

Я горжусь тем, что в Новосибирской области есть такой удивительный писатель, как Николай Александров. У него много рассказов на разные темы, которые могут понравиться и взрослым и детям.

Людмила Фроловская
Болотнинский педколледж

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ РОДИНЫ

«Письмо Гитлеру», казалось бы, название, которое не ошеломляет, но Николай Александрович, в своём новом произведении, буквально перевернул моё понимание не только о Великой Отечественной войне, но и о том, что происходит с нашей страной, с нами.

По своей структуре произведение состоит из семи небольших историй, которые объединены одним размышлением о судьбе Родины. В первом фрагменте автор рассказывает нам историю именно про то самое «письмо Гитлеру» с целью не только показать, с чего началась эта история для него самого, но и поведать нам о той самой девочке Маше, которая была «искренней и наивной, столь чистой душой, будто не от мира сего». И вот такие сентиментальные девочки старших классов скоро, окончив ускоренные курсы медсестёр, уходили на фронт и совершали свои очень не сентиментальные подвиги.

Вторая история рассказывает о реальных событиях глазами женщины, которая воевала в Панфиловской дивизии. Но первые две главы – это только зачин, только «приказка» к серьёзному разговору, это лишь начало, пусть и не большого, но очень глубокого произведения. Но даже они уже заставили меня погрузиться в глубокие раздумья. Именно с третьей части начинается серьёзный разговор о фальсификации истории, о той злополучной статье, которая обесценивает, ставит под сомнение подвиги наших солдат. Начиная с этого фрагмента, мы чувствуем как нарастает напряжение и возмущение автора, который открыто протестует против того, что происходит в наше время. Особенно заметно это в четвёртой части и больше всего меня тронули слова отца автора: «Верните мне мою Родину», «Зачем мне моя жизнь, если Родины нет».

Николай Александрович очень глубоко, убедительно, а главное аргументировано раскрывает вопрос современного предательства нашей Родины и раскрывает наше безвольное и молчаливое соучастие в этом, что равносильно предательству и измене Родине. После прочтения статьи, я сам был очень взволнован и возмущён очевидными фактами фальсификации истории моей Родины. Мне кажется, если мы останемся равнодушными к фактам подлога, спустя ещё пару десятков лет, мы уже не будем знать правдивой истории Родины, она превратится в сказку, в которой черти и ведьмы станут богатырями и золушками. И наши дети понесут к их подножию цветы.

С точки зрения посыла произведение для меня является лучшим, что я когда-либо мог прочесть на эту тематику. Оно меня очень воодушевило и раскрыло на многое глаза, что собственно и было целью статьи. Но со стороны преподавания произведение весьма сложное. Как по мне, средне-статистический лентяй вряд ли сможет вынести из него ту полноту, которую хочет донести до читателя автор. Однако, с другой стороны, лентяй не будет изучать и защищать свою Родину, поэтому будем ориентироваться на умных людей, тех, кто не способен предать Родину.

*Илья Клименко
Болотнинский педколледж*

РАССКАЗ О ЛЮБВИ

Сюжет рассказа довольно прост, но безумно интересен: о восьмикласснике, о его сильном чувстве, о прекрасной любви к балерине, которая была солисткой Новосибирского академического театра оперы и балета. Повествование ведётся от первого лица, рассказчик описывает свои переживания, настолько понятно, что невольно становишься участником и близким наблюдателем этой истории. Рассказчик описывает свои переживания в ярких красках. Его волнение передаётся читателю, желания и мысли полностью владеют его умом. А ведь то, что описывает Александр в своем рассказе, знакомо абсолютно всем.

Прима балета, знаменитая Любовь Гершунова не знает о чувствах восьмиклассника, она даже с ним не знакома. Но проходит много лет, практически вся жизнь и они встречаются и знакомятся. Оба достигшие своих высот и всеобщих признаний. Но главное признание в чувствах рассказчика прозвучало спустя целую жизнь.

Ещё один факт меня немного поразил: Николай Александрович достаточно уважительно относится к своему «сопернику». Даже наоборот, такой поворот событий заставил главного героя взглянуть на него по-новому.

Рассказ «Прима» имеет очень глубокий смысл. Это не обычный рассказ о любви, а настоящее произведение, передающее всю полноту чувств и событий, краски эмоций и переживаний рассказчика. И ещё, «Прима» – это рассказ не только о юношеской влюблённости, но о любви к прекрасному, к тому, без чего человек не может жить – к искусству.

Рассказ написан в самых тонких чувствах, которые способен передать только тот, кто на самом деле переживал их.

Дарья Рудковская
Болотнинский педколледж

ЧТОБЫ ЕГО УСЛЫШАЛИ

Начну с того, что мне было приятно вновь услышать знакомую фамилию Александрова, я лично видела этого писателя. Действительно, он вдохновляет и поражает своей способностью точно формулировать свои мысли. Такие люди запоминаются, они умеют думать, размышлять, писать.

Я прочитала рассказ «Кабачок». Удивительно, что сочинитель использует рекламный ход, он называет рассказ так, чтобы заинтриговать: что это? О чём этот рассказ? Как и с чем это связано? Что ж, мне самой тоже стало крайне любопытно. Мне было интересно, и я прочитала рассказ два раза. При первом прочтении мне не раскрылась вся суть рассказа: какой-то мужичок, продаёт бедный, я бы даже сказал, вусмерть замученный кабачок. Ну и что? В чём суть? И я прочитала второй раз, и при повторном прочтении мне раскрылась абсолютно иная, глубоко философская сторона произведения.

Начну, пожалуй, с главного героя – Мишки-кабачка. Как следует из повествования – это неряшливо одетый городской сумасшедший. Отчего его так назвали? Представьте, вы идёте на работу и к вам навстречу бежит чудака с не очень свежим кабачком и предлагает купить его задёшево. Картина не из приятных, правда? И вы бы, наверняка, отвернулись от него и поспешили дальше по своим делам. Ну кому какое дело до сумасшедшего. А если углубиться? Как мы после понимаем, у этого Мишки-кабачка есть мама. Впору можно сделать вывод о том, что не доглядела она за сыном в свои годы. Но мы уже, кажется, углубляемся в психологию подтекста. Ещё можно предположить, что он собирал деньги на её лечение? Вероятно, он и подходил ко всем с этим кабачком, и ко взрослым и даже детям, не видя границы личного пространства. Это только мои догадки.

Но сколько смысла заложено в кратком рассказе, что он заставляет задуматься: о бедноте, гневе, равнодушии, отверженности и смерти.

Кстати о ней. В конце рассказа умирает мать Мишки. В недоумении от происходящего он так растерян, что путает тыкву с кабачком и просит, обращаясь ко всем за помощью. Даже «птицы замерли» и наступила тишина горя. И его заключительные слова: «Жизнь – это счастье, но не вечное» – звучат предупреждением нам, читателям. О чём он хочет предупредить нас?

Честно сказать, я не до конца понимаю всей глубины рассказа. Чувствуется, что это не простой рассказ, он с подтекстовым смыслом. Но с каким? Остаётся только догадываться, а пока я делаю один вывод: уважайте людей, всякий человек достоин уважения и внимания. Каждый человек нуждается в том, чтобы его слышали. В данном рассказе герой не был услышан, у него умер последний, возможно, источник его улыбки и смысла его жизни. И он ушёл, исчез. Так чего же вдруг людям не стало хватать?! Человека, который продаёт кабачки, или человека, которому нужна была помощь? Догадки, догадки. Но очевидно, людям не стало хватать собственной доброты, собственной не проявленной доброты.

Ну что ж. Близимся к концу. Рассказ действительно интересный. Не каждая личность сможет догадаться о засекреченном его смысле. Догадается тот, кто либо начитанный, либо тот, кто пережил в своей жизни многое. Правда сегодняшнего дня заключается в том, что мы стали равнодушны друг к другу, люди стали одинокими. Ведь все сейчас предпочитают уйти в сторону: усмехнуться и уйти, а горе может наступить в любую секунду, и не успеешь оглянуться, как человека нет. Ни того, кто просил помощь, ни того, кто не дал эту помощь.

Анна Шмидгаль
Болотнинский педколледж

Вместо послесловия

СЛЕД МОИХ ДЕЛ

В логу около дома я придумал обустроить Сад, копаю в лесу сосёнки, погибающие в гуще великанов Кудряшовского бора, и высаживаю в лог на лысые от солнцепёка косогоры. Знаю, что всё сотрётся и уйдёт в небытие, как забылась жизнь и дела тех, кто покоится чуть далее восточного склона на старом кладбище. Всё стёрлось, даже сами плиты с витиеватой вязью эпитафий еле читаются, всё кануло и исчезло навсегда, всё кроме тревожной любви к будущему, которой нас напитали ушедшие поколения и прошлые заботы и труды многих и многих людей.

Всё сотрётся, а Сад останется! Я знаю, что когда-то и совсем скоро здесь в Саду будут стоять разлапистые высоченные сосны, они будут гудеть вековечно и трубно на ветру или янтарно блестеть весенней смолой, а кто-то полюбуется на них и посидит под ними, задумчиво помечтает, прислушиваясь к тишине позднего вечера или к шуму дождевой капли, в которой, я знаю это точно, будут угадываться хрупкие удары моего сердца. А может, ватага мальчишек пробежит, а возможно, ребёнок какой с мамкой здесь прогуляются в уютной тени будущего Сада... И все дела наши, большие и малые, обязательно прорастут во всю мощь сохранённой и заложенной в них любви к будущему. И под их сенью прорастут новые пытливые и неравнодушные умы.

Я успею посадить ещё несколько сотен сосен, и дай Бог успеть увидеть следы своих дел. Ведь так хочется верить, что каждый твой след нетленно красив.

СОДЕРЖАНИЕ

Псалом	6
<i>От автора. Возвращение</i>	8

Было

Мама и медведь	22
Над речкой Болотной	25
Маты моя	29
Первый снег	35
Мамины цветы	45
Поющий сарай	47
Первое апреля	50
Чемодан	55
Два пятнышка	58
Кулачные бои	61
Лягушка	64
Памятник	73
Гость чёрного дома	80
Пимики	88
Баламут	98
Пуговица	103
Сальто-мортале	109
Клоун	123
Звездочёт	131
Щенок	138
Кабачок	145
Снегопад	148
Я встретил себя	150
Ромео	156

Шальная жизнь

Дезодорант	160
Прогульщик	164
Почётная миссия	169
Совещание	172
Бомж на сцене	178
Имели честь. Сохранили достоинство	183

Свидание	190
Медвежатник	193
Ностальгия	197

Рассказы деда Арефы

Гонец	204
Бор	208
Хан Али	210
Хребтина	215
Дамба	220
Родина	226
Замес	228
Амнистия	230
Улица Водопроводная	236
Базар	240
Лоханка	242
Колбасник Журавлёв	244
Дикость	247
Стольшин	253

Имена существительные

Аномалия (о писателях-земляках)	258
Барский удел (о А. Чехове)	265
Письмо с фронта (о А. Ромашове)	269
Стихия (о О. Титовой)	272
Тётя Стеша	276
Покров день (о В. Калугине)	280
Зелёный чай (о Н. Тельпухове)	290
Вечерний звон (о М. Кубышкине)	294
Открытые страны (о Н. Карнеевой)	298
Владимир Карпов и «Болотнинская быль» (о В. Карпове)	321
На родном берегу (о В.А. Ламине)	324
Прима (о Л. Герцуновой)	334
Заглотыш (о Н. Должикове)	341
У попа сдачи не бывает (о А. Старостенкове)	348
Улица моего детства (о соседях)	352

История. Люди. Судьбы

Истоки	358
Реформа и люди	362
Масло	365
Запас прочности	367
В преддверии перемен	369
На пороге третьего тысячелетия	373
Не надо врать	380
Курочка Ряба	388
Возвращение на Русь	393

В тени прошедшей войны

Новосибирск? – Уничтожить!	402
Немцы Поволжья. Попытка объективного осмысления	405
Схрон	412
Сорванная резьба	416
Верните мне мою победу	422
Письмо Гитлеру	425

«О бедном гусаре замолвите слово»

<i>М. Тарковский.</i> Чтобы продолжилось	436
<i>В. Дворцов.</i> Чувство красоты	439
<i>О. Ёлгина.</i> Человек будущего	442
<i>Г. Голошевская.</i> «Олимпийский чемпион»	449

Обратная связь

<i>Глеб Борисов.</i> Земляк	454
<i>Татьяна Душутина.</i> Взрослый человек с юной душой	458
<i>Максим Михайлов.</i> Сердца, что бьются для людей	464
<i>Мария Солдаева.</i> Мама	467
<i>Людмила Фроловская.</i> Интересная история	469
<i>Илья Клименко.</i> Правдивая история Родины	471
<i>Дарья Рудковская.</i> Рассказ о любви	473
<i>Анна Шмидгаль.</i> Чтобы его услышали	474
<i>Вместо послесловия.</i> След моих дел	476

Николай Александрович Александров

Я ВСТРЕТИЛ СЕБЯ

Редактор *Александров Н.*
Обложка *Васильева Е.*
Корректор *Ищенко О.*
Вёрстка *Вялкова О.*

Подписано в печать 7.02.2022 г. Формат 60x84/16.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19, оф. 11
e-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Deal»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, e-mail: zakaz@dealprint.ru